

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 18 № 1 (146) январь 2023

В НОМЕРЕ:

Чеха В. В.

Просветительская деятельность:
правовые и организационные аспекты

Артемов В. М.

Нравственное измерение права как фактор
восходящего развития общества и защиты прав
человека в условиях новых технологических угроз

Осипов А. Л.

Защита права граждан на неприкосновенность
их частных коммуникаций
в уголовном судопроизводстве:
национальный и зарубежный аспекты

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Том 18 № 1 (146) ЯНВАРЬ 2023

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашипилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.

Почтовый адрес: Соборная ул., д. 23/25, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кухановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 30.01.2023
Объем 24,41 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина

Корректор

А. Б. Рыбакова, С. И. Ершова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published media since 2006

Vol. 18 № 1 (146) JANUARY 2023

OF RUSSIAN LAW

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).

Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.

Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.

Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.

Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Service and Labour Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.

Mailing address: Sobornaya ul., d. 23/25, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).

Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.

Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of
Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. F577-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

30.01.2023
Volume: 24.41 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina

Proof-reader

A. B. Rybakova, S. I. Ershova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Содержание

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Горбачев В. П. Правовое положение прокурора в досудебных стадиях
уголовного процесса Российской империи перед судебной реформой 1864 года 11

Шаталов Е. А. Основные проблемные аспекты
научного исследования Судебника 1497 года: критический анализ 22

ФИЛОСОФИЯ И ЭТИКА ПРАВА

Артемьев В. М. Нравственное измерение права как фактор
восходящего развития общества и защиты прав человека
в условиях новых технологических угроз 30

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Галстян Н. А. Избирательные комиссии в механизме защиты
политической конкуренции в Российской Федерации 43

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Андреев И. С. Практика реализации в административном
судопроизводстве и нормотворчестве запрета
на преодоление решения суда о признании
нормативного правового акта недействующим
повторным принятием такого же акта 60

Нобель А. Р. Критерии и способы индивидуализации наказания
по делам об административных правонарушениях 78

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Зайцева Ю. А. Особенности гражданской правосубъектности
публично-правовой компании 86

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Субачев А. К. Субъекты криминального банкротства:
оценка законодательных новелл и прогноз их правоприменения 99

Коробейников Д. В. Уклонение от исполнения наказания
и отбывания назначенного наказания в форме уголовно-противоправного
непреступного бездействия как разновидность уголовного проступка:
понятие, признаки, правовые последствия 115

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Осипов А. Л. Защита права граждан на неприкосновенность
их частных коммуникаций в уголовном судопроизводстве:
национальный и зарубежный аспекты 124

Миронова Е. Ю. Нравственные начала уголовного процесса
в условиях цифровизации: принципиальная неизблемость
или неизбежная трансформация 136

Погорельский А. А. Дискуссионные вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве	150
---	-----

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Ивлиев А. Д. Методологический подход к определению места судебной оценочной экспертизы в классификации судебных экономических экспертиз	161
---	-----

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Бозиев Р. М. Налогообложение доходов самозанятых в Республике Беларусь	172
--	-----

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Блинова Ю. В., Дворянкин Г. В. Институт соавторства в России и Германии: общее и особенное	183
--	-----

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

Чеха В. В. Просветительская деятельность: правовые и организационные аспекты	198
--	-----

Contents

PAGES OF HISTORY

- Gorbachev V. P.** Prosecutor's Legal Standing at Pre-Trial Stages
of the Criminal Proceedings of the Russian Empire before the Judicial Reform of 1864 11
- Shatalov E. A.** Main Issues of the Doctrinal Study
of the Judicial Code of 1497: Critical Analysis 22

PHILOSOPHY AND ETHICS OF LAW

- Artemov V. M.** An Ethical Dimension of Law as a Factor
of Upward Development of Society and Human Rights
Protection in the Context of New Technological Threats 30

STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

- Galstyan N. A.** Election Commissions in the Mechanism
of Protection of Political Competition in the Russian Federation 43

PUBLIC ADMINISTRATION AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE

- Andreechev I. S.** Implementation of the Prohibition
on Overcoming a Court Decision on Recognition
of a Normative Legal Act as Invalid by Re-Adoption
of the Same Act in Administrative Proceedings and Rulemaking 60
- Nobel A. R.** Criteria and Methods of Punishment
Individualization in Administrative Cases 78

CIVIL AND FAMILY LAW

- Zaitseva Yu. A.** Peculiarities of a Civil Legal Personality of a Public Law Company 86

CRIMINAL LAW

- Subachev A. K.** Subjects of Criminal Bankruptcy:
Assessment of Legislative Novelties and Perspectives of their Enforcement 99
- Korobeynikov D. V.** Escaping Punishment and Getting
Away with Serving the Imposed Punishment in the form
of Illicit Non-Criminal Omission to Act as a Criminal Offense:
A Concept, Signs, Legal Effect 115

CRIMINAL PROCEDURE

- Osipov A. L.** Protection of Citizens' Right to Privacy
of their Communications in Criminal Proceedings:
National and Foreign Aspects 124
- Mironova E. Yu.** Moral Principles of the Criminal Procedure
in the context of Digitalization: Fundamental Inviolability
or Inevitable Transformation 136
- Pogorelskiy A. A.** Disputable Issues of a Plea Agreement Conclusion 150

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

- Ivliev A. D.** Methodological Approach to Determining
the Place of Forensic Appraisals in Classification
of Forensic Economic Expertise 161

FOREIGN EXPERIENCE

- Boziev R. M.** Tax on Self-Employed Income in the Republic of Belarus 172

COMPARATIVE LEGAL STUDIES

- Blinova Yu. V., Dvoryankin G. V.** Co-Authorship
in Russia and Germany: General and Special 183

LEGAL EDUCATION

- Chekha V. V.** Educational Activities: Legal and Organizational Aspects 198

Правовое положение прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса Российской империи перед судебной реформой 1864 года

Аннотация. Для осмысления сущности преобразований прокуратуры Российской империи, которые произошли в результате судебной реформы 1864 г., необходимым условием является выяснение правового положения и фактической роли прокуратуры в дореформенный период. В связи с этим в статье проанализированы функции прокуратуры, которые были возложены на нее до судебной реформы; взаимоотношения прокуроров и стряпчих с губернской администрацией, а также показана их фактическая (а стряпчих — и юридическая) зависимость от этой администрации. Исследованы попытки министерства юстиции на законодательном уровне предусмотреть независимость стряпчих от губернаторов и губернских правлений с подчинением их только губернским прокурорам. Раскрыто содержание надзорной функции прокуратуры, которая для нее была основной. Участие прокурора в сфере уголовного процесса составляло незначительную часть всей его деятельности. При этом полномочия прокурора в уголовном процессе были ограниченными. Показано, что на досудебных стадиях уголовного процесса на прокуроров и стряпчих было возложено обнаружение преступлений, надзор за производством следствия и попечение о содержащихся под стражей. Функция обвинения у прокуратуры не была окончательно сформирована и заключалась только в инициировании перед губернской администрацией вопроса о возбуждении уголовного преследования. Функция расследования уголовных дел у прокуратуры была ограничена. Для осуществления надзора за ходом следствия прокуратура была наделена определенными полномочиями, которые осуществлялись параллельно с надзорными полномочиями губернаторов. Причем прокурорский надзор имел второстепенное значение по сравнению с надзором губернаторов, которым в уголовном процессе принадлежала главная руководящая и надзорная роль. Показано, что в дореформенный период в связи с большим объемом общенадзорных обязанностей надзор прокуратуры за расследованием уголовных дел был формальным и неудовлетворительным.

Ключевые слова: Российская империя; министр юстиции; прокурор; стряпчий; уголовный процесс; судебная реформа 1864 года; прокурорский надзор; обвинение; уголовное дело; губернатор.

Для цитирования: Горбачев В. П. Правовое положение прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса Российской империи перед судебной реформой 1864 года // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 11–21. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.011-021.

Prosecutor's Legal Standing at Pre-Trial Stages of the Criminal Proceedings of the Russian Empire before the Judicial Reform of 1864

Vasily P. Gorbachev, Advocate, Donetsk Regional Bar Association
ul. Gorkogo, d. 50, Donetsk, 283001
gorvp58@mail.ru

Abstract. To understand the essence of transformations in the Prosecutor's Office of the Russian Empire that took place as a result of the Judicial Reform of 1864, it is necessary to clarify the legal situation and the actual role of the Prosecutor's Office during the pre-reform period. In this regard, the paper analyzes functions of the Prosecutor's Office that were assigned to the Prosecutor's Office before the Judicial Reform. The author explains relationships between prosecutors and attorneys-scriveners and the provincial administration and shows their actual dependence (as well as legal dependence for an attorney-scrivener) upon the administration. The author investigates the attempts of the Ministry of Justice at the legislative level to provide for the independence of attorneys-scriveners from governors and provincial boards with their subordination only to provincial prosecutors. The paper elucidates the content of the supervisory function of the prosecutor's office that was the main function of the Prosecutor's Office. Activities of the Prosecutor's Office in the field of criminal procedure constituted an insignificant part of all its activities. At the same time, the powers of the prosecutor in the criminal process were limited. The study shows that at the pre-trial stages of the criminal procedure, prosecutors and solicitors were in charge of crime detection, supervision over investigation and care of detainees. The prosecution function of the prosecutor's office was not completed and involved initiating criminal prosecution before the provincial administration. The criminal investigation function of the Prosecutor's Office was limited. To supervise investigation, the Prosecutor's Office was given certain powers that were carried out in parallel with the supervisory powers of the governors. Moreover, the prosecutor's supervision was of secondary importance compared to the supervision exercised by governors, who plaid the main leadership and supervisory role in the criminal process. It is shown that during the pre-reform period, due to the large number of general supervisory duties, the supervision over criminal investigation was formal and unsatisfactory.

Keywords: Russian Empire; Minister of Justice; prosecutor; lawyer; criminal trial; Judicial Reform of 1864; prosecutor's supervision; prosecution; criminal case; governor.

Cite as: Gorbachev VP. Pravovoe polozhenie prokurora v dosudebnykh stadiyakh ugovnogo protsessa Rossiyskoy imperii pered sudebnoy reformoy 1864 goda [Prosecutor's Legal Standing at Pre-Trial Stages of the Criminal Proceedings of the Russian Empire before the Judicial Reform of 1864]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(1):11-21. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.011-021. (In Russ., abstract in Eng.).

В 1864 г. в Российской империи проведена судебная реформа, которая коренным образом изменила всю судебную систему. При этом принципиальной трансформации подверглись задачи и функции прокуратуры. Для осмысления сущности произошедших преобразований необходимым условием является выяснение правового положения и фактической роли прокуратуры в дореформенный период.

В 1850-х гг. правовой основой организации и деятельности прокуратуры являлся Свод законов Российской империи, в который вошли

положения Учреждений для управления губерний 1775 г.¹ с их дальнейшими изменениями и дополнениями, а также положения циркулярного ордера министра юстиции, одобренного императором и 26 сентября 1802 г. направленного губернским прокурорам². В каждой губернии закон предусматривал учреждение должностей губернского прокурора и двух губернских стряпчих (казенных и уголовных дел), а в каждом уезде — должности уездного стряпчего (в Закавказском крае и в Бессарабии он именовался уездным прокурором). Дополнительно

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 20. СПб., 1830. № 14392. С. 279–286.

в Московской и С.-Петербургской губерниях предусматривались должности следственного стряпчего, а в некоторых городах — должности городских стряпчих, стряпчих для следственных дел и для надзора за надворными судами³. Городовые стряпчие были в Казани, Керчь-Еникале, Одессе и Таганроге⁴. По состоянию на начало 1865 г. в прокуратуре было 623 работника (57 губернских и приравненных к ним областных прокуроров, 98 губернских и областных стряпчих, 468 уездных, окружных стряпчих и прокуроров)⁵.

Губернские прокуроры назначались и увольнялись императором⁶, а губернские и уездные стряпчие — министром юстиции. Прокуроры подчинялись непосредственно министру юстиции, а уездные стряпчие — губернскому прокурору. Губернские стряпчие были помощниками прокурора и составляли его совет⁷, однако их взаимоотношения с ним закон регулировал недостаточно определенно и полно. Прокуроры могли возлагать на губернских стряпчих некоторые свои обязанности. Однако последние состояли в непосредственной зависимости от министра юстиции и в некоторых случаях могли действовать без согласия прокурора⁸. Возникав-

шие на практике вопросы разграничения обязанностей прокуроров и губернских стряпчих министерство юстиции попыталось решить в подготовленном в 1847 г. проекте Положения о прокурорском надзоре⁹. Однако этот проект был подвергнут критике со стороны различных ведомств¹⁰.

Положения закона, определявшие отношения между прокуратурой и местной административной властью, были противоречивыми. С одной стороны, губернаторы не имели права давать прокурорам предписания и делать им аттестации¹¹. Например, когда в 1865 г. один из генерал-губернаторов дал губернскому прокурору поручение, министр юстиции разъяснил ему, что по закону губернские прокуроры состоят под непосредственным начальством министра юстиции и предписания получают только от него¹². Однако, с другой стороны, предусмотрев подчиненность чинов прокуратуры министру юстиции, закон не вывел прокуратуру из-под общего местного надзора генерал-губернаторов и губернаторов за всеми отраслями правительственной деятельности и всеми без исключения должностными лицами¹³. Поэтому сохранялась определенная зависимость прокуратуры от

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 27. СПб., 1830. № 20553. С. 397–399.

³ Свод законов Российской империи (СЗРИ). Т. 2. Ч. 1 : Общее губернское учреждение. СПб., 1857. Ст. 21, 22, 2463, 2468, 4072, 4081. С. 4, 490, 782, 784.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 82448/5. С. 13.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 83. Л. 18-об.

⁶ На практике министр юстиции В. Н. Панин, получив согласие императора, практиковал временные назначения прокуроров «исправляющими должность», что давало ему возможность по своему усмотрению назначать и смещать прокуроров. В 1850 г. из 50 губернских прокуроров 26 были «исправляющими должность» (см.: Уортман Р. С. Властители и судии : Развитие правового сознания в императорской России / пер. с англ. М. Д. Долбилова при участии Ф. Л. Севастьянова. М. : Новое лит. обозрение, 2004. С. 320–321, 340).

⁷ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 2464, 2465, 2473, 2500, 2501, 2503, 2508, 4073, 4088. С. 490, 491, 498, 499, 782, 785.

⁸ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 2504, 2505, 2508. С. 498–499.

⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 10. 1847 г. Д. 763. Л. 1–4.

¹⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 10. 1847 г. Д. 763. Л. 5–40.

¹¹ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 2500, 2501, 2508. С. 498, 499.

¹² Блинов И. Документы, относящиеся до судебной реформы 1864 года // Журнал министерства юстиции. 1915. № 1. С. 241.

¹³ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 294–296, 315, 319, 357, 358, 2463. С. 52–53, 55–56, 63, 490 ; Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части : Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений : в 5 т. СПб. : Сенатская тип., 1900. Т. 2. Ч. 2. С. 146–147.

администрации. В 1858 г. был даже изменен порядок замещения должностей губернских и уездных стряпчих, которые стали назначаться губернаторами¹⁴. Однако закон от 17 февраля 1864 г. назначение и увольнение стряпчих вновь передал министру юстиции¹⁵.

Прокуратура находилась в фактической зависимости от административного начальства. А в Сибири и на Кавказе губернские прокуроры и стряпчие являлись исполнителями решений местной администрации по прямому указанию закона¹⁶. По свидетельству современников, прокуроры были органами в руках губернаторов и, будучи подчинены им, «не могли быть особенно вескими чиновниками»¹⁷. Фактическое подчинение прокуроров местной администрации приводило к тому, что их авторитет был невысоким; к тому же по служебному положению закон приравнивал их к малозначительной должности советника губернского правления. Дело доходило даже до того, что губернские учреждения часто игнорировали требования прокуроров и не представляли им для проверки необходимые материалы¹⁸. Это иногда приводило к конфликтам между ними. Например, в 1848 г. полтавский губернатор запретил полиции без его разрешения доставлять губернскому прокурору затребованные им сведения, а прокурору предложил впредь необходимые материалы требовать только через него и притом с объяснением причин, для чего именно

они необходимы. В этом споре Сенат признал правоту прокурора и разъяснил губернатору, что губернский прокурор не подчиняется ему и от него не зависит, а потому губернатор не имеет права обсуждать правильность и законность действий прокурора¹⁹.

В отличие от прокурора, стряпчие были юридически зависимы от администрации, и эта зависимость проявлялась в различных формах. Губернское начальство могло давать губернским стряпчим поручения, губернское правление предоставляло им отпуск. Губернаторы имели право поручать губернским и уездным стряпчим осуществление надзора за производством следствия по определенным преступлениям. Рабочее место (камера) прокурора и губернских стряпчих находилось при губернском правлении. Прокуроры и стряпчие должны были использовать печать губернского правления и земского суда²⁰.

В значительной зависимости от администрации находились уездные стряпчие. Чиновники центральных ведомств признавали, что, хотя стряпчие и были подведомственны губернскому прокурору, однако они «суть подчиненные губернского правления, а потому в служебных обязанностях должны выполнять указы правления и предписания губернатора»²¹. Уездные стряпчие и сами признавали свое положение слишком зависимым от губернского правления²². Это правление при наличии законных

¹⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 80. Л. 93–93-об. ; Продолжение Свода законов Российской империи, изданного в 1857 году. II (с 13 мая по 31 декабря 1858 г.). СПб. : Тип. Второго отделения С. Е. И. В. канцелярии, 1859 : Статьи ко второму тому Свода законов 1857 года. С. 22, 34 ; По вопросу о порядке определения уездных стряпчих в должности, перемещения их из одного уезда в другой, увольнения от должности и предания суду // Журнал министерства юстиции. 1864. № 1. С. 35.

¹⁵ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 39. Отд. 1. СПб., 1867. № 40606. С. 119–120 ; № 41259. С. 879–880.

¹⁶ СЗРИ. Т. 2. Ч. 2. Кн. 1. Ст. 394. С. 59 ; Кн. 2. Ст. 329. С. 44.

¹⁷ Москва, 4 сентября // Русские ведомости. 1875. 4 сентября. С. 1.

¹⁸ История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. : в 5 т. СПб. : Сенатская тип., 1911. Т. 3. С. 570, 574.

¹⁹ История Правительствующего Сената за двести лет. Т. 3. С. 572–273.

²⁰ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 590, 2467, 2468, 2470, 2472, 2506, 2507, 4080. С. 129 490, 491, 499, 784 ; Т. 15. Кн. 2. Ст. 949. С. 185.

²¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 10 1847 г. Д. 763. Л. 26-об.

²² Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части в России : в 6 ч. СПб., 1863. Ч. 3. С. 554.

причин могло возражать против кандидатур на должности уездных стряпчих, которые предлагал губернский прокурор²³. Губернаторы аттестовывали уездных стряпчих²⁴. Наложение на них взысканий, предание суду, перевод из одного уезда в другой и удаление от должности входило в компетенцию губернского правления. На практике были примеры того, что губернаторы делали замечания стряпчим за слабый надзор за расследованием полицией дел²⁵. Однако, предавая уездных стряпчих суду, губернское правление должно было известить министра юстиции о причинах этого. А переводить стряпчих из одного уезда в другой и удалять их от должности губернное правление могло только в случае предварительного получения через губернского прокурора разрешения министра юстиции²⁶.

Подготовленный в 1847 г. министерством юстиции проект Положения о прокурорском надзоре предполагал вывести уездных стряпчих из подчинения губернаторам и губернным правлениям, поставив их в подчинение только губернным прокурорам. Право наложения взысканий на уездных стряпчих предполагалось предоставить только прокурору. Однако эти предложения вызвали возражения со стороны министерства внутренних дел и других ведомств, так как они противоречили существовавшим законам и ограничивали права губернской администрации. В результате проект не был реализован²⁷.

Главным предметом деятельности губернского прокурора и стряпчих закон указывал непосредственный надзор за порядком производства дел в губернских, уездных и городских административных и судебных учреждениях. Этот надзор распространялся на все отрасли управления. Сущность власти губернского про-

курора состояла в том, что он обо всех выявленных злоупотреблениях и беспорядках обязан был немедленно сообщать губернскому начальству, а в некоторых случаях и министру юстиции. Уездные стряпчие обо всех выявленных нарушениях закона должны были докладывать губернскому прокурору. Мерами реагирования прокуроров и стряпчих были протесты, замечания, напоминания, предложения и представления. При этом губернаторы должны были наблюдать, чтобы по прокурорскому реагированию соответствующие учреждения своевременно принимали необходимые меры²⁸.

Для выполнения своих задач прокуратуре были предоставлены соответствующие полномочия. Деятельность чинов прокуратуры сводилась к тому, что они:

- 1) лично присутствовали в заседаниях различных учреждений; для этого губернным прокурорам и стряпчим было предоставлено право в любое время входить в губернские учреждения, а уездным стряпчим — в судебные и полицейские учреждения своего уезда и города; однако во время решения дел они должны были выходить из их присутствия;
- 2) представляли заключения по делам;
- 3) требовали для рассмотрения дела, материалы и сведения;
- 4) предъявляли присутственным местам «доношения», понуждения и предложения по существу и ходу дел;
- 5) представляли в порядке подчиненности, до министра юстиции включительно, различные сведения;
- 6) проверяли журналы и постановления присутственных мест;
- 7) заявляли протесты (в форме замечаний, предложений или донесений начальству) на те из них, с которыми не были согласны²⁹.

²³ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 4073. С. 782.

²⁴ СЗРИ. Т. 3. Кн. 1. Ст. 1433, п. 2. С. 308.

²⁵ Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1451. Л. 65-об.

²⁶ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 587, 4089–4091. С. 128, 786 ; Т. 15. Кн. 2. Ст. 650. С. 123.

²⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 10 1847 г. Д. 763. Л. 30, 36-об. — 38.

²⁸ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 369, 2463, 2473, 2478, 2479, 2481, 2495, 4075, 4085. С. 66, 490, 491, 494, 495, 497, 783, 785.

²⁹ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 2474, п. 1, ст. 2483–2486, 2504, 4086. С. 491, 495, 496, 498, 785 ; Т. 15. Кн. 2. Ст. 167. С. 33 ; Высочайше учрежденная комиссия... : объяснительная записка... Т. 2. Ч. 2. С. 145 ; *Муравьев Н. В.*

По мнению министра юстиции, самой главной и наиболее обременительной обязанностью прокуратуры была проверка журналов³⁰. Губернский прокурор и уездные стряпчие должны были проверять все без исключения журналы губернских и уездных учреждений³¹. При этом прокурор не имел права проверку журналов поручать губернским стряпчим³². Такое право предусматривалось проектом Положения о прокурорском надзоре 1847 г.³³, однако законодательной нормой оно не стало. Для проверки журналы должны были представляться прокурору немедленно после их подписания и до исполнения принятых решений. Однако нередко решения присутственных мест исполнялись до их проверки прокуратурой³⁴. Подтверждением проверки была запись прокурора или стряпчего на журнале: «Читал». Если у них были замечания к резолюции, указанной в журнале, то об этом они должны были сделать в нем запись³⁵, т.е. заявить протест.

Деятельность прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства составляла незначительную часть всей ее деятельности. Производство по уголовным делам состояло из следствия, суда и исполнения приговора. Следствие, которое заключалось в выяснении всех обстоятельств дела и сборе доказательств для выявления и обличения виновного, проводила полиция³⁶. Главная руководящая и надзорная роль в уголовном процессе принадлежала губернаторам. Им было предоставлено право возбуждать уголовное преследование и принимать меры к раскрытию преступлений. Губернаторы осу-

ществляли надзор за деятельностью полиции по расследованию преступлений и должны были наблюдать за безостановочным производством следствий, особенно по которым подозреваемые содержались под стражей³⁷.

Полномочия прокуроров в уголовном процессе были ограниченными. В целом Свод законов определил три направления надзора прокуроров и стряпчих:

- 1) охранение общего благоустройства в губернии;
- 2) надзор по казенному управлению;
- 3) надзор по суду и расправе.

Охранение общего благоустройства проявлялось, в частности, в содействии своими заключениями точному пониманию законов, в наблюдении за их точным исполнением, в охране установленного порядка, в содействии пресечению противозаконных деяний и злоупотреблений (нарушений общественной тишины, лихоимства и т.п.), в участии в освидетельствовании сумасшедших и безумных, а также в надзоре за местами лишения свободы. Губернские прокуроры и стряпчие обязаны были ежедневно посещать места заключения. Об арестантах, содержащихся под стражей более года, чьи дела не окончены, они должны были ежемесячно сообщать императору с объяснением, в каком положении находятся эти дела. Кроме того, губернские прокуроры и стряпчие должны были сообщать императору о тех арестантах, в отношении которых не исполнены приговоры, а также о причинах этого³⁸. Эти сведения нередко служили поводом к изданию указов

Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы. М. : Университетская тип., 1889. Т. 1. С. 343–344.

³⁰ Записка министра юстиции Д. Замятнина от 28.11.1864 № 6439 // РГИА. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 82448/1. С. 28.

³¹ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 2488, 4082. С. 496, 785.

³² Замечания о развитии... Ч. 3. С. 469.

³³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 10 1847 г. Д. 763. Л. 1–4.

³⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 10 1847 г. Д. 763. Л. 16-об.

³⁵ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 2489, 2490, 2492, 4082. С. 496, 497, 785.

³⁶ СЗРИ. Т. 15. Кн. 2. Ст. 1, 2. С. 3.

³⁷ Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб. : Сенатская тип., 1902. С. 139 ; СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 583–585, 589. С. 126–128.

³⁸ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 2474. С. 491–492.

об ускорении расследования арестантских дел, освобождении из-под стражи невиновных или виновных в мелких проступках³⁹.

В судебной сфере функция обвинения у прокуратуры не была окончательно сформирована. В законах были только зародыши института уголовного иска, преследования и обвинения⁴⁰. В вопросах возбуждения уголовного преследования прокуроры и стряпчие располагали ограниченными полномочиями и не имели самостоятельности. Они были обязаны «обнаруживать» дошедшие до их сведения преступления, особенно «безгласные»⁴¹, т.е. по которым не было истца и которые в связи с отсутствием жалобщика или по другим причинам оставались не заявленными властям, обязанным преследовать преступления⁴². Для «обнаружения» они обязаны были эти сведения о преступлениях сообщать губернскому правлению в форме «доношения»⁴³ или уголовного иска, однако только в случаях, если имелись «ясные доказательства или сильные улики»⁴⁴. Донесения прокуроров и стряпчих были поводом для начала следствия и формой возбуждения прокуратурой уголовных дел. Однако дальнейшее производство по делу зависело от усмотрения губернатора⁴⁵. Губернский стряпчий мог возбуждать уголовный иск только по письменному заключению прокурора и с разрешения губернского правления, а уезд-

ный стряпчий — по «повелению и согласию» губернского прокурора. Губернскому правлению стряпчие должны были сообщать также о должностных преступлениях. За неисполнение обязанности сообщать об известных им преступлениях прокурор и стряпчие подвергались взысканиям. Они подлежали взысканию и в случае, если всё их сообщение оказывалось необоснованным. Если же необоснованный уголовный иск был внесен умышленно, то прокурор и стряпчие подлежали наказанию за лживый донос и должны были возместить все убытки и судебные издержки⁴⁶.

Таким образом, уголовный иск прокуратуры ограничивался только доставлением надлежащему начальству сведений о преступлениях. На практике, как отмечал А. А. Квачевский, прокурор и стряпчий не могли быть самостоятельными истцами, преследователями и обвинителями, потому что:

1) их деятельность в этом отношении ограничивалась представлением губернскому правлению донесений с просьбой назначить следствие по дошедшим до их сведения преступлениям;

2) они были поставлены в зависимое положение от местной администрации, которая по своему усмотрению давала или не давала ход этим донесениям;

³⁹ Кистяковский А. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1868. С. 91–93.

⁴⁰ Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство : в 3 ч. СПб. : Тип. Ф. С. Сучинского, 1866. Ч. 1. С. 72, 101–102.

⁴¹ Неточным является разъяснение Ю. М. Горячковой о том, что «безгласными» являлись дела по доносам частных лиц (Горячкова Ю. М. Прокуратура и прокурорский надзор России в XVIII — начале XX в. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2001. С. 116), и разъяснение С. А. Жуваки о том, что безгласные дела — это дела с неустановленной личностью подозреваемого (Жувака С. О. Историко-правовой анализ розвитку функцій прокуратури України : дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2019. С. 128).

⁴² Наказ министра юстиции... 1896. § 23. С. 36 ; Соколов А. А. Практическое руководство для судебных следователей : в 3 т. Вильна : Тип. И. Блюмовича, 1896. Т. 3. Вып. 1. С. 21.

⁴³ «Доношение» — донесение, посылаемое низшим местом высшему (см.: Стояновский Н. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. СПб. : Тип. Карла Крайя, 1852. С. 118).

⁴⁴ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 2474, п. 20. С. 493 ; Т. 15. Кн. 2. Ст. 61, 63, 64. С. 13–14.

⁴⁵ Полежаев П. О губернском надзоре // Журнал министерства юстиции. 1859. Ноябрь. С. 73.

⁴⁶ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 4092. С. 786 ; Т. 15. Кн. 2. Ст. 34, 61, 63, 66, 67, 643. С. 9, 13–14, 122.

3) они не имели надлежащих средств и способов преследовать преступления и проводить обвинение;

4) они были слишком обременены многочисленными обязанностями по надзору за производством дел не только в судебных, но и в других учреждениях⁴⁷.

После возбуждения уголовного дела прокуратуре не предоставлялись никакие исковые или обвинительные права и обязанности, а в дальнейшем производстве дела ей предоставлялись только надзорные полномочия. В связи с этим Н. В. Муравьев отмечал, что обвинительная или исковая деятельность прокуратуры составляла только одно из частных дополнений к ее функции надзора, «едва намеченное в законе, слабое и незначительное на практике»⁴⁸.

Функция расследования уголовных дел у прокуратуры была ограничена. Закон запрещал возлагать непосредственно на одних уездных стряпчих проведение следствия⁴⁹. Такой же запрет содержался и в инструкциях министерства юстиции⁵⁰. Исключение из этого правила закон сделал только для Одесского городского стряпчего, которому можно было поручать проведение следствия⁵¹ и который на практике проводил расследования⁵². Кроме этого, губернаторы имели право включать губернских и уездных стряпчих в состав следственных комиссий. Губернские стряпчие могли проводить следствие и в некоторых других случаях⁵³.

При таких условиях основной функцией прокуроров и стряпчих в уголовном процессе

был надзор. Они обязаны были наблюдать за ходом следствия, чтобы оно проводилось беспристрастно, с возможной полнотой и скоростью (закон для следствия установил месячный срок). Под особым наблюдением прокуроров должны были находиться дела о должностных преступлениях. Особому надзору губернских стряпчих подлежали дела о нарушении общественного порядка, о должностных преступлениях, «безгласные» уголовные дела, а также дела, сопряженные с казенным ущербом. Прокуроры должны были ежемесячно представлять министру юстиции ведомости всех уголовных дел с указанием сведений об их движении и о результатах разрешения⁵⁴.

Для исполнения своих надзорных обязанностей прокурорам и стряпчим было предоставлено право требовать представления им дел, доставления обвиняемого, взятия его под стражу и дополнения следствия⁵⁵. А по некоторым категориям дел министерство юстиции обязало прокуроров и стряпчих требовать и наблюдать, чтобы обвиняемые были взяты под стражу⁵⁶. По делам, начавшимся по сообщениям стряпчих, допросы должны были производиться в их присутствии. Кроме того, уездные стряпчие должны были присутствовать при производстве следствия по наиболее важным делам (например, по преступлениям против православия⁵⁷) и при допросах глухонемых⁵⁸. Поэтому они письменно предлагали полиции, чтобы расследование таких дел производилось в их присутствии⁵⁹.

⁴⁷ Квачевский А. Указ. соч. Ч. 1. С. 72–73, 101–102.

⁴⁸ Муравьев Н. В. Указ. соч. С. 350, 359.

⁴⁹ Неточным является утверждение С. А. Жуваки о том, что на прокурора распространялась функция досудебного расследования (Жувака С. О. Указ. соч. С. 119).

⁵⁰ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1451. Л. 26.

⁵¹ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 4094. С. 786 ; Т. 15. Кн. 2. Ст. 146. С. 29.

⁵² ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1451. Л. 65-об.

⁵³ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 590, 2490, 2507. С. 129, 496, 499 ; Т. 15. Кн. 2. Ст. 405. С. 74.

⁵⁴ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 2476, 2480. С. 494 ; Т. 15. Кн. 2. Ст. 139, 145, 166, 684. С. 28, 29, 33, 129.

⁵⁵ СЗРИ. Т. 15. Кн. 2. Ст. 167. С. 33.

⁵⁶ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1451. Л. 26.

⁵⁷ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1451. Л. 26.

⁵⁸ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 4094. С. 786 ; Т. 15. Кн. 2. Ст. 146, 169, 191. С. 29, 33, 36.

⁵⁹ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1451. Л. 345–346.

Закон определял, что прокуроры и стряпчие «суть взыскатели наказания по преступлениям и вместе с тем защитники невинности»⁶⁰. Поэтому они должны были наблюдать за тем, чтобы, с одной стороны, не происходило «пристрастных допросов, бесчеловечных истязаний и притеснений невинности», а с другой — чтобы не было послабления преступлениям, особенно их сокрытия. Они обязаны были добиваться, чтобы следствие проводилось полно и беспристрастно. Уездные стряпчие должны были заботиться о том, чтобы обвиняемый воспользовался всеми законными способами защиты. Особому попечению стряпчих подлежали глухонемые обвиняемые и обвиняемые, которые не знали языка, на котором проводилось следствие⁶¹. Профессора Я. И. Баршев⁶² и В. А. Линовский⁶³ рассматривали прокуроров и стряпчих как постоянных защитников обвиняемых.

Однако, оценивая роль дореформенной прокуратуры, профессор В. К. Случевский отмечал, что закон возлагал на нее, в сущности, несоединимые функции обвинения и защиты, при этом не предоставляя для их осуществления достаточно действенных средств. В результате прокурор и стряпчий дореформенного времени были так же далеки от типа защитника, созданного судебной реформой 1864 г., как и от органа преследования преступлений⁶⁴. По оценке Н. В. Муравьева, на практике прокуроры и стряпчие не были ни обвинителями, ни защит-

никами, а были только формальными надзирателями уголовных дел⁶⁵.

Таким образом, на досудебных стадиях уголовного процесса на прокуроров и стряпчих было возложено обнаружение преступлений, надзор за производством следствия и попечение о содержащихся под стражей⁶⁶.

Фактическое состояние прокурорского надзора было неудовлетворительным. Бывший уездный стряпчий И. И. Оболенский признал, что многие прокуроры и стряпчие слабо знали свои обязанности или исполняли их небрежно и уголовные дела не изучали; поэтому учреждения, в которые поступали эти дела для рассмотрения, нередко возвращали их для дополнения⁶⁷. Высшие правительственные чиновники наблюдение за производством следствий со стороны стряпчих и прокуроров также оценивали неудовлетворительно⁶⁸. В Государственном совете при обсуждении вопросов судебной реформы отмечалось, что надзор прокуроров и стряпчих за следствием и вообще за производством уголовных дел был весьма неудовлетворительным и ограничивался только просмотром судебных решений; а такое наблюдение было несвоевременным и нередко совершенно бесполезным, потому что в большинстве случаев уже было невозможно исправить упущения, допущенные при следствии⁶⁹. А министр юстиции признал, что наблюдение прокуроров и стряпчих за производством следствия не достигало

⁶⁰ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. СПб., 1830. № 14392. Ст. 407. С. 283 ; СЗРИ. Т. 15. Кн. 2. Ст. 165. С. 32.

⁶¹ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 2476. С. 494 ; Т. 15. Кн. 2. Ст. 145, 166, 178, 727. С. 29, 33, 34, 137.

⁶² Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб. : Тип. Второго отделения С. Е. И. В. канцелярии, 1841. С. 180.

⁶³ Линовский В. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса : Тип. Л. Нитче, 1849. С. 176.

⁶⁴ Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство — судопроизводство. Изд. 4-е, доп. и исправл. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. С. 198.

⁶⁵ Муравьев Н. В. Указ. соч. С. 350.

⁶⁶ РГИА. Ф. 1 Б. Оп. 1. Д. 82448/1. С. 28.

⁶⁷ Оболенский И. Практическое руководство к производству уголовных следствий, составленное по Своду законов : в 2 ч. М. : Тип. Александра Семена, 1855. Ч. 2. С. 14–15.

⁶⁸ Общая объяснительная записка к проекту нового Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам. СПб., 1861. С. 68–69.

⁶⁹ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного совета о преобразовании судебной части в России № 65. СПб., 1862 // РГИА. Ф. 1 Б. Оп. 1. Д. 82406. С. 172.

своей цели, главным образом, потому, что они были слишком обременены другими занятиями и вся система судопроизводства препятствовала такому наблюдению⁷⁰.

Таким образом, проведенный анализ дает основания сделать следующие выводы. В 1850-х гг. прокуратура находилась в значительной юридической и фактической зависимости от местной административной власти, а ее авторитет был невысоким. Основной функцией прокуратуры был надзор за соблюдением законов во всех сферах управления. Участие прокурора в уголовном процессе составляло незначительную часть его деятельности. В этой

сфере полномочия прокуратуры были ограниченными и осуществлялись параллельно с надзорными функциями губернаторов, которым в уголовном процессе принадлежала главная руководящая и надзорная роль. Вследствие этого прокурорский надзор имел второстепенное значение. Функция обвинения у прокуратуры не была окончательно сформирована и ограничивалась только инициированием вопросов о возбуждении уголовных дел. В связи с большим объемом общенадзорных обязанностей прокурорский надзор в досудебных стадиях уголовного процесса был формальным и неудовлетворительным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. — СПб. : Тип. Второго отделения С. Е. И. В. канцелярии, 1841. — 319 с.
2. Блинов И. Документы, относящиеся до судебной реформы 1864 года // Журнал министерства юстиции. — 1915. — № 1. — С. 234–243.
3. Горячковская Ю. М. Прокуратура и прокурорский надзор России в XVIII — начале XX в. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. — Белгород, 2001. — 195 с.
4. Жувака С. О. Историко-правовий аналіз розвитку функцій прокуратури України : дис. ... канд. юрид. наук. — Київ, 2019. — 265 с.
5. История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. : в 5 т. Т. 3. — СПб. : Сенатская тип., 1911. — 714 с.
6. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство : в 3 ч. Ч. 1. — СПб. : тип. Ф. С. Сущинского, 1866. — 365 с.
7. Кистяковский А. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. — СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1868. — 195 с.
8. Линовский В. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. — Одесса : Тип. Л. Нитче, 1849. — 262 с.
9. Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. — СПб. : Сенатская тип., 1902. — 363 с.
10. Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : пособие для прокурорской службы. Т. 1 : Прокуратура на Западе и в России. — М. : Университетская тип., 1889. — 562 с.
11. Оболенский И. Практическое руководство к производству уголовных следствий, составленное по Своду законов : в 2 ч. Ч. 2. — М. : Тип. Александра Семена, 1855. — 268 с.
12. Полежаев П. О губернском надзоре // Журнал министерства юстиции. — 1859. — Ноябрь. — С. 37–106.
13. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. — Изд. 4-е, доп. и исправл. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. — 683 с.

⁷⁰ Замечания министра юстиции по проекту нового Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам (от 10 декабря 1861 г.) // РГИА. Ф. 1 Б. Оп. 1. Д. 82403. С. 15.

14. Соколов А. А. Практическое руководство для судебных следователей : в 3 т. Т. 3. Вып. 1 : Основные принципы предварительного производства в уголовном процессе. — Вильна : Тип. И. Блюмовича, 1896. — 37 с.
15. Стояновский Н. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. — СПб. : Тип. Карла Крайя, 1852. — 341 с.
16. Уортман Р. С. Властители и судии : Развитие правового сознания в императорской России / пер. с англ. М. Д. Долбилова при участии Ф. Л. Севастьянова. — М. : Новое лит. обозрение, 2004. — 520 с.

Материал поступил в редакцию 22 июня 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Barshev Ya. Osnovaniya ugovnogo sudoproizvodstva, s primeneniem k rossiyskomu ugovnomu sudoproizvodstvu. — SPb.: Tip. Vtorogo otdeleniya S. E. I. V. kantselyarii, 1841. — 319 s.
2. Blinov I. Dokumenty, odnosyashchiesya do sudebnoy reformy 1864 goda // Zhurnal ministerstva yustitsii. — 1915. — № 1. — S. 234–243.
3. Goryachkovskaya Yu. M. Prokuratura i prokurorskiy nadzor Rossii v XVIII — nachale XX v. (istoriko-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. yurid. nauk. — Belgorod, 2001. — 195 s.
4. Zhuvaka S. O. Istoriko-pravoviy analiz rozvitku funktsiy prokuraturi Ukraïni: dis. ... kand. yurid. nauk. — Kiïv, 2019. — 265 s.
5. Istoriya Pravitelstvuyushchego Senata za dvesti let. 1711–1911 gg.: v 5 t. T. 3. — SPb.: Senatskaya tip., 1911. — 714 s.
6. Kvachevskiy A. Ob ugovnom presledovanii, doznanii i predvaritelnom issledovanii prestupleniy po sudebnym ustavam 1864 goda. Teoreticheskoe i prakticheskoe rukovodstvo: v 3 ch. Ch. 1. — SPb.: tip. F. S. Sushchinskogo, 1866. — 365 s.
7. Kistyakovskiy A. O presechenii obvinyaemomu sposobov uklonyatsya ot sledstviya i suda. — SPb.: Tip. Pravitelstvuyushchego Senata, 1868. — 195 s.
8. Linovskiy V. Opyt istoricheskikh rozyskaniy o sledstvennom ugovnom sudoproizvodstve v Rossii. — Odessa: Tip. L. Nitche, 1849. — 262 s.
9. Ministerstvo yustitsii za sto let. 1802–1902. Istoricheskii ocherk. — SPb.: Senatskaya tip., 1902. — 363 s.
10. Muravev N. V. Prokurorskiy nadzor v ego ustroystve i deyatelnosti: posobie dlya prokurorskoï sluzhby. T. 1: Prokuratura na Zapade i v Rossii. — M.: Universitetskaya tip., 1889. — 562 s.
11. Obolenskiy I. Prakticheskoe rukovodstvo k proizvodstvu ugovnykh sledstviy, sostavlennoe po Svodu zakonov: v 2 ch. Ch. 2. — M.: Tip. Aleksandra Semena, 1855. — 268 s.
12. Polezhaev P. O gubernskom nadzore // Zhurnal ministerstva yustitsii. — 1859. — Noyabr. — S. 37–106.
13. Sluchevskiy V. Uchebnik russkogo ugovnogo protsesssa. Sudoustroystvo — sudoproizvodstvo. — Izd. 4-e, dop. i ispravl. — SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1913. — 683 s.
14. Sokolov A. A. Prakticheskoe rukovodstvo dlya sudebnykh sledovateley: v 3 t. T. 3. Vyp. 1: Osnovnye printsipy predvaritelnogo proizvodstva v ugovnom protsesse. — Vilna: Tip. I. Blyumovicha, 1896. — 37 s.
15. Stoyanovskiy N. Prakticheskoe rukovodstvo k russkomu ugovnomu sudoproizvodstvu. — SPb.: Tip. Karla Krayya, 1852. — 341 s.
16. Uortman R. S. Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii / per. s angl. M. D. Dolbilova pri uchastii F. L. Sevastyanova. — M.: Novoe lit. obozrenie, 2004. — 520 s.

Основные проблемные аспекты научного исследования Судебника 1497 года: критический анализ

Аннотация. В статье предпринимается попытка комплексного анализа юридических памятников, правоприменительной практики периода Московского централизованного государства. В частности, для обсуждения предлагается авторская характеристика известного и широко обсуждаемого в историко-юридической науке Судебника 1497 г. В этом контексте автор старается переосмыслить устоявшиеся в науке положения и взгляды о значении, роли, юридической силе, действии этого акта во времени, в пространстве и по кругу лиц. По мнению автора, данный памятник по своим признакам, характеристике является типичной для того времени уставной грамотой. Единственным отличием от других нормативно-правовых документов является то, что Судебник 1497 г. был разработан с участием широкого круга представителей княжеской администрации, о чем гласит преамбула. Тогда как большинство уставных грамот практически всегда принимались и утверждались единолично монархом. По характеру юридической техники, качеству проработки отдельных положений данный законодательный акт — как черновой вариант другого нормативного акта. Соответственно, сложно говорить, что Судебник 1497 г. в целом оказал какое-либо влияние на правоприменительную практику, ее унификацию, формирование правовой системы Московского государства, а тем более на дальнейшие процессы его централизации.

Ключевые слова: Судебник 1497 г.; уставные; духовные грамоты; Иван III; Московское централизованное государство; Двинская уставная грамота; Белозерская уставная грамота.

Для цитирования: Шаталов Е. А. Основные проблемные аспекты научного исследования Судебника 1497 года: критический анализ // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 22–29. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.022-029.

Main Issues of the Doctrinal Study of the Judicial Code of 1497: Critical Analysis

Evgeniy A. Shatalov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory and History of the State and Law, Siberian Institute of Management, RANEPa
ul. Nizhegorodskaya, d. 6, Novosibirsk, Russia, 630102
penalize@rambler.ru

Abstract. The paper carries out a comprehensive analysis of legal artefacts and law enforcement practice of the period of the Moscow centralized state. In particular, the author suggests his own characteristic of the Law Code of 1497 that is well-known and widely discussed in the historical and legal theory. In this context, the author tries to reconsider approaches and views established in the doctrine concerning the meaning, role, legal force, effect of this

© Шаталов Е. А., 2023

* Шаталов Евгений Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления РАНХиГС
Нижегородская ул., д. 6, г. Новосибирск, Россия, 630102
penalize@rambler.ru

act in time, space and personal scope. According to the author, this artefact due to its features and characteristics is a typical charter for that time. The only difference from other normative legal documents is that the Law Code of 1497 was developed with the participation of a wide range of representatives of the princely administration, as stated in the preamble, whereas most of the charters were almost always adopted and approved by the monarch alone. By the nature of the legal technique and the quality of elaboration of certain provisions, the legislative act under consideration represents a draft version of another normative act. Accordingly, it is difficult to say that the Law Code of 1497 as a whole had any influence on law enforcement practice, its unification, formation of the legal system of the Moscow state, and on the further processes of its centralization.

Keywords: Law Code of 1497; statutory, spiritual charters; Ivan III; Moscow centralized state; Dvina Charter; Belozersk charter.

Cite as: Shatalov EA. Osnovnye problemnye aspekty nauchnogo issledovaniya Sudebnika 1497 goda: kriticheskiy analiz [Main Issues of the Doctrinal Study of the Judicial Code of 1497: Critical Analysis]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(1):22-29. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.022-029. (In Russ., abstract in Eng.).

Одной из важнейших задач историко-правовой науки является точное определение места, роли, юридической силы, формирование представления о действии законодательных памятников во времени, в пространстве и по кругу лиц. Подобные данные позволили бы современным исследователям максимально приблизиться к пониманию, осознанию юридического быта, характерных черт общественных отношений и их нормативно-правовой регламентации в определенные периоды истории.

На сегодняшний день наиболее активно в этом контексте обсуждается законодательный памятник, получивший в науке название «Судебник 1497 года», хотя в самом тексте и документах, материалах той эпохи термин «судебник» не упоминается вовсе.

В духовной грамоте 1504 г. Ивана III, которая, по сути, подводит итог правлению монарха, достаточно продолжительной государственной деятельности, речь идет исключительно о грамотах как основных законодательных актах, регулировавших общественные отношения в Великом княжестве Московском¹. Любопытно, что должностные лица, вершившие правосудие, в своих актах прямо указывали, чем руковод-

ствовались в своей деятельности: «По Осподаря своего грамоте Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси, и суд судили», «По Великого Князя слову Ивана Васильевича всея Руси, си суд судили»². В связи с этим не совсем уместным является использование термина «судебник», которым некогда стали именовать законодательный акт 1497 г. по аналогии с Судебником 1550 г.³

Однако вопрос о его наименовании — это только одна из множества источниковедческих проблем. В науке высказывается мнение, что действие Судебника распространялось на всю территорию Русского государства⁴ и он являлся общегосударственным документом⁵. Однако практически в каждом нормативном акте, который принимался в Московском княжестве, законодателем принципиально, с достаточной тщательностью прописывались положения о территории действия таковых. Это можно проследить на примере многочисленных уставных грамот, в том числе и Двинской грамоты 1397–1398 гг.

Архивных источников, которые бы с определенной долей очевидности подтверждали факт правоприменительной практики, основанной на Судебнике, именно в масштабах всей

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Подготовлено к печати Л. В. Черепниным. М. — Л., 1950. С. 353–364.

² Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. С. 4, 6, 17.

³ Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1908. С. 215.

⁴ Кудинов О. А. История отечественного государства и права : курс лекций. М., 2006. С. 48.

⁵ Долгих Ф. И. История отечественного государства и права : учебное пособие. М., 2012. С. 49.

Руси нет: отсутствует его перевод на языки различных народов, проживавших на территории Московского государства, не встречаются другие экземпляры, кроме обнаруженного П. М. Строевым в 1817 г.

Достаточно часто Судебник 1497 г. в науке позиционируется еще и как кодекс. Против такой точки зрения выступал профессор О. И. Чистяков. Ученый принципиально подчеркивал, что Судебник 1497 г. — это всего лишь многоотраслевой закон подобно Русской Правде, Псковской судной грамоте⁶. Первое возражение против этой терминологии объясняется тем, что она нехарактерна для средневекового русского законодательства. Использовать термин «кодекс» при характеристике данного акта также не совсем уместно. По общепринятому представлению кодекс — это нормативный сводный акт, упорядочивающий совокупность взаимосвязанных, однородных юридических предписаний по довольно узкому кругу вопросов⁷.

Первоначальный текст Судебника 1497 г. не имел какой-либо четкой структуры, деления на статьи, он содержит нормы различных отраслей права⁸. В целом кодификационные акты были больше характерны для правовой системы Рима и преимущественно перенявших его опыт европейских стран. Московское же княжество без преувеличения в правовом ключе развивалось достаточно самобытно. По этому поводу профессор А. А. Рожнов указывал, что нормативные правовые акты (законы) не являлись основным источником права в Московском государстве, особенно в начальный период его развития, обычное право имело приоритет над ними⁹.

Самой распространенной формой нормативных правовых актов выступали уставные грамоты, которые издавались лично князем и содержали весь массив норм, необходимый для обеспечения эффективной организации и порядка деятельности органов государственного управления, отдельных должностных лиц княжеской и местной администрации. Другими словами, уставные грамоты — это законодательные акты, которые носили универсальный характер и регламентировали одновременно совокупность различных правоотношений на определенной территории Руси¹⁰. Подобный юридический опыт имел место в соседней Польше, Великом княжестве Литовском, где управление отдельными территориями государства осуществлялось путем издания специальных нормативных правовых актов — «привилеев», которые в некоторых случаях назывались *ustawa*¹¹.

В литературе существует мнение, что положения Судебника 1497 г. не обладали инновационным характером и были заимствованы из уставных грамот¹². Такой же точки зрения придерживался и профессор В. М. Грибовский. Он утверждал, что княжеский судебник не создавал нового права, новых законодательных норм, только лишь «собрал воедино разбросанный по отдельным грамотам и областным законодательным памятникам правовой материал»¹³. Некоторые примеры этому можно найти в ст. 10 Белозерской уставной грамоты 1488 г. «о татьбе, разбое, душегубстве», положения которой сформулированы сходным со ст. 8 Судебника 1497 г. образом.

⁶ История отечественного государства и права : учебник для бакалавров : в 2 ч. / под ред. О. И. Чистякова. М., 2013. Ч. 1. С. 171.

⁷ Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. С. 1288–1289.

⁸ Журавлев Д. С. Генезис уголовного законодательства Руси в допетровское время (IX–XVII вв.) // История государства и права. 2018. № 5. С. 34.

⁹ Рожнов А. А. Генезис и эволюция уголовно-правовых институтов в Московском государстве в XIV–XVII вв. : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 17.

¹⁰ Юшков С. В. Судебник 1497 года: (к внешней истории памятника). Саратов, 1926. С. 5–6.

¹¹ Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. С. 557.

¹² История государства и права России / под ред. Ю. П. Титова. М., 1997. С. 81.

¹³ Грибовский В. М. Древнерусское право (Краткий обзор чтений по истории русского права). Петроград, 1917. Вып. 2. С. 11.

С мнением о том, что Судебник вносил единообразие в судебную практику¹⁴, устанавливал единые правила судопроизводства и единые для всей государственной территории правовые установления, в том числе о правонарушениях и мерах юридической ответственности¹⁵, также не можем согласиться. Профессор Н. Л. Дювернуа вообще считал, что содержание Судебника 1497 г. было настолько «бедным», что вряд ли он мог в достаточной мере применяться на практике¹⁶.

А. А. Калашникова на основе скрупулезного изучения достаточно большого массива архивных документов периода Московского централизованного государства сделала вывод о том, что в правоприменительной деятельности суд не всегда выносил решения, опираясь на Судебник 1497 г. В частности, нормы Судебника 1497 г. не использовались в судах по земельным вопросам. При назначении наказания за совершение поджогов суд не применял смертную казнь, как этого требовала статья 9 Судебника 1497 г., а свидетели не несли ответственности за свои показания, которая была предусмотрена статьей 67, сроки давности редко соблюдались вопреки статье 63¹⁷.

Следует также указать на Духовную грамоту 1504 г. Ивана III, где регламентирован иной порядок рассмотрения дел о «душегубстве», чем в Судебнике 1497 г. В последнем сказано, что дела об убийстве рассматривает боярин. В Духовной грамоте же указано: в случае, когда совершается убийство в окрестностях города Москвы, дело рассматривает большой наместник великого князя. Если убийство совершено в селе Московского стана, то суд осуществляют приказчики и докладывают об этом московскому большому наместнику¹⁸. На остальных же территориях Московского княжества, упо-

мянутых в Духовной грамоте, финансовая, административная деятельность могла осуществляться удельными князьями по их личному усмотрению. Закономерно возникает огромное сомнение в широкой, а тем более общегосударственной судебной практике с применением именно норм Судебника 1497 г.

На Руси вообще долгое время не существовало законодательных актов, которые бы регламентировали общественные отношения на всей территории страны. Во-первых, такая задача не могла быть решена быстро в силу специфики общественно-политического развития присоединяемых к Москве территорий, с которой великому князю приходилось считаться. Во-вторых, отечественное государство формировалось как многонациональное. Несмотря на централизацию, княжеская власть гарантировала некоторую свободу присоединенным территориям, где в большей степени поддерживались национальные традиции, обычное право и местные порядки. В-третьих, Иван III был сторонником консервативных взглядов в вопросах правового развития Московской державы. Сакральными для себя он считал обычаи, законы предков, которых придерживался сам и призывал в своих актах исполнять других¹⁹. Известный историк права И. Д. Беляев подчеркивал, что, присоединяя какое-либо владение к Москве, князь оставлял в нем старые порядки, обычаи и законы, гарантировал неприкосновенность строя общественной жизни²⁰. Поэтому вероятность активных шагов с его стороны по формированию общих юридических норм, единого для всех территорий государства порядка представляется нам маловероятной.

Особый интерес в этом отношении представляет собой жалованная грамота Ивана III (около

¹⁴ История отечественного государства и права : учебник для бакалавров. С. 170.

¹⁵ Попрядухина И. В. Правонарушения и юридическая ответственность по Судебнику 1497 года : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. С. 3.

¹⁶ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в древней России. М., 1869. С. 28.

¹⁷ Калашникова А. А. Русские судебные документы XV — первой половины XVI века как исторический источник : автореф. дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2021. С. 19.

¹⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 361.

¹⁹ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2009. С. 108.

²⁰ Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 1905. С. 70–71.

1499 г.) о пожаловании введенному боярину Ивану Судимонту Кондратьевичу города Владимира. В этом акте великий князь обращался к его жителям, чтобы те «слушали» своего наместника, а «онъ вась въдает и судить по старой пошлинъ, какъ было прежь сего»²¹. В рассматриваемый исторический период слово «пошлина» означало «сложившийся старинный обычай»²².

В Перми Великой, ставшей частью Московского княжества, вплоть до 1505 г. было распространено «особое княжение на правах наследственной вотчины, управляемой великопермскими князьями». Они в своей деятельности руководствовались нормами обычного этнического права, синкретизированного с религиозными и магическими нормами. Вопросы же имущественного, административного характера здесь разрешались на основе жалованной грамоты Ивана III²³.

Аргументами в пользу того, что Судебник 1497 г. был принят и действовал не в масштабах государства, а только в Москве и на прилегающих к ней территориях, являются используемые в документе термины и понятия. В статье 1 сказано: «Судите суд бояром и околничим»²⁴. В преамбуле акта особо подчеркнуто, что документ подготовлен именно для регламентации суда бояр и окольничих. Последние являлись представителями княжеского двора, были вторыми по значению (после боярина), входили в состав думы великого князя²⁵, которая также

осуществляла правосудие по некоторым категориям дел. Данный факт в своем исследовании подмечает и М. А. Чельцов-Бебутов, поясняя, что Судебник в первых же статьях исключительно говорит о центральных судебных учреждениях²⁶.

Здесь следует пояснить, что упоминаемые должностные лица являлись исключительно представителями княжеской администрации. Далее статьи 2, 3, 5, 6 Судебника регламентируют порядок взаимоотношений представителей великокняжеского двора, жителей Москвы. В статье 29 говорится о полномочиях московского недельщика²⁷. В статье 8 идет речь о привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших имущественные преступления, и здесь же законодатель указывает, что правосудие по такой категории дел вершит тиун великого князя московского и дворецкий. По общепринятому в науке мнению, дворецкий, или дворский, — это также представитель аппарата князя, который возглавлял княжеских слуг и был одним из управителей княжеского хозяйства²⁸.

Помимо прочего, в ст. 67 содержится прямое указание на территории, которые должны были соблюдать положения нового нормативного акта, — это Москва, города Московской земли и Новгородские земли. Здесь нет указания на всё Великое княжество, хотя государство официально именовалось именно так²⁹. Термин «земля», широко используемый в законо-

²¹ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1 : 1334–1598. С. 164.

²² *Исаев М. А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов : От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М., 2001. С. 82.

²³ *Плоцкая О. А.* Обычное этническое право у финно-угорских народов пермской подгруппы в исторических и правовых источниках // История государства и права. 2014. № 15. С. 55.

²⁴ Судебники Иоанна III и Иоанна IV 1497 и 1550 гг. Текст с указателем напечатан проф. М. Клочковым. Харьков, 1915. С. 1.

²⁵ Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. С. 490.

²⁶ *Чельцов-Бебутов М. А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 658.

²⁷ *Титов Ю. П.* Хрестоматия по истории государства и права России. М., 1997. С. 36.

²⁸ *Самодуров И. В.* Институт дворских в средневековой Руси XII — начала XVI в. : автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2003. С. 22.

²⁹ *Савченко Д. А.* «Господарь вся Руси»: титул великого князя Московского в XVI в. // История государства и права. 2018. № 3. С. 59.

дательстве, означает отдельные территории. Подобная практика наблюдается и в Белозерской уставной грамоте 1488 г., где законодатель указывает, что ее положения применяются исключительно в пределах Московской, Тверской, Новгородской земли. Отсюда можно сделать вывод о том, что большинство законодательных актов, принимавшихся в Московском государстве, преимущественно распространяли свое действие лишь на одну или несколько территорий.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сформулировать следующие выводы.

В отечественной историко-юридической науке сложилось не совсем верное представление о статусе и наименовании исследуемого законодательного памятника. Как выясняется, этот документ не являлся общегосударственным кодексом, а был разработан, главным образом, для нормативно-правовой регламентации деятельности единоличных и коллегиальных органов великокняжеской администрации, которые располагались на территории Москвы, о чем в грамоте неоднократно упоминается.

Данный памятник по своим признакам, характеристике является типичной для того времени уставной грамотой. Единственное отличие ее от других нормативно-правовых документов

составляет то, что она была разработана с участием широкого круга представителей княжеской администрации, о чем гласит преамбула. Тогда как большинство уставных грамот практически всегда принимались и утверждались единолично монархом.

В дополнение следует обратить особое внимание на тот факт, что в судебной практике того периода нет упоминания об этом законодательном акте, нет следов его применения. Складывается впечатление, что он остался только проектом и не вступил в законную силу. Даже если он и применялся в практической деятельности органов государственной власти, то достаточно непродолжительное время и лишь в некоторых случаях, но научных подтверждений этому на сегодняшний день нет. По характеру юридической техники, качеству проработки отдельных положений памятник представляется нам лишь черновым вариантом законопроекта, который, возможно, должен был подлежать дальнейшей доработке. Соответственно, очень сложно говорить, что данный законодательный акт в целом оказал какое-либо влияние на правоприменительную практику, ее унификацию, формирование правовой системы Московского государства, а тем более на дальнейшие процессы его централизации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1 : 1334–1598. — СПб., 1841.
2. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. — СПб., 1838.
3. *Беляев И. Д.* Судьбы земщины и выборного начала на Руси. — М., 1905.
4. *Грибовский В. М.* Древнерусское право. (Краткий обзор чтений по истории русского права). — Вып. 2. — Петроград, 1917.
5. *Долгих Ф. И.* История отечественного государства и права : учебное пособие. — М., 2012.
6. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Подготовлено к печати Л. В. Черепнинным. — М. — Л., 1950.
7. *Дьяконов М.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. — СПб., 1908.
8. *Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд в древней России. — М., 1869.
9. *Журавлев Д. С.* Генезис уголовного законодательства Руси в допетровское время (IX–XVII вв.) // История государства и права. — 2018. — № 5.
10. *Исаев М. А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов : От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. — М., 2001.
11. История государства и права России / под ред. Ю. П. Титова. — М., 1997.

12. История отечественного государства и права : учебник для бакалавров : в 2 ч. Ч. 1. / под ред. О. И. Чистякова. — М., 2013.
13. Калашникова А. А. Русские судебные документы XV — первой половины XVI века как исторический источник : автореф. дис. ... канд. истор. наук. — СПб., 2021.
14. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. — М., 2009.
15. Кудинов О. А. История отечественного государства и права : курс лекций. — М., 2006.
16. Плоцкая О. А. Обычное этническое право у финно-угорских народов пермской подгруппы в исторических и правовых источниках // История государства и права. — 2014. — № 15.
17. Попрядухина И. В. Правонарушения и юридическая ответственность по Судебнику 1497 года : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2012.
18. Рожнов А. А. Генезис и эволюция уголовно-правовых институтов в Московском государстве в XIV–XVII вв. : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2012.
19. Российская юридическая энциклопедия. — М., 1999.
20. Савченко Д. А. «Господарь всея Руси»: титул великого князя Московского в XVI в. // История государства и права. — 2018. — № 3.
21. Самодуров И. В. Институт дворских в средневековой Руси XII — начала XVI в. : автореф. дис. ... канд. истор. наук. — М., 2003.
22. Советская историческая энциклопедия. Т. 10. — М., 1967.
23. Советская историческая энциклопедия. Т. 11. — М., 1968.
24. Судебники Иоанна III и Иоанна IV 1497 и 1550 гг. Текст с указателем напечатан проф. М. Ключковым. — Харьков, 1915.
25. Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России. — М., 1997.
26. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. — СПб., 1995.
27. Юшков С. В. Судебник 1497 года: (к внешней истории памятника). — Саратов, 1926.

Материал поступил в редакцию 25 мая 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye arkhograficheskoy komissiyey. T. 1: 1334–1598. — SPb., 1841.
2. Akty yuridicheskie, ili Sobranie form starinnogo deloproizvodstva. — SPb., 1838.
3. Belyaev I. D. Sudby zemshchiny i vybornogo nachala na Rusi. — M., 1905.
4. Gribovskiy V. M. Drevnerusskoe pravo. (Kratkiy obzor chteniy po istorii russkogo prava). — Vyp. 2. — Petrograd, 1917.
5. Dolgikh F. I. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava: uchebnoye posobie. — M., 2012.
6. Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udelnykh knyazey XIV–XVI vv. Podgotovleno k pechati L. V. Cherepninym. — M. — L., 1950.
7. Dyakonov M. Ocherki obshchestvennogo i gosudarstvennogo stroya Drevney Rusi. — SPb., 1908.
8. Dyuvnua N. L. Istochniki prava i sud v drevney Rossii. — M., 1869.
9. Zhuravlev D. S. Genezis ugolovnogo zakonodatelstva Rusi v dopetrovskoe vremya (IX–XVII vv.) // Istoriya gosudarstva i prava. — 2018. — № 5.
10. Isaev M. A. Tolkovyy slovar drevnerusskikh yuridicheskikh terminov: Ot dogovorov s Vizantiyei do ustavnykh gramot Moskovskogo gosudarstva. — M., 2001.
11. Istoriya gosudarstva i prava Rossii / pod red. Yu. P. Titova. — M., 1997.
12. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava: uchebnyy dlya bakalavrov: v 2 ch. Ch. 1. / pod red. O. I. Chistyakova. — M., 2013.

13. Kalashnikova A. A. Russkie sudebnye dokumenty XV — pervoy poloviny XVI veka kak istoricheskiy istochnik: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. — SPb., 2021.
14. Kostomarov N. I. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneyshikh deyateley. — M., 2009.
15. Kudinov O. A. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava: kurs lektsiy. — M., 2006.
16. Plotskaya O. A. Obychnoe etnicheskoe pravo u finno-ugorskikh narodov permskoy podgruppy v istoricheskikh i pravovykh istochnikakh // Istoriya gosudarstva i prava. — 2014. — № 15.
17. Popryadukhina I. V. Pravonarusheniya i yuridicheskaya otvetstvennost po Sudebniku 1497 goda: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Kazan, 2012.
18. Rozhnov A. A. Genezis i evolyutsiya ugolovno-pravovykh institutov v Moskovskom gosudarstve v XIV–XVII vv.: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2012.
19. Rossiyskaya yuridicheskaya entsiklopediya. — M., 1999.
20. Savchenko D. A. «Gospodar vseya Rusi»: titul velikogo knyazya Moskovskogo v XVI v. // Istoriya gosudarstva i prava. — 2018. — № 3.
21. Samodurov I. V. Institut dvorskikh v srednevekovoy Rusi XII — nachala XVI v.: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. — M., 2003.
22. Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya. T. 10. — M., 1967.
23. Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya. T. 11. — M., 1968.
24. Sudebniki Ioanna III i Ioanna IV 1497 i 1550 gg. Tekst s ukazatelem napechatan prof. M. Klochkovym. — Kharkov, 1915.
25. Titov Yu. P. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii. — M., 1997.
26. Cheltsov-Bebutov M. A. Kurs ugolovno-protsessualnogo prava. Ocherki po istorii suda i ugolovnogo protsessa v rabovladelcheskikh, feodalnykh i burzhuaiznykh gosudarstvakh. — SPb., 1995.
27. Yushkov S. V. Sudebnik 1497 goda: (k vneshney istorii pamyatnika). — Saratov, 1926.

Нравственное измерение права как фактор восходящего развития общества и защиты прав человека в условиях новых технологических угроз

Аннотация. Обосновывается историческая и логическая необходимость нравственно-философского измерения права в форме этической экспертизы прикладных проблем и ситуаций (особенно применительно к праву), возникающих в условиях новых технологических угроз. Речь идет о парадигме восходящего развития общества и защиты прав человека не в аспекте индивидуалистической доминанты западного типа, а в русле приоритета сохранения, развития и совершенствования общества в целом в направлении высокого идеала, предполагающего восстановление справедливости на основе истинных знаний реального положения дел. Проводится мысль о том, что необходимым условием этого выступает добрая воля тех, кто выполняет столь востребованную обществом работу. Дается конкретизация ее методологии, понимаемой в широком смысле слова, когда этика рассматривается в качестве вершины философии. Автор заключает, что стратегия усиления нравственности в праве и не только востребована, даже спасительна, для общества и каждого из нас. Нравственность является таким феноменом, с которым нужно постоянно и целенаправленно работать.

Ключевые слова: нравственно-философское измерение права; этическая экспертиза; восходящее развитие общества; права человека; восстановление справедливости; истина; добрая воля; методология в широком смысле слова; оптимизм; этика как вершина философии.

Для цитирования: Артемов В. М. Нравственное измерение права как фактор восходящего развития общества и защиты прав человека в условиях новых технологических угроз // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 30–42. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.030-042.

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках реализации проекта «Приоритет-2030» Центра компетенций «Социоправо» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

© Артемов В. М., 2023

* Артемов Вячеслав Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), научный руководитель философско-правового клуба «Нравственное измерение права»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
vyach_artemov@mai.ru

An Ethical Dimension of Law as a Factor of Upward Development of Society and Human Rights Protection in the Context of New Technological Threats

Vyacheslav M. Artemov, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Research Supervisor, Philosophical and Legal Club «Moral Dimension of Law»
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
vyach_artemov@mai.ru

Abstract. The study elucidates historical and logical necessity of an ethical and philosophical dimension of law in the form of an ethical examination of applied problems and situations (especially in relation to law) arising in the context of new technological threats. The author dwells on the paradigm of the upward development of society and protection of human rights not in the context of an individualistic dominant of the Western type, but in the context of priority of preserving, developing and improving society as a whole in the direction of a high ideal that presupposes restoration of justice based on true knowledge of the real state of affairs. It is suggested that the goodwill of those who perform the work demanded by society constitutes the necessary condition. The paper describes the specification of its methodology understood in the broad sense of the word, when ethics is considered as the pinnacle of philosophy. The author concludes that the strategy of strengthening morality in law is not only in demand, even salutary, for society as a whole and for every one. Morality is such a phenomenon that you need to constantly and purposefully work with.
Keywords: moral and philosophical dimension of law; ethical expertise; upward development of society; human rights; restoration of justice; truth; goodwill; methodology in the broad sense of the word; optimism; ethics as the pinnacle of philosophy.

Cite as: Artemov VM. Nравственное измерение права как фактор voskhodyashchego razvitiya obshchestva i zashchity prav cheloveka v usloviyakh novykh tekhnologicheskikh ugroz [An Ethical Dimension of Law as a Factor of Upward Development of Society and Human Rights Protection in the Context of New Technological Threats]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2023;18(1):30-42. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.030-042. (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program (“Socio-Law” Center of Competence, MSAL).

Практически вся история нашей страны, включая, разумеется, и советский период, свидетельствует о непреложной истине о том, что своеобразным способом ее существования в конечном счете всегда выступала именно духовно-нравственная парадигма как смысл и ориентир восходящего развития во всех сферах общественной жизни, преимущественно духовной. В известной мере это относится и к такому мощному государственному институту, как право. Не случайно, к примеру, даже некоторые из тех, кто может быть отнесен к известным представителям русского классического анархизма, особенно Л. Н. Толстой и П. А. Кропоткин, в периоды их оптимистических социальных поисков связывали с правом определенные надежды в плане обеспечения порядка в обще-

стве. Как известно, первый одно время учился на юридическом факультете Казанского университета, другой, обучаясь в элитном пажемском корпусе, мечтал о некоем «всемирном праве» будущего.

Вообще, в этой связи следует подчеркнуть: одной из ключевых характеристик русской философии, да и культуры в целом, выступает практически-нравственная ориентация. Именно она предполагает человеческое, то есть гуманистическое, измерение, но не в аспекте индивидуалистической доминанты западного типа, а в русле приоритета сохранения, развития и совершенствования общества в направлении идеала. Так, Л. Н. Толстой «был историчен, например, в том, что допускал оправданность государственного насилия для определенного времени (“мо-

жет быть, что для прежнего состояния людей было нужно государственное насилие, может быть, оно нужно еще и теперь»)»¹. Но по-своему примечательна и такая мысль П. А. Кропоткина: «Нужно, чтобы какие-нибудь величественные события внезапно прервали нить истории, выбросили человечество из колеи, в которой оно завязло, и толкнули его на новые пути — в область неизвестного, в поиски за новыми идеалами»². Думается, здесь вырисовывается, условно говоря, путь показывающего вверх Платона, а не обращенного только вниз, к земле, Аристотеля. Возможно, необъятные земные просторы Руси-России были и так очевидны, поэтому всегда хотелось обустроить их наилучшим, а не просто каким-нибудь более-менее простым, тем более примитивным образом.

На мой взгляд, наблюдающийся в настоящее время технологический, особенно цифровой, скачок во многих сферах социальной, да и индивидуальной жизни зачастую свидетельствует именно о стандартизации и своеобразной примитивизации устройства последней, а не о каких-то попытках сделать ее более защищенной, а самих людей — уверенными в собственных силах и возможностью на достаточно дальнюю временную перспективу. Конечно, имеются бесспорные и многообещающие технологические достижения, которые находятся, что называется, в тренде времени и серьезным образом влияют на повышение нашего потенциала развития. Но, увы, есть и обратная сторона технологического прогресса, проявляющаяся, в частности, в абсолютизации самих по себе технологий, в так называемом человеческом факторе негативного типа (невнимательность, безразличие и равнодушие к человеческим и социальным проблемам, грубость, неэтичность и т.п.). В общем соглашаясь, к примеру, с достаточно утешительным заключением некоторых авторов о том, что «хотя в ближайшие десятилетия в процессе киборгизации возможны радикальные прорывы, всё же он не зайдет чрезмерно

далеко»³, важно не расслабляться: общество могут поджидать опасности не от самих технологических новшеств, а от непродуманных действий тех, кто, испытывая «головокружение от успехов» технологического типа и не обладая должным уровнем разума и нравственности, будет слишком торопить события, ставя на место интересов самих человека и общества какие-либо собственные корыстные соображения, идя на поводу тех или иных отдельных корпораций и меньшинств.

Именно в этой связи актуализируются задачи не только неуклонного воспроизводства и усиления нравственности во всех сферах общественной жизни и деятельности, но и целенаправленной, последовательной и в известном смысле бескомпромиссной этико-философской экспертизы конкретных решений и действий в тех сферах профессиональной деятельности, которые имеют прямой выход на человеческие потребности, интересы и ценности с точки зрения культивирования того, что выступает в качестве своего рода духовных скреп общества, а значит, способствует его сохранению, развитию и совершенствованию в направлении идеала.

Одной из важнейших социокультурных скреп всегда выступала и выступает идея справедливости. История свидетельствует, что это имеет прямое отношение к праву, основная миссия которого и заключается в восстановлении справедливости в самом широком смысле слова. Разумеется, в разнообразных частных случаях речь должна идти о разных уровнях и формах выполнения указанной миссии. В любом случае последняя выступает в качестве путеводной звезды или идеала. Конкретизируя, можно выделить такие уровни, как, во-первых, индивидуальный, когда невиновный человек оправдывается, а виновный несет соответствующее наказание, определяемое как многоаспектными и тонкими моральными соображениями, так и формальными пунктами законов и правовых норм; во-вторых, социально-групповой, пред-

¹ См.: Гусейнов А. А. Великие моралисты. М. : Республика, 1995. С. 227.

² Кропоткин П. А. Этика. Избранные труды. М. : Политиздат, 1991. С. 387.

³ Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2015. С. 373.

полагающий некие конфликты, в основном экономического типа (например, некачественные товары и услуги, несвоевременная выплата заработной платы и т.п.); в-третьих, собственно социальный, выходящий на условия жизни и деятельности общества в целом не только применительно к настоящему, но и к будущему (так, нельзя не сослаться на недавнее всенародное обсуждение и принятие поправок к Конституции РФ).

Имея в виду множество разнообразных аспектов целенаправленного и последовательного выполнения указанной выше правовой миссии с позиций комплексного учета реальных и перспективных социокультурных потребностей и интересов, важно осуществлять постоянную, а не только фрагментарную или выборочную нравственно-философскую экспертизу соответствующих теории и практики, законов и их правоприменения. По существу, речь идет о многоаспектном, преимущественно нравственном измерении права, что называется, заточенном как на теоретическую, ценностно-мировоззренческую работу, так и на методологию его углубленного анализа и осмысления.

Налицо ситуация необходимости целенаправленного развертывания адекватной теории в методологию, настоящего — в будущее. В этой связи стоит задача конкретизации указанной методологии, причем понимаемой в широком смысле слова: речь пойдет не только об онтологически-гносеологическом, но и об этико-аксиологическом инструментарии, играющем, по существу, стержневую роль.

Прежде всего, следует особо подчеркнуть в известном смысле необходимое условие успешности указанной экспертизы. Это добрая воля тех, кто ее осуществляет, ощущая и понимая значимость объективного анализа той или иной ситуации, проблемы или качества кем-то выполненных функций применительно к социально востребованным видам деятельности.

Далее идут различные, но органично связанные между собой собственно теоретико-методологические требования, выполнение которых призваны обеспечить должный уровень фундаментальности столь важной для социального целого и каждой конкретной его

части нравственно-философской экспертизы. К ним следует отнести следующее:

1. Максимальная объективность подхода к наличному положению дел, включая мотивацию тех, от кого зависит качественное исполнение тех или иных видов деятельности в русле соответствующей профессиональной миссии, значимой для общества.

2. Всесторонность и системность их рассмотрения на предмет отсутствия каких-либо необходимых звеньев в общей цепи решения тех или иных взаимосвязанных проблем и ситуаций.

3. Выявление лишних слов и действий, не только не способствующих благоприятному течению дел, а явно мешающих этому, уводящих в сторону от восстановления справедливости, помощи конкретным людям, тем или иным группам и обществу в целом.

Важным моментом любой экспертной оценки выступает фактический учет собственно человеческого присутствия в той или иной ситуации. Речь, в частности, идет, во-первых, о реальной *мотивации*, которой в действительности руководствуется в профессии работник. Здесь возможны совершенно разные, даже противоположные позиции мировоззренчески-ценностного плана: от простого формального исполнительства для банального зарабатывания денег в русле элементарного ремесла до глубинного ощущения и всестороннего понимания миссии профессии в аспекте сущностного понимания потребностей и интересов общества, которые и определяют содержание указанной миссии. Так, применительно к юридической деятельности в качестве последней выступает последовательное и бескомпромиссное восстановление справедливости.

Всякого рода отступления от этого дискредитируют не только тех, кто не чувствует и не понимает значимости последней, но и право как социальный институт. В свою очередь, подобное положение вещей, по существу, подпитывает то, что принято называть правовым нигилизмом. Разумеется, это крайность, но ведь своего рода метафизические крайности в конечном счете сходятся: ремесленничество предпринимательского типа в данной области практически имеет, так сказать, на выходе (как следствие) социаль-

ный протестный эффект в виде указанного нигилизма. Соответственно, чтобы он не имел под собой реальной основы, как раз и требуются регулярные и последовательные шаги в плане ценностно-мировоззренческого, теоретико-методологического обеспечения удовлетворения указанной выше социокультурной потребности в поддержании должного уровня справедливости.

В этой связи важно иметь в виду, во-первых, должный уровень университетской подготовки будущих юристов. Так, незаменимым и требующим постоянного внимания является квалифицированное преподавание, прежде всего, таких дисциплин, как «Философия» и «Профессиональная этика». Во-вторых, содержание и форму исполнения каких-либо функций, в результате чего становится вполне очевидной изначальная ущербность указанной выше мотивации. К примеру, по существу, саморазоблачением выглядит активность, условно говоря, ремесленников от юриспруденции, которые занимаются не чем иным, как предпринимательством, спекулируя на реальных проблемах экономического и социально-правового порядков. В-третьих, нельзя не учитывать собственно результаты соответствующей излишней активности: именно она и должна стать одной из первоочередных целей требуемой и социально востребованной экспертизы. «Бежать впереди паровоза», то есть впереди самого общества в лице заинтересованных в справедливости людей, чревато дурной бесконечностью корпоративных интересов в ущерб социокультурным интересам целого и каждой из его частей (конкретных людей). Именно они как раз и находятся в ведении философии и этики, по определению прицельно их изучающих и представляющих.

Думается, что социально-нравственную сущность права так или иначе ощущают и понимают не только профессионально подготовленные философы и этики, тем более специализирующиеся на проблемах философии и этики права,

но и философствующие юристы с нравственным потенциалом, проявляющимся в повышенной социальной ответственности. Классический пример — это деятельность великого юриста А. Ф. Кони. В этой связи обращает на себя внимание и достаточно смелая позиция доктора юридических наук, профессора И. А. Клепицкого, высказанная, к примеру, в недавно опубликованной статье «Существует ли хозяйственное уголовное право?». Утверждая, что «хозяйственное уголовное право — это свершившийся факт, часть правовой действительности», автор далее практически проводит социально ориентированную экспертизу нынешней ситуации в праве: «Нормы хозяйственного уголовного права внедряются в наше время повсеместно, в том числе с помощью международных организаций, в том числе и в России», где «они в значительной мере чужеродны и непонятны, нередко... неправильно трактуются и применяются...»⁴.

Увы, есть и иные варианты рассмотрения некоторыми юристами важных аспектов социокультурного бытия, в том числе применительно к прошлому, которое, кстати, по существу, является органичной частью настоящего, разумеется, в духовно-ценностном отношении. Если кто-то неоправданно бросает камни в прошлое или в конкретных его представителей, то так или иначе это задевает каждого из тех, кто продолжает высоко ценить их, имея в виду реальный вклад в сохранение и развитие культуры. Так, к числу бесспорных духовно-нравственных авторитетов и великих моралистов нашего отечественного, да и мирового, масштаба относится Л. Н. Толстой. Но вот во время минувшей экзаменационной сессии с удивлением узнал от студентов, что с точки зрения права Л. Н. Толстой позиционируется в качестве «нигилиста». Даже на первый взгляд абсурдным видится обвинение его в «отрицании общепринятых ценностей, идеалов, моральных норм, культурных традиций и т.п.»⁵. В данном случае, думается, допущена известная

⁴ Клепицкий И. А. Существует ли хозяйственное уголовное право? // Предпринимательское право. 2022. № 1. С. 8.

⁵ Именно так определяется нигилизм в одном из достаточно серьезных научных изданий: Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. / ред. колл.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы [и др.]. М. : Советская энциклопедия, 1989. С. 421.

методологическая ошибка, а именно выбран очень узкий критерий — отношение к праву, государству и, как можно предположить, к церкви. Корректнее было бы отнести русского философа к феномену классического анархизма⁶. А так получается, что попросту игнорируется то известное обстоятельство, что Лев Николаевич является бесспорной духовно-нравственной величиной и абсолютной ценностью в русской культуре и не только. Ничего, кроме запутывания студентов и разного рода недоразумений, такой односторонний, сугубо отрицательный подход не приносит. Налицо крайнее, сугубо юридизированное упрощенное видение подлинного положения дел, что означает шаг назад с точки зрения философии и этики. Между прочим, подобным образом относились к великому подвижнику его идейные противники справа в конце XIX — середине XX в. Так, известны безосновательные обвинения классика якобы в «незнании жизни» со стороны сторонника «сопротивления злу силою» И. А. Ильина.

К слову сказать, быть «зеркалом русской революции» (в интерпретации В. И. Ленина, тоже, кстати, желавшего стать юристом) совсем не значит быть нигилистом. Более того, во многом великий русский философ и писатель был консерватором в хорошем смысле слова. Ведь классический вариант анархизма, который он представлял, ратует именно за нравственный порядок и уважение ко всему разумному. Что же тут нигилистического?

Получается, что, например, отрицатель всего традиционного и певец идеи сверхчеловека Ф. Ницше уравнивается с нашим великим моралистом, для которого естественный человек, справедливость, добро относятся к абсолютным ценностным приоритетам. На чем же будет стоять теория права, если ее представители сторонятся нравственного фундамента, подменяя его сомнительными утверждениями о якобы изначальной «доброте» закона и государства. Откуда она возьмется, если первый суров, а второе всегда зиждется на политической власти с ее жесткими классово-групповыми интересами

и аппаратом принуждения? Всегда требуется целенаправленная и неустанная работа по культивированию нравственности, чтобы право и государство были всё гуманнее и справедливее. Если же право и нравственность смешивается, да еще с акцентом на мощь самой по себе силы принуждения, то в результате из права выхолащивается то, на что оно по определению должно опираться, что должно целенаправленно и предметно защищать.

Результатом такого одностороннего юридизма может стать безграничный формализм и терпимость по отношению к разнообразным проявлениям зла, включая безответственность, беспринципность и несправедливость. Выявление последних находится в ведении именно нравственно-философской экспертизы, которую по определению невозможно заменить какими-то формальными процедурами и бездушным соотношением с тем, что записано в законах и юридических нормах, даже в «этических кодексах», если они принимаются формально и не совершенствуются на строго нравственных принципах.

В общем, право только тогда может достаточно эффективно работать, когда в нем, условно говоря, предварительно поработали нравственные чувства, включая совесть, а также собственно теоретический уровень самой нравственности, то есть этика. При ее отсутствии право может стать бесправием, прикрываемым ширмой легальности. Даже из новейшей истории примеров можно привести множество. Из самых вопиющих — это фашистская Германия конца 30-х — середины 40-х гг. прошлого века, бандеровский режим в современной Украине. Получается, что правовой максимализм, а по сути — жесткий механизм бесправия, подпитывает правовой нигилизм в социуме. Долго с подобным положением вещей общество не может мириться и обязательно заявит об этом и что-то предпримет. Но в любом случае подобные ситуации вредят не только обществу, но и самому праву как праву.

⁶ Автор статьи в своей докторской диссертации на примере М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина и Л. Н. Толстого развернуто обосновывает именно такое положение дел.

В этой связи нельзя не обратить внимание юридизированное «обоснование» якобы изначальной ущербности общества и общественности как феноменов и понятий. В числе аргументов в защиту подобных выпадов в сторону того, что и составляет основы института права, есть загадочное требование на некую «публичную легальность» применительно к тем, кто так или иначе выступает от имени общества и ответственности. Получается, что общество сводится к разнообразным мнениям групп общественности и одиночек, которые по определению не следует и учитывать. Напрашиваются точные и глубокие слова классика, имеющие не только исторический, но и теоретический смысл: «Не правительственные указы уничтожили избивание детей, пытки, рабство, а изменение сознания людей вызвало необходимость этих указов»⁷.

Применительно к обществу крайности, конечно, возможны, особенно учитывая нынешнюю интернет-цифровую реальность, когда зачастую никто ни за что не отвечает; но не следует, как говорится, с водой выплескивать и ребенка. Подобное происходит, когда в ситуацию взаимодействий между людьми вмешивается некая «третья сила» — либо некая абсолютная государственная власть, либо какая-либо метафизическая идея в лице ее рьяных сторонников, либо то и другое вместе. Известный «Левиафан» Т. Гоббса — типичный пример демонстрации указанной «силы», за которой, по существу, стоят те же люди, но взятые почему-то с некоей желаемой для мощного государства-чудовища стороны, то есть их «соглашательства», ведущего к так называемому общественному договору. Гипотетическая возможность и тем более прочность последнего сомнительны, ибо сам человек изначально объявляется «злым» по своей природе. Зато такая позиция удобна тем, кто хочет безраздельно властвовать: делая шаг навстречу каким-то людям вообще в плане

признания их абстрактной возможности «договориться», заранее оправдывать любые средства воздействия на них ввиду их якобы природной эгоистичности. В этой связи, думается, до сих пор актуально и такое общечеловеческое наблюдение: «Рассудок часто делается рабом греха — направляется на то, чтобы оправдывать его. Удивляешься иногда, зачем человек защищает такие страшные, неразумные положения: религиозные, политические, научные. Поищи, и ты найдешь, что он защищает свое положение»⁸.

Несколько ближе, если сравнивать с антигуманистической линией Н. Макиавелли и Т. Гоббса, к пониманию социального идеала подошел Ж.-Ж. Руссо, для которого нет изначальной человеческой ущербности, а, наоборот, есть природная склонность к добродетелям; «вследствие этого нравственность объявляется главной и автономной сферой человеческой жизни»⁹. Такая точка зрения, правда, тогда во многом оставалась теоретически спорной, ибо еще не вполне были выявлены глубинные объективные причины человеческой склонности к сотрудничеству и солидарности, к добру, а не злу. Как позднее доказал К. Маркс, всё дело в изначальной общественной природе человека. Отсюда и оправданность перспективной цели — человечности подлинного общества в будущем. Определенный характер общества есть определенный характер общественного человека, и наоборот; «...общество, — конкретизировал К. Маркс, — т.е. сам человек в его общественных отношениях»¹⁰.

В качестве своеобразного теоретико-методологического синтеза указанных выше подходов, думается, выступает этико-философская концепция П. А. Кропоткина. Его этические взгляды зрелого периода характеризуются открытием «вторичной» нравственности, возвышающейся над той, что вытекает из природных начал. Взаим-

⁷ Толстой Л. Н. Закон насилия и закон любви // Толстой Л. Не могу молчать : статьи о войне, насилии, безверии и непротравлении злу / предисл. П. Басинского. М. : Альпина Паблишер, 2022. С. 274.

⁸ Толстой Л. Н. Указ. соч. С. 228.

⁹ Длугач Т. Б. Об общественном договоре // Этика : энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2001. С. 323.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46, ч. 2. С. 222.

помощь выступает предпосылкой и одним из факторов нравственности. Высший же уровень нравственности связывается как с общим прогрессом в обществе, ведущим к развитию чувства справедливости, равновесного самосдерживания, так и с достаточным развитием личности, «личной творческой силы и почина...»¹¹. Такой принципиально гуманистический подход явно противоречит антигуманизму, да и узко прагматическому варианту объяснения социальных процессов, когда всё в конечном счете сводится к эгоистическому и злему началу, будто бы уже заложенным в человеке.

Вот, к примеру, что пишет П. А. Кропоткин, осуществляя своего рода нравственно-философскую экспертизу происходящего еще в позапрошлом веке: «Таким образом, приписывать промышленный прогресс девятнадцатого века войне каждого против всех, — значит рассуждать подобно тому, кто, не зная истинных причин дождя, приписывает его жертве, принесенной человеком глиняному идолу. Для промышленного прогресса, как для всякого иного завоевания в области природы, взаимная помощь и тесные сношения, несомненно, являются и являлись более выгодными, чем взаимная борьба»¹². Думается, современная ситуация в полной мере подтверждает это, особенно в ситуациях некоего общего дела, ликвидации разного рода очагов природных и социально-политических пожаров. Взаимопомощь и солидарность не только не снижают реальную свободу конкретных людей, а, напротив, дают им шанс проявить ее зрелый, то есть ответственный, уровень. Будучи личностным качеством, подлинная свобода предполагает учет природного и социального равенства людей, непреходящую склонность к тому, чтобы помочь ближнему, преодолеть ту или иную несправедливость и т.п. По существу, подлинная свобода реализуется в том числе и в социально значимых критически-экспертных усилиях — в той мере, в какой естественно разворачивается прежде всего социальный потенциал человека. В свою очередь, подобное понимание является своеобразным теоретико-методологическим

ключом к решению проблемы прав человека в новых условиях.

Именно такая парадигма реагирования на социально значимые проблемы особенно востребована. Думается, что в нынешних условиях, когда цифровизация, в чем-то помогая бороться с неожиданно свалившейся на человечество пандемией, сама тем не менее всё больше становится проблемой, ибо не столько сближает людей, сколько фактически разъединяет их, зачастую делая многих заложниками тех, в чьих руках оказываются рычаги управления, условно говоря, цифрой. Тут-то как раз может и должна проявить себя подлинная, развертывающаяся в русле добра взаимопомощь, о которой как о факторе эволюции столь доказательно и убедительно писал П. А. Кропоткин. Именно взаимопомощь выступает фактором, который противостоит злу формализма, крайнего эгоизма и разобщенности. К сожалению, последнее весьма характерно для нынешней модели капитализма, которая, по существу, исчерпала себя, но ее защитники боятся в этом признаться. В известном смысле, таким образом, наступает, а может, уже и наступил переломный момент типа «осевого времени» К. Ясперса, когда нужно было назвать вещи своими именами и, главное, изменить ситуацию к лучшему в направлении подлинного развития и совершенствования не только отдельных институтов, но и всего общества.

В этой связи, думается, не случайно в поздравлении 25 июля 2022 г. работников следственных органов России первым лицом государства было подчеркнуто единство принципов законности и справедливости, а также значимость гуманизации современного права. Важно обратить внимание на историческое и логическое доминирование именно справедливости, ибо сама по себе законность как сугубо юридическая конструкция внутренне предполагает воплощенную в ней справедливость. В противном случае возникает опасность бесправия, а то и беспредела в том или ином государстве, где имеет место какая-нибудь крайность, особенно

¹¹ Кропоткин П. А. Этика. С. 42–43.

¹² Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции. М. : Самообразование, 2007. С. 227.

националистического типа. В подобных случаях устанавливается такая «законность», которая существенно расходится или явно противоречит основному нравственному закону в самом широком смысле слова. В результате там ничего не остается от справедливости, которая и составляет своеобразный стержень нравственного порядка в обществе. Имея это в виду, вырисовывается экспертная оценка, к примеру, одного из учебных источников для магистрантов РГУП. Так, его авторы, выделяя «основы делового общения на государственной и муниципальной службе», ограничиваются такими, как законность, целесообразность, взаимоуважение и этикет¹³. Напрашивается вопрос: неужели представители власти не должны рассматривать справедливость в качестве основы?

Осуществляя нравственно-философскую экспертизу, усиливая ее объективность и эффективность, важно разграничивать, во-первых, искреннюю мотивацию и принципиальную устремленность к выполнению основной миссии восстановления справедливости (речь идет о цели); во-вторых, выбранные и реально применяемые средства для достижения последней; в-третьих, конкретные результаты этой социально значимой деятельности в их многообразии и совокупной значимости для государства и общества; в-четвертых, оценки права как функционирующего института со стороны людей и заинтересованных институтов, рассматриваемых в их специфической определенности и внутренней взаимосвязи; и, наконец, в-пятых, отклики на эти оценки и реакции (позитивные и негативные) со стороны самих юристов.

В этой связи представляется важным усиление этико-философской подготовки последних. Участвовавшие претензии, что называется, «подвинуть» философию, особенно ее предметную этическую вершину, думается, связаны с боязнью критики каких-то скороспелых поделок технологического типа. Кого-то не устраивают позиции фундаментальной теории, а также проверенная самой жизнью методология и должные мировоззренчески-ценностные ориентиры.

Последним пытаются противопоставить позитивистско-прагматическую линию, привлекающую многих своей внешней «простотой», которая, как говорится, хуже воровства, что особенно опасно применительно к науке. В частности, это проявляется в своевольных заявлениях о том, что биоэтика будто бы не принадлежит к разряду философских дисциплин и якобы может читаться в учебном плане, например медиками или даже юристами. Но жизнь показывает, что они склонны трактовать ее как биоправо.

В действительности же биоэтика оправданно находится в лоне философии, особенно с того времени (начало второй половины прошлого века), когда растерявшиеся перед нестандартными ситуациями врачи обратились за помощью к философам как специалистам, в частности, в поисках разумных, нравственно приемлемых решений с точки зрения интересов человека, общества и государства. Тем не менее, не зная об этом или по разным причинам не желая учитывать настоящий факт, некоторые специалисты в своих областях присваивают себе право говорить от имени биоэтики. Такая позиция не так безобидна, как может кому-то показаться на первый взгляд, ведь биоэтика, исторически и логически находясь на стыке прикладного и профессионального разделов этики как науки, требует соответствующей подготовки, научно-академической квалификации. Не обойтись и без должного уважительного отношения к философии как теоретико-методологическому фундаменту науки и самосознанию культуры в целом.

Нынешняя ситуация, о которой только ленивый не высказался как о совершенно неожиданной, тревожащей и даже переломной, действительно требует от нас особой сосредоточенности и ответственности — в словах и делах. При этом, думаю, категорически неприемлемыми были бы растерянность и тем более панические настроения. Важно ощутить и понять востребованность неординарных решений и действий не только на основе здравого смысла, но и провидческой мудрости, чтобы остановить опас-

¹³ *Ершова Н. А., Сергеев Н. В.* Профессиональная этика государственного и муниципального служащего : конспект лекций. М. : РГУП, 2021. С. 24.

ность еще худшего развития событий, «повторения 41-го года». Сегодня, как никогда ранее, требуются взвешенные, последовательные и разумные шаги в правильном направлении. Буквально спасительными видятся продуманные, квалифицированные решения и действия настоящих профессионалов во всех сферах социальной жизнедеятельности. Они же, в свою очередь, невозможны без личностных, прежде всего нравственных, качеств профессионалов и не только.

Речь идет не о благом пожелании, а о собственно этико-философском (в профессиональном смысле) выводе. Именно на этике как вершине философского знания практически базируется профессиональная этика фундаментального уровня. Такой подход, во-первых, выстрадан всей историей нравственности, культуры и общества; во-вторых, в полной мере научно и нравственно-философски обосновывается авторитетными мыслителями всех времен и народов, особенно великими моралистами. Поэтому, думается, он стал аксиомой, точнее — незыблемым принципом на социокультурном поле. Подобно языку как материальной основе культуры, нравственность составляет своего рода социокультурный код народа и общества. Размышляя над подобной аналогией, недавно обратил внимание на такой симптоматичный телевизионный сюжет: на передаче «Агора», что на канале «Культура», обсуждалась проблема современного состояния русского языка. Порадовало, что поверхностному и безответственному мнению, согласно которому особых проблем не было и нет и, условно говоря, все изменения хороши сами по себе, просто нужно плыть по течению обыденного сознания, молодежных и иных субкультур, отказываясь между делом и от классики, были противопоставлены обоснованная озабоченность и разумный вывод: основная опасность для общества — непрофессионализм. В полной мере соглашаясь с этим, хочу подчеркнуть, что высокий профессионализм, по существу, выступает квинтэссенцией

нравственности, ибо в конечном счете заточен на сохранение, развитие и совершенствование социального целого как органичного результата синтеза полноценных частей. Особенно это касается сложных сфер деятельности, таких как медицина, образование, управление, политика и, конечно, право.

Реальная же ситуация с последним настаивает. Так, продолжающаяся линия на так называемую либерализацию экономического законодательства и соответствующей практики демонстрирует явный крен в сторону поддержки преимущественно предпринимателей¹⁴, чем бы они ни занимались на самом деле. При этом зачастую даже не упоминается о необходимости усиления защиты прав людей как потребителей тех же самых товаров и услуг, которые как раз производят и предоставляют столь пестуемые государством бизнесмены разных уровней. Налицо опасность практического нарушения социальной справедливости в угоду заигрыванию с одной из социальных групп, к тому же с весьма сомнительной репутацией, особенно учитывая всем известное, ставшее классическим и многократно проверенное самой жизнью выводное суждение о том, что рынок является тем местом, где все друг друга обманывают. Стыдливо его умалчивая и неоправданно предполагая некую кристальную чистоту любого бизнеса, законодатель и правоприменитель, по существу, закладывает, что называется, мину замедленного действия под социальный мир и порядок в будущем. Разумеется, столь же неприемлем и неразборчивый сугубо негативный подход применительно к любому предпринимательству. Требуется внимательный, дифференцированный анализ, исключаящий любые крайности. И заниматься этим призваны как раз философия и этика в лице их квалифицированных представителей, осуществляющих нравственно-философскую экспертизу социально-экономических и иных проблем.

Для примера можно взять насущную задачу теоретической выработки новой концепции

¹⁴ См.: Минюст предложил убрать 3 статьи УК и не сажать за бизнес без регистрации // URL: https://www.rbc.ru/business/04/08/2022/62ebcd579a7947c8752ba212?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 04.08.2022).

прав человека. Думается, она должна включать в себя абсолютное требование последовательно и полностью соблюдать принцип равенства применительно ко всем гражданам государства, причем даже в тех случаях, когда они по неким серьезным соображениям критикуют те или иные его решения и действия¹⁵. Речь идет о том, что политико-правовой институт по определению не может, точнее — не должен, силой навязывать свою волю, предпочтительны методы убеждения и доброго примера, причем невзирая на возможные экономические потери.

Точкой отсчета выступает то обстоятельство, что не люди существуют для государства, а государство — для людей. Ведь благодаря последним оно и способно планомерно функционировать. Правда, следует особо подчеркнуть, что подобный подход по определению не распространяется на какие-то политико-идеологические структуры крайне националистического типа, желающие каких-либо преференций для неких «избранных», претендующих на исключительность в ущерб другим и за их счет. Именно по этой причине такой тип противоречит самой сути как человеческой сущности, так и идее прав человека в ее классическом понимании. Получается, что в качестве обязательного основания указанного выше права на особый статус выступает ценностная платформа жизнеутверждающего типа, внутренне (логически) и исторически связанная с подлинными достижениями и перспективами в плане сохранения, развития и совершенствования общества в направлении достаточно высокого гуманистического и социального идеала.

Исходя из этого, старается работать факультетский философско-правовой клуб «Нравственное измерение права», которому исполнилось целых 20 лет. Разумеется, несмотря на значительные успехи, мы не собираемся почивать на лаврах, а планируем и дальше трудиться, причем даже более активно, чем в предыдущие годы. Стратегия усиления нравственности в праве не только востребована, даже спасительна

для общества и каждого из нас. На соответствующих заседаниях, разного рода научных мероприятиях, да и на учебных занятиях по этике со студентами мною, в частности, приводится такая метафора-аналогия: нравственность подобна прекрасному зеленому, условно говоря, нейтральному полю с множеством окультуренной и полезной растительности. И если за этим полем своевременно не ухаживать, то рано или поздно сорняки всё забьют. Иными словами, нравственность является таким феноменом, с которым нужно постоянно и целенаправленно работать. Последнюю можно уподобить и воспитанию ребенка, которое предполагает духовно-нравственное обеспечение его восходящего развития.

Наша деятельность актуализируется еще и потому, что в нынешнем мире имеется серьезный дефицит глубоких, широких знаний и правды как органичного синтеза истины и справедливости. Миссия Университета не только давать последние, но и воспитывать нравственно зрелого, ответственного человека. Сегодня востребованы не какие-то сомнительные «чудо-стартапы», авторы которых, к примеру, подчас абсолютно игнорируют элементарную общечеловеческую мораль и возможные катастрофические последствия реализации предлагаемых «пока еще только концептов». Так, авторы рекламных роликов студенческого стартапа Product design Arnhem с холодностью железных роботов «напирают на то, что биосумка — это очень удобно для женщин: “Можно вырастить себе ребенка без отрыва от карьеры и без вреда для фигуры”»¹⁶. Интересно, кто и как преподавал у них гуманитарные дисциплины, в принципе вращающиеся вокруг живого и нравственно ответственного человека? В определенном смысле этика — это и глаза, и уши, и разум, и сердце самого общества как развивающегося и совершенствующегося целого, состоящего из связанных между собой созидательной деятельностью частей, то есть живых людей с их тонкими и сильными чувствами, потребностями и интере-

¹⁵ В качестве примера можно привести А. А. Зиновьева, который критиковал видимые недостатки в СССР, но, сравнивая его с Западом, потом сам осознал доминирование именно у нас социального конструктива.

¹⁶ См.: Чем дети «из пробирки» отличаются от обычных // Мир новостей. № 30 (1491). 20.07.2022. С. 20.

сами. Пускать на технологический поток то, что по определению является тайной природы и основой самоидентификации человека, — значит опуститься, что называется, «ниже плинтуса» спасительной нравственности и плыть по течению рыночной стихии со всеми вытекающими из нее последствиями.

В такой ситуации подрывается не только традиционная вера, но и вера в человека и человечество. «Без веры, — пишет Л. Н. Толстой, — люди могут быть руководимы только выгодой, а человек, руководимый только выгодой, не может быть не чем иным, как только обманщиком или обманутым»¹⁷. Происходящее в сегодняшнем мире лишь подтверждает это и серьезно актуализирует задачу поиска

истины применительно ко всем сферам жизни человека и общества. Позиционируемая нами нравственно-философская экспертиза как раз и призвана устранять явный дефицит истины и правды с целью последовательного решения имеющихся проблем в обществе и праве. В известном смысле речь идет о позиции некоего социального оптимизма¹⁸, спасительность которого особенно очевидна в нынешних условиях постоянно освещаемой СМИ «войны всех против всех», которой в действительности нет и быть не может. Добро борется со злом и последнему как раз и выгодно такое мрачное изображение ситуации. Связь зла с корыстью очевидна, а добро бескорыстно и обязательно побеждает.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бауман З., Донскис Л. *Текущее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив*. — СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2019.
2. Гусейнов А. А. *Великие моралисты*, — М. : Республика, 1995.
3. Гринин Л. Е., Гринин А. Л. *От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего)*. — М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2015.
4. Длугач Т. Б. Об общественном договоре // *Этика : энциклопедический словарь* / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. — М. : Гардарики, 2001.
5. Ершова Н. А., Сергеев Н. В. *Профессиональная этика государственного и муниципального служащего : конспект лекций*. — М. : РГУП, 2021.
6. Клепицкий И. А. Существует ли хозяйственное уголовное право? // *Предпринимательское право*. — 2022. — № 1.
7. Кропоткин П. А. *Взаимная помощь как фактор эволюции*. — М. : Самообразование, 2007.
8. Кропоткин П. А. *Этика. Избранные труды*. — М. : Политиздат, 1991.
9. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 46, ч. 2. *Экономические рукописи 1857–1859 годов*. (Первоначальный вариант «Капитала»). — Киев : Политиздат Украины, 1982.
10. Толстой Л. Н. *Закон насилия и закон любви* // Толстой Л. *Не могу молчать : статьи о войне, насилии, безверии и непротивлении злу* / предисл. П. Басинского. — М. : Альпина Паблишер, 2022.
11. *Философский энциклопедический словарь*. — 2-е изд. / ред. колл.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы [и др.]. — М. : Советская энциклопедия, 1989.

Материал поступил в редакцию 16 августа 2022 г.

¹⁷ Толстой Л. Н. Указ. соч. С. 235.

¹⁸ См.: Бауман З., Донскис Л. *Текущее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив*. СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2019. С. 281–282.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bauman Z., Donskis L. Tekuchee zlo: zhizn v mire, gde net alternativ. — SPb.: Izdatelstvo Ivana Limbakha, 2019.
2. Guseynov A. A. Velikie moralisty, — M.: Respublika, 1995.
3. Grinin L. E., Grinin A. L. Ot rubil do nanorobotov. Mir na puti k epokhe samoupravlyaemykh sistem (istoriya tekhnologiy i opisanie ikh budushchego). — M.: Mosk. red. izd-va «Uchitel», 2015.
4. Dlugach T. B. Ob obshchestvennom dogovore // Etika: entsiklopedicheskiy slovar / pod red. R. G. Apresyana i A. A. Guseynova. — M.: Gardariki, 2001.
5. Ershova N. A., Sergeev N. V. Professionalnaya etika gosudarstvennogo i munitsipalnogo sluzhashchego: konspekt lektsiy. — M.: RGUP, 2021.
6. Klepitskiy I. A. Sushchestvuet li khozyaystvennoe ugovornoe pravo? // Predprinimatelskoe pravo. — 2022. — № 1.
7. Kropotkin P. A. Vzaimnaya pomoshch kak faktor evolyutsii. — M.: Samoobrazovanie, 2007.
8. Kropotkin P. A. Etika. Izbrannye trudy. — M.: Politizdat, 1991.
9. Marks K., Engels F. Sochineniya. T. 46, ch. 2. Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov. (Pervonachalnyy variant «Kapitala»). — Kiev: Politizdat Ukrainy, 1982.
10. Tolstoy L. N. Zakon nasiliya i zakon lyubvi // Tolstoy L. Ne mogu molchat: stati o voyne, nasilii, bezverii i neprotivlenii zlu / predisl. P. Basinskogo. — M.: Alpina Publisher, 2022.
11. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar. — 2-e izd. / red. koll.: S. S. Averintsev, E. A. Arab-Ogly [i dr.]. — M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1989.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.043-059

Н. А. Галстян*

Избирательные комиссии в механизме защиты политической конкуренции в Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируется статус избирательных комиссий как гарантов обеспечения и защиты политической конкуренции в Российской Федерации. Политическая конкуренция рассматривается в контексте выборов как механизм реализации конституционных принципов сменяемости власти и обеспечения политических прав участников избирательных отношений. Обозначено особое место избирательных комиссий (в первую очередь Центральной избирательной комиссии Российской Федерации) в политической системе, что определяет их потенциал в защите политической конкуренции. Ключевой характеристикой избирательных комиссий, благодаря которой они могут осуществлять защиту политической конкуренции, является их удаленность от политического рынка, отсутствие заинтересованности в результатах конкуренции, а также беспристрастность и самостоятельность в принятии публично-властных решений. Руководящая роль ЦИК РФ в защите политической конкуренции определена с учетом ее статуса как органа, возглавляющего систему избирательных комиссий в России, а также с учетом закрепленного объема полномочий в отношении участников электорального процесса. Обозначены некоторые проблемы, ограничивающие потенциал избирательных комиссий в защите политической конкуренции. К ним относятся, в частности, вопросы формирования избирательных комиссий, проблемы обеспечения их независимости, недостаточность полномочий по регулированию ими электоральных отношений и др. Сделан вывод о том, повышение прозрачности и конкурентности политической системы невозможно без всеобъемлющей институционализации избирательных комиссий на всех уровнях публичной власти. Это предполагает расширение возможностей избирательных комиссий по регулированию политического рынка, а также реализацию гарантий их независимости и самостоятельности. При этом отмечается, что защита политической конкуренции, несмотря на значительную в ней роль избирательных комиссий, не может сводиться исключительно к их деятельности, поскольку требует и должного уровня судебной защиты политических прав, а также усиления общественного контроля за электоральными процедурами.

Ключевые слова: политическая конкуренция; политические права; избирательная система; избирательные комиссии; ЦИК РФ; избирательное право; выборы; электоральная конкуренция; избирательный процесс; независимость комиссий; народовластие; сменяемость властей; регулирование политики; формирование комиссий; политические партии.

© Галстян Н. А., 2023

* Галстян Норик Ашотович, аспирант Аспирантской школы по праву НИУ ВШЭ, департамент публичного права
Большой Трехсвятительский пер., д. 3, г. Москва, Россия, 109028
ngalstyan@hse.ru

Для цитирования: Галстян Н. А. Избирательные комиссии в механизме защиты политической конкуренции в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 43–59. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.043-059.

Election Commissions in the Mechanism of Protection of Political Competition in the Russian Federation

Norik A. Galstyan, Postgraduate Student, HSE Postgraduate School of Law, Department of Public Law
per. Bolshoy Trekhsvyatitskiy, d. 3, Moscow, Russia, 109028
ngalstyan@hse.ru

Abstract. The paper analyzes the status of election commissions as safeguards of ensuring and protecting political competition in the Russian Federation. Political competition is considered in the context of elections as a mechanism for implementing constitutional principles of alternation of power and ensuring political rights of participants in electoral relations. The paper describes a specific place of election commissions (primarily, the Central Election Commission of the Russian Federation — CEC) in the political system, which determines their potential in protecting political competition. The key characteristics of election commissions due to which they can protect political competition involve their remoteness from the political market, lack of interest in the results of competition, and impartiality and independence in making decisions involving public power. The leading role of the CEC of the Russian Federation in protection of political competition is determined taking into account its status as the agency heading the system of election commissions in Russia, as well as taking into account the fixed scope of powers in relation to participants of the electoral process. The author determines some problems limiting the potential of election commissions in protecting political competition. These include, in particular, issues of election commissions formation, problems of ensuring their independence, insufficient powers to regulate electoral relations, etc. It is concluded that it is impossible to increase transparency and competitiveness of the political system without comprehensive institutionalization of election commissions at all levels of public authority. This implies expanding capabilities of election commissions to regulate the political market and implementation of guarantees of their independence. At the same time, it is noted that protection of political competition, despite a significant role of election commissions in political competition, cannot be reduced exclusively to their activities, since it also requires an adequate level of judicial protection of political rights and strengthening public control over electoral procedures.

Keywords: political competition; political rights; electoral system; election commissions; CEC of the Russian Federation; electoral law; elections; electoral competition; electoral process; independence of commissions; democracy; alternation of authorities; policy regulation; formation of commissions; political parties.

Cite as: Galstyan NA. Izbiratelnye komissii v mekhanizme zashchity politicheskoy konkurentsii v Rossiyskoy Federatsii [Election Commissions in the Mechanism of Protection of Political Competition in the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(1):43-59. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.043-059. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Свободные выборы на основе состязательности различных политических сил определены в ст. 3 Конституции РФ¹ как форма высшего непосред-

ственного выражения власти народа, что отражает безусловный приоритет построения современной России в качестве демократического и правового государства. Несмотря на имеющиеся на текущем этапе проблемы, обусловленные

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от

переходным состоянием российской политической системы и отсутствием сложившейся избирательной культуры, выборы остаются единственным способом демократического обновления власти и гарантией ее сменяемости. Механизмом, реализующим сменяемость власти, является политическая конкуренция, обеспечивающая действие основных форм народо-властия: непосредственной, представительной и консультативной демократии².

Этим определяется перспектива развития политической конкуренции через совершенствование избирательного законодательства, которое на сегодняшний день остается объектом постоянного реформирования со стороны государства. Так, Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»³ (далее — Закон № 67-ФЗ), закрепляющий основы избирательной системы России, в период с 2002 по 2022 г. был дополнен принятием более чем 100 федеральных законов, вносящих изменения в порядок проведения выборов и референдумов всех уровней. Кроме этого, изменениям неоднократно подвергались вопросы правового статуса участников электорального процесса, включая избирателей, кандидатов, избирательные объединения, избирательные комиссии и их членов, наблюдателей и др. Неизбежность подобных реформ, как отмечает С. В. Володина, объясняется необходимостью соответствия политической системы меняющемуся обществу и новым реалиям⁴. Как видится, постоянный пере-

смот் избирательного законодательства не способствует формированию устойчивых правил игры, ограничивает стабильность избирательной системы, а также, как отмечает О. Н. Шалашова, негативным образом сказывается на институционализации выборов⁵. Следствием вышеизложенного является *дезорганизация всей политической системы и снижение ее прозрачности*. Это отражается и на избирательных комиссиях, осуществляющих подготовку и проведение выборов, а также обеспечивающих реализацию и защиту прав и интересов участников избирательных отношений (ч. 3 ст. 20 Закона № 67-ФЗ). Между тем, несмотря на закрепленные за избирательными комиссиями полномочия, приходится констатировать недостаточный уровень их вовлечения в противодействие недобросовестной конкуренции в политике, что приводит к ограничению роли избирательных комиссий в рамках политического рынка.

Избирательные отношения как институт политической конкуренции

Выборы и связанные с ними избирательные процедуры, через которые народ дает «мандат на власть» отдельным лицам и объединениям, являются выражением народного суверенитета и характеризуют степень развития политической конкуренции в стране. В контексте выборов политическая конкуренция (или *электоральная конкуренция*, являющаяся ее разновидностью⁶) как правовая категория охватывает регламен-

05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 12.06.2022).

² См.: Лукьянова Е. А. Конкуренция в политике = конкуренция в бизнесе? // Современная конкуренция. 2007. № 3. С. 62.

³ СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

⁴ См.: Володина С. В. Институциональные факторы влияния на политическую конкуренцию: основные подходы к изучению и современная российская практика // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4 (101). С. 29.

⁵ См.: Шалашова О. Н. Институциональный анализ российской избирательной системы // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 107.

⁶ См.: Курочкин А. В. Причины ограниченной электоральной конкуренции российских политических партий // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2019. Т. 29. С. 20.

тирующие порядок проведения выборов правила и процедуры. Рассмотрение политической конкуренции через избирательные отношения прослеживается и в конституционно-правовой практике. Так, Конституционный Суд РФ раскрывает правовое содержание политической конкуренции при рассмотрении дел о нарушении электоральных прав граждан и объединений, используя, как правило, понятие «электоральная политическая конкуренция»⁷. Кроме этого, в заключении о поправках к Конституции РФ от 2020 г.⁸ данные понятия рассматриваются в качестве самостоятельных явлений — наряду с многопартийностью, парламентаризмом, разделением властей и др., а системное толкование заключения позволяет сделать вывод, что понятия «политическая конкуренция» и «электоральная конкуренция» используются Конституционным Судом РФ в качестве синонимов. Из этого следует, что в текущей конституционно-правовой практике политическая конкуренция неразрывно связывается с принципом свободных и альтернативных выборов, народовластия и сменяемости власти. Степень развития политической конкуренции, в свою очередь, непосредственно зависит от качества реализации упомянутых принципов. В этом смысле совокупность избирательных процедур и составляет механизм политической конкуренции⁹, обеспечивающий сменяемость власти и, соответственно, реализацию конституционных механизмов демократического устройства государства и общества.

При этом некоторые авторы выделяют межпартийную конкуренцию, включающую в себя

как парламентское соперничество партий, так и осуществляемые в рамках избирательных процедур практики¹⁰. Сущностной характеристикой феномена политической конкуренции является *борьба за определенный ограниченный ресурс на политическом рынке*, в пределах которого осуществляется «коммуникативный процесс обмена благами на основе принципа конкуренции между различными политическими акторами, участвующими в принятии политических решений и в распределении властных ресурсов»¹¹. Таким образом, политическую (электоральную) конкуренцию можно определить как *совокупность институтов, процедур и практик, обеспечивающих реализацию политических прав и свобод граждан, а также конституционных принципов сменяемости власти, плюрализма, многопартийности и др.*

Следует отметить, что при анализе политической конкуренции в России обращение исключительно к правовым факторам не в полной мере отражает реальную картину, поскольку такой подход не учитывает лежащие в плоскости неформальных связей особенности избирательных отношений в стране. Как отмечается в литературе, наличие в России 85 регионов приводит к различному уровню их «регионального авторитаризма» и политической конкуренции: от относительно демократических регионов до регионов, напоминающих полноценные автократии¹². Качество функционирования институтов демократии также отражается на характере взаимодействия органов власти между собой, что касается и места избирательных комиссий

⁷ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2021 № 6-П // СЗ РФ. 2021. № 12. Ст. 2131 ; постановление Конституционного Суда РФ от 23.10.2020 № 43-П // СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 7059 ; постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2018 № 42-П // СЗ РФ. 2018. № 48. Ст. 7491 ; постановление Конституционного Суда РФ от 13.04.2017 № 11-П // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2655.

⁸ См.: п. 6.2 заключения Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

⁹ См.: Обухов Д. В. Политическая конкуренция и политический рынок в пространстве социальной реальности // Теория и практика общественного развития. 2011. № 4. С. 39.

¹⁰ См.: Алисова Л. Н., Гончаров Л. А. Институт межпартийной конкуренции в структуре современного парламентаризма // Наука. Культура. Общество. 2019. № 1. С. 60–62.

¹¹ Нежданов Д. В., Русакова О. Ф. «Политический рынок» как системообразующая метафора современного политологического дискурса // Полис. Политические исследования. 2011. № 4. С. 162.

¹² См.: Rochlitz M., Mitrokhina E., Nizovkina I. Bureaucratic discrimination in electoral authoritarian regimes: Experimental evidence from Russia // European Journal of Political Economy. 2021. № 66. Article 101957. P. 3.

в системе органов публичной власти в электоральных процедурах. Это предопределяет исследование статуса избирательных комиссий в рамках политической конкуренции на основе следующих подходов: а) в разрезе конкретных субъектов РФ или группы сходных по уровню политической конкуренции регионов; б) через наиболее общий и универсальный подход — на общефедеральном уровне. В связи с этим видится возможным рассмотреть актуальные общие проблемы защиты избирательными комиссиями политической конкуренции в России. Особое значение приобретает изучение статуса Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (ЦИК РФ) на политическом рынке, поскольку она непосредственно участвует в формировании избирательной системы России и является вышестоящей комиссией по отношению ко всем остальным.

Место избирательных комиссий в рамках политической конкуренции

В контексте выборов политическая борьба ведется между различными акторами (*конкурентами*) за получение благосклонности избирателей, то есть третьих лиц, не участвующих непосредственно в соперничестве, но определяющих его результаты¹³. Именно процесс конкурентного взаимодействия в соответствии с установленными правилами и процедурами обеспечивает демократический порядок сменяемости власти. Между тем политическая конкуренция не замыкается на избирателях и самих конкурентах. Важнейшую роль в механизме политической конкуренции играют избирательные комиссии, место которых на политическом рынке определяется *равноудаленным от конкурирующих сторон положением*, что должно обеспечивать им беспристрастность и самостоя-

тельность в принятии решений. В этом смысле можно отметить, что избирательные комиссии осуществляют *опосредованное регулирование* политической конкуренции путем контроля за действиями конкурентов и принятия мер по недопущению нарушения ими установленных правил. Из этого следует, что положение избирательных комиссий на политическом рынке позволяет говорить об их достаточном потенциале в защите политической конкуренции. На это обращает внимание и С. В. Масленникова, по мнению которой избирательные комиссии наравне с органами юстиции, судами и правоохранительными органами осуществляют регулирование политической конкуренции, хотя реализуемые перечисленными органами меры не являются достаточными¹⁴.

Полномочия избирательных комиссий в отношении участников электоральных отношений, таким образом, позволяют говорить о наличии у них реальных инструментов для защиты политической конкуренции. При этом особую роль играет ЦИК РФ, занимающая руководящее положение в системе избирательных комиссий. В частности:

— ЦИК РФ осуществляет контроль за соблюдением избирательных прав при проведении выборов (п. «а» ч. 9 ст. 21 Закона № 67-ФЗ), а также рассматривает жалобы и заявления на решения и действия/бездействие нижестоящих комиссий с принятием по ним мотивированных решений, обязательных для этих комиссий (п. «к» ч. 8 ст. 21 Закона № 67-ФЗ). Избирательные комиссии субъектов РФ (пп. «а», «к» ч. 10 ст. 23 Закона № 67-ФЗ), комиссии муниципальных образований (пп. «а», «и» ч. 10 ст. 23 Закона № 67-ФЗ), окружные избирательные комиссии (пп. «а», «и» ч. 8 ст. 23 Закона № 67-ФЗ), территориальные (пп. «а», «з» ч. 9 ст. 23 Закона № 67-ФЗ) и участковые комиссии (пп. «д», «к» ч. 6 ст. 23 Закона № 67-ФЗ) также реализуют

¹³ См.: Шилов В. Н., Рылкина А. П. Политическая конкуренция: термин, понятие, форма деятельности // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 13 (108). С. 179.

¹⁴ См.: Масленникова С. В. Политическая конкуренция как приоритетная сфера конституционной регуляции // Развитие России и конституционное строительство: теория, методология, проектирование : материалы Всероссийской научной конференции. М., 2011. С. 263.

данные меры в пределах собственных полномочий;

— право обращения ЦИК РФ и иных комиссий в суд с иском о признании акта по вопросам реализации избирательных прав недействующим полностью или в части в случае, если комиссия полагает, что такой акт не соответствует иному акту, имеющему большую юридическую силу и нарушает избирательные права граждан либо компетенцию избирательной комиссии (ч. 4 ст. 208 Кодекса административного судопроизводства РФ¹⁵);

— право ЦИК РФ давать заключения о соответствии законов и иных нормативных актов субъектов РФ положениям Закона № 67-ФЗ и иным федеральным законам, регулирующим избирательные права и право на участие в референдуме граждан России (ч. 14 ст. 21 Закона № 67-ФЗ) и др.

Помимо вышеизложенного, важным элементом статуса избирательных комиссий является обязательность их решений к исполнению всеми субъектами избирательного процесса, что вытекает из ч. 13 ст. 20 Закона № 67-ФЗ. Акты ЦИК РФ, в свою очередь, обязательны и для всех нижестоящих комиссий (ч. 10 ст. 20 Закона № 67-ФЗ). В литературе правотворчество избирательных комиссий рассматривается как гарантия избирательных прав граждан¹⁶ и механизм обеспечения законности путем разрешения возникающих в связи с некачественным законодательством конфликтов, защиты и восстановления нарушенных избирательных прав, а также инструмент восполнения пробелов в избирательном законодательстве¹⁷. Согласно ч. 13 ст. 20 Закона № 67-ФЗ, спецификой решений и иных актов (в том числе нормативных) избирательных комиссий является отсутствие требований к их государственной регистрации, в силу чего они не могут быть отменены законодательными и исполнительными органами вла-

сти, а подлежат оспариванию в суде в порядке административного судопроизводства (п. 1 ст. 21 КАС РФ). Между тем такое регулирование не является полным, поскольку нормативные акты избирательных комиссий не вводят какие-либо новые правила или процедуры, а направлены на конкретизацию положений законодательства и обеспечение единообразия его применения.

Таким образом, в рамках политической конкуренции место избирательных комиссий определяется их *возможностями воздействия на условия конкурентной борьбы* как путем конкретизации закрепленных в избирательном законодательстве правил, так и благодаря механизмам, которые избирательные комиссии, и в первую очередь ЦИК РФ, могут использовать для защиты нарушенных избирательных прав. В то же время приходится констатировать наличие ряда проблем политико-правового характера, *ограничивающих возможности избирательных комиссий в защите политической конкуренции*, на чем хотелось бы остановиться подробнее.

Проблемы обеспечения независимости избирательных комиссий в защите политической конкуренции

Являясь органами власти соответствующих уровней (ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 23, ч. 2 ст. 24 Закона № 67-ФЗ), избирательные комиссии в пределах своих полномочий независимы от остальных органов публичной власти, должностных лиц или иных властных институтов. В этом смысле независимость избирательных комиссий представляет собой возможность принимать самостоятельные решения по реализации собственных полномочий. Это означает исключение какого-либо влияния извне на комиссии и

¹⁵ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

¹⁶ См.: Вискулова В. В. Правотворчество избирательных комиссий как гарантия избирательных прав граждан // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 12. С. 37–41.

¹⁷ См.: Правовые позиции избирательных комиссий России / под ред. С. В. Кабышева. М.: Формула права, 2016. С. 32–33.

их членов, что выступает важнейшим условием обеспечения конкурентных и честных выборов.

В силу своего статуса избирательные комиссии не вовлечены в какой-либо форме в борьбу за власть и не являются непосредственными участниками политической конкуренции. Отстраненность избирательных комиссий от политического рынка связана также с невозможностью осуществления ими прямого регулирования политических отношений. Это отличает избирательные комиссии от иных властных институтов, формируемых по результатам организованных ими выборов, например законодательных органов (способных через законодательство влиять на правила политической конкуренции) или должностных лиц, в первую очередь главы государства — Президента РФ. Будучи центральной фигурой в политической системе страны, Президент РФ является наиболее сильным (с точки зрения объема властных полномочий) политическим актором, а также выступает непосредственным участником политической конкуренции. Формальные и неформальные механизмы влияния иных субъектов на избирательные комиссии выступают ключевым фактором ограничения их независимости в рамках политической системы. В первую очередь это связано с текущим порядком формирования избирательных комиссий, отражающим их непосредственную связь с институтами власти, в избрании которых они принимают участие в качестве организаторов выборов.

Здесь хотелось бы обратить особое внимание на ЦИК РФ, поскольку порядок ее взаимоотношений с федеральными органами власти, как представляется, в наибольшей степени отражает институциональные проблемы обеспечения независимости избирательных комиссий. Так, состоящая из 15 членов ЦИК РФ формируется путем назначения в ее состав по 5 членов Президентом РФ, Государственной Думой РФ и Сове-

том Федерации РФ (ч. 4 ст. 21 Закона № 67-ФЗ). При этом ЦИК РФ организует федеральные выборы, по итогам которых определяется состав Государственной Думы РФ нового созыва и вновь избранный глава государства. Хотя срок полномочий ЦИК РФ составляет пять лет и равен сроку, на который избирается Государственная Дума РФ, но не превышает шестилетний срок полномочий Президента РФ. Это означает, что конкретное лицо, занимающее должность главы государства, неизбежно участвует в определении состава избирательной комиссии, которая будет осуществлять организацию очередных выборов президента. Опираясь на принцип формирования Совета Федерации, половина состава которого в силу принадлежности к исполнительной власти субъектов РФ непосредственно контролируется Президентом РФ, Б. Л. Вишневский отмечает, что даже в случае оппозиционной Президенту Государственной Думы РФ Президент гарантированно сохраняет контроль над ЦИК РФ¹⁸. О том, что единственным потенциальным противовесом главе государства в вопросе независимости ЦИК РФ является Государственная Дума РФ, свидетельствует и укрепление положения Президента РФ в Совете Федерации РФ по итогам внесенных в 2014 г.¹⁹ и 2020 г.²⁰ поправок к Основному закону страны. Так, глава государства получил право стать пожизненным сенатором при прекращении полномочий в связи с истечением срока пребывания в должности или досрочно в случае отставки (п. «б» ч. 2 ст. 95 Конституции РФ), а также право назначения до 30 представителей РФ в Совете Федерации РФ, из которых не более семи могут быть назначены пожизненно (п. «в» ч. 2 ст. 95 Конституции РФ). Из этого следует, что существенное участие Президента РФ в формировании ЦИК РФ не дает оснований полагать, что на сегодня данный орган может быть объективной и нейтральной стороной, спо-

¹⁸ См.: Вишневский Б. Л. Политическая конкуренция в России: хроника снижения // Политическая экспертиза: Политэкс. 2007. Т. 3, № 2. С. 291.

¹⁹ Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 21.07.2014 № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30. Ст. 4202.

²⁰ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

собной беспристрастно подходить к вопросам защиты политической конкуренции в масштабе избирательной системы всей страны, в первую очередь на федеральных выборах.

Таким образом, вертикальная система избирательных комиссий, возглавляемая ЦИК РФ, создает дополнительные возможности для установления внешнего контроля над всей системой, особенно с учетом руководящего места ЦИК РФ. Анализируя установленный порядок формирования избирательных комиссий, Т. В. Троицкая отмечает, что усиление влияния на них со стороны политических партий, органов исполнительной власти и органов местного самоуправления нередко приводит к подмене этими субъектами деятельности комиссий²¹. На проблемы обеспечения их независимости обращают внимание и изучающие электоральные процессы в России зарубежные авторы. Так, анализируя региональные выборы в России, профессор Кэмерон Росс относит фактор контроля избирательных комиссий к ключевой возможности государства манипулировать выборами, в том числе путем недопущения к участию в них оппозиционных партий и кандидатов²². Кроме этого, отмечается поощрение главами субъектов фальсификаций на выборах, которое зачастую объясняется их персональным желанием продемонстрировать лояльность федеральным властям²³. Политическая конкуренция, таким образом, не может существовать без открытой и прозрачной для народа как источника власти (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ) общественно-политической системы. Это предполагает минимизацию «теневых» политических практик и исключение ситуаций, в которых политическая конкуренция может стать объектом каких-либо ограничений, включая те, которые не находятся в плоскости правового регулирования.

Перспективы обеспечения независимости избирательных комиссий на политической арене

Как представляется, важнейшей составляющей институционализации избирательных комиссий является усиление их роли в рамках политической конкуренции, а закрепление за ними статуса органов соответствующих уровней не является достаточным и эффективным. В этой связи особое значение приобретает исключение какого-либо влияния на избирательные комиссии со стороны вовлеченных в политическую конкуренцию органов и должностных лиц, способных среди прочего пересматривать правовые основы их статуса и деятельности.

Существующий порядок взаимоотношений избирательных комиссий с иными органами власти, например ЦИК РФ с парламентом и в особенности с Президентом РФ, создает формальные и неформальные возможности для одностороннего воздействия на избирательные комиссии. Это сказывается на их самостоятельности и значительно ограничивает роль комиссий в механизме защиты политической конкуренции, что не способствует формированию прозрачной и конкурентной политической системы. В частности, в контексте ЦИК РФ одним из механизмов укрепления ее независимости и повышения роли в рамках политической конкуренции видится *снижение влияния главы государства на комиссию с усилением партийных и общественных начал в ее формировании*. Это может быть реализовано, например, путем передачи функций по назначению членов комиссии от Президента РФ и Совета Федерации РФ целиком к формируемой на партийной основе Государственной Думе РФ. При таком порядке назначение членов комиссии могло бы осуществляться по представлению как главы государства и законодательных органов субъектов РФ, так и различных общественных институтов и неком-

²¹ См.: Троицкая Т. В. Проблемы обеспечения независимости в работе избирательных комиссий России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1 (96). С. 113.

²² См.: Ross C. Regional elections in Russia: instruments of authoritarian legitimacy or instability? // Palgrave Communications. 2018. № 4 (75). P. 2.

²³ См.: Ananyev M., Poyker M. Do dictators signal strength with electoral fraud? // European Journal of Political Economy. 2022. Vol. 71 (C). P. 3.

мерческих организаций, в том числе Общественной палаты РФ, юридических сообществ, научных и образовательных организаций. С другой стороны, лишение Президента РФ возможности участия в определении состава федеральной избирательной комиссии, как представляется, было бы не в полной мере корректным. Особый конституционный статус главы государства предопределяет невозможность исключения его из данного процесса. Иное противоречило бы конституционным основам и принципам организации федеральных органов власти, согласно которым глава государства отнесен к числу субъектов, осуществляющих в России государственную власть (ч. 1 ст. 11 Конституции РФ). Несмотря на это, баланс в сохранении независимости ЦИК РФ и обеспечении участия в ее формировании Президента РФ видится в ограничении числа членов, которые могут быть назначены по его представлению, — не более одной трети от состава комиссии.

Включение избираемой на прямых выборах Государственной Думы РФ в порядок формирования ЦИК РФ видится одним из эффективных способов расширения народного представительства в комиссии. Это особенно актуально в связи с тем, что парламентские выборы характеризуются *более высоким уровнем конкуренции и широким охватом участников*, что в большей степени располагает к выражению избирателями своих политических и идеологических предпочтений²⁴. Кроме этого, наделение законодательных органов субъектов РФ возможностью участия в формировании ЦИК РФ (в дополнение к определению состава комиссий субъектов РФ согласно ч. 1 ст. 22 Закона № 67-ФЗ) является способом повышения роли политических партий, не допущенных к распределению мандатов в Государственной Думе РФ, но представленных в региональных парламентах. Усиление партийных начал в формировании избирательных комиссий, как представляется, имеет особое значение в реализации важнейших принципов их деятельности, в том числе *независимости*

от органов власти и политического нейтралитета. Как представляется, усиление партийных начал в формировании избирательных комиссий позволит обеспечить реализацию принципов открытости и гласности в их деятельности, что вытекает из ч. 5 ст. 3 и ст. 30 Закона № 67-ФЗ. Кроме этого, включение политических партий в процесс формирования ЦИК РФ видится последовательным продолжением текущего порядка формирования иных избирательных комиссий (ч. 1 ст. 22 Закона № 67-ФЗ).

С другой стороны, отнесение избирательных комиссий к органам соответствующего уровня и участие органов власти в их формировании не означает невозможность защиты избирательными комиссиями политической конкуренции. В частности, это не исключает возможность внедрения механизмов участия негосударственных объединений, включая институты гражданского общества, в обеспечении прозрачности и законности проведения выборов и в защите прав участников политической конкуренции. Вне зависимости от порядка организации избирательных комиссий, защита политической конкуренции требует и достаточной степени судебной защиты избирательных прав, а также обеспечения непрерывности общественного контроля за проведением выборов. Иными словами, комплексная защита политической конкуренции не может замыкаться лишь на избирательных комиссиях. В свою очередь, статус избирательных комиссий как органов власти может служить не столько ограничением их возможностей в защите политической конкуренции, сколько основанием для принятия ими публично-властных решений по защите политического рынка от возможных посягательств.

Как показывает зарубежный опыт, эффективный механизм обеспечения прозрачности и конкурентности выборов зачастую непосредственно связан с деятельностью органов государственной власти. Это актуально, например, когда отдельные функции по осуществлению избирательных процедур распределены между

²⁴ См.: Туровский Р. Ф. Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2018. № 2 (89). С. 25.

различными субъектами. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на Францию, где полномочия по реализации электоральных процедур, согласно Избирательному кодексу Франции²⁵, распределены между значительным числом органов и должностных лиц, относящихся к исполнительной ветви власти, а также к региональным и муниципальным властям. Так, участие в организации выборов в этой стране принимают подразделения Министерства внутренних дел (ст. L57-1), Министерства экономики и финансов (в частности, составляющий списки избирателей Национальный институт статистики и экономических исследований (ст. L16)), муниципальные органы и создаваемые на их основе комиссии (например, рассматривающие споры по формированию списков избирателей контрольные комиссии (ст. L19)) и др. К участвующим в организации выборов субъектам можно отнести и отдельных должностных лиц, например мэров, которые проверяют заявления граждан о регистрации в качестве избирателей на соответствие требованиям (ст. L18). Подобная децентрация единой функции, которую в России осуществляет вертикальная система избирательных комиссий во главе с ЦИК РФ, позволяет избежать сосредоточения всего объема полномочий по организации избирательных процедур у одного органа. При этом характерной особенностью французской модели является также значительное количество органов, контролирующих законность действий участников избирательного процесса. Помимо органов административной юстиции (административных трибуналов), к ним относятся Высший аудиовизуальный совет Франции (ст. L167-1 Избирательного кодекса Франции); Национальная комиссия по счетам избирательных кампаний и политическому финансированию (ст. L52-12, L52-14, L52-15); создаваемые в

муниципалитетах комиссии по контролю за проведением голосования (ст. L85-1); создаваемые в избирательных округах комиссии, отвечающие за отправку и распространение предвыборных агитационных материалов (ст. L166), и др. Существование множества организующих и контролирующих выборы субъектов, таким образом, должно обеспечивать *неподконтрольность участников этих процедур какому-либо одному властному институту*, что позволяет минимизировать возможности для влияния на ход проведения выборов и их фальсификации на каждом этапе электорального процесса. С точки зрения политической конкуренции, такой порядок предполагает максимальное отдаление участвующих в организации выборов органов от политического рынка. Это способствует их незаинтересованности в результатах политической борьбы и одновременно затрудняет установление контроля над всей системой, в том числе со стороны субъектов, занимающих доминирующее положение на политическом рынке.

Ключевые направления повышения роли избирательных комиссий в рамках политической конкуренции

Как было представлено выше, избирательные комиссии, не являясь участниками политической конкуренции, *непосредственным образом вовлечены в ее защиту в силу предоставленных им полномочий*. В этой связи хотелось бы оценить перспективу признания ЦИК РФ и иных комиссий «регуляторами»²⁶ политической конкуренции по аналогии с антимонопольным органом на товарном рынке, тем более, что применение экономического подхода и законов экономики в изучении политики активно применяется в анализе избирательных отношений²⁷.

²⁵ См.: Избирательный кодекс Французской Республики (Code électoral) // Официальный сайт правительства Франции. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006070239> (дата обращения: 12.06.2022).

²⁶ Необходимо сразу оговориться, что использование термина «регулятор» может быть осуществлено в контексте политики в отношении избирательных комиссий лишь условно, о чем будет сказано далее.

²⁷ См., например: Исобчук М. В. Фрагментация регионализма как фактор его динамики // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2020. № 14 (3). С. 37; Афонцев С. А. Политические рынки и

Как уже было отмечено, избирательные комиссии и сегодня осуществляют *опосредованное регулирование избирательных отношений в установленных Законом № 67-ФЗ пределах*. Помимо закрепленных за ними полномочий, они могут быть наделены возможностями для реализации дополнительных мер в сфере защиты политической конкуренции, что может найти свое отражение как в формировании конкретных правил поведения «конкурентов» (без подмены законодателя), так и в реализации активных действий на политическом рынке. В частности, на ЦИК РФ и избирательные комиссии субъектов РФ, как представляется, могла бы быть возложена правовая экспертиза федеральных и региональных законопроектов по вопросам избирательного законодательства, а также возможность по аналогии с антимонопольным органом выдавать участникам избирательных отношений обязательные для исполнения предписания в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 23 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»²⁸. Кроме этого, положительный эффект может иметь предоставление ЦИК РФ права выносить подлежащие опубликованию правовые заключения и разъяснения по применению положений Закона № 67-ФЗ, а также конституционное требование о наличии заключения ЦИК РФ к законопроектам по вопросам избирательного законодательства для внесения их в Государственную Думу РФ.

В контексте совершенствования партийного строительства и защиты интересов политических партий перспективным направлением деятельности ЦИК РФ видится и противодействие так называемым фейковым партиям (пар-

тиям-спойлерам), цель которых, как показывает практика, не участие в политической жизни общества по смыслу ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях»²⁹, а оттягивание голосов у остальных партий путем введения потенциальных избирателей в заблуждение ввиду сходства их названий с названиями иных политических партий до степени смешения³⁰. Использование таких партий в избирательных кампаниях *является примером недобросовестной конкуренции в политике*. Это соответствует и экономическому понятию недобросовестной конкуренции, то есть действиям, «которые направлены на получение преимуществ» и, помимо законодательства, противоречат «обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости» (п. 9 ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции»). Важным признаком этого явления антимонопольное законодательство определяет реальное или потенциальное причинение убытков конкурентам *либо нанесение вреда их деловой репутации*. В связи с этим возникает вопрос: на кого должна быть возложена функция по пресечению подобных действий, направленных на нарушение конкурентного правопорядка в политике? На сегодняшний день юридических возможностей ликвидировать либо приостановить деятельность таких политических партий не существует, поскольку их действия (бездействие) на конкретных выборах или в межвыборный период не подпадают под формальные основания для прекращения или приостановления деятельности, предусмотренные главой 9 Федерального закона «О политических партиях». При этом решение о ликвидации или при-

экономическая политика. Изд. 2-е. М.: Леланд, 2015. С. 49–60; *Ергонова Е. Г.* Электоральный маркетинг политических партий // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2010. № 6. С. 212.

²⁸ СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3434.

²⁹ СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

³⁰ См., например: *Аминова Г. Г.* Партии-спойлеры как угроза развитию политической конкуренции // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Научные сообщения. 2015. № 2. С. 129; *Любарев А. Е.* Корреляционный анализ итогов голосования на российских федеральных и региональных выборах 2011–2018 гг. // Политическая наука. 2021. № 1. С. 217; *Асеев С. Ю., Шашкова Я. Ю.* Новые российские партии в политическом процессе: проблемы эффективности участия // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. № 2 (86). С. 212.

остановлении деятельности партии принимается Верховным Судом РФ, а заинтересованная политическая партия — конкурент не уполномочена подавать соответствующее заявление, так как этим правом наделено только Министерство юстиции РФ (ч. 1 ст. 39, ч. 4 ст. 41 Федерального закона «О политических партиях»). Таким образом, в рамках рассмотренного примера о противодействии недобросовестной конкуренции прослеживаются проблемы регулирования выборов и деятельности политических партий, которые могли бы быть решены путем наделения ЦИК РФ *дополнительными возможностями по контролю за политическими партиями во время выборов и в межвыборный период*. Это отражает проблему качественных характеристик политической (электоральной) конкуренции, эффективность которой, как отмечается в литературе, определяется способностью избирательных механизмов разрушать *монополию отдельных фракций локальных групп на доступ к важнейшим управленческим позициям*³¹. Качество политической конкуренции при таком понимании обуславливается наличием у конкурентов возможности беспрепятственно осуществлять соответствующие закону действия и пользоваться гарантиями защиты их законных прав и интересов. В этом смысле развитие конкуренции подразумевает улучшение демократических процедур, институтов и практик, а не сам по себе факт увеличения числа конкурентов.

В то же время при рассмотрении политической конкуренции с опорой на модель правового регулирования рыночных отношений необходимо обратить внимание на следующее. Как

представляется, именно в контексте изучения выборов, являющихся по своей природе конкурентной борьбой³², в наибольшей степени допустимо применение аналогий из области рыночной конкуренции. Несмотря на это, применение такого подхода в анализе электоральных процессов должно осуществляться с учетом объективных признаков, характеризующих политические и экономические отношения. Так, в литературе применение методологии экономической науки в исследовании политических явлений (так называемый экономический империализм³³) подвергается критике, что связано в том числе с искусственным использованием понятийно-категориального аппарата маркетинговых технологий в политической сфере. Политическое, как отмечает Е. А. Осипова, онтологически не встраивается в рыночное пространство, а в рамках «маркетинговой идеологии постоянно осуществляется подмена понятий», что проявляется, например, в рассмотрении всех политических явлений с позиций продаж и потребления³⁴. Действительно, в силу объективных характеристик политики и особенностей правового регулирования избирательных отношений *прямые и повсеместные аналогии с экономикой не всегда могут быть методологически корректны и уместны*. Это касается и признания избирательных комиссий «регуляторами» политической конкуренции по аналогии с антимонопольным органом на товарном рынке. Избирательные комиссии, как было представлено выше, *не могут осуществлять регулирование в полной мере*, поскольку возможности их влияния на правила политической конкуренции, что особенно актуально в

³¹ См.: Зорин В. А. Конкурентность муниципальных выборов в Челябинской области в 2005–2007 гг. // Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета / под ред. С. А. Баканова, Г. А. Гончарова. Челябинск : Рекпол, 2008. Т. 2. С. 69.

³² См., например: Володина С. В. Указ. соч. С. 31, 34 ; Федоркин Н. С. Управление рисками в избирательной кампании // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2016. № 3. С. 30 ; Белоус Ю. С. Предвыборная агитация и информационное обеспечение выборов во взаимосвязи стадий избирательного процесса // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. № 4. С. 36.

³³ См.: Вольчик В. В. Междисциплинарность в экономической науке: между империализмом и плюрализмом // Terra Economicus. 2015. № 13 (4). С. 52, 54.

³⁴ См.: Осипова Е. А. Маркетинговая экспансия в пространство политического // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2015. № 11 (154). С. 11.

рамках нормотворческой деятельности ЦИК РФ, ограничены узким кругом вопросов организационно-технического обеспечения проведения выборов и референдумов. Кроме этого, несмотря на имеющиеся механизмы воздействия избирательных комиссий на политический рынок, сегодня не представляется возможным говорить о каких-либо серьезных возможностях для защиты ими политической конкуренции. Данные факторы, а также комплексные проблемы в обеспечении независимости избирательных комиссий, повышении прозрачности электоральных процедур и поддержании стабильности избирательной системы в целом свидетельствуют об ограниченных возможностях по принятию избирательными комиссиями эффективных мер по защите конкурентного правового порядка в политике. При этом в рамках изучения политической конкуренции как правовой категории опора на экономический подход позволяет по-новому взглянуть на направления ее обеспечения и защиты, тем более что экономическая конкуренция имеет под собой развитую теоретическую базу в совокупности с реализованным и во многом эффективным механизмом ее обеспечения и защиты.

Заключение

Как видится, одной из первостепенных задач совершенствования избирательного законодательства России, в том числе вопросов статуса избирательных комиссий, является формирование условий для сглаживания объективно существующих издержек политической конкуренции, например возможностей для ее ограничения или злоупотребления доминирующим положением. В таких условиях важнейшим направлением деятельности избирательных комиссий выступает защита прав и законных интересов участников электорального процесса,

которые в силу специфики политических отношений не всегда располагают равными возможностями и ресурсами. Между тем преждевременно говорить об эффективности деятельности избирательных комиссий в защите политической конкуренции. Это связано как с *текущим порядком их формирования*, в том числе возглавляющей их систему ЦИК РФ, так и с *ограниченными возможностями комиссий по влиянию на конкурентный правовой порядок в политике*. Выход из сложившейся ситуации видится в расширении полномочий ЦИК РФ и иных комиссий, усилении гарантий их независимости и самостоятельности, а также в построении открытой и конкурентной политической системы, в рамках которой будут воплощены конституционные основы организации публичной власти в России.

Несмотря на то что в вопросах защиты политической конкуренции первоочередное обращение к статусу ЦИК РФ в масштабе всей страны видится обоснованным, важнейшее значение в обеспечении прозрачности и законности выборов имеют также комиссии, осуществляющие подготовку и проведение выборов на самом нижестоящем уровне. Так, исследующие российскую избирательную систему зарубежные авторы отмечают, что, несмотря на акцентирование учеными внимания на федеральных и региональных избирательных комиссиях, именно избирательные комиссии самого нижнего уровня служат инструментом фальсификаций и манипуляций на выборах³⁵, в том числе путем вовлечения в них сотрудников школ и использования административного давления³⁶. Проблемы в обеспечении независимости и беспристрастности избирательных комиссий подчеркивает и Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ, специалисты которого при анализе выборов в Государственную Думу РФ 2021 г. отмечали назначение в комиссии ответственных лиц, ранее вовле-

³⁵ См.: Bader M. The Role of Precinct Commissions in Electoral Manipulation in Russia: Does Party Affiliation Matter? // Russian Politics. 2017. Vol. 2. Iss. 4. P. 452.

³⁶ Forrat N. Shock-Resistant Authoritarianism: Schoolteachers and Infrastructural State Capacity in Putin's Russia // Comparative Politics. 2018. Vol. 50, № 3. P. 421, 425, 431.

ченных в нарушения избирательного законодательства и имевших тесные связи с местной администрацией³⁷. Изложенные факторы актуализируют *необходимость системного подхода к защите политической конкуренции на всех уровнях публичной власти*. Это требует

качественного реформирования избирательной системы России с вовлечением в нее институтов гражданского общества, а также повышения общественного контроля за деятельностью избирательных комиссий и участников политической конкуренции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алисова Л. Н., Гончаров Л. А. Институт межпартийной конкуренции в структуре современного парламентаризма // Наука. Культура. Общество. — 2019. — 1. — С. 59–66.
2. Аминова Г. Г. Партии-спойлеры как угроза развитию политической конкуренции // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Научные сообщения. — 2015. — № 2. — С. 127–132.
3. Асеев С. Ю., Шашкова Я. Ю. Новые российские партии в политическом процессе: проблемы эффективности участия // Известия Алтайского государственного университета. — 2015. — Том 1, № 2 (86). — С. 207–214.
4. Афонцев С. А. Политические рынки и экономическая политика. — Изд. 2-е. — М. : Леланд, 2015. — 384 с.
5. Белоус Ю. С. Предвыборная агитация и информационное обеспечение выборов во взаимосвязи стадий избирательного процесса // Проблемы экономики и юридической практики. — 2007. — № 4. — С. 36–40.
6. Вискулова В. В. Правотворчество избирательных комиссий как гарантия избирательных прав граждан // Государственная власть и местное самоуправление. — 2012. — № 12. — С. 37–41.
7. Вишневский Б. Л. Политическая конкуренция в России: хроника снижения // Политическая экспертиза: Политэкс. — 2007. — Т. 3, № 2. — С. 287–295.
8. Володина С. В. Институциональные факторы влияния на политическую конкуренцию: основные подходы к изучению и современная российская практика // Сравнительное конституционное обозрение. — 2014. — № 4 (101). — С. 27–36.
9. Вольчик В. В. Междисциплинарность в экономической науке: между империализмом и плюрализмом // Terra Economicus. — 2015. — № 13 (4). — С. 52–64.
10. Ергонова Е. Г. Электоральный маркетинг политических партий // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. — 2010. — № 6. — С. 212–216.
11. Зорин В. А. Конкурентность муниципальных выборов в Челябинской области в 2005–2007 гг. // Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета / под ред. С. А. Баканова, Г. А. Гончарова. Т. 2. — Челябинск : Рекпол, 2008. — С. 69–78.
12. Исобчук М. В. Фрагментация регионализма как фактор его динамики // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». — 2020. — № 14 (3). — С. 35–45.
13. Курочкин А. В. Причины ограниченной электоральной конкуренции российских политических партий // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». — 2019. — Т. 29. — С. 19–27.
14. Лукьянова Е. А. Конкуренция в политике = конкуренция в бизнесе? // Современная конкуренция. — 2007. — № 3. — С. 61–69.

³⁷ См.: State Duma Elections 19 September 2021, Russian Federation. ODIHR Needs Assessment Mission Report, 31 May — 4 June 2021 // The OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR). P. 6. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/f/491066_0.pdf (дата обращения: 12.06.2022).

15. Любарев А. Е. Корреляционный анализ итогов голосования на российских федеральных и региональных выборах 2011–2018 гг. // Политическая наука. — 2021. — № 1. — С. 205–225.
16. Масленникова С. В. Политическая конкуренция как приоритетная сфера конституционной регуляции // Развитие России и конституционное строительство: теория, методология, проектирование : материалы Всероссийской научной конференции. — М., 2011. — С. 260–266.
17. Нежданов Д. В., Русакова О. Ф. «Политический рынок» как системообразующая метафора современного политологического дискурса // Полис. Политические исследования. — 2011. — № 4. — С. 158–170.
18. Обухов Д. В. Политическая конкуренция и политический рынок в пространстве социальной реальности // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 4. — С. 38–40.
19. Осипова Е. А. Маркетинговая экспансия в пространство политического // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». — 2015. — № 11 (154). — С. 9–17.
20. Правовые позиции избирательных комиссий России / под ред. С. В. Кабышева. — М. : Формула права, 2016. — 376 с.
21. Троицкая Т. В. Проблемы обеспечения независимости в работе избирательных комиссий России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2014. — № 1 (96). — С. 111–115.
22. Туровский Р. Ф. Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». — 2018. — № 2 (89). — С. 23–50.
23. Шалашова О. Н. Институциональный анализ российской избирательной системы // Управленческое консультирование. — 2020. — № 3. — С. 99–109.
24. Шилов В. Н., Рылкина А. П. Политическая конкуренция: термин, понятие, форма деятельности // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». — 2011. — № 13 (108). — С. 176–184.
25. Федоркин Н. С. Управление рисками в избирательной кампании // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. — 2016. — № 3. — С. 23–37.
26. Ananyev M., Poyker M. Do dictators signal strength with electoral fraud? // European Journal of Political Economy. — 2022. — Vol. 71 (C). — 15 p. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2021.102075>.
27. Bader M. The Role of Precinct Commissions in Electoral Manipulation in Russia: Does Party Affiliation Matter? // Russian Politics. — 2017. — Vol. 2. — Iss. 4. — P. 434–453. — DOI: <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00204003>.
28. Forrat N. Shock-Resistant Authoritarianism: Schoolteachers and Infrastructural State Capacity in Putin's Russia // Comparative Politics. — 2018. — Vol. 50, № 3. — P. 417–449. — DOI: <https://doi.org/10.5129/001041518822704908>.
29. Rochlitz M., Mitrokhina E., Nizovkina I. Bureaucratic discrimination in electoral authoritarian regimes: Experimental evidence from Russia // European Journal of Political Economy. — 2021. — № 66, Article 101957. — 20 p. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2020.101957>.
30. Ross C. Regional elections in Russia: instruments of authoritarian legitimacy or instability? // Palgrave Communications. — 2018. — № 4 (75). — 9 p. — DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-018-0137-1>.
31. State Duma Elections 19 September 2021, Russian Federation. ODIHR Needs Assessment Mission Report, 31 May — 4 June 2021 // The OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR). — 14 p. — URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/f/491066_0.pdf (дата обращения: 12.06.2022).

Материал поступил в редакцию 28 июня 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alisova L. N., Goncharov L. A. Institut mezhpartiynoy konkurentsii v strukture sovremennogo parlamentarizma // Nauka. Kultura. Obshchestvo. — 2019. — 1. — S. 59–66.
2. Aminova G. G. Partii-spyolery kak ugroza razvitiyu politicheskoy konkurentsii // Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. Nauchnye soobshcheniya. — 2015. — № 2. — S. 127–132.
3. Aseev S. Yu., Shashkova Ya. Yu. Novye rossiyskie partii v politicheskom protsesse: problemy effektivnosti uchastiya // Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2015. — Tom 1, № 2 (86). — S. 207–214.
4. Afontsev S. A. Politicheskie rynki i ekonomicheskaya politika. — Izd. 2-e. — M.: Leland, 2015. — 384 s.
5. Belous Yu. S. Predvybornaya agitatsiya i informatsionnoe obespechenie vyborov vo vzaimosvyazi stadiy izbiratel'nogo protsessa // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. — 2007. — № 4. — S. 36–40.
6. Viskulova V. V. Pravotvorchestvo izbiratel'nykh komissiy kak garantiya izbiratel'nykh prav grazhdan // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie. — 2012. — № 12. — S. 37–41.
7. Vishnevskiy B. L. Politicheskaya konkurentsia v Rossii: khronika snizheniya // Politicheskaya ekspertiza: Politeks. — 2007. — T. 3, № 2. — S. 287–295.
8. Volodina S. V. Institutsionalnye faktory vliyaniya na politicheskuyu konkurentsiyu: osnovnye podkhody k izucheniyu i sovremennaya rossiyskaya praktika // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. — 2014. — № 4 (101). — S. 27–36.
9. Volchik V. V. Mezhdistsiplinarnost v ekonomicheskoy nauke: mezhdru imperializmom i plyuralizmom // Terra Economicus. — 2015. — № 13 (4). — S. 52–64.
10. Ergonova E. G. Elektoralnyy marketing politicheskikh partiy // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. — 2010. — № 6. — S. 212–216.
11. Zorin V. A. Konkurentnost munitsipal'nykh vyborov v Chelyabinskoy oblasti v 2005–2007 gg. // Trudy kafedry noveyshey istorii Rossii Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta / pod red. S. A. Bakanova, G. A. Goncharova. T. 2. — Chelyabinsk: Rekol, 2008. — S. 69–78.
12. Isobchuk M. V. Fragmentatsiya regionalizma kak faktor ego dinamiki // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Politologiya». — 2020. — № 14 (3). — S. 35–45.
13. Kurochkin A. V. Prichiny ogranichennoy elektoralnoy konkurentsii rossiyskikh politicheskikh partiy // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie». — 2019. — T. 29. — S. 19–27.
14. Lukyanova E. A. Konkurentsia v politike = konkurentsia v biznese? // Sovremennaya konkurentsia. — 2007. — № 3. — S. 61–69.
15. Lyubarev A. E. Korrelyatsionnyy analiz itogov golosovaniya na Rossiyskikh Federalnykh i regionalnykh vyborakh 2011–2018 gg. // Politicheskaya nauka. — 2021. — № 1. — S. 205–225.
16. Maslennikova S. V. Politicheskaya konkurentsia kak prioritelnaya sfera konstitutsionnoy regul'yatsii // Razvitie Rossii i konstitutsionnoe stroitel'stvo: teoriya, metodologiya, proektirovanie: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. — M., 2011. — S. 260–266.
17. Nezhdanov D. V., Rusakova O. F. «Politicheskii rynek» kak sistemoobrazuyushchaya metafora sovremennogo politologicheskogo diskursa // Polis. Politicheskie issledovaniya. — 2011. — № 4. — S. 158–170.
18. Obukhov D. V. Politicheskaya konkurentsia i politicheskii rynek v prostranstve sotsialnoy realnosti // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. — 2011. — № 4. — S. 38–40.
19. Osipova E. A. Marketingovaya ekspansiya v prostranstvo politicheskogo // Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya». — 2015. — № 11 (154). — S. 9–17.
20. Pravovye pozitsii izbiratel'nykh komissiy Rossii / pod red. S. V. Kabysheva. — M.: Formula prava, 2016. — 376 s.
21. Troitskaya T. V. Problemy obespecheniya nezavisimosti v rabote izbiratel'nykh komissiy Rossii // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. — 2014. — № 1 (96). — S. 111–115.
22. Turovskiy R. F. Prezidentskie vybory v Rossii: vozmozhnosti i predely elektoralnoy konsolidatsii // Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki «Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz». — 2018. — № 2 (89). — S. 23–50.

23. Shalashova O. N. Institutsionalnyy analiz rossiyskoy izbiratelnoy sistemy // Upravlencheskoe konsultirovanie. — 2020. — № 3. — S. 99–109.
24. Shilov V. N., Rylkina A. P. Politicheskaya konkurentsia: termin, ponyatie, forma deyatel'nosti // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya «Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika». — 2011. — № 13 (108). — S. 176–184.
25. Fedorkin N. S. Upravlenie riskami v izbiratelnoy kampanii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12, Politicheskie nauki. — 2016. — № 3. — S. 23–37.
26. Ananyev M., Poyker M. Do dictators signal strength with electoral fraud? // European Journal of Political Economy. — 2022. — Vol. 71 (C). — 15 p. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2021.102075>.
27. Bader M. The Role of Precinct Commissions in Electoral Manipulation in Russia: Does Party Affiliation Matter? // Russian Politics. — 2017. — Vol. 2. — Iss. 4. — P. 434–453. — DOI: <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00204003>.
28. Forrat N. Shock-Resistant Authoritarianism: Schoolteachers and Infrastructural State Capacity in Putin's Russia // Comparative Politics. — 2018. — Vol. 50, № 3. — P. 417–449. — DOI: <https://doi.org/10.5129/001041518822704908>.
29. Rochlitz M., Mitrokhina E., Nizovkina I. Bureaucratic discrimination in electoral authoritarian regimes: Experimental evidence from Russia // European Journal of Political Economy. — 2021. — № 66, Article 101957. — 20 p. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2020.101957>.
30. Ross C. Regional elections in Russia: instruments of authoritarian legitimacy or instability? // Palgrave Communications. — 2018. — № 4 (75). — 9 p. — DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-018-0137-1>.
31. State Duma Elections 19 September 2021, Russian Federation. ODIHR Needs Assessment Mission Report, 31 May — 4 June 2021 // The OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR). — 14 p. — URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/f/491066_0.pdf (data obrashcheniya: 12.06.2022).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.060-077

И. С. Андреечев*

Практика реализации в административном судопроизводстве и нормотворчестве запрета на преодоление решения суда о признании нормативного правового акта недействующим повторным принятием такого же акта

Аннотация. В статье исследуется содержание запрета на преодоление решения суда о признании нормативного правового акта недействующим повторным принятием такого же акта как одного из юридических последствий таких судебных решений. На основе рассмотрения правовых позиций Конституционного Суда РФ выявляется конституционно-правовое предназначение данного запрета. Проведенное исследование судебной практики рассмотрения дел об оспаривании нормативных правовых актов свидетельствует о достаточно частых нарушениях данного запрета. Учитывая такие правовые позиции, судам следует давать негативную оценку ситуациям преодоления судебных решений о признании нормативного правового акта недействующим повторным принятием такого же акта, в том числе с точки зрения проявления неуважения к судебной власти и ее решениям. В целях исключения таких ситуаций требуется последовательная реализация в сфере нормотворчества принципа конституционной добросовестности и разумности действий органов публичной власти, сформированного в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Требуется внимание и вопрос развития механизмов конституционно-правовой ответственности органов публичной власти в случае нарушения данного запрета. Одновременно необходима корректировка КАС РФ в части установления исключений возможности преодоления данного запрета. С учетом существенного влияния судебного нормоконтроля на нормотворчество не менее значимо обеспечение единообразия и обобщение судебной практики по вопросам оспаривания нормативных правовых актов, особенно вследствие создания апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции. Решение данного вопроса видится во введении обязательного обобщения практики судебного нормоконтроля в отношении нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Ключевые слова: судебный нормоконтроль; административное судопроизводство; оспаривание нормативных правовых актов; нормотворчество; обязательность судебных постановлений; исполнимость судебных

© Андреечев И. С., 2023

* Андреечев Игорь Сергеевич, заместитель руководителя администрации — директор правового департамента администрации Губернатора Архангельской области и Правительства Архангельской области
Троицкий просп., д. 49, оф. 231, г. Архангельск, Россия, 163000
andreechev@dvinaland.ru

постановлений; принцип конституционной добросовестности; уважение к суду; эффективность правосудия; упрощенное (письменное) производства.

Для цитирования: Андреечев И. С. Практика реализации в административном судопроизводстве и нормотворчестве запрета на преодоление решения суда о признании нормативного правового акта недействующим повторным принятием такого же акта // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 60–77. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.060-077.

Implementation of the Prohibition on Overcoming a Court Decision on Recognition of a Normative Legal Act as Invalid by Re-Adoption of the Same Act in Administrative Proceedings and Rulemaking

Igor S. Andreechev, Deputy Head, Administration; Director, Legal Department, Administration of the Governor of the Arkhangelsk Region and the Government of the Arkhangelsk Region
prosp. Troitskiy, d. 49, office 231, Arkhangelsk, Russia, 163000
andreechev@dvinaland.ru

Abstract. The paper examines the content of the prohibition on overcoming a court decision on recognition of a normative legal act as invalid by the repeated adoption of the same act as one of the legal effects of such court decisions. Based on examination of legal standings of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author explains the constitutional and legal purpose of the prohibition under consideration. The study of the judicial practice of considering cases challenging regulatory legal acts indicates fairly frequent violations of this prohibition. Taking into account legal standings, courts should evaluate negatively situations when courts overcome recognition of a normative legal act as invalid by the repeated adoption of the same act also from the point of view of showing disrespect for the judiciary and its decisions. In order to exclude such situations, consistent implementation of the principle of constitutional integrity and reasonableness of actions of public authorities, formed in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, is required in the field of rule-making. The issue of developing mechanisms of constitutional and legal responsibility of public authorities in case of violation of this prohibition also requires attention. At the same time, it is necessary to adjust the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (CAP of RF) in terms of establishing exceptions to the possibility of overcoming this prohibition. Taking into account the significant impact of judicial examination of compliance with regulatory acts, it is no less important to ensure uniformity and generalization of judicial practice on issues of challenging normative legal acts, especially as a result of creation of appeal and cassation courts of general jurisdiction. This issue can be resolved through introduction of a mandatory generalization of the practice of judicial rule control in relation to regulatory legal acts of constituent entities of the Russian Federation and municipalities.

Keywords: judicial examination of compliance with regulatory documents; administrative proceedings; challenging of normative legal acts; rulemaking; binding judicial decisions; enforceability of judicial decisions; principle of constitutional integrity; respect for the court; efficiency of justice; simplified (written) proceedings.

Cite as: Andreechev IS. Praktika realizatsii v administrativnom sudoproizvodstve i normotvorchestve zapreta na preodolenie resheniya suda o priznanii normativnogo pravovogo akta nedeystvuyushchim povtornym prinyatiem takogo zhe akta [Implementation of the Prohibition on Overcoming a Court Decision on Recognition of a Normative Legal Act as Invalid by Re-Adoption of the Same Act in Administrative Proceedings and Rulemaking]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(1):60-77. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.060-077. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Развитие судебного нормоконтроля, осуществляемого в порядке административного судопроизводства, свидетельствует о его превращении в мощный инструмент обеспечения законности нормативных правовых актов (далее — нормативный акт) органов публичной власти, а также защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов граждан и организаций.

Юридическим последствием признания судом нормативного акта недействующим, то есть не подлежащим применению (п. 1 ч. 2 ст. 215 КАС РФ), является запрет на его применение полностью или в части (ч. 1 ст. 216 КАС РФ) и соответственно исключение из системы правового регулирования. Указанные последствия решения суда, помимо приведенных норм КАС РФ, отражены в правовых позициях Конституционного Суда РФ¹ и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами»² (абз. 3 п. 1).

Определяя юридическую силу судебных решений, часть 3 ст. 216 КАС РФ предусматривает, что решение не может быть преодолено повторным принятием такого же нормативного акта (далее — запрет на преодоление). С. В. Никитин рассматривает это свойство как одну из форм

влияния судебного решения на нормативный акт³, а И. Р. Медведев отмечает, что оно обеспечивает эффективное восстановление как прав, уже нарушенных, так и тех, которые могут быть нарушены в будущем⁴. В этой связи уместно привести позицию Конституционного Суда РФ, что такими решениями удовлетворяется как индивидуальный интерес лиц в защите принадлежащих им прав (уже нарушенных применением акта или находящихся под непосредственной угрозой нарушения в будущем), так и общественный интерес в поддержании законности и правопорядка в целом⁵. Несмотря на научный и практический интерес к исследованию судебного нормоконтроля и его влияния на нормотворчество, изучению содержания запрета на преодоление, практики его реализации в административном судопроизводстве и нормотворчестве не уделено достаточного внимания, что и составляет цель данного исследования⁶.

1. Юридические последствия признания судом нормативного акта недействующим

В силу правовых позиций, выраженных Конституционным Судом РФ⁷, решение суда, которым нормативный акт признан несоответствующим, не является подтверждением его недействительности, его отмены судом или лишения юридической силы, а означает признание его не-

¹ См.: постановления Конституционного Суда РФ от 06.12.2017 № 37-П (абз. 1 п. 4 мотивировочной части), от 06.07.2018 № 29-П (абз. 6 п. 2 мотивировочной части), от 11.01.2019 № 2-П (абз. 3 п. 2 мотивировочной части) и от 25.02.2020 № 9-П (абз. 3 п. 2 мотивировочной части).

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

³ Никитин С. В. Понятие и формы судебного нормоконтроля // Антология научной мысли : К 10-летию Российской академии правосудия : сборник статей / отв. ред. В. В. Ершов, Н. А. Тузов. М. : Статут, 2008. С. 562.

⁴ Медведев И. Р. Оспаривание неопубликованных (незарегистрированных) нормативных правовых актов: последняя практика Верховного Суда Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 11. С. 7.

⁵ См.: постановления Конституционного Суда РФ от 06.07.2018 № 29-П (абз. 6 п. 2 мотивировочной части), от 11.01.2019 № 2-П (абз. 3 п. 2 мотивировочной части) и от 25.02.2020 № 9-П (абз. 3 п. 2 мотивировочной части).

⁶ Анализ судебной практики проведен с использованием СПС «КонсультантПлюс» (по состоянию на 01.05.2022).

⁷ См.: постановления Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П, от 11.04.2000 № 6-П, от 18.07.2003 № 13-П и от 27.01.2004 № 1-П.

действующим и не подлежащим применению. Реализация данных юридических последствий обеспечивается тем, что решения, принятые в порядке судебного нормоконтроля, доводятся в надлежащем порядке до сведения широкого круга лиц (п. 2 ч. 4 ст. 215 и ч. 1 ст. 216 КАС РФ). В целях исполнения судебного решения орган публичной власти, принявший акт, который признан недействующим, должен привести нормативное регулирование в соответствие с нормативными актами более высокой юридической силы, учитывая мотивы судебного решения. Этим и обусловлено введение запрета на преодоление. Данное требование впервые было закреплено в ч. 4 ст. 253 ГПК РФ, на основании которой начала формироваться практика его применения. Например, при оценке закона Ленинградской области о поддержке инвестиционной деятельности в части понятия «инвесторы», которое было сформулировано в нарушение федеральных законов об инвестиционной деятельности, защите конкуренции и ограничивало круг потенциальных инвесторов, суд указал, что оспариваемая норма принята с нарушением требований ч. 4 ст. 253 ГПК РФ, так как ранее эта же норма признавалась недействующей (решение Ленинградского областного суда принято в апреле 2003 г.⁸, а повторное — в марте 2007 г.⁹).

Несмотря на различия конституционного нормоконтроля и судебного нормоконтроля, осуществляемого судами общей юрисдикции (в том числе в части юридических последствий судебного решения), в данном свойстве проявляется их общность. Применительно к деятельности Конституционного Суда РФ оно закреплено в ч. 2 ст. 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Консти-

туционный Суд РФ данное свойство соотносит с широким кругом судебных постановлений. Так, в постановлении от 17.03.2009 № 5-П¹⁰ предусмотрено, что преодоление судебного решения путем принятия административным органом юрисдикционного акта, влекущего для участников спора, по которому было принято судебное решение, иные последствия, нежели определенные судебным решением, означает нарушение судебных гарантий прав и свобод, не соответствует природе правосудия, которое осуществляется только судом, и несовместимо с принципами самостоятельности судебной власти, независимости суда и его подчинения только Конституции РФ и федеральному закону¹¹.

Предназначение данного запрета — обеспечение учета в нормотворчестве позиций судов, сформированных при разрешении дела в порядке административного судопроизводства. Не случайно в юридической литературе отмечается, что решения суда приобретают свойства нормативности, способности воздействовать на правовое регулирование поведения неограниченного круга лиц¹². Нельзя не согласиться с мнением В. Б. Немцевой, что судебное решение по делам об оспаривании нормативного акта является обязательным для всех актом толкования оспоренной нормы права в контексте правового регулирования, единообразного понимания и применения нормативных актов всеми субъектами права. В делах об оспаривании нормативных актов неизбежно затрагиваются права неопределенного круга лиц. Исходя из природы судебных решений по делам об оспаривании нормативных актов как актов обязательного официального нормативного толкования, следует признать, что субъективные пределы законной силы такого решения соответствуют

⁸ Решение Ленинградского областного суда от 21.04.2003 № 3-54/2003.

⁹ Решение Ленинградского областного суда от 29.03.2007 № 3-20/2007, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 25.07.2007 № 33-Г07-14.

¹⁰ СЗ РФ. 2009. № 14. Ст. 1770.

¹¹ В последующем данная позиция воспроизведена Конституционным Судом РФ в постановлении от 04.10.2016 № 18-П и определении от 28.01.2021 № 167-О.

¹² Голубев А. В. Решение суда о признании нормативного правового акта недействующим как средство устранения противоречий в системе бюджетного права // Финансовое право. 2016. № 12. С. 19.

пределам действия оспоренных норм права по кругу лиц¹³.

Осуществляемое в ходе судебного нормоконтроля воздействие на нормотворчество можно продемонстрировать на следующем примере. Верховный Суд РФ признал недействующими пункты 283, 285, 286 Правил безналичных расчетов в народном хозяйстве, утвержденных Госбанком СССР 30.09.1987 № 2, так как федеральный закон предоставил возможность взыскателю направлять исполнительный документ непосредственно в кредитную организацию, если он располагает сведениями об имеющихся там счетах должника и о наличии на них денежных средств¹⁴. Верховный Суд РФ еще раз вернулся к рассмотрению данного вопроса при оценке положения Центрального банка РФ от 26.03.2003 № 221-П, которое признано недействующим в части, устанавливающей обязанность взыскателей — физических лиц выдавать поручение, в котором предоставлять банку право составления от их имени инкассового поручения, указывать номера счетов должника, представлять документы в банк, подписывать заявление в присутствии работника банка¹⁵. Верховный Суд РФ указал, что возложение на взыскателей — физических лиц обязанности поручать банку составлять от их имени такой документ предполагает наличие у этих лиц права и соответствующей ему обязанности оформлять инкассовое поручение, что в нарушение требований ч. 4 ст. 253 ГПК РФ повлекло за собой преодоление решения суда.

2. Конституционно-правовое предназначение запрета на преодоление

Применительно к конституционному нормоконтролю правовая позиция Конституционного Суда РФ по оценке данного свойства изложена в определении от 31.03.2016 № 449-О-Р¹⁶, которая в последующем воспроизведена в отношении решений, принимаемых в порядке судебного нормоконтроля (определение от 20.09.2018 № 2053-О). Как указал Конституционный Суд РФ, неукоснительное исполнение актов правосудия, обязательных в равной мере для органов всех ветвей государственной власти, приобретает значение императива правового государства; неисполнение либо ненадлежащее исполнение судебных решений наносит ущерб интересам правосудия, подрывает доверие граждан к судам и государству, обязанному признавать и защищать права и свободы человека. Данную позицию, связанную с общеобязательностью судебных решений, продемонстрируем примером, в котором дважды преодолевалось установленное судами противоречие. Решением Ленинградского областного суда от 09.06.2012, оставленным без изменения Верховным Судом РФ 12.09.2012¹⁷, признан недействующим утвержденный Правительством Ленинградской области порядок определения размера арендной платы в части включения в состав формулы ее расчета коэффициента функционального использования земельного участка (в методике дважды учитывался вид разрешенного использования). 12 ноября 2012 г. данная формула изложена в новой редакции без включения в нее данного коэффициента. Спустя месяц Правительство Ленинградской области изменило фор-

¹³ Немцева В. Б. Особенности судебного решения по делам об оспаривании нормативных правовых актов // Lex russica. 2018. № 2. С. 112, 115.

¹⁴ Решение Верховного Суда РФ от 21.05.1999 № ГКПИ99-364.

¹⁵ Определение Верховного Суда РФ от 20.10.2005 № КАС05-471.

¹⁶ СЗ РФ. 2016. № 15. Ст. 2153.

¹⁷ Решение Ленинградского областного суда от 09.06.2012 № 3-41/2012, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 12.09.2012 № 33-АПГ12-4.

¹⁸ Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 11.09.2013 № А56-6017/2013, оставленное без изменения постановлением Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.11.2013 № А56-6017/2013.

мулу, в которую введен коэффициент вида деятельности арендатора. Арбитражным судом в сентябре 2013 г.¹⁸ данные изменения признаны недействующими как не соответствующие принципам экономической обоснованности и запрета необоснованных предпочтений, предусмотренным постановлением Правительства РФ от 16.07.2009 № 582. Постановлением Правительства Ленинградской области 9 декабря 2013 г. внесены изменения в формулу путем введения коэффициента вида деятельности арендатора, устанавливаемого актом уполномоченного органа исполнительной власти в сфере управления имуществом. В их развитие принят приказ комитета по управлению имуществом от 23.12.2013, который повторял значения коэффициентов. Судами в третий раз сделан вывод, что при определении коэффициента вновь были учтены значения, использование которых признавалось не отвечающим требованиям постановления Правительства РФ. Доводы представителя ответчика о том, что постановлением введен другой коэффициент, судом оценен критически (изменений в формуле не произошло); пояснить суду, по какой причине при учете разных показателей цифровые значения коэффициента не изменяются, представители не смогли. Возложение обязанности по определению коэффициента на орган исполнительной власти суд расценил как преодоление судебного акта¹⁹.

Такие выводы Конституционного Суда РФ можно обосновать связанностью органа публичной власти требованием презумпции конституционной добросовестности²⁰, в том числе

в деятельности органов публичной власти²¹. О добросовестности не может идти и речи, когда устанавливается неоднократность преодоления решения суда. Так, судом Еврейской автономной области неоднократно признавались недействующими нормативы потребления коммунальных услуг, утвержденные муниципальным актом. В решении, вынесенном в марте 2020 г.²², указано, что спорные нормативы не обоснованы, не подтверждены и приняты с нарушением законодательства; представленные частично расчеты невозможно проверить (каким образом они произведены, с применением каких формул, на основании каких документов). Спорные нормативы принимаются с аналогичными нарушениями на протяжении ряда лет, признаются недействующими²³; по делу фактически совершены те же нарушения, о которых было указано в решении суда²⁴.

Еще один важный аспект, отмеченный Конституционным Судом РФ: в правовом государстве споры о праве разрешаются правовыми средствами; орган публичной власти может использовать для отстаивания интересов законные возможности. Например, первоначально в 2015 г. признана недействующей норма закона Брянской области, устанавливающая запрет на розничную продажу алкогольной продукции с содержанием этилового спирта от 1,2 до 9 % объема готовой продукции и одновременно кофеина и (или) других тонизирующих веществ²⁵, а в 2017 г. — норма, запрещающая в Брянской области розничную продажу с 8:00 до 20:00 указанного вида алкогольной продукции, опреде-

¹⁹ Решение Ленинградского областного суда от 23.11.2015 № 3А-72/2015, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 02.03.2016 № 33-АПГ16-2.

²⁰ Постановления Конституционного Суда РФ от 27.06.2013 № 15-П и от 26.06.2014 № 19-П, определение Конституционного Суда РФ от 20.09.2018 № 2053-О.

²¹ Определение Конституционного Суда РФ от 07.07.2016 № 1422-О.

²² Решение суда Еврейской автономной области от 05.03.2020 № 3а-10/2020, оставленное без изменения определением Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 07.07.2020 № 66а-448/2020.

²³ Подтверждается определениями Верховного Суда РФ от 06.10.2017 № 65-АПГ17-6, от 06.02.2019 № 65-АПГ18-7.

²⁴ Решение суда Еврейской автономной области от 12.10.2018 № 3А-24/2018~М-33/18, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 06.02.2019 № 65-АПГ18-7.

²⁵ Определение Верховного Суда РФ от 06.02.2017 № 83-АПГ16-17.

ления которой полностью совпадали²⁶. В целях отстаивания интересов Брянская область могла использовать законные возможности и внести проект федерального закона, направленный на разрешение указанной проблемы, как это делали другие субъекты РФ. Можно также обратиться в Конституционный Суд РФ, учитывая его позицию, что рассмотрение судом общей юрисдикции дела о проверке нормативного акта, в результате которой он может быть признан противоречащим федеральному закону, не исключает возможности последующей проверки его конституционности в порядке конституционного судопроизводства²⁷. При этом утративший силу нормативный акт не может быть предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ в порядке абстрактного нормоконтроля. Отмена же нормативного акта самим принявшим этот акт органом власти с очевидностью свидетельствует о том, что такой акт расценивается им как более не подлежащий действию; мотивы, которыми руководствуется орган власти, не имеют существенного значения для целей конституционного судопроизводства²⁸.

В рассматриваемом запрете реализовано требование обязательности судебных постановлений (ч. 1 ст. 6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»), имеющее, как указывает Конституционный Суд РФ, фундаментальное конституционное значение. Оно обусловлено конституционными ценностями верховенства права как основы правовой демократической государственности, особым местом судебной власти в системе разделения властей, исключительными прерогативами по осуществ-

влению правосудия судебными органами, которые, разрешая споры о праве, выносят именем Российской Федерации решения, имеющие общеобязательный государственно-властный характер.

Еще один аспект, отмечаемый Конституционным Судом РФ, — это взаимосвязь исполнения судебного решения с правом на судебную защиту, которое относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и выступает гарантией всех других прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ)²⁹. В данном случае реализация конституционных целей правосудия, включая защиту нарушенных прав, не может быть достигнута, а сама судебная защита не может признаваться действенной, если судебный акт не исполняется. Например, Верховный Суд РФ дважды рассматривал вопрос о соответствии порядков оформления и выдачи удостоверения участника ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, утвержденных совместным приказом федеральных органов исполнительной власти. В феврале 2004 г. такой порядок, принятый в 2000 г., признан недействующим в части, обязывающей граждан, имеющих такие удостоверения, при обращении с заявлением о выдаче удостоверений нового образца представлять иные документы, кроме копии выданного удостоверения³⁰. В апреле 2019 г. Верховный Суд РФ признал частично недействующим такой порядок, принятый в 2006 г., в той мере, в какой содержащееся в нем положение допускает возложение на граждан, имеющих ранее выданные удостоверения, обязанности повторно представлять один или несколько документов и препятствует предоставлению права на меры поддержки; такое

²⁶ Решение Брянского областного суда от 06.05.2015 № 3-44/2015~М-40/2015, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 16.09.2015 № 83-АПГ15-6.

²⁷ См.: постановления Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П, от 11.04.2000 № 6-П, от 15.12.2003 № 19-П, определение Конституционного Суда РФ от 04.03.2004 № 73-О.

²⁸ См.: определения Конституционного Суда РФ от 05.03.2013 № 332-О, от 04.07.2013 № 882-О.

²⁹ См., например: постановления Конституционного Суда РФ от 15.01.2002 № 1-П, от 14.05.2003 № 8-П, от 14.07.2005 № 8-П, от 12.07.2007 № 10-П, от 26.02.2010 № 4-П, от 14.05.2012 № 11-П, от 10.03.2016 № 7-П.

³⁰ Решение Верховного Суда РФ от 19.02.2004 № ГКПИ03-1519, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 27.04.2004 № КАС04-135.

регулирование направлено на преодоление решения суда³¹.

В определении от 20.09.2018 № 2053-О Конституционный Суд РФ указал, что попытка восстановления действия отмененного во исполнение решения суда общей юрисдикции акта означает проявление неуважения к судебной власти и ее решениям. Суды при разрешении дел в порядке нормоконтроля сталкиваются с преодолением судебного решения, не давая критической оценки этому. Примером тому служит признание Камчатским краевым судом³² недействующим в части закона Камчатского края, который к условиям, создаваемым органами местного самоуправления, относил стимулирование привлечения медицинских работников для работы в медицинских организациях, в том числе путем предоставления им жилых помещений. Суды указали, что создание благоприятных условий в целях привлечения работников в медицинские организации, в том числе определение конкретного перечня таких условий, их видов и форм, отнесено к исключительным полномочиям органов местного самоуправления; законодательный орган края полномочий по данному вопросу не имеет. В последующем данная норма краевого закона изложена в новой редакции, из содержания которой усматривалась попытка преодолеть решение суда³³.

Примером критической оценки действий органа публичной власти служит решение Ростовского областного суда, который указал, что попытка восстановить действие признанных недействующими решением суда пунктов

постановления Правительства Ростовской области³⁴ путем принятия повторного решения об упразднении 8 особо охраняемых природных территорий означает проявление неуважения к судебной власти; доводы, равно как и действия Правительства Ростовской области по принятию постановления, направлены на оспаривание обстоятельств, изложенных в судебном акте, свидетельствуют о недопустимом отступлении от имеющего фундаментальное значение требования обязательности судебных постановлений; издание ответчиком оспариваемого постановления, по смыслу и содержанию идентичного признанным недействующими положениям, расценивается судом как преодоление решения суда³⁵.

Обоснованием и оправданием для принятия нормативного акта в целях преодоления судебного решения, как указывает Конституционный Суд РФ в определении от 20.09.2018 № 2053-О, не могут служить ни организационно-технические обстоятельства, ни так называемая финансово-экономическая целесообразность неисполнения решения суда. В одном из дел суд отверг как не имеющие правового значения доводы о том, что нормы, аналогичные оспариваемым, содержатся в нормативных актах других субъектов РФ. В данном примере оспаривалось типовое положение об отраслевой комиссии, утвержденное постановлением губернатора Хабаровского края. Первоначально аналогичные оспариваемым нормы были признаны судом недействующими решением Хабаровского краевого суда от 10.11.2002, а повторно в декабре 2004 г.³⁶

³¹ Решение Верховного Суда РФ от 09.04.2019 № АКПИ19-97, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 27.06.2019 № АПЛ19-215.

³² Решение Камчатского краевого суда от 15.12.2014 № 3-21/2014~М-46/2014, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 08.04.2015 № 60-АПГ15-1.

³³ Решение Камчатского краевого суда от 12.01.2016 № 3а-2/2016, 3а-26/2015, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 20.04.2016 № 60-АПГ16-1.

³⁴ Решение Ростовского областного суда от 09.11.2017 № 3а-674/2017, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 14.03.2018 № 41-АПГ18-1.

³⁵ Решение Ростовского областного суда от 18.02.2021 № 3а-5/2021.

³⁶ Решение Хабаровского краевого суда от 22.12.2004 № 3-341/04, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 30.03.2005 № 58-Г05-3.

3. Исполнение решения суда о признании нормативного акта недействующим и соблюдение запрета на преодоление

В науке ведется дискуссия о таком свойстве, как исполнимость рассматриваемых судебных решений, а также о необходимости введения специальной процедуры контроля их исполнения. Подробный анализ различных подходов дан в монографии С. В. Никитина³⁷. Приведем позицию А. Б. Зеленцова и О. А. Ястребова, которые отмечают, что исполнимость является обязательным и неотделимым свойством, присущим всем видам судебных решений; это свойство неразрывно связано с таким принципом судебного решения, как общеобязательность, и проявляется как в исполнении установленной судом обязанности осуществить определенные действия или воздержаться от них, так и в подчинении предписаниям суда и в соблюдении определенных правил по причине обязательности для всех и каждого любого судебного решения³⁸. Аналогичный вывод делает Конституционный Суд РФ в определении от 28.05.2013 № 761-О, указывая, что решение суда, которым нормативный акт признан противоречащим, как и любое судебное решение, обязательно к исполнению всеми субъектами, которых оно касается.

Применительно к исполнению решения суда о признании нормативного акта недействующим такой процедуры нет. В отношении законодательных органов и высшего должностного лица субъекта РФ предусмотрена обязанность принимать меры по исполнению судебного решения и устранению установленных судом

противоречий, неисполнение которой является основанием наступления ответственности³⁹. Указанный механизм не охватывает случаев приведения признанных недействующими актов высших исполнительных и иных исполнительных органов субъектов РФ, других государственных органов субъектов РФ. Такой же механизм установлен для представительных органов и глав муниципальных образований⁴⁰, который также не охватывает весь перечень случаев приведения муниципальных актов. Для применения ответственности предусмотрен состав юридических фактов, которые дифференцированы в зависимости от органа публичной власти, к которому применяется ответственность. Основу юридического состава составляет непринятие органом публичной власти мер по исполнению решения суда, в том числе неотмена соответствующего акта в течение определенных федеральными законами сроков (двух, трех или шести месяцев) со дня вступления в силу решения суда либо в течение иного предусмотренного решением суда срока. Нарушение запрета на преодоление указанные нормы федеральных законов в качестве основания ответственности не предусматривают.

А. А. Гатин под приведением оспоренного акта понимает принудительное нормотворчество органа или лица, принявшего оспоренный акт⁴¹. Способами исполнения решений судов могут быть: признание нормативного акта утратившим силу с принятием или без принятия нового акта; исключение отдельного или взаимосвязанных положений нормативного акта с созданием (изменением, дополнением) или без создания нового регулирования. В случае если в

³⁷ Никитин С. В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе : монография. М. : РАП, Волтерс Клувер, 2010.

³⁸ Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Судебное административное право : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М. : Статут, 2017.

³⁹ П. 4 ч. 1, ч. 6 и 7 ст. 14, п. 1 ч. 1 ст. 29 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

⁴⁰ Ч. 1 ст. 73 и п. 1 ч. 1 ст. 74 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

⁴¹ Гатин А. А. Исполнение судебных решений о признании нормативных правовых актов недействующими // Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы : сборник материалов Всерос. науч.-практ. конференции / отв. ред. Д. Х. Валеев, М. Ю. Челышев. М., 2009.

связи с признанием судом нормативного акта не действующим выявлена недостаточная урегулированность публичных правоотношений, которая может повлечь за собой нарушение прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, суд вправе возложить на орган публичной власти, иной орган или уполномоченную организацию, должностное лицо, принявшие оспариваемый акт, обязанность принять новый акт, заменяющий акт, признанный недействующим (ч. 4 ст. 216 КАС РФ). Э. Ю. Ермаковым высказано предложение, что специальный порядок исполнения, изложенный в ч. 4 ст. 216 КАС РФ, должен включать и конкретные сроки, в течение которых правотворческий орган должен реализовать предписания, содержащиеся в судебном решении, и меры ответственности за неисполнение указаний суда⁴².

В настоящее время предусмотрены особенности исполнения решений судов о признании недействующим нормативного акта об установлении регулируемой цены, подлежащей применению в расчетах неопределенного круга лиц с ресурсоснабжающими организациями. Орган публичной власти обязан принять нормативный акт, заменяющий нормативный акт, признанный судом недействующим⁴³. Применительно к таким решениям в судебной практике указывается, что исполнение решения суда о признании нормативного акта недействующим не может быть осуществлено этим органом путем внесения в такой акт изменений, направленных на его приведение в соответствие с нормативными актами, имеющими большую юридическую силу⁴⁴.

Повторное принятие акта (отдельных норм) или осуществление нового регулирования возможно только при устранении оснований признания акта недействующим (п. 2 и 3 ч. 8 ст. 213 КАС РФ). Так, должны быть устранены нарушения в порядке принятия оспариваемого акта, установленные судом, включая, например, соблюдение:

— порядка официального опубликования (п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50). Так, суд отклонил довод о нарушении требований ч. 3 ст. 216 КАС РФ, так как первоначально основанием для удовлетворения требований послужило нарушение процедуры опубликования, что по новому делу не установлено⁴⁵;

— процедуры публичных слушаний. Например, признаны недействующими изменения в генеральный план в отсутствие публичных слушаний, что по новому делу установлено не было⁴⁶;

— согласования при принятии нормативного акта. Так, судом установлено, что повторное принятие акта, ранее признанного недействующим, нарушает обязанность соблюдения органами местного самоуправления законов; ранее судом было установлено, что при принятии акта были нарушены требования в части согласования генерального плана, что повлекло признание акта недействующим и дало право суду принять решение об удовлетворении иска без исследования других обстоятельств, в том числе содержания акта⁴⁷.

Распространенным примером нарушения ч. 3 ст. 216 КАС РФ является отмена органом,

⁴² Старилов Ю. Н., Носова Ю. Б. Научно-практическая конференция по вопросам применения Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Административное право и процесс. 2016. № 7. С. 79–82.

⁴³ П. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 63 «О рассмотрении судами споров об оплате энергии в случае признания недействующим нормативного правового акта, которым установлена регулируемая цена» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 2.

⁴⁴ Определение Верховного Суда РФ от 10.01.2018 № 44-АПГ17-22.

⁴⁵ Решение Санкт-Петербургского городского суда от 21.08.2020 № 3а-167/2020, оставленное без изменения определением Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 10.11.2020 № 66а-1123/2020.

⁴⁶ Определение Верховного Суда РФ от 07.11.2019 № 2-АПА19-13.

⁴⁷ Решение Калининского районного суда Тверской области от 30.11.2015 № 2А-2003/2015~М-1859/2015, оставленное без изменения определением Тверского областного суда от 11.05.2016 № 33А-1626/2016.

принявшим акт, нормативного акта либо его норм, признанных судом недействующими, и принятие нового акта или норм аналогичного содержания. Например, было установлено, что решением совета депутатов поселения от 25.06.2019 в правила благоустройства поселения введена норма, возлагающая на собственников индивидуальных жилых домов, не являющихся собственниками или законными владельцами земельных участков, обязанность обеспечивать уборку прилегающей территории⁴⁸, которая, по существу, повторяла норму, признанную недействующей решением от 29.05.2019⁴⁹.

Суду при оценке в данной ситуации повторного акта следует признавать акт недействующим со дня его принятия (вступления в силу), что применяется на практике. Например, постановление региональной службы по тарифам Пермского края от 20.12.2016, которым установлены долгосрочные тарифы на тепловую энергию, признано недействующим⁵⁰; регулирующий орган постановлением от 04.04.2018 вновь установил те же величины тарифа на 2017–2018 годы, введя их с 1 июля 2018 г., вследствие чего судом акт признан недействующим со дня принятия⁵¹. Такие же выводы суды сделали в других делах при при-

знании недействующими тарифов на тепловую энергию (мощность)⁵², тарифа на питьевую воду (питьевое водоснабжение)⁵³, тарифов на услуги по передаче электрической энергии⁵⁴; тарифов в сфере обращения с коммунальными отходами (нормативов накопления твердых коммунальных отходов)⁵⁵.

Отдельные примеры принятия повторных актов демонстрируют, что в результате их принятия количество оспариваемых норм увеличивается. Так, суд установил, что при принятии оспариваемого акта ряд спорных участков лесного фонда не был исключен из границ муниципального образования, кроме того, были включены новые; ответчику надлежало учесть выводы суда при подготовке изменений в генеральный план, чего сделано не было⁵⁶.

При принятии повторного акта оспоренные нормы не могут включаться в иной акт (с другими предметом регулирования, сроками действия или юридической силы). Например, Ленинградский областной суд решением от 07.07.2017 признал недействующей норму, включенную в закон Ленинградской области о бюджете на 2017 г. и предусматривающую наделение областных предприятий и учреждений полномочиями по выполнению работ и оказанию услуг для нужд Ленинградской обла-

⁴⁸ Решение Челябинского областного суда от 08.08.2019 № 3а-132/2019, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 28.01.2020 № 48-АПА19-31.

⁴⁹ Решение Челябинского областного суда от 29.05.2019 № 3а-81/2019.

⁵⁰ Решение Пермского краевого суда от 06.09.2017 № 3а-165-2017, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 11.01.2018 № 44-АПГ17-24.

⁵¹ Решение Пермского краевого суда от 21.06.2018 № 3а-148/2018, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 31.11.2018 № 44-АПГ18-24.

⁵² Определение Верховного Суда РФ от 11.11.2018 № 44-АПГ18-16.

⁵³ Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 24.03.2021 № 88а-2198/2021 по делу № 3а-17/2020.

⁵⁴ Определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 04.03.2022 № 66а-215/2022 ; определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 17.02.2022 № 66а-476/2022, 3а-107/2021 ; решение Тверского областного суда от 12.04.2022 № 3а-44/2022 ; решение Верховного суда Республики Хакасия от 28.04.2022 № 3а-4/2022 ; решение Амурского областного суда от 08.04.2022 № 3а-26/2022.

⁵⁵ Решение Пермского краевого суда от 01.03.2022 № 3а-198/2022 ; решение Суда Чукотского автономного округа от 20.04.2022 № 3а-1/2022.

⁵⁶ Решения Иркутского областного суда от 29.08.2017 № 3А-1/2017(3А-71/2016)~М-34/16, от 10.02.2021 № 3а-12/2021, определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 06.07.2021 № 66а-585/2021.

сти⁵⁷. Не дожидаясь принятия решения Верховного Суда РФ, который оставил без изменения указанное решение, 1 августа 2017 г. законодатели Ленинградской области приняли закон о полномочиях областных учреждений и предприятий по выполнению работ и оказанию услуг с аналогичным содержанием, который позже также был признан недействующим (в январе 2019 г.)⁵⁸.

Одним из оснований признания нормативного акта недействующим является нарушение принципа определенности правовой нормы, поскольку такая норма допускает неоднозначное толкование (п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50). При приведении такого регулирования в соответствие с решением суда должна быть устранена его неопределенность. Например, по одному из дел суд указал, что такая неопределенность не устранена; ранее судом было установлено, что невозможно определить четкие границы охранных зон⁵⁹; вновь включая земельный участок в границы охранный зоны собора, не изменяя генеральный план поселения, ответчик действовал с нарушением установленных КАС РФ последствий признания недействующими правил землепользования и застройки⁶⁰.

Модернизируя (корректируя) правовое регулирование в нормативном акте, орган публичной власти должен учитывать мотивы признания нормативного акта недействующим, изложенные в мотивировочной части решения суда. Например, судом признаны недействующими нормы закона Республики Хакасия, которыми

закреплены пределы (верхний и нижний) ежемесячного денежного поощрения, выплачиваемого государственным служащим Республики Хакасия⁶¹. Суд исходил из того, что изменены условия выплаты ежемесячного денежного поощрения гражданских служащих; за представителем нанимателя закреплено право выплачивать конкретному служащему ежемесячное денежное поощрение по своему усмотрению, что позволяет различным органам толковать и применять положения закона хотя и в установленных пределах, но произвольно. Выводы судов не были учтены, так как при внесении изменений в закон за представителем нанимателя сохранено право устанавливать поощрение правовым актом для конкретного служащего в размере, зависящем от сложности, объема и важности выполняемых задач, в пределах, установленных законом, что послужило основанием признания спорного акта недействующим⁶². Противоположным примером служит дело, в котором суд отказал в признании недействующим положения об установлении коэффициентов, учитывающих местоположение земельного участка, и корректирующих коэффициентов для определения арендной платы и не установил нарушений ч. 3 ст. 216 КАС РФ; ранее принятое судебное решение обосновано тем, что оспариваемое значение коэффициента утверждено без надлежащего экономического обоснования; при повторном регулировании такое обоснование подготовлено⁶³.

Обстоятельства, в связи с которыми суд пришел к выводу о необходимости признания акта

⁵⁷ Решение Ленинградского областного суда от 07.03.2017 № 3а-31/2017, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 28.10.2017 № 33-АПГ17-6.

⁵⁸ Решение Ленинградского областного суда от 24.09.2018 № 3а-127/2018, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 30.01.2019 № 33-АПГ18-30.

⁵⁹ Решение Калужского областного суда от 20.08.2018 № 3А-59/2018, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 27.02.2019 № 85-АПГ18-14.

⁶⁰ Определением Верховного Суда РФ от 28.03.2018 № 85-АПГ18-3 отменено решение Калужского областного суда от 21.11.2017 № 3а-56/2017.

⁶¹ Решение Верховного Суда Республики Хакасия от 15.03.2021 № 3а-32/2021, оставленное без изменения определениями Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 10.06.2021 № 66а-620/2021 и Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.10.2021 № 88А-17385/2021.

⁶² Определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 03.02.2022 № 66а-128/2022.

⁶³ Определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 14.01.2021 № 66а-184/2021.

или его части недействующими, должны быть отражены в мотивировочной части решения. Здесь нельзя не согласиться с В. Б. Немцевой в том, что мотивы решения суда по делам об оспаривании нормативных актов являются суждениями суда о содержании нормативных актов. Судебное решение об оспаривании нормативного акта имеет специфический объект исследования — нормативный акт. Его содержанием является толкование нормативных актов. Резолютивная часть решения не может быть понята в отрыве от его мотивов. При реализации оспоренных норм имеет значение не только вывод суда по делу об оспаривании нормативного акта, но и сам ход его рассуждений. Непризнание за мотивами судебного решения законной силы приведет к неправильной реализации судебных предписаний. Мотивы судебного решения по делам об оспаривании нормативного акта, которые заключаются в толковании правовых норм, вступают в законную силу, являются окончательными, их обязательность имеет и преюдициальное значение при рассмотрении судом дел об оспаривании производных или повторных актов⁶⁴. Приведем пример повторного принятия акта, не учитывающего мотивы признания первоначального акта недействующими. Так, признаны недействующими нормы закона Самарской области о статусе депутата Самарской губернской думы в части, обязывающей руководителей и (или) должностных лиц организаций в установленные сроки представить запрошенную депутатом информацию, сведения и документы на запрос или ответ на его обращение, безотлагательно принять депутата⁶⁵. В модернизированном регулировании данная обязанность возложена на руководителей и (или) должностных лиц организаций, финансируемых за счет средств областного и местного бюджета, либо имеющих льготы по уплате региональных и местных

налогов, либо имеющих в качестве учредителей государственные органы Самарской области, органы местного самоуправления. При оценке внесенных изменений суд указал, что они направлены на исполнение судебного акта, но не отвечают требованиям законодательства по тем же основаниям (региональный законодатель вышел за пределы полномочий, поскольку регулирование деятельности юридических лиц, не подведомственных органам государственной власти Самарской области, является прерогативой федерального законодателя)⁶⁶.

Примером обратной ситуации служит дело, в котором суд пришел к выводу, что установленные оспоренными нормами права комиссии при администрации городского округа по демонтажу и утилизации самовольно установленных нестационарных объектов выходят за пределы компетенции органа местного самоуправления и допускают реализацию прав органа во внесудебном порядке; новая редакция оспариваемого порядка раскрывает понятие «демонтаж» как перенос самовольно установленного объекта, в результате которого объект движимого имущества не утрачивает своих свойств и не перестает существовать как объект права. Демонтаж не лишает владельца самовольно установленного объекта права собственности на объект. В этой связи судом не установлено нарушение ч. 3 ст. 216 КАС РФ⁶⁷.

4. Является ли запрет на преодоление абсолютным?

Запрет, установленный частью 3 ст. 216 КАС РФ, не является непреодолимым, хотя данная норма и не содержит исключений. Во-первых, может измениться нормативное регулирование. Это косвенно следует из ч. 5 ст. 216 КАС РФ, так как наличие изменений в законодательстве, которому противоречил признанный недействующим

⁶⁴ Немцева В. Б. Указ. соч. С. 114.

⁶⁵ Решение Самарского областного суда от 03.10.2018 № 3а-1335/2018, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 06.02.2019 № 46-АПГ18-44.

⁶⁶ Решение Самарского областного суда от 08.10.2020 № 3а-1499/2020.

⁶⁷ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14.10.2020 № 88а-15845/2020 по делу № 2а-200/2020.

нормативный акт, не позволяет рассматривать требования об оспаривании повторных актов в порядке упрощенного (письменного) производства без проверки законности повторного акта. В практике встречаются ситуации изменения нормативного регулирования. Например, признан недействующим нормативный акт в связи с тем, что на дату его принятия в отношении спорного земельного участка из числа сельскохозяйственных угодий отсутствовал разработанный и согласованный проект рекультивации; при повторном рассмотрении дела суд указал, что произошли изменения законодательства — Правительством РФ принято постановление «О проведении рекультивации и консервации земель»⁶⁸.

Во-вторых, возможно изменение судебной практики и без изменения нормативного регулирования. Один из показательных примеров — судебная оценка норм законов субъектов РФ, устанавливающих административную ответственность за нарушение правил благоустройства в части запрета размещения транспортных средств на территориях, занятых зелеными насаждениями, детскими и спортивными площадками и т.д. Судебная практика в этом вопросе прошла несколько волн: правила благоустройства в данной части и региональные законы об административной ответственности признавались недействующими (в 2004–2005 гг.), потом соответствующими федеральному законодательству (в 2006 г.), потом снова противоречащими федеральным законам и недействующими (в 2010–2017 гг.) и в настоящее время признаются соответствующими (с октября 2017 г.). Отдельные субъекты РФ принимали повторно законы, преодолевая вынесенные в отношении

их законов судебные решения. Проиллюстрируем это примером. 20 апреля 2016 г. Верховный Суд РФ согласился с решением Санкт-Петербургского городского суда от 21.12.2015 в части признания недействующей статьи 32 Закона Санкт-Петербурга об административных правонарушениях, которая устанавливала ответственность за движение и стоянку механических транспортных средств на территориях зеленых насаждений, а также на территориях детских и спортивных площадок⁶⁹. Законом Санкт-Петербурга от 21.06.2016 статья 32 изложена в новой редакции, вводящей ответственность за размещение механических транспортных средств на территориях зеленых насаждений, а также на территориях детских и спортивных площадок. Решением Санкт-Петербургского городского суда, оставленным без изменения Верховным Судом РФ 30 августа 2017 г., данная статья признана недействующей, а суды указали, что анализ ее диспозиции свидетельствует о тождественности содержания в приведенных редакциях (понятие «размещение механических транспортных средств» является более широким и включает понятия «движение» и «стоянка»)⁷⁰. Вместе с тем в октябре 2017 г. Верховный Суд РФ оставил без изменения решение Московского городского суда от 31.05.2017, которым отказано в удовлетворении требований о признании недействующей статьи 8.25 Кодекса города Москвы об административных правонарушениях, устанавливающей ответственность за размещение транспортных средств на территории, занятой зелеными насаждениями⁷¹. Конституционный Суд РФ также подтвердил право субъектов РФ законом устанавливать такую ответственность⁷².

⁶⁸ Решение Ленинградского областного суда от 02.06.2020 № За-93/2020, оставленное без изменения определениями Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 19.08.2020 № 66а-716/2020 и Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18.11.2020 № 88а-17162/2020.

⁶⁹ Определение Верховного Суда РФ от 20.04.2016 № 78-АПГ16-4.

⁷⁰ Решение Санкт-Петербургского городского суда от 06.04.2017 № 3А-58/2017~М-44/2017, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 30.08.2017 № 78-АПГ17-5.

⁷¹ Решение Московского городского суда от 31.05.2017 № 3а-148/2017, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 18.10.2017 № 5-АПГ17-87.

⁷² Определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2018 № 2790-О.

5. Применение упрощенного (письменного) производства

Анализ судебной практики свидетельствует, что упрощенное (письменное) производство по делам об оспаривании нормативных актов не получило применения, так как суды разрешают дела в рамках обычного судопроизводства. Считаем такой подход правильным, учитывая возможность изменений в законодательстве и эволюции судебной практики.

Достаточно спорной является позиция, высказанная в комментарии к ст. 215 КАС РФ, что дополнительная проверка законности в отношении повторных актов не требуется, они не имеют юридической силы с момента принятия и не подлежат применению⁷³. Согласимся с мнением В. Б. Немцевой, которая отмечает, что решение суда о признании нормативного акта недействующим ограничивается предметом данного решения — теми положениями конкретного нормативного акта, которые были оспорены, а при оспаривании иного (повторного) нормативного акта имеют преюдициальное значение, а также позволяют суду рассмотреть дело об оспаривании нормативного акта в упрощенном порядке; поэтому нельзя сказать, что производные или повторные акты автоматически являются недействующими⁷⁴. Оценку тождественности нормативного акта, признанного недействующим, и повторного акта (либо его частей) предлагается проводить посредством комплексного анализа вновь принятых норм и их соотношения с законодательством, которому противоречил нормативный акт, ранее признанный судом недействующим. На практике, даже если суды не применяют упрощенное (письменное) производство, то при проверке повторных актов они ссылаются на преюдициальность ранее принятых судебных решений. Например, суд

при признании недействующими нормативов на отопление указывал, что незаконность расчета норматива на отопление на основании дифференциации поставщиков коммунального ресурса установлена судебными актами от 28.08.2012 и от 13.11.2012 и не подлежит доказыванию⁷⁵. В других делах установлены: воспроизведение утвержденной оспариваемым постановлением исполнительного комитета Казани схемой публичного сервитута схемы, утвержденной постановлением, ранее признанным судом недействующим⁷⁶; тождественность включения в перечень объектов недвижимого имущества, в отношении которых налоговая база определяется как кадастровая стоимость⁷⁷.

Заключение

По итогам исследования сделаны следующие выводы и предложения.

1. Осуществляя нормотворчество, органы публичной власти должны последовательно реализовывать принцип добросовестности и разумности действий, сформированный в правовых позициях Конституционного Суда РФ, и не допускать преодоления решений судов о признании нормативного акта недействующим повторным принятием такого же акта. Органы публичной власти для отстаивания своих интересов вправе использовать только законные возможности, например законодательную (правотворческую) инициативу, а также обращение в Конституционный Суд РФ с целью проверки конституционности нормативного акта, признанного судом недействующим, в порядке конституционного судопроизводства.

2. При рассмотрении дел в порядке судебного нормоконтроля судам следует давать негативную оценку ситуациям преодоления судеб-

⁷³ Махина С. Н., Помогалова Ю. В., Зенков М. Ю., Богатырева Н. В., Томтосов А. А. Комментарий к главам 21 и 22 КАС РФ // СПС «КонсультантПлюс». 2016.

⁷⁴ Немцева В. Б. Указ. соч. С. 113.

⁷⁵ Решение Верхнепышминского городского суда Свердловской области от 18.06.2020 № 2а-834/2020.

⁷⁶ Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16.06.2021 № 88А-9408/2021.

⁷⁷ Решение Архангельского областного суда от 28.05.2021 по делу № 3а-218/2021.

ных решений о признании нормативного акта недействующим повторным принятием такого же акта, учитывая конституционно-правовое толкование ч. 3 ст. 216 КАС РФ, содержащееся в решениях Конституционного Суда РФ, в том числе указывая на проявление неуважения к судебной власти и ее решениям. При оценке повторного акта, принятого в целях преодоления решения суда, судам следует признавать акт недействующим со дня его принятия (вступления его в силу). Данный подход предлагается отразить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50.

3. Особого внимания требует вопрос развития механизмов конституционно-правовой ответственности органов публичной власти в случае принятия правовых актов с таким же предметом правового регулирования после признания правового акта недействующим и при использовании иных способов преодоления судебного решения. Требуется корректировка Федеральных законов от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в части распространения предусмотренных ими мер ответственности на нарушение запрета на преодоление (ч. 3 ст. 216 КАС РФ), которое установлено судом.

4. Необходима корректировка ч. 3 ст. 216 КАС РФ в отношении возможности повторного принятия нормативного акта, если произошли изменения в законодательстве или постановлением Пленума Верховного Суда РФ, постановлением Президиума Верховного Суда РФ изменена практика применения правовых норм.

5. Не менее значимо обеспечение единообразия и обобщение судебной практики по вопросам оспаривания нормативных актов, особенно учитывая создание апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции. Преодолению судебных решений способствует

отсутствие единообразия судебной практики, а именно ситуация, когда акт одного субъекта РФ (муниципального образования) признается в судебном порядке недействующим и в последующем утрачивает силу по решению органа, его принявшего, а в другом субъекте РФ (муниципальном образовании) при отсутствии таких решений продолжают действовать акты, содержащие регулирование, аналогичное тому, которое признано несоответствующим. Решение данного вопроса видится во введении обязательного обобщения практики судебного нормоконтроля нормативных актов субъектов РФ и муниципальных образований.

6. Исследование, в том числе примеры судебной практики, демонстрирует важность разработки специальных механизмов исполнения решений о признании нормативного акта недействующим, в том числе ранее сформулированных в науке:

- введения правила об опубликовании судебного решения в полном объеме (а не только в форме сообщения о судебном решении) в целях беспрепятственного ознакомления с содержанием решения суда широкого круга лиц;

- установления в КАС РФ положения об указании в решении суда конкретных сроков исполнения решения суда о признании недействующим нормативного акта;

- установления в КАС РФ обязанности органа или должностного лица, принявшего оспоренный нормативный акт, приводить его в соответствие с нормативным актом, имеющим большую юридическую силу (по аналогии с ч. 5 ст. 195 АПК РФ⁷⁸);

- введения обязанности органа или должностного лица, принявших нормативный акт, который признан недействующим, информировать суд об исполнении решения суда в конкретные сроки (такие требования предусмотрены частью 9 ст. 227 КАС РФ по административному делу об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями);

⁷⁸ Включает законоположение: нормативный акт или отдельные его положения, признанные недействующими, должны быть приведены органом или лицом, принявшими оспариваемый акт, в соответствие с законом или иным нормативным правовым актом, имеющими большую юридическую силу.

— установления административной ответственности органов и (или) должностных лиц, не исполнивших решение суда или допустивших преодоление решения суда о признании нормативного акта недействующим повторным принятием такого же акта;

— формирования практики вынесения частного определения в отношении органов и (или) должностных лиц, не исполнивших решение суда или допустивших преодоление решений судов о признании нормативного акта недействующим повторным принятием такого же акта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гатин А. А.* Исполнение судебных решений о признании нормативных правовых актов недействующими // Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы : сборник материалов Всерос. науч.-практ. конференции / отв. ред. Д. Х. Валеев, М. Ю. Челышев. — М., 2009.
2. *Голубев А. В.* Решение суда о признании нормативного правового акта недействующим как средство устранения противоречий в системе бюджетного права // Финансовое право. — 2016. — № 12. — С. 19–23.
3. *Дивин И. М.* Унификация процессуального законодательства и правоприменительная стабильность административного судопроизводства по экономическим спорам // Административное право и процесс. — 2017. — № 2. — С. 32–35.
4. *Ермаков Э. Ю.* Юридические последствия судебного нормоконтроля требуют дальнейшего совершенствования // Российский судья. — 2020. — № 7. — С. 30–35.
5. *Зеленцов А. Б., Ястребов О. А.* Судебное административное право : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». — М. : Статут, 2017. — 768 с.
6. *Махина С. Н., Помогалова Ю. В., Зенков М. Ю., Богатырева Н. В., Томтосов А. А.* Комментарий к главам 21 и 22 КАС РФ // СПС «КонсультантПлюс». — 2016.
7. *Медведев И. Р.* Оспаривание неопубликованных (незарегистрированных) нормативных правовых актов: последняя практика Верховного Суда Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. — 2008. — № 11. — С. 6–11.
8. *Никитин С. В.* Понятие и формы судебного нормоконтроля // Антология научной мысли : К 10-летию Российской академии правосудия : сборник статей / отв. ред. В. В. Ершов, Н. А. Тузов. — М. : Статут, 2008. — С. 554–564.
9. *Никитин С. В.* Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе : монография. — М. : РАП, Волтерс Клувер, 2010. — 304 с.
10. *Немцева В. Б.* Особенности судебного решения по делам об оспаривании нормативных правовых актов // Lex russica. — 2018. — № 2. — С. 105–118.
11. *Старилов Ю. Н., Носова Ю. Б.* Научно-практическая конференция по вопросам применения Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Административное право и процесс. — 2016. — № 7. — С. 79–82.

Материал поступил в редакцию 30 мая 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gatin A. A. Ispolnenie sudebnykh resheniy o priznanii normativnykh pravovykh aktov nedeystvuyushchimi // Ispolnitelnoe proizvodstvo: protsessualnaya priroda i tsivilisticheskie osnovy: sbornik materialov Vseros. nauch.-prakt. konferentsii / otv. red. D. Kh. Valeev, M. Yu. Chelyshev. — M., 2009.
2. Golubev A. V. Reshenie suda o priznanii normativnogo pravovogo akta nedeystvuyushchim kak sredstvo ustraneniya protivorechiy v sisteme byudzhetnogo prava // Finansovoe pravo. — 2016. — № 12. — S. 19–23.
3. Divin I. M. Unifikatsiya protsessualnogo zakonodatelstva i pravoprimenitelnaya stabilnost administrativnogo sudoproizvodstva po ekonomicheskim sporam // Administrativnoe pravo i protsess. — 2017. — № 2. — S. 32–35.
4. Ermakov E. Yu. Yuridicheskie posledstviya sudebnogo normokontrolya trebuyut dalneyshego sovershenstvovaniya // Rossiyskiy sudya. — 2020. — № 7. — S. 30–35.
5. Zelentsov A. B., Yastrebov O. A. Sudebnoe administrativnoe pravo: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsialnosti «Yurisprudentsiya». — M.: Statut, 2017. — 768 s.
6. Makhina S. N., Pomogalova Yu. V., Zenkov M. Yu., Bogatyreva N. V., Tomtosov A. A. Kommentariy k glavam 21 i 22 KAS RF // SPS «KonsultantPlyus». — 2016.
7. Medvedev I. R. Osparivanie neopublikovannykh (nezaregistrirovannykh) normativnykh pravovykh aktov: poslednyaya praktika Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2008. — № 11. — S. 6–11.
8. Nikitin S. V. Ponyatie i formy sudebnogo normokontrolya // Antologiya nauchnoy mysli: K 10-letiyu Rossiyskoy akademii pravosudiya: sbornik statey / otv. red. V. V. Ershov, N. A. Tuzov. — M.: Statut, 2008. — S. 554–564.
9. Nikitin S. V. Sudebnyy kontrol za normativnymi pravovymi aktami v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: monografiya. — M.: RAP, Volters Kluver, 2010. — 304 s.
10. Nemtseva V. B. Osobennosti sudebnogo resheniya po delam ob osparivanii normativnykh pravovykh aktov // Lex russica. — 2018. — № 2. — S. 105–118.
11. Starilov Yu. N., Nosova Yu. B. Nauchno-prakticheskaya konferentsiya po voprosam primeneniya Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii // Administrativnoe pravo i protsess. — 2016. — № 7. — S. 79–82.

Критерии и способы индивидуализации наказания по делам об административных правонарушениях

Аннотация. Рассматриваются понятие и сущность индивидуализации наказания как принципа производства по делам об административных правонарушениях. Данный принцип реализуется путем закрепления в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях ординарных правил назначения административного наказания, действующих в отношении любого административного правонарушения, и специальных правил, применяемых в отношении отдельных административных правонарушений и совершивших их лиц. На основе системного анализа ординарных и специальных правил назначения наказания выделяются такие способы индивидуализации, как установление правил его назначения в пределах санкции статьи Особенной части КоАП РФ и законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях либо возможность назначения административного наказания, вид или размер которого не предусмотрен санкциями соответствующих статей. Раскрывается система и содержание критериев индивидуализации, учитываемых при назначении административного наказания и практика их применения. Рассматриваются гарантии реализации принципа индивидуализации наказания.

Ключевые слова: принципы; система принципов; понятие принципов; принцип индивидуализации наказания; материальные принципы; гарантии реализации принципов; административный процесс; производство по делам об административных правонарушениях; административная ответственность; административное правонарушение; законодательство об административных правонарушениях; назначение административного наказания.

Для цитирования: Нобель А. Р. Критерии и способы индивидуализации наказания по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 78–85. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.078-085.

Criteria and Methods of Punishment Individualization in Administrative Cases

Artem R. Nobel, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Volga-Vyatka Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Moskovskaya, d. 30, Kirov, Russia, 610000
toynobel@gmail.com

Abstract. The paper examines the concept and essence of punishment individualization as a principle of proceedings in cases of administrative offenses. This principle is implemented by consolidating in the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of the ordinary rules for imposing administrative punishment applicable to any administrative offense, and special rules applied to individual administrative offenses and those who committed

© Нобель А. Р., 2023

* Нобель Артем Робертович, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Московская ул., д. 30, г. Киров, Россия, 610000
toynobel@gmail.com

them. On the basis of a systematic analysis of ordinary and special rules of sentencing, law upholders use such methods of individualization as determining the rules for punishment imposition within the limits of the sanction provided for under the relevant article of the Special Part of the Administrative Code of the Russian Federation and under the laws of constituent entities of the Russian Federation on administrative offenses or the possibility of imposing administrative punishment, the type or size of which is not provided for by sanctions of the relevant provisions. The paper explains the system and content of the criteria of individualization taken into account for the imposition of administrative punishment and the practice of their application. The author considers safeguards for implementation of the principle of individualization of punishment.

Keywords: principles; system of principles; concept of principles; principle of individualization of punishment; substantive principles; safeguards for implementation of principles; administrative process; proceedings in cases of administrative offenses; administrative responsibility; administrative offense; legislation on administrative offenses; imposition of administrative punishment.

Cite as: Nobel AR. Kriterii i sposoby individualizatsii nakazaniya po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh [Criteria and Methods of Punishment Individualization in Administrative Cases]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(1):78-85. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.078-085. (In Russ., abstract in Eng.).

Индивидуализация, согласно толковому словарю, означает «сделать индивидуальным; установить что-нибудь применительно к отдельному случаю, лицу»¹.

Принцип индивидуализации административного наказания в Кодексе РФ об административных правонарушениях прямо не закреплён, однако необходимость учёта соответствующих положений в производстве по делам об административных правонарушениях неоднократно подчёркивалась в решениях Конституционного Суда РФ².

В теории уголовного права требования ст. 6 Уголовного кодекса РФ, закрепляющие необ-

ходимость определения соответствия наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного разные авторы, добавляя к ним необходимость учёта отягчающих и смягчающих обстоятельств, относят к содержанию принципов индивидуализации наказания³, справедливости⁴ или соразмерности⁵. В науке административного права требования учёта вышеуказанных обстоятельств относят либо к принципу справедливости⁶, либо к принципу индивидуализации наказания⁷.

Обстоятельства, детерминирующие индивидуализацию наказания, в теории права опреде-

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : А Темп, 2006. С. 246.

² Постановления Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П, от 13.03.2008 № 5-П, от 27.05.2008 № 8-П, от 13.07.2010 № 15-П, от 17.01.2013 № 1-П, от 14.02.2013 № 4-П (здесь и далее в статье, если не указано иное, судебная практика приводится по СПС «КонсультантПлюс»).

³ Карпец И. И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М., 1961. С. 10 ; Фефелов П. А. Понятие и система принципов советского уголовного права. Свердловск, 1970. С. 51 ; Жидких И. В. Реализация принципов уголовного права в общих началах назначения наказания : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 78–79.

⁴ Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 135–136 ; Городнова О. Н. Идея справедливости как критерий оценки и совершенствования уголовного законодательства: теоретический и прикладной аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, 2014. С. 76 ; Галактионов С. А. Принцип справедливости: уголовно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. С. 69.

⁵ Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система, виды : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 225 ; Бажанов А. А. Соразмерность как принцип права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 106.

⁶ Джуха О. В. Принципы административно-юрисдикционного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011. С. 87–88 ; Жаданова Е. И. Общие правила назначения административных наказаний к

ляют в качестве критериев индивидуализации⁸, которые в силу законодательного закрепления обязательны для применения субъектами административной юрисдикции.

В настоящей работе требования учета установленных КоАП РФ критериев при назначении административного наказания отнесены к содержанию принципа индивидуализации наказания, сущность которого заключается в определении субъектами административной юрисдикции по результатам оценки признаков (свойств) совершенного правонарушения, личности виновного и постделиктного поведения последнего вида и размера подлежащего применению административного наказания до уровня его соразмерности совершенному правонарушению, необходимости и достаточности для достижения установленных законом целей наказания, сформулированных в ст. 3.1 КоАП РФ.

Реализация данного принципа в КоАП РФ представлена ординарными правилами (ст. 4.1, 4.2, 4.3), действующими в отношении любого административного правонарушения, и специальными правилами (ч. 3 ст. 3.4, ч. 3.6 ст. 4.1, ст. 4.1.1, 4.1.2, примечания к статьям 13.4, 14.31, 14.32, 14.40), применяемыми в отношении отдельных административных правонарушений и лиц, их совершивших. Их системный анализ позволяет сделать вывод о том, что реализация принципа индивидуализации административного наказания в производстве по делам об административных правонарушениях осуществляется посредством либо

установления правил его назначения в пределах санкции соответствующей статьи, либо возможности назначения административного наказания, вид или размер которого не предусмотрен санкцией статьи Особенной части КоАП РФ и законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ординарными критериями индивидуализации административного наказания выступают: характер правонарушения, личность, имущественное (финансовое) положение, смягчающие и отягчающие административную ответственность обстоятельства.

Учет характера административного правонарушения предполагает оценку субъективных и объективных признаков его состава, предусмотренных конкретной статьей Особенной части КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, и фактических обстоятельств его совершения.

К подлежащим учету при назначении уголовного наказания сведениям о личности Верховный Суд РФ относит: характеризующие виновного сведения, данные о семейном и об имущественном положении, о состоянии здоровья, наличии инвалидности, государственных наград, почетных, воинских и иных званий, поведении в быту, наличии на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц⁹. Представляется, что данные разъяснения вполне можно использовать для характеристики рассматриваемого критерия индивидуализации при назначении административного наказания.

юридическим лицам за нарушение законодательства о защите прав потребителей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2014. № 1. С. 72.

⁷ Галаган И. А. Административная ответственность в СССР: государственное и материально-правовое исследование: монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. госуниверситета, 1970. С. 144, 146; Дугенец А. С. Административная ответственность в российском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: РПА Минюста РФ, 2005. С. 17.

⁸ Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 111; Веселов Е. Г., Чугаев А. П. Назначение наказания: науч.-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 58; Воронин В. Н. Индивидуализация наказания: понятие, критерии, значение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 9; Романов В. М. Принципы юридической ответственности и их реализация в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 15.

⁹ Абз. 5 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»; абз. 2 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре».

Ряд обстоятельств, характеризующих личность виновного, дополнительно отнесены законодателем к перечню смягчающих и отягчающих ответственность, а некоторые из них могут признаваться смягчающими при реализации субъектами административной юрисдикции соответствующих дискреционных полномочий¹⁰.

Учет имущественного (финансового) положения лица, привлекаемого к административной ответственности, релевантен для административных наказаний, имеющих имущественный характер, и предполагает необходимость назначения реально исполнимого наказания, что является конечной целью административного принуждения.

В основе смягчения либо отягощения ответственности лежат факты, различающиеся по своей природе. Так, среди смягчающих административную ответственность обстоятельств (ст. 4.2 КоАП РФ) можно выделить имеющие правовое значение обстоятельства, свидетельствующие об отказе от продолжения противоправного поведения, либо действия, направленные на минимизацию и ликвидацию последствий правонарушения (п. 1–7 ч. 1). Другая группа формируется на основе характеристик

субъекта административного правонарушения и обстоятельств его совершения (п. 8–10 ч. 1). Третья группа обстоятельств образуется в результате применения субъектами административной юрисдикции дискреционных полномочий, предоставленных частью 2 ст. 4.2 КоАП РФ, и представляет собой открытый перечень имеющих правовое значение фактов, среди которых наибольшее распространение на практике получили: признание вины¹¹, совершение административного правонарушения впервые¹², наличие заболевания¹³ или малолетних детей¹⁴. В основе обстоятельств, отягчающих административную ответственность (ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ), лежат такие имеющие правовое значение факты, как: активная отрицательная деятельность лица при совершении административного правонарушения (п. 1); характеристика субъекта правонарушения (п. 2, 6); совершение правонарушения в соучастии (п. 3–4); объективная сторона административного правонарушения (п. 5). Принцип индивидуализации наказания также реализуется в абз. 2 п. 6 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ¹⁵.

Назначение административного наказания, вид или размер которого не предусмотрен санкцией, как способ индивидуализации закрепле-

¹⁰ Согласно ч. 2 ст. 4.2 КоАП РФ субъект административной юрисдикции по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении вправе признать смягчающими обстоятельства, не указанные в качестве таковых в КоАП РФ или законах субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

¹¹ Постановление Пролетарского районного суда города Саранска от 29.12.2021 по делу № 5-2016/2021 ; постановление Бологовского городского суда Тверской области от 09.12.2021 № 5-454/2021 ; решение Солецкого районного суда Новгородской области от 10.12.2020 по делу № 12-72/2020.

¹² Постановление Пролетарского районного суда города Саранска от 29.12.2021 по делу № 5-2016/2021 ; постановление Анапского районного суда Краснодарского края от 17.12.2021 по делу № 5-1146/2021 ; постановление Талицкого районного суда Свердловской области от 08.12.2021 по делу № 5-788/2021.

¹³ Постановление Михайловского районного суда Рязанской области от 21.12.2021 № 5-433/2021 ; решение Райчихинского городского суда Амурской области от 29.09.2021 № 12-70/2021 ; постановление Старооскольского городского суда Белгородской области от 05.11.2020 № 5-430/2020.

¹⁴ Решение Оренбургского областного суда от 08.09.2021 по делу № 12-385/2021 ; постановление Гурьевского городского суда Кемеровской области от 30.07.2021 по делу № 5-689/2021 ; постановление Северского городского суда Томской области от 25.03.2021 по делу № 5-410/2021.

¹⁵ Так, постановлениями Сладковского районного суда Тюменской области от 21.04.2021 № 5-143/2021, Левашинского районного суда Республики Дагестан от 07.04.2019 № 5-58/2019, Октябрьского районного суда города Ростова-на-Дону от 30.09.2018 № 5-944/2018 в соответствии с абз. 2 п. 6 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ не признавались отягчающими обстоятельствами совершение правонарушения в состоянии опьянения либо факт отказа лица от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

но в ч. 2.2, 3.2 ст. 4.1 КоАП РФ, которые также являются общими для всех административных правонарушений. Данные нормы, помимо оценки административного правонарушения по упомянутым выше критериям, дополнительно требуют учета последствий совершенного правонарушения.

Далее рассмотрим *специальные правила назначения административного наказания*.

Положения ч. 3 ст. 3.4, ст. 4.1.1 и ч. 2 ст. 4.1.2 КоАП РФ позволяют назначить определенным субъектам¹⁶ административное наказание соответственно в виде предупреждения или административного штрафа при его отсутствии в санкции соответствующей статьи. Индивидуализация административного наказания в данном случае требует учета таких дополнительных критериев, как: повторность административного правонарушения, наличие реальных последствий его совершения либо угрозы их наступления.

Принцип индивидуализации наказания в пределах санкции применительно к отдельным административным правонарушениям и лицам, их совершившим, реализуется в нормах КоАП РФ, дополняющих содержание ординарных критериев, предусмотренных частью 2 ст. 4.1 КоАП РФ, и правила их применения. Так, характер административного правонарушения дополняется необходимостью учета степени вины (примечание к ст. 14.40); расширяются сведения о личности лица, совершившего административное правонарушение (ч. 3.6 ст. 4.1); устанавливаются специальные обстоятельства, смягчающие (ч. 1 ст. 4.1.2, ч. 3 примечания к ст. 14.32) и отягчающие (ч. 2 примечания к ст. 13.4, ч. 3 примечания к ст. 14.31, ч. 4 примечания к ст. 14.32) административную

ответственность; специальные правила учета смягчающих и отягчающих административную ответственность обстоятельств (ч. 3.4 ст. 4.1, ч. 4 примечания к ст. 14.31, ч. 5 примечания к ст. 14.32).

Итак, принцип индивидуализации наказания — это совокупность нормативных требований материального характера, предъявляемых к субъектам административной юрисдикции, направленных на персонификацию мер административного принуждения до уровня их соразмерности совершенному правонарушению, необходимости и достаточности для достижения установленных законом целей наказания.

Следует отметить, что сила и значимость принципов в механизме правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях напрямую зависят от наличия и эффективности правовых гарантий их реализации.

Процессуальными гарантиями реализации принципа индивидуализации выступают положения КоАП РФ, в соответствии с которыми нарушение ординарных и специальных правил назначения наказания, допущенных субъектами административной юрисдикции, влечет определенные правовые последствия. Так, несоблюдение требований, составляющих содержание принципа индивидуализации наказания, квалифицируемое как несущественное, влечет изменение постановления по делу (п. 2 ч. 1 ст. 30.7, п. 2 ч. 2 ст. 30.17), а при существенном характере таких нарушений либо необходимости назначения более строгого наказания — отмену постановления по делу об административном правонарушении (п. 4 ч. 1 ст. 30.7, п. 3 ч. 2 ст. 30.17). При этом существенными нарушениями принципа индивидуализации наказания правопримени-

¹⁶ К числу субъектов, которым можно назначить административное наказание в виде предупреждения при его отсутствии в санкции соответствующей статьи, относятся юридические лица и индивидуальные предприниматели, отнесенные Федеральным законом от 24.07.2007 № 209-ФЗ к субъектам малого и среднего предпринимательства, некоммерческие организации, а также их работники при выявлении административного правонарушения в ходе контрольно-надзорных мероприятий. Некоммерческим организациям, отнесенным в соответствии со ст. 31.1 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ к социально ориентированным и юридическим лицам, обладающим статусом субъектов малого и среднего предпринимательства, может быть назначен административный штраф при его отсутствии в санкции соответствующей статьи.

тельная практика считает: неучет характера правонарушения при определении вида и размера санкции за совершенное деяние¹⁷, нарушение правил назначения административного наказания¹⁸, влекущие отмену вынесенного решения и возвращение дела на новое рассмотрение. К несущественным нарушениям требований, связанных с назначением административного наказания, правоприменительная практика относит: технические ошибки, допущенные в поста-

новлении по делу об административном правонарушении¹⁹; не полный учет таких критериев индивидуализации, как характер правонарушения²⁰, сведения о личности²¹, имущественное (финансовое) положение²², наличие смягчающих административную ответственность обстоятельств²³, неверный учет обстоятельств, отягчающих административную ответственность²⁴, что влечет изменение постановлений и снижение назначенного административного наказания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бажанов А. А. Соразмерность как принцип права : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 193 с.
2. Бурлаков В. Н. Уголовное право и личность преступника. — СПб., 2006. — 240 с.
3. Веселов Е. Г., Чугаев А. П. Назначение наказания : научно-практическое пособие. — М. : Юрлитинформ, 2008. — 328 с.
4. Воронин В. Н. Индивидуализация наказания: понятие, критерии, значение : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 252 с.
5. Галаган И. А. Административная ответственность в СССР: государственное и материально-правовое исследование : монография. — Воронеж : Издательство Воронежского госуниверситета, 1970. — 252 с.
6. Галактионов С. А. Принцип справедливости: уголовно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 2004. — 169 с.
7. Городнова О. Н. Идея справедливости как критерий оценки и совершенствования уголовного законодательства: теоретический и прикладной аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. — Чебоксары, 2014. — 227 с.
8. Джуха О. В. Принципы административно-юрисдикционного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 2011. — 199 с.
9. Дугенец А. С. Административная ответственность в российском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М. : РПА Минюста РФ, 2005. — 373 с.

¹⁷ Решение Московского городского суда от 22.12.2014 по делу № 7-9910/2014 ; решение Приморского краевого суда от 10.08.2015 по делу № 12-352/2015.

¹⁸ Решение Московского городского суда от 20.01.2014 по делу № 7-2/2014 ; постановление Новгородского областного суда от 19.07.2013 по делу № 44А-91.

¹⁹ Решение Калининградского областного суда от 05.07.2012 по делу № 7А-277/2012 ; постановление Московского областного суда от 20.10.2011 № а-1009/10.

²⁰ Решение Новосибирского областного суда от 09.04.2010 № 7-180/2010 ; решение Верховного суда Удмуртской Республики от 16.02.2015 по делу № 12-19/2015.

²¹ Постановление Челябинского областного суда от 10.04.2014 № а14-248; постановление Московского областного суда от 19.03.2012 № 4а-262/12.

²² Решение Московского городского суда от 14.11.2013 № 7-3514/13 ; постановление Калужского областного суда от 07.10.2011 № 4-А-148/11.

²³ Постановление Саратовского областного суда от 24.06.2014 № 4А-439/14 ; решение Московского областного суда по делу № 12-982/2014.

²⁴ Постановление Верховного суда Республики Башкортостан от 11.08.2015 по делу № 4А-801/2015 ; решение Ленинского районного суда города Томска от 19.09.2012 по делу № 12-269/12.

10. Жаданова Е. И. Общие правила назначения административных наказаний к юридическим лицам за нарушение законодательства о защите прав потребителей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». — 2014. — № 1. — С. 70–77.
11. Жидких И. В. Реализация принципов уголовного права в общих началах назначения наказания : дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 2007. — 189 с.
12. Карпец И. И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. — М., 1961. — 152 с.
13. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. — М., 1988. — 176 с.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М. : А Темп, 2006. — 944 с.
15. Романов В. М. Принципы юридической ответственности и их реализация в деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2000. — 24 с.
16. Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система, виды : дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2019. — 421 с.
17. Фефелов П. А. Понятие и система принципов советского уголовного права. — Свердловск, 1970. — 144 с.
18. Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. — М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. — 139 с.

Материал поступил в редакцию 14 июня 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bazhanov A. A. Sorazmernost kak printsip prava: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2019. — 193 s.
2. Burlakov V. N. Uголовное право i lichnost prestupnika. — SPb., 2006. — 240 s.
3. Veselov E. G., Chugaev A. P. Naznachenie nakazaniya: nauchno-prakticheskoe posobie. — M.: YurLitinform, 2008. — 328 s.
4. Voronin V. N. Individualizatsiya nakazaniya: ponyatie, kriterii, znachenie: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2015. — 252 s.
5. Galagan I. A. Administrativnaya otvetstvennost v SSSR: gosudarstvennoe i materialno-pravovoe issledovanie: monografiya. — Voronezh: Izdatelstvo Voronezhskogo gosuniversiteta, 1970. — 252 s.
6. Galaktionov S. A. Printsip spravedlivosti: uголовно-pravovoy aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk. — Ryazan, 2004. — 169 s.
7. Gorodnova O. N. Ideya spravedlivosti kak kriteriy otsenki i sovershenstvovaniya uголовного zakonodatelstva: teoreticheskiy i prikladnoy aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk. — Cheboksary, 2014. — 227 s.
8. Dzhukha O. V. Printsipy administrativno-yurisdiktsionnogo protsessa: dis. ... kand. yurid. nauk. — Rostov n/D, 2011. — 199 s.
9. Dugenets A. S. Administrativnaya otvetstvennost v rossiyskom prave: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M.: RPA Minyusta RF, 2005. — 373 s.
10. Zhadanova E. I. Obshchie pravila naznacheniya administrativnykh nakazaniy k yuridicheskim litsam za narushenie zakonodatelstva o zashchite prav potrebitелей // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Yurisprudentsiya». — 2014. — № 1. — S. 70–77.
11. Zhidkikh I. V. Realizatsiya printsipov uголовного prava v obshchikh nachalakh naznacheniya nakazaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. — Rostov n/D, 2007. — 189 s.
12. Karpets I. I. Individualizatsiya nakazaniya v sovetskom uголовном prave. — M., 1961. — 152 s.
13. Kelina S. G., Kudryavtsev V. N. Printsipy sovetskogo uголовного prava. — M., 1988. — 176 s.

14. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy / Rossiyskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka imeni V.V. Vinogradova. — 4-e izd., dop. — M.: A Temp, 2006. — 944 s.
15. Romanov V. M. Printsipy yuridicheskoy otvetstvennosti i ikh realizatsiya v deyatel'nosti organov vnutrennikh del: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2000. — 24 s.
16. Sabitov T. R. Ugolovno-pravovye printsipy: ponyatie, sistema, vidy: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2019. — 421 s.
17. Fefelov P. A. Ponyatie i sistema printsiptov sovetskogo ugolovnogo prava. — Sverdlovsk, 1970. — 144 s.
18. Filimonov V. D. Printsipy ugolovnogo prava. — M.: Tsentr YurInfoR, 2002. — 139 s.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.086-098

Ю. А. Зайцева*

Особенности гражданской правосубъектности публично-правовой компании

Аннотация. В статье анализируется гражданская правосубъектность публично-правовой компании. По результатам исследования автор делает вывод о том, что частный интерес публично-правовой компании как участника гражданских правоотношений, а также способы его реализации (круг и содержание правоотношений, складывающихся для их реализации) формируются под влиянием публичного интереса Российской Федерации. Ввиду чего гражданская правоспособность публично-правовой компании предопределена ее нормативно установленными публичными полномочиями и видами деятельности и имеет «компетенционный» характер. Объем гражданской правоспособности публично-правовой компании подвержен изменению при изменении имеющихся у нее публичных полномочий, что свидетельствует о лабильном характере ее гражданской правоспособности. При реализации гражданской правоспособности возникающие у публично-правовой компании субъективные права имеют реактивное действие для третьих лиц вне гражданского правоотношения. Выявлены также ограничения действия в отношении публично-правовой компании принципа свободы и автономии ее воли.

Ключевые слова: публично-правовая компания; некоммерческая организация; правосубъектность; гражданская правоспособность; гражданская дееспособность; субъективные права; автономия воли; свобода договора; частный интерес; публичный интерес.

Для цитирования: Зайцева Ю. А. Особенности гражданской правосубъектности публично-правовой компании // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 86–98. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.086-098.

Peculiarities of a Civil Legal Personality of a Public Law Company

Yulia A. Zaitseva, Postgraduate Student, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
julia_82x@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the civil legal personality of a public law company. According to the results of the study, the author concludes that the private interest of a public law company as a participant in civil legal relations, as well as the ways of its implementation (the range and content of legal relations that are formed for their implementation) are formed under the influence of the public interest of the Russian Federation. In view of this,

© Зайцева Ю. А., 2023

* Зайцева Юлия Анатольевна, аспирант кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
julia_82x@mail.ru

civil legal capacity of a public law company is predetermined by its legally established public powers and activities and has a «competence» character. The scope of the civil legal capacity of a public law company is subject to change when its public powers change, which indicates the labile nature of its civil legal capacity. When exercising civil legal capacity, subjective rights arising from a public law company have a reactive effect for third parties beyond the civil legal relationship. The paper describes limitations of the principle of freedom and autonomy of its will in relation to a public law company.

Keywords: public law company; non-profit organization; legal personality; civil legal capacity; civil legal capacity; subjective rights; autonomy of will; freedom of contract; private interest; public interest.

Cite as: Zaitseva YuA. Osobennosti grazhdanskoy pravosubektnosti publichno-pravovoy kompanii [Peculiarities of a Civil Legal Personality of a Public Law Company]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(1):86-98. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.086-098. (In Russ., abstract in Eng.).

Поиск оптимальной формы участия государства в имущественном обороте привел к созданию новой формы унитарной некоммерческой организации — публично-правовой компании (ППК), создаваемой Российской Федерацией исключительно на основании федерального закона или Указа Президента РФ. В настоящее время Российской Федерацией создано шесть ППК: «Фонд развития территорий»¹, «Российский экологический оператор»², «Военно-строительная компания»³, «Единый заказчик в сфере строительства»⁴, «Единый регулятор азартных игр»⁵, «Роскадастр»⁶.

Возможность признания данной организационно-правовой формы самостоятельной

была закреплена в процессе реформирования гражданского законодательства на основании Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ⁷, внесшего существенные изменения в гл. 4 ГК РФ о юридических лицах. При этом ни понятие публично-правовой компании, ни нормы о ее правовом статусе в ГК РФ включены не были, что не позволило четко определить особенности правового статуса ППК. В дальнейшем был принят специальный Федеральный закон от 03.07.2016 № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸ (далее — Закон о ППК). Несмотря на его общий характер, создание каждой ППК

¹ Федеральный закон от 29.07.2017 № 218-ФЗ «О публично-правовой компании “Фонд развития территорий” и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4767.

² Указ Президента РФ от 14.01.2019 № 8 «О создании публично-правовой компании по формированию комплексной системы обращения с твердыми коммунальными отходами “Российский экологический оператор”» // СЗ РФ. 2019. № 3. Ст. 234.

³ Указ Президента РФ от 18.10.2019 № 504 «О создании публично-правовой компании “Военно-строительная компания”» // СЗ РФ. 2019. № 42 (ч. III). Ст. 5894.

⁴ Федеральный закон от 22.12.2020 № 435-ФЗ «О публично-правовой компании “Единый заказчик в сфере строительства” и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8581.

⁵ Федеральный закон от 30.12.2020 № 493-ФЗ «О публично-правовой компании “Единый регулятор азартных игр” и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 32.

⁶ Федеральный закон от 30.12.2021 № 448-ФЗ «О публично-правовой компании “Роскадастр”» // СЗ РФ. 2022. № 1 (ч. I). Ст. 17.

⁷ Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

⁸ СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4169.

осуществляется на основании специальных нормативных актов федерального уровня, закрепляющих исключительность и специфичность их правового статуса. То есть фактически каждая ППК имеет индивидуальный статус, ввиду чего сложно говорить о наличии системности гражданско-правового статуса юридического лица в форме ППК.

Каждый индивидуальный нормативный правовой акт о создании ППК раскрывает цели деятельности конкретного юридического лица данной формы через реализацию публичных полномочий, из чего ясно, что создается ППК именно для осуществления государственных функций. Это также прямо следует из легального определения публично-правовой компании⁹.

Все действующие ППК имеют очевидную публичную направленность деятельности, а большинство из них способствуют реализации установленной Президентом РФ национальной цели Российской Федерации «Комфортная и безопасная среда для жизни»¹⁰. Деятельность ППК «Фонд развития территорий» и ППК «Военно-строительная компания» призвана обеспечить улучшение жилищных условий населения и увеличение объема жилищного строительства; функционирование ППК «Российский экологический оператор» — снижение выбросов опасных загрязняющих веществ, оказывающих наибольшее негативное воздействие на окружающую среду и здоровье человека. Что касается ППК «Единый заказчик в сфере строительства», то ее создание способствует централизации государственных заказчиков при строительстве

объектов государственной собственности, необходимость которой предусмотрена Общенациональным планом действий, и обеспечивает восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения¹¹. Создание ППК «Роскадастр», в свою очередь, обусловлено достижением целей государственной программы «Национальная система пространственных данных»¹². Большинство действующих ППК внесены в перечень организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством РФ¹³.

Кроме того, ППК способна реализовывать полномочия и функции, свойственные государственным органам. Согласно п. 5 ст. 2 Закона о ППК компания может осуществлять управление государственным имуществом, что является функцией государственного органа¹⁴. Необходимо отметить, что в случае делегирования ППК указанной функции неизбежно возникнет вопрос о природе оснований управления государственным имуществом. Поскольку подобное полномочие передается в силу прямого нормативного предписания, основание управления компанией государственным имуществом не имеет цивилистического характера. Это свидетельствует о сходстве правового статуса компании и государственного органа. На это указывает и то, что согласно п. 5 ст. 2 Закона о ППК возможно делегирование ППК таких функций государственных органов, как оказание государственных услуг; выработка и проведение государственной политики (что в соответствии с пп. «а» п. 3 Указа Президента РФ от 09.03.2004

⁹ П. 1 ст. 2 Закона о ППК.

¹⁰ См.: пп. «в» п. 2 Указа Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

¹¹ См.: проект федерального закона № 105544-7 «О публично-правовой компании “Единый заказчик в сфере строительства” и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1055441-7> (дата обращения: 05.06.2022).

¹² См.: пояснительная записка к проекту федерального закона № 20316-8 «О публично-правовой компании “Роскадастр”» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См.: пп. 37(1)–37(4) Перечня организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации, утв. постановлением Правительства РФ от 22.07.2013 № 613 // СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. II). Ст. 4121.

¹⁴ См.: пп. «г» п. 2 Указа Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2004. № 11. Ст. 945.

№ 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» может осуществляться только федеральными министерствами). По общему правилу делегирование ППК государственных функций осуществляется нормативным актом о ее создании, но для отдельных ППК возложение на них публичных функций возможно и специальными поручениями Президента РФ¹⁵.

Помимо полномочий, в нормативном акте о создании ППК должны быть указаны и виды деятельности, которые она вправе осуществлять (ст. 3 Закона о ППК). Для каждой действующей ППК нормативно установленные виды деятельности являются индивидуальными и обусловленными целями деятельности. Например, у ППК «Фонд развития территорий» в качестве видов деятельности упоминается строительство, выплата возмещения гражданам — участникам

строительства и гражданам — членам жилищно-строительного кооператива или иного специализированного потребительского кооператива¹⁶; у ППК «Военно-строительная компания» — выполнение работ, оказание услуг по подготовке документации по планировке территории и производство строительных материалов, конструкций и изделий¹⁷; у ППК «Российский экологический оператор» — разработка информационных систем, образовательная и просветительская деятельность в области обращения с твердыми коммунальными отходами¹⁸; у ППК «Единый заказчик в сфере строительства» — строительство, выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ¹⁹.

Анализ целей создания действующих ППК²⁰ позволяет сделать вывод, что специфика их задач предполагает достижение целей деятельности только при участии в имущественных

¹⁵ Например, Президент РФ поручил Российскому экологическому оператору разработать совместно с Правительством РФ комплекс мер по уменьшению негативного воздействия отходов производства и потребления на особо охраняемые природные территории федерального значения, а также принять меры по минимизации использования на таких территориях пластиковой упаковки, по раздельному накоплению отходов, экологическому просвещению и развитию волонтерской деятельности. Военно-строительной компании поручено строительство автомобильных дорог на территории Республики Крым и г. Севастополя (см.: п. 6 перечня поручений по итогам Пленарного заседания форума АСИ, утв. Президентом РФ 19.12.2020 // СПС «КонсультантПлюс» ; п. 3 Перечня поручений по итогам совещания по социально-экономическому развитию Крыма и Севастополя, утв. Президентом РФ 05.02.2020 № Пр-191 // СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁶ Пп. 1, 3, 4, 11 п. 3 ст. 3 Федерального закона от 29.07.2017 № 218-ФЗ «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 30.12.2021).

¹⁷ Пп. «а», «г» п. 6 Указа Президента РФ от 18.10.2019 № 504 «О создании публично-правовой компании «Военно-строительная компания»».

¹⁸ Пп. «а» п. 4 Указа Президента РФ от 14.01.2019 № 8 «О создании публично-правовой компании по формированию комплексной системы обращения с твердыми коммунальными отходами «Российский экологический оператор»».

¹⁹ Пп. 3, 5 п. 1 ст. 4 Федерального закона от 22.12.2020 № 435-ФЗ «О публично-правовой компании «Единый заказчик в сфере строительства» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

²⁰ Деятельность действующих ППК касается таких сфер, как размещение объектов военной инфраструктуры и техническое перевооружение таких объектов; ресурсосбережение; предотвращение вредного воздействия отходов на здоровье человека и окружающую среду; предоставление государственных услуг в сферах регистрации прав на недвижимость, геодезии и картографии и др.; реализация государственной жилищной политики и защита интересов граждан — участников долевого строительства; выполнение функций государственного заказчика и застройщика при строительстве объектов недвижимости государственной собственности; обеспечение внебюджетного финансирования спорта в России.

отношениях, а делегированные им публичные полномочия хотя и реализуются за рамками гражданского оборота, но вместе с тем выступают основой, причиной их вступления в гражданский оборот.

Согласно ст. 49 ГК РФ правоспособность юридического лица определяется его целями деятельности, предусмотренными в учредительном документе. Однако в качестве таких целей для ППК установлено выполнение функций и полномочий публично-правового характера (п. 5 ст. 2 Закона о ППК). В этой связи необходимо отметить, что точно определенный круг подведомственных вопросов с соответствующим объемом прав и обязанностей, необходимых для осуществления деятельности, в доктрине определяют как «компетенцию», употребляя данное понятие применительно к государственным органам, компетенцию которых определяет государство²¹. Принимая во внимание отмеченное сходство правового статуса государственного органа и ППК, термином «компетенция» полагаем необходимым обозначать определяемые нормативно публичные полномочия и виды деятельности ППК. Именно компетенцией и предопределяется гражданская правоспособность ППК. Это дает основания для вывода, что специальная гражданская правоспособность компании особая, условно ее можно назвать «компетенционной».

Соответственно, включаемые в содержание гражданской правоспособности ППК возможности могут быть разного характера.

К первой группе таких возможностей следует отнести возможности заключать гражданско-правовые сделки, в основе которых лежит особый интерес ППК, сформированный под влиянием публичного интереса ее учредителя.

Отдельные государственные задачи, возложенные на конкретную ППК, определяемые Российской Федерацией исходя из публичных интересов, предопределяют формирование у нее как у юридического лица — субъекта гражданского права частных интересов особого характера, в соответствии с которыми и конструируется ее воля. Это свидетельствует о том, что частные интересы ППК являются особыми, сочетаемыми с волей государства. О согласовании и совпадении воли ППК и воли государства в процессе ее деятельности как субъекта гражданского права свидетельствует и то, что применительно к отдельным ППК государство принимает непосредственное участие в финансировании их деятельности в случае недостаточности средств ППК²².

Вторую группу составляют возможности ППК заключать гражданско-правовые сделки, в основе которых лежит частный интерес ППК, направленный на поддержание ее текущего состояния, на создание условий для ее функционирования как юридического лица.

Необходимо отметить, что реализация публично-правовой компанией первого вида возможностей, как правило, имеет целью удовлетворение интересов государства и общества, то есть иных лиц.

Применительно к случаям, когда из юридического акта вытекают не только последствия, составляющие цель сделки и обусловленные намерением сторон, но и другие последствия, которые не находятся в причинной связи с намерением сторон и касаются совершенно посторонних и юридически безучастных третьих лиц, в научной литературе обсуждается понятие «рефлексивное действие» права, впервые выделенное Р. фон Иерингом²³ и в дальнейшем исследованное Ю. С. Гамбаровым, утверждав-

²¹ См.: Ямпольская Ц. А. Субъекты советского административного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1957. С. 159, 187 ; Советское административное право : учебник / под ред. С. С. Алексеева. М., 1985. Вып. 1. С. 138.

²² Например, по состоянию на 31 декабря 2019 г. Фонду развития территорий вследствие недостаточности собственных средств предоставлены государственные субсидии в размере 62,86 млрд руб., включая 43,46 млрд руб. из федерального бюджета, 11,59 млрд руб. из бюджета Московской области, 7,81 млрд руб. из бюджетов субъектов РФ (см.: аудиторское заключение независимого аудитора о бухгалтерской (финансовой) отчетности данной ППК за 2019 г. URL: <https://xn--214-mdd8bf5b.xn--p1ai/about/finresults/> (дата обращения: 24.02.2021)).

²³ См.: Jhering R. von. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Teil 3, Bd. 1. S. 328.

шим, что рефлексивное действие права является составляющей субъективного права — наряду с его активным действием и пассивным действием. При таком действии субъективное право, наряду с действием управомоченного субъекта, производит последствия, выгодные или невыгодные для посторонних третьих лиц. При этом третьи лица, относительно которых имеет место рефлексивное действие права, не находятся в юридических отношениях с управомоченным субъектом и рефлексивное действие возникает для них независимо от воли, желания и намерения лиц, совершающих юридический акт (сторон сделки), как непреднамеренное последствие наступившего по отношению к ним факта. Одновременно рефлексивное действие находится и вне власти самих третьих лиц, которые не могут иметь субъективные права на получаемую выгоду, а в случае нанесения рефлексивным действием вреда у третьих лиц отсутствует возможность защищаться от негативного воздействия в форме субъективного права. При этом одним из существенных критериев рефлексивного действия ученые выделяют его случайный характер²⁴.

Реализация ППК особого интереса при вступлении в гражданские правоотношения, сформированного под влиянием публичного интереса Российской Федерации, не позволяет говорить о случайном характере тех выгод, которые

получают третьи лица при вступлении ППК в гражданский оборот, а значит — о рефлексивном действии права в том понимании, которое дано этой категории в научной литературе. Но наличие преднамеренного «эффекта выгоды» для третьих лиц при реализации ППК своей гражданской правосубъектности позволяет утверждать о наличии в субъективном праве ППК реакции для третьих лиц²⁵. Реакция проявляется в том, что из совершаемого ППК юридического акта вытекают не только последствия, составляющие саму цель сделки, но и последствия, касающиеся посторонних третьих лиц, обусловленные намерением ППК такие последствия вызвать. В связи с наличием подобной реакции можно говорить о реактивном действии субъективного права ППК для третьих лиц, возникающем независимо от их воли и желания, но по намерению самой ППК. При этом реактивное действие субъективного права имеет место в результате вступления ППК в правоотношения, обусловленные реализацией компетенции, определяемой в нормативном акте о ее создании. Наличие эффекта выгоды применительно к третьим лицам сближает договоры, заключаемые ППК, с выделяемыми в науке договорами в пользу третьего лица²⁶, однако, в отличие от последних, заключаемые ППК договоры не порождают конкретное право требования у третьего лица.

²⁴ Активное действие права направлено на интересы управомоченного субъекта, пользующегося объектом права в своем интересе и определяющим способ и форму этого пользования. Пассивное действие права связано с целью объекта права и направлено на обеспечение права будущего управомоченного субъекта, при временном отсутствии такого субъекта в настоящем. В качестве примера Ю. С. Гамбаров приводит состояние наследства в период времени от смерти наследодателя до вступления в наследство его правопреемников. Это состояние, несмотря на временное отсутствие управомоченного лица, исключаящее возможность активного действия права, защищается объективным правом в смысле охранения целостности наследственного имущества путем установления его связанности с целью наследства — служить интересам наследников. См.: *Гамбаров Ю. С.* Курс гражданского права. Т. 1 : Часть общая. СПб., 1911. С. 382–389.

²⁵ Реакция (от лат. *actio* — действие) — действие, состояние, процесс, возникающие в ответ на какое-либо воздействие. См.: *Большой энциклопедический словарь* // URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%A0%D0%B5%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F>.

²⁶ См.: *Нолькен А. М.* Договоры в пользу третьих лиц. Опыт теоретического исследования по гражданскому праву // *Вестник гражданского права*. 2018. № 2 (Т. 18). С. 121–201 ; *Бибикина Е. В.* Договора в пользу третьего лица в российском и европейском частном праве: сравнительно-правовой обзор // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2017. № 12. С. 95–157.

Поставленное государством во главу угла достижение интересов государства и общества в деятельности ППК позволяет утверждать, что субъективные права ППК в гражданских правоотношениях будут иметь реактивное действие в отношении третьих лиц (общества и государства), и это является целью ее создания. Достижение ППК поставленных перед ней публичных задач побуждает ее вступать в такие гражданские правоотношения, в связи с реализацией которых возникает реактивное действие субъективных прав ППК вне гражданского правоотношения, относительно третьих лиц.

В содержание принципа свободы договора ученые включают такие элементы, как право заключать или не заключать тот или иной договор; право выбора контрагента по договору; право выбора вида договора и определения его условий²⁷. В этой связи И. А. Покровский указывает, что гражданские права — это только права, а не обязанности, и субъект, который ими наделен, вправе как воспользоваться этими правами, так и нет. То есть не осуществление прав не составляет правонарушения²⁸.

Для субъектов гражданского права со специальной правоспособностью предполагаются ограничения деятельности, связанные с возможностью иметь только те гражданские права, которые соответствуют предусмотренным в учредительных документах целям деятельности. При таком соответствии данные субъекты

свободны при реализации своей правоспособности. Однако для ППК в административном порядке могут быть установлены правоотношения, в которые она обязана вступить, их субъектный состав и содержание. Например, ППК «Военно-строительная компания» в императивном порядке, без ее собственного волеизъявления определена Правительством РФ в качестве подрядчика при выполнении работ по строительству Тульского областного онкологического диспансера, с одновременным установлением Правительством РФ в одностороннем порядке существенных условий заключаемого между компанией и субъектом РФ (Тульской областью) контракта (в том числе цены контракта, порядка авансирования, условий об отсутствии обеспечения контракта)²⁹. При этом необходимо отметить, что подобный объект недвижимости не является предметом основной деятельности данной ППК. В таком же императивном порядке указанная ППК определена единственным исполнителем работ по обследованию зданий федерального казенного учреждения³⁰; поручением Президента РФ ей предписано вступить в гражданские правоотношения по строительству автомобильных дорог на территории Республики Крым и г. Севастополя³¹. Кроме того, государством могут определяться контрагенты для отдельных договоров, заключаемых ППК в определенный период времени³². А при предоставлении ППК субсидий из

²⁷ См.: Басин Ю. Г. Избранные труды по гражданскому праву. СПб., 2003. С. 37.

²⁸ См.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права // URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/23/info/>.

²⁹ См.: распоряжение Правительства РФ от 15.12.2020 № 3319-р «Об определении публично-правовой компании «Военно-строительная компания» единственным исполнителем осуществляемых для нужд Тульской области закупок работ по строительству объекта «Государственное учреждение здравоохранения «Тульский областной онкологический диспансер», г. Тула (строительство онкологического центра в г. Тула, в том числе проектно-изыскательские работы)» // СЗ РФ. 2020. № 51. Ст. 8546.

³⁰ См.: распоряжение Правительства РФ от 15.04.2021 № 982-р «Об определении публично-правовой компании «Военно-строительная компания» единственным исполнителем осуществляемых в 2021 году закупок работ по обследованию объектов капитального строительства» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³¹ См.: п. 3 перечня поручений по итогам совещания по социально-экономическому развитию Крыма и Севастополя, утв. Президентом РФ 05.02.2020 № Пр-191 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³² Например, на период 2021–2022 гг. ООО «Группа Компаний «Трансстройинвест»» определена единственным исполнителем осуществляемых ППК «Единый заказчик в сфере строительства» работ, связанных с инженерными изысканиями, архитектурно-строительным проектированием, строительством и рекон-

федерального бюджета отбор предполагаемых к приобретению или финансированию за счет субсидий объектов недвижимости³³ осуществляется не самими ППК, а государственным органом, который также является и инициатором решений о приобретении компанией в собственность за счет таких субсидий конкретных объектов недвижимости. При этом таким государственным органом является не обязательно тот, который осуществляет полномочия учредителя компании³⁴.

Таким образом, любые государственные органы³⁵, в том числе и не осуществляющие полномочия учредителя компании, могут мерами административно-правового характера принудить ее к определенному поведению в гражданско-правовой сфере, определить конкретные гражданские правоотношения, в которые она должна вступить, их субъектный состав и содержание. Государственные органы способны в любой момент расширить или сузить объем гражданской правоспособности ППК, а также

впоследствии изменить, отменить принятые ими подобные решения. Это подчеркивает публично-правовой статус ППК и свидетельствует о лабильном (лат. *labilis* — подвижный, скользящий, неустойчивый, изменчивый) характере объема ее гражданской правоспособности. Такой характер проявляется еще и в том, что изменение объема имеющихся у ППК полномочий (например, наделение ее новыми полномочиями) влечет изменение и объема ее гражданской правоспособности. Это показательно на примере ППК «Фонд развития территорий», содержание гражданской правоспособности которой расширилось в связи с увеличением круга лиц, чьи права она должна обеспечить (к их числу стали относиться члены жилищно-строительных кооперативов), а также в связи с наделением ее новыми функциями по строительству объектов инженерно-технической, социальной, транспортной инфраструктуры, в целях последующей безвозмездной передачи объектов инфраструктуры в государственную

струкцией объектов Международного детского центра «Артек». См.: распоряжение Правительства РФ от 13.03.2021 № 607-р // СЗ РФ. 2021. № 12. Ст. 2071.

³³ Такой отбор осуществляется с учетом приоритетов и целей развития Российской Федерации и исходя из прогнозов и программ социально-экономического развития, государственных программ, отраслевых доктрин, концепций и стратегий развития на среднесрочный и долгосрочный периоды, а также документов территориального планирования, исходя из поручений и указаний Президента РФ и поручений Правительства РФ. Это касается, например субсидий, направляемых на мероприятия по осуществлению капитальных вложений в объекты капитального строительства, находящиеся в собственности компаний; на предоставление взноса в уставные (складочные) капиталы юридических лиц, акции (доли) которых принадлежат компаниям, в целях последующего осуществления капитальных вложений в объекты капитального строительства, находящиеся в собственности указанных юридических лиц. См.: пп. 1, 3–4 постановления Правительства РФ от 29.12.2017 № 1691 «О порядке принятия решений о предоставлении из федерального бюджета субсидий государственным корпорациям (компаниям), публично-правовым компаниям» // СЗ РФ. 2018. № 3. Ст. 528.

³⁴ Таким государственным органом является главный распорядитель средств федерального бюджета, ответственный за реализацию мероприятий государственной программы, в рамках которых планируется предоставление субсидии, а в случае отсутствия такой программы, главный распорядитель средств федерального бюджета, наделенный в соответствующей сфере ведения. См.: п. 3 постановления Правительства РФ от 29.12.2017 № 1691 «О порядке принятия решений о предоставлении из федерального бюджета субсидий государственным корпорациям (компаниям), публично-правовым компаниям» // СЗ РФ. 2018. № 3. Ст. 528.

³⁵ Правительство РФ и Президент РФ также относятся к органам государственной власти. См.: Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061; Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. С. 210.

или муниципальную собственность³⁶; новыми функциями застройщика и технического заказчика в соответствии с Градостроительным кодексом РФ³⁷.

Реализация ППК в гражданских правоотношениях воли, сформированной не ею, а государством в лице соответствующего государственного органа, свидетельствует об ограниченном проявлении у нее такого признака гражданских правоотношений, как автономия воли. В возможности принудить ППК к определенному поведению в гражданских правоотношениях проявляется существенная особенность, выражающаяся в ее публично-правовой обязанности реализовывать определенным образом свою гражданскую правоспособность, приобретать и осуществлять конкретные субъективные права. Наличие такого обязывающего правомочия в научной литературе связывается с понятием «правообязанность», активно употреблявшемся в советское время применительно к неимущественным отношениям³⁸. В юридической литературе подчеркивается, что соединенность прав и обязанностей в формулу «полномочия» озна-

чает правообязанность, характерную для публичной сферы, которую нельзя не реализовать³⁹, при этом правообязанность как органическое сочетание прав и обязанностей является составляющей компетенции⁴⁰. Полагаем возможным присоединиться к данной позиции ученых, справедливо указывающих на то, что властное полномочие — это правообязанность. В имущественных же отношениях концепция «правообязанности» объяснялась использованием в советский период административно-командных методов управления для регулирования частноправовых отношений, когда в силу планового характера экономики того периода организации обладали не только гражданскими правами, например правом пользоваться имуществом, но и обязаны были эти права осуществлять⁴¹. В современных условиях возможность осуществления теории «правообязанности» также не исключается⁴².

Вышеприведенные примеры реализации ППК гражданской правосубъектности свидетельствуют, что для нее характерно совпадение гражданских прав и обязанностей с преваляро-

³⁶ См.: п. 1 ст. 1 Федерального закона от 04.11.2019 № 359-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О публично-правовой компании по защите прав граждан — участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” и Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)”» // СЗ РФ. 2019. № 44. Ст. 6180.

³⁷ См.: Ст. 10 Федерального закона от 13.07.2020 № 202-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 29. Ст. 4512.

³⁸ Так, согласно Конституции СССР 1936 г. труд являлся одновременно и обязанностью каждого трудоспособного гражданина, и его правом. См.: Ст. 12, 18 Конституции (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

³⁹ См. подробнее: *Тихомиров Ю. А.* Административное право и процесс: Полный курс. М., 2001. С. 166; *Елистратов А. И.* Понятие о публичном субъективном праве. Теория субъективных публичных прав А. А. Рождественского. М., 1913. С. 6; *Грачев Т. С.* Права и обязанности: модели единства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 5. С. 32.

⁴⁰ См.: *Алексеев Н. Н.* Обязанность и право // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 158–159.

⁴¹ См. подробнее: *Генкин Д. М.* Сочетание прав с обязанностями в советском праве // Советское государство и право. 1964. № 7. С. 35; *Черданцев А. Ф.* Понятие технико-юридических норм и их роль в формировании общественных отношений // Советское государство и право. 1964. № 7. С. 136.

⁴² Так, в качестве примера «правообязанности» Е. В. Вавилин приводит положения п. 5 ст. 448 ГК РФ, согласно которой победитель торгов имеет не только право подписать договор, но и такую же обязан-

ванием последних. В частности, к «правообязанностям» можно отнести функции ППК, указанные в правовом акте о ее создании.

Применительно к каждой ППК могут быть установлены также отдельные случаи ограничения возможности, либо, напротив, необходимости заключения договоров, что свидетельствует об ограниченном действии принципа свободы договора для ППК. Так, при предоставлении ППК «Фонд развития территорий» имущественного взноса Российской Федерации в размере 30 млрд руб. для финансирования мероприятий по восстановлению прав граждан Правительством РФ определено конкретное количество таких граждан и срок реализации данной компанией всех необходимых мероприятий (как представляется, в том числе и гражданско-правового характера) по защите прав этих граждан⁴³. То есть по достижении этого срока данная ППК по указанию Правительства РФ обязана «освоить» указанную сумму денежных средств (находящихся у нее в собственности) посредством

вступления в гражданские правоотношения в части, например, банкротства должников — застройщиков, строительства многоквартирных домов, выплаты денежного возмещения гражданам и т.д. В этом случае дееспособность ППК реализуют ее органы, но выражают они в гражданских правоотношениях не волю, сформированную самой ППК, ее органами, а государственную волю, выраженную Правительством РФ⁴⁴. Примером ограничения свободы договора выступает также определение не самой ППК, а Правительством РФ⁴⁵ условий, заключаемых ППК «Фонд развития территорий» договоров поручительства (обеспечивающих исполнение застройщиками кредитных договоров с банками) и условий реализации права компании на заключение таких договоров⁴⁶.

Таким образом, специфика целей деятельности ППК находит свое отражение и в волеобразовании, которое в полной мере имеет место лишь при заключении сделок, направленных на поддержание ее текущей деятельности. При

ность, за неисполнение которой он утрачивает внесенный задаток. См.: *Вавилин Е. В.* Понятие и механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 38–39.

⁴³ См.: распоряжение Правительства РФ от 30.04.2020 № 1193-р «О выделении средств на финансирование мероприятий, направленных на восстановление прав граждан — участников долевого строительства и членов жилищно-строительных кооперативов» // СЗ РФ. 2020. № 19. Ст. 3045.

⁴⁴ При этом в гражданских правоотношениях такая воля не будет волей учредителя. Функции учредителя у Фонда осуществляет не Правительство РФ, а Минстрой РФ. См.: п. 2 ст. 2 Закона о Фонде; п. 1 постановления Правительства РФ от 18.11.2013 № 1038 «О Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 47. Ст. 6117.

⁴⁵ П. 2 ст. 13.2 Закона о банкротстве.

⁴⁶ В пункте 1 ст. 13.2 Закона о Фонде установлены условия, при которых Фондом может быть дано поручительство по кредитному договору: если договор участия в долевом строительстве с первым участником долевого строительства заключен без использования счетов эскроу, представлен на государственную регистрацию до 01.07.2019, и привлечение средств участников долевого строительства осуществляется с использованием счетов эскроу; если проценты по целевому кредиту не превышают действовавшую на дату заключения кредитного договора ключевую ставку Центрального банка РФ, увеличенную на три процентных пункта; если застройщик не имеет просроченной задолженности по налогам, сборам и иным обязательным платежам в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации, а также требований по возмещению им гаранту выплаченных в соответствии с условиями банковской гарантии денежных сумм; если в отношении застройщика на дату заключения кредитного договора не возбуждено производство по делу о несостоятельности (банкротстве) и не проводятся процедуры ликвидации юридического лица; если отсутствует решение арбитражного суда о приостановлении деятельности застройщика в качестве меры административного наказания или о приостановлении осуществления им деятельности, связанной с привлечением денежных средств участников долевого строительства.

вступлении в гражданский оборот, обусловленном достижением обозначенных государством целей деятельности, волеобразование ППК осуществляется на государственном уровне под влиянием публичного интереса ее учредителя. Представляется, что вышеуказанные особенности гражданской правосубъектности ППК предусмотрены законодателем в целях реактивного эффекта для третьих лиц при осуществлении ППК субъективных прав, то есть в целях гарантии деятельности ППК в интересах государства и общества, как это указано в вышеприведенном легальном определении публично-правовой компании.

Дееспособность юридического лица реализуется посредством органов управления, состоящих, в свою очередь, из конкретных физических лиц, которые формируют и выражают волю юридического лица вовне, во взаимоотношениях с другими субъектами гражданского права (п. 1 ст. 53 ГК РФ). В предусмотренных законом случаях юридическое лицо может приобретать гражданские права и принимать на себя гражданские обязанности через своих участников (п. 2 ст. 53 ГК РФ). В этих случаях действия органов или участников признаются действиями самого юридического лица. Однако у ППК участников нет, а характер ее органов управления является «прогосударственным», поскольку органы управления ППК имеют публичную составляющую: государство определяет порядок их формирования, осуществления полномочий и компетенцию, а также непосредственно формирует высшие органы управления. Наличие в составе высших органов управления представителей органов государственной власти позволяет государству осуществлять управление и контроль за деятельностью ППК. При этом отдельные полномочия в отношении ППК на основании специального нормативного акта вправе осуществлять Президент РФ⁴⁷. Это указывает на то, что фактически реализация дееспособности ППК осуществляется ее учредителем, что не свойственно иным юридическим лицам.

Таким образом, гражданская правоспособность ППК является специальной и имеет особый характер. Во-первых, ее содержание нормативно установлено: 1) правовым актом о создании, устанавливающим ее компетенцию; 2) уставом, содержание которого должно соответствовать нормативному акту о создании компании; 3) иными актами, определяющими необходимость и/или условия вступления компании в те или иные гражданские правоотношения. Во-вторых, гражданская правоспособность ППК, реализация которой осуществляется ею под влиянием публичного интереса государства, является «компетенционной». Совокупность возможностей ППК приобретать гражданские права обусловлена целями ее деятельности, которые, в свою очередь, предопределены ее компетенцией (функциями и полномочиями), установленной в нормативном акте о ее создании. Именно реализация компетенции служит основанием вступления ППК в гражданские правоотношения. При этом автономность деятельности ППК проявляется не в свободе решения вопроса, осуществлять определенную деятельность или нет, а в свободе и самостоятельности при выборе способов выполнения поставленных перед нею публичных задач. В-третьих, гражданская правоспособность ППК характеризуется лабильностью и может изменяться государственными органами (в том числе и не осуществляющими полномочия учредителя компании) без внесения соответствующих изменений в устав и акт о создании компании, что вынуждает контрагентов для определения содержания правоспособности компании на момент совершения сделки обращаться ко всему законодательству, регулирующему деятельность конкретной ППК, а не только к ее уставу и акту о создании. В-четвертых, в отдельных случаях при реализации гражданской правоспособности ППК возникающие у нее субъективные права имеют реактивное действие для третьих лиц, хотя и не вступающих в конкретные правоотношения, но получающих определенные выгоды от участия компании в правоотношениях с иными лицами.

⁴⁷ См. подробнее: *Зайцева Ю. А.* Управление публично-правовых компаний: структура органов, их формирование и деятельность // *Право и государство: теория и практика.* 2019. № 5 (173). С. 45–48.

В отличие от других субъектов гражданского права и юридических лиц, у ППК ограничена автономия воли, что выражается в реализации ею в гражданских правоотношениях не столько своей воли, сколько воли, сформированной любым государственным органом, в том числе осуществляющим полномочия учредителя. В отношении отдельных ППК может быть ограничено действие принципа свободы договора, что выражается, например, в нормативном установлении для нее конкретных случаев необходимости заключить договор; определении не самой ППК, а Правительством РФ условий

отдельных заключаемых ею договоров. Как видится, подобные ограничения обусловлены деятельностью ППК в интересах государства и общества.

Отмеченное свидетельствует о возможности использования ППК для достижения поставленных перед ней целей разнородного инструментария, предполагающего как реализацию публично-правовых полномочий в строго установленной государством области, так и активное участие в гражданском обороте, что предопределяет присущие гражданской правосубъектности ППК особенности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев Н. Н. Обязанность и право // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. — М., 1998. — 635 с.
2. Басин Ю. Г. Избранные труды по гражданскому праву. — СПб., 2003. — 589 с.
3. Вавилин Е. В. Понятие и механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей // Журнал российского права. — 2004. — № 5. — С. 35–43.
4. Генкин Д. М. Сочетание прав с обязанностями в советском праве // Советское государство и право. — 1964. — № 7. — С. 27–38.
5. Грачев Т. С. Права и обязанности: модели единства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2009. — № 5. — С. 31–33.
6. Елистратов А. И. Понятие о публичном субъективном праве. Теория субъективных публичных прав А. А. Рождественского. — М., 1913. — 39 с.
7. Зайцева Ю. А. Управление публично-правовых компаний: структура органов, их формирование и деятельность // Право и государство: теория и практика. — 2019. — № 5 (173). — С. 45–48.
8. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права // URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/23/info/>.
9. Советское административное право : учебник / под ред. С. С. Алексеева. — М., 1985. — Вып. 1. — 542 с.
10. Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс : Полный курс. — М., 2001. — 696 с.
11. Черданцев А. Ф. Понятие технико-юридических норм и их роль в формировании общественных отношений // Советское государство и право. — 1964. — № 7.
12. Ямпольская Ц. А. Субъекты советского административного права : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1957. — 682 с.
13. Jhering R. von. Geist des romischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. — Teil 3, Bd. 1.

Материал поступил в редакцию 10 июня 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev N. N. Obyazannost i pravo // Alekseev N. N. Russkiy narod i gosudarstvo. — M., 1998. — 635 s.
2. Basin Yu. G. Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu. — SPb., 2003. — 589 s.
3. Vavilin E. V. Ponyatie i mekhanizm osushchestvleniya grazhdanskikh prav i ispolneniya obyazannostey // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2004. — № 5. — S. 35–43.

4. Genkin D. M. Sochetanie prav s obyazannostyami v sovetskom prave // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1964. — № 7. — S. 27–38.
5. Grachev T. S. Prava i obyazannosti: modeli edinstva // Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2009. — № 5. — S. 31–33.
6. Elistratov A. I. Ponyatie o publichnom subektivnom prave. Teoriya subektivnykh publichnykh prav A. A. Rozhdestvenskogo. — M., 1913. — 39 s.
7. Zaytseva Yu. A. Upravlenie publichno-pravovykh kompaniy: struktura organov, ikh formirovanie i deyatel'nost' // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2019. — № 5 (173). — S. 45–48.
8. Pokrovskiy I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava // URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/23/info/>.
9. Sovetskoe administrativnoe pravo: uchebnik / pod red. S. S. Alekseeva. — M., 1985. — Vyp. 1. — 542 s.
10. Tikhomirov Yu. A. Administrativnoe pravo i protsess: Polnyy kurs. — M., 2001. — 696 s.
11. Cherdantsev A. F. Ponyatie tekhniko-yuridicheskikh norm i ikh rol v formirovanii obshchestvennykh otnosheniy // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1964. — № 7.
12. Yampolskaya Ts. A. Subekty sovetskogo administrativnogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 1957. — 682 s.
13. Jhering R. von. Geist des romischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. — Teil 3, Bd. 1.

Субъекты криминального банкротства: оценка законодательных новелл и прогноз их правоприменения

Аннотация. Выделение квалифицированных составов криминального банкротства по признакам субъекта определенно решит проблему диспропорции количества регистрируемых преступлений и приговоров за счет более строгих санкций и, как следствие, больших сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Между тем нарушения технико-юридических правил, допущенные в процессе нормотворчества, привели к тому, что составы неправомерных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства были разбиты на две группы: касающиеся деяний, совершаемых должниками-гражданами, и деяний, совершаемых в связи с хозяйственной деятельностью юридических лиц. При этом идентичность общественно опасных последствий, заложенных законодателем в обе группы составов, а также несоответствующие санкции за совершение соответствующих преступлений позволили поставить вопрос о нарушении принципа равенства, которое не может быть обосновано дифференциацией уголовной ответственности. В свою очередь, необоснованная рецепция положений законодательства о несостоятельности приведет к тому, что при определении признаков контролирующего должника лица судебная практика пойдет по пути, аналогичному установлению обстановки неправомерных действий при банкротстве, что входит в противоречие с законодательством о несостоятельности и практикой его применения. Кроме того, существует риск, что нововведения, предусмотренные частью 2.1 ст. 195 УК РФ, никоим образом не коснутся руководителей должников-организаций. Автором сделан вывод об отсутствии целесообразности дополнения ст. 195 УК РФ частью четвертой, а также сформулированы редакции ч. 1, 1.1, 2.1 ст. 195, ч. 1, 2 ст. 196 УК РФ с учетом смысла, заложенного законодателем при реформировании соответствующих уголовно-правовых норм и правил конструирования составов преступлений.

Ключевые слова: неправомерные действия при банкротстве; преднамеренное банкротство; контролирующее должника лицо; арбитражный управляющий; ликвидационная комиссия; ликвидатор; использование своего служебного положения; принципы уголовно-правовой политики.

Для цитирования: Субачев А. К. Субъекты криминального банкротства: оценка законодательных новелл и прогноз их правоприменения // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 99–114. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.099-114.

© Субачев А. К., 2023

* Субачев Алексей Константинович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета
Днепровская ул., д. 1, г. Владивосток, Россия, 690062
jsbach1750@mail.ru

Subjects of Criminal Bankruptcy: Assessment of Legislative Novelties and Perspectives of their Enforcement

Aleksey K. Subachev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University
ul. Dneprovskaya, d. 1, Vladivostok, Russia, 690062
jsbach1750@mail.ru

Abstract. Allocation of qualified criminal bankruptcy structures based on the characteristics of the subject will definitely solve the problem of disproportion in the number of reported crimes and sentences due to stricter sanctions and, as a result, longer periods of limitation for criminal prosecution. Meanwhile, violations of technical and legal rules committed in the process of rulemaking resulted in the situation when designs of illegal actions in bankruptcy and intentional bankruptcy are divided into two groups: acts committed by debtors-citizens, and acts committed in connection with the business activities of legal entities. At the same time, identity of socially dangerous consequences laid down by the legislator in both groups of bankruptcies and unsettled sanctions for the commission of the corresponding crimes allowed the author to raise the question of violation of the principle of equality, which cannot be justified by the differentiation of criminal liability. In turn, unjustified reception of insolvency law provisions will lead to the situation when determining the signs of a controlling debtor, judicial practice will follow a path similar to the establishment of a situation of unlawful actions in bankruptcy, which contradicts the insolvency law and the practice of its application. In addition, there is a risk that innovations provided for under Part 2.1 Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation will in no way affect the heads of debtor organizations. The author concludes that it is not expedient to supplement Article 195 of the Criminal Code with Part 4 and provides the wording for Parts 1, 1.1, 2.1 of Article 195, Part 1, 2 of Article 196 of the Criminal Code of the Russian Federation with due regard to the meaning laid down by the law-maker when reforming relevant criminal law rules and the rules for designing the elements of crimes.

Keywords: illegal actions in bankruptcy; intentional bankruptcy; controlling debtor; receiver; liquidation commission; liquidator; abuse of office; principles of criminal law policy.

Cite as: Subachev AK. Subekty kriminalnogo bankrotstva: otsenka zakonodatel'nykh novell i prognoz ikh pravoprimereniy [Subjects of Criminal Bankruptcy: Assessment Of Legislative Novelties and Perspectives of their Enforcement]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(1):99-114. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.099-114. (In Russ., abstract in Eng.).

Эффективность противодействия криминальным банкротствам уголовно-правовыми средствами на всем протяжении действия УК РФ 1996 г. вызывала обоснованные сомнения у представителей академической среды¹. В частности, одним из проблемных

¹ См., например: Вакутин А. А. Уголовно-правовая оценка неправомерных действий при банкротстве : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. С. 3–4 ; Зацепин А. М. Неправомерные действия при банкротстве в уголовном праве: социальная обусловленность криминализации, проблемы законодательной регламентации и квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 4–5 ; Классен А. Н. Проблемы ответственности за неправомерные действия при банкротстве (социальный и уголовно-правовой аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 5 ; Кузнецов А. В. Преступления в сфере несостоятельности (ст. 195–197 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 3 ; Морозова Ю. В. Неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротства по уголовному законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 3–4 ; Тимофеев Д. В. Дифференциация уголовной ответственности за незаконное банкротство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 4 ; Хакулов М. Х. Неправомерное (преднамеренное и фиктивное) банкротство : дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2000. С. 3.

аспектов правоприменения норм о неправомерных действиях при банкротстве выступали минимальные сроки давности привлечения к уголовной ответственности², в связи с чем существенная часть уголовных дел прекращалась по причине их истечения. Сами же составы криминальных банкротств неоднократно подвергались существенным изменениям³. Предпоследней попыткой повысить уголовно-правовой потенциал норм об ответственности за неправомерные действия при банкротстве и преднамеренное банкротство стала законодательная инициатива депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации о конструировании специальных составов криминальных банкротств, совершаемых в отношении кредитных организаций, страховых организаций или негосударственных пенсионных фондов⁴. Несмотря на внесение соответствующего законопроекта⁵ в нижнюю палату парламента 27 февраля 2020 г., дальше принятия ответственным комитетом решения о представлении

законопроекта в Совет Государственной Думы дело не зашло. Наконец, Федеральным законом «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁶ внесены последние на сегодняшний день изменения в уголовно-правовое регулирование неправомерных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства, коснувшиеся, помимо прочего, признаков субъектов соответствующих преступлений. Оценке влияния названных новелл на правоприменительную практику и посвящена настоящая статья.

Часть 1.1 ст. 195 УК РФ предусматривает повышенную уголовную ответственность за деяния, предусмотренные частью 1 соответствующей статьи, в случае их совершения лицом с использованием своего служебного положения, а равно контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица: максимальный размер наказания в виде

² Преступления, предусмотренные статьей 195 УК РФ, ранее относились к категории преступлений небольшой тяжести, срок давности привлечения к уголовной ответственности за их совершение составлял два года (ст. 15, 78 УК РФ).

³ См., например: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848; Федеральный закон от 19.12.2005 № 161-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2005. № 52 (ч. 1). Ст. 5574; Федеральный закон от 21.07.2014 № 218-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4219; Федеральный закон от 29.12.2014 № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника”» // СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 29; Федеральный закон от 27.12.2018 № 530-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8456.

⁴ Подробнее см.: *Васильев А. М.* Криминальное банкротство: критический анализ нововведений // *International & Domestic Law* : материалы XV Ежегодной всероссийской конференции по национальному и международному праву (площадка Google Meet, 18 декабря 2020 года). Екатеринбург : Учебно-научная лаборатория Sapientia, 2020. С. 573–578.

⁵ Проект федерального закона № 909883-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия преступлениям, связанным с банкротством кредитной или иной финансовой организации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/909883-7> (дата обращения: 13.06.2022).

⁶ Федеральный закон от 01.07.2021 № 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

лишения свободы достигает четырех лет, что переводит соответствующее преступление в категорию преступлений средней тяжести.

Аналогичные признаки включены в ч. 4 ст. 195, п. «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ.

Понимание признака «с использованием своего служебного положения» выработано высшей судебной инстанцией достаточно давно, и его применение на практике не должно вызывать трудностей (если рассматривать его изолированно от других признаков составов преступлений).

К лицам, использующим свое служебное положение для совершения неправомерных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства, следует относить как должностных лиц, так и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях⁷. При этом, с учетом специфики законодательства о несостоятельности, рассматриваемые деяния не могут быть совершены должностными лицами государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных внебюджетных фондов, государственных корпораций, государственных компаний, публично-правовых компаний, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований Российской Федерации. Равно и лица, выполняющие управленческие функции в частных учреждениях, политических партиях, религиозных организациях и негосударственных

фондах, не относятся к категории лиц, которые могут использовать свое служебное положение при совершении рассматриваемых преступлений. Дело в том, что некоторые из указанных видов организаций не могут быть признаны несостоятельными в силу прямого указания п. 1 ст. 65 ГК РФ⁸, в то время как возможность применения законодательства о несостоятельности к ликвидации организаций других видов на сегодняшний день не предусмотрена профильным нормативным правовым регулированием.

Под использованием своего служебного положения как способа совершения неправомерных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства следует понимать исключительно использование лицом своих служебных полномочий. Дело в том, что объективная сторона составов криминального банкротства (за исключением ч. 3 ст. 195 УК РФ) заключается в совершении юридически значимых действий, которые лицо без соответствующих полномочий совершить не в состоянии. В связи с этим использование авторитета занимаемой должности в целях совершения соответствующих преступлений исключено.

Рассмотренный квалифицирующий признак структурно входит как в число признаков объективной стороны квалифицированных составов криминальных банкротств (в части использования), так и в число признаков субъектов (отнесение субъекта к должностным лицам и лицам, выполняющим управленческие функции в ком-

⁷ См., например: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Российская газета. 2007. № 95 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // Российская газета. 2010. № 130 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. № 142 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. № 35 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Российская газета. 2012. № 251 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 2017. № 280.

⁸ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

мерческой или иной организации, производно от объективной стороны). Признак контролирующего должника лица или руководителя этого контролирующего лица, со своей стороны, не выходит за группу признаков, характеризующих субъекта преступлений, предусмотренных частями 1.1, 4 ст. 195, пунктом «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ. При этом, учитывая бланкетность диспозиций указанных норм, понятие контролирующего должника лица должно определяться так же, как оно определено в конкурсном праве⁹. Так, в силу п. 1 ст. 61.11 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁰ (далее — Закон о банкротстве), контролирующим должника лицом признается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. Из приведенного определения можно выделить следующие признаки соответствующего понятия.

Во-первых, в качестве такового выступает физическое или юридическое лицо.

Во-вторых, это лицо, имеющее (имевшее) возможность любым образом определять действия должника. При этом, как разъяснила высшая судебная инстанция страны, осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов должника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении и т.п.). Если сделки, изменившие экономическую и (или) юридическую судьбу

должника, заключены под влиянием лица, определившего существенные условия этих сделок, такое лицо подлежит признанию контролирующим должника (абз. 2, 3 п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»¹¹). Несмотря на то что пунктом 2 ст. 61.10 Закона о банкротстве предусмотрены обстоятельства, при наличии которых существует возможность определять действия должника, на основании каких именно юридических фактов осуществлялся контроль, правового значения не имеет. Дело в том, что соответствующий перечень является открытым (возможность определять действия должника может достигаться «иным образом, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления должника либо оказания определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника иным образом», пп. 4 п. 2 ст. 61.10 Закона о банкротстве).

Наконец, в-третьих, в расчет принимается контроль над должником, имевший место в период не более трех лет, предшествовавших возникновению признаков банкротства. Представляется, что установление указанного признака вызовет наибольшие трудности в процессе применения анализируемых новелл на практике. И обусловлены подобные соображения следующим. В разъяснениях, касающихся вопросов привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, говоря о признаках банкротства, от возникновения которых ретроактивно отсчитывается три года, Верховный Суд РФ подразумевает под ними момент неспособности должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения *совокупного размера обязательств*

⁹ См., например: Михайлова И. А. Бланкетные нормы в уголовном законе и их применение органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8 ; Шишко И. В. Взаимосвязь уголовно-правовых и регулятивных норм в сфере экономической деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 12.

¹⁰ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

¹¹ Российская газета. 2017. № 297.

над реальной стоимостью его активов, именуя такое состояние объективным банкротством (абз. 1 п. 4 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53). Иными словами, в указанном контексте речь идет о недостаточности имущества как о признаке банкротства, которое в силу абз. 36 ст. 2 Закона о банкротстве предполагает превышение размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей должника над стоимостью имущества (активов) должника. Разница между разъяснением и нормой конкурсного права в том, что Верховный Суд РФ заостряет внимание на реальной стоимости активов. На практике это может означать следующее: должник может обладать признаком неплатежеспособности (прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств, абз. 37 ст. 2 Закона о банкротстве), в то время как реальная стоимость других его активов (основных средств, запасов, дебиторской задолженности и т.д.) может превышать размер имеющихся у него обязательств¹². И в таком случае говорить о признаках банкротства должника в целях определения статуса контролирующего должника лица будет преждевременно. Кроме того, подобное неустойчивое финансовое положение может быть выровнено, из-за чего трехлетний период контроля может сместиться.

В свою очередь, судебная практика по уголовным делам о неправомерных действиях при банкротстве на сегодняшний день констатирует обстановку совершения соответствующих преступлений, которую также образуют признаки банкротства, при наличии оснований для обращения в арбитражный суд с заявлением о при-

знании должника несостоятельным. В качестве таковых на практике выступают длительность неисполнения обязательств, срок исполнения которых наступил, а также их размер, в то время как наличие либо отсутствие материального (внутреннего) признака банкротства, заключающегося в реальной неспособности должника исполнить обязательства, не устанавливается¹³. В связи с этим мы с высокой степенью вероятности можем спрогнозировать, что под признаками банкротства, речь о которых идет в определении контролирующего должника лица, следственные и судебные органы будут понимать не недостаточность имущества (и даже не неплатежеспособность) должника, а обстоятельства, позволяющие возбудить дело о банкротстве должника (например, неисполнение денежного обязательства в размере 300 тыс. руб. и более в течение трех месяцев с даты, когда оно должно было быть исполнено, п. 2 ст. 3, п. 2 ст. 6 Закона о банкротстве). Ошибочность такого правопонимания, помимо приведенных нами ранее доводов¹⁴, косвенно подтверждена и практикой Верховного Суда РФ, который в рамках спора о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности за несвоевременное обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом подверг критике мотивировку суда первой инстанции, определившего момент возникновения признаков банкротства на основании п. 2 ст. 3, п. 2 ст. 6 Закона о банкротстве¹⁵, т.е. по истечении трех месяцев с даты наступления срока исполнения обязательств, совокупный размер которых превышал 300 тыс. руб.

Изложенное позволяет спрогнозировать, что суды будут ограничиваться внешними признаками банкротства, которые могут возникать

¹² См. также: *Голубцов В. Г.* Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 48. С. 263 ; *Любимова Е. Е.* Субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов // Арбитражные споры. 2018. № 2 (82). С. 71.

¹³ Подробнее см.: *Субачев А. К.* Проблемы установления обстановки совершения неправомерных действий при банкротстве // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 1. С. 123–124.

¹⁴ *Субачев А. К.* Указ. соч. С. 122–125.

¹⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.07.2017 № 309-ЭС17-1801 по делу № А50-5458/2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

не только в связи с ухудшением финансового состояния должника. В частности, должник может избегать добровольного исполнения обязательств в связи с оспариванием размера задолженности, самого факта существования обязательств либо просто из-за своей недобросовестности. И применительно к таким случаям, если они будут формально подпадать под основания для обращения в арбитражный суд с заявлением о признании таких должников банкротами, суды будут ретроактивно отсчитывать трехлетний срок при установлении статуса контролирующего должника лица. Как следствие, рассматриваемый квалифицирующий признак может быть вменен в вину лицам, не контролирующим должника по определению (чей период контроля будет выпадать за трехлетний срок, предшествующий возникновению признаков банкротства). Правильный же путь заключается в выявлении момента превышения обязательств должника над реальной стоимостью его активов. И если финансовое положение должника до признания его банкротом так и не стабилизируется, а баланс не станет положительным, соответствующая дата должна выступать отправной точкой для отсчета трехлетнего периода контроля.

Указание в рассматриваемых новеллах на руководителя контролирующего должника как субъекта криминальных банкротств должно упростить задачу правоприменителю при разрешении вопроса о субъекте преступления, совершенного при руководстве хозяйственной деятельностью должника управляющими компаниями, которые, как известно, могут выполнять функции единоличного исполнительного органа акционерного общества (пп. 2 п. 2 ст. 67.1 ГК РФ, абз. 3 п. 1 ст. 69 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»¹⁶).

Далее, квалифицирующий признак «с использованием своего служебного положения» не был включен законодателем в число признаков состава преступления, предусмотренного частью 2.1 ст. 195 УК РФ. Вместо этого в качестве альтернативных признаков субъекта

соответствующего преступления (помимо рассмотренных ранее) выступает его совершение арбитражным управляющим или председателем ликвидационной комиссии (ликвидатором). При этом в диспозиции ч. 2 ст. 195 УК РФ, описывающей признаки основного состава соответствующего деяния, признаки руководителя юридического лица или его учредителя (участника) либо гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, как субъектов указанного преступления были заменены на признаки должника. Указание на категорию должника — юридического лица, за счет имущества которого неправомерно удовлетворяются требования кредиторов, было исключено из диспозиции нормы.

Последняя из приведенных поправок носит технический характер и определенно положительно сказалась на корректности изложения объективной стороны состава преступления: предыдущая редакция текстуально могла создать впечатление, что она распространяет свое действие лишь на удовлетворение требований кредиторов юридического лица.

В свою очередь, включение в число субъектов неправомерных действий при банкротстве арбитражного управляющего и председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора) с одновременным игнорированием признака «с использованием своего служебного положения» носит кардинальный характер. Особенности объективной стороны состава преступления, предусмотренного частью 2 ст. 195 УК РФ, заключаются в том, что она может быть выполнена лишь лицом, имеющим право распоряжаться имуществом должника. Соответствующие полномочия арбитражный управляющий приобретает только в процедурах внешнего управления и конкурсного производства, в которых внешний и конкурсный управляющие наделяются полномочиями по руководству деятельностью должника (абз. 2 п. 1 ст. 94, п. 1 ст. 129 Закона о банкротстве). В качестве правового основания наделения названных лиц полномочиями выступают определение (в процедуре внешнего управления) или решение (в процедуре

¹⁶ СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

конкурсного производства) арбитражного суда, которыми они утверждаются в деле о банкротстве.

Равно и ликвидационная комиссия (ликвидатор) юридического лица наделяется полномочиями по управлению его делами решением учредителей (участников) юридического лица или органа, принявшего решение о ликвидации (п. 3, 4 ст. 62 ГК РФ). В случае неисполнения учредителями (участниками) обязанности по ликвидации юридического лица ее также проводит арбитражный управляющий на основании решения суда (п. 5 ст. 62 ГК РФ).

Рассмотренные субъекты преступления, предусмотренного частью 2.1 ст. 195 УК РФ, имеют общую черту: они выполняют организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции по специальному полномочию, то есть обладают признаками либо должностных лиц (примечание 1 к ст. 285 УК РФ), либо управленцев (примечание 1 к ст. 201 УК РФ). Ранее мы уже обращали внимание на то, что использование соответствующими лицами своих полномочий при совершении неправомерных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства подпадает под квалифицирующий признак «с использованием своего служебного положения». В связи с этим возникает закономерный вопрос: по какой причине указанному признаку не нашлось места в диспозиции ч. 2.1 ст. 195 УК РФ, а арбитражный управляющий и председатель ликвидационной комиссии (ликвидатор) выделены в качестве самостоятельных субъектов рассматриваемого преступления? Криминологический подход позволяет нам частично на него ответить. Так, одной из ключевых задач, решаемых в процедурах несостоятельности и ликвидации, выступает проведение расчетов с кредиторами, распределение ликвидационной квоты. И с этой точки зрения действительно уместно

говорить о том, что неправомерное удовлетворение требований одних кредиторов заведомо в ущерб другим — свойственное упомянутым лицам преступление. Тем не менее указанного обоснования явно недостаточно для подобного нормотворчества. В пояснительной записке к проекту соответствующего федерального закона повышение уголовной ответственности арбитражного управляющего и председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора) обосновано значимостью их статуса в делах о банкротстве, предполагающего «достаточно широкие полномочия»¹⁷. Между тем не менее широкими полномочиями обладает и руководитель юридического лица. И помимо того, что практика недвусмысленно признает действия руководителя должника по преимущественному удовлетворению требований одних кредиторов перед требованиями других преступными не только в случае их совершения в процедурах несостоятельности, но и при наличии признаков банкротства должника¹⁸, на сегодняшний день законодательством о несостоятельности предусмотрена реабилитационная процедура, в ходе которой полномочия руководителя не прекращаются и расчеты с кредиторами проводит именно он, — финансовое оздоровление (гл. V Закона о банкротстве). Не стоит забывать и о процедуре наблюдения, в ходе которой руководство должника продолжает осуществлять свои полномочия, в том числе по исполнению текущих платежей, что открывает для него возможности для совершения соответствующего преступления. Выступает ли невключение законодателем признака «с использованием своего служебного положения» в ч. 2.1 ст. 195 УК РФ намеком на то, что коль скоро погашение требований кредиторов согласно определенной очередности прямо предусмотрено действующим законодательством лишь для процедур ликвидации юридического лица, а также некоторых

¹⁷ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1099900-7> (дата обращения: 13.06.2022).

¹⁸ См., например: приговор Железнодорожного районного суда города Симферополя от 03.09.2019 № 1-247/2019 ; приговор Северобайкальского городского суда Республики Бурятия от 11.07.2018 по делу № 1-118/2018 ; приговор Советского районного суда города Омска от 08.06.2018 по делу № 1-47/2018 ; приговор Советского районного суда города Рязани от 04.10.2017 № 1-150/2017 (доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

процедур несостоятельности (финансовое оздоровление, внешнее управление и конкурсное производство), то нарушение соответствующей очередности вне введенной процедуры несостоятельности или ликвидации юридического лица не образует признаков состава преступления, предусмотренного частями 2, 2.1 ст. 195 УК РФ? Пояснительная записка к проекту рассматриваемого закона ответа на поставленный вопрос не содержит, но с учетом изложенного мы можем спрогнозировать, что подобное нормотворчество, вероятно, спровоцирует практику квалификации действий по неправомерному удовлетворению требований одних кредиторов за счет имущества должника заведомо в ущерб другим кредиторам, совершенному до введения в отношении должника процедур ликвидации или несостоятельности, в которых гашение требований кредиторов осуществляется арбитражным управляющим либо председателем ликвидационной комиссии (ликвидатором), не на основании ч. 2, 2.1 ст. 195 УК РФ, но как злоупотребление полномочиями, поскольку ст. 201 УК РФ выступает общей по отношению к неправомерным действиям при банкротстве уголовно-правовой нормой. При этом подобная практика, пусть и в редких случаях, встречалась и до принятия рассматриваемых новелл как в виде квалификации органами предварительного следствия действий виновных по ст. 201 УК РФ (вместо ч. 2 ст. 195 УК РФ)¹⁹, так и в виде судебной квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных частью 2 ст. 195 и ст. 201 УК РФ²⁰. Ну и в качестве совсем неутешительного прогноза квалификация названных действий будет производиться по признакам основного состава (ч. 2 ст. 195 УК РФ), т.е. новеллы фактически ничего не изменят в соответствующей части.

Ошибочность рассмотренных вариантов квалификации кроется в том, что руководитель юридического лица и есть контролирующее

должника лицо, поскольку он имеет не только фактическую, но и юридическую возможность определять действия должника-организации, в связи с чем рассмотренные выше действия, совершенные до начала процедуры ликвидации или введения в отношении должника процедуры несостоятельности, предполагающей переход полномочий по руководству должником к арбитражному управляющему или председателю ликвидационной комиссии (ликвидатору), следует квалифицировать на основании ч. 2.1 ст. 195 УК РФ. Учитывая, что лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих или иных организациях, по умолчанию осуществляют в отношении них контроль, включение в диспозиции ч. 1.1, 4 ст. 195, п. «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ в качестве субъектов соответствующих преступлений и лиц, использующих свое служебное положение, и контролирующих должника лиц (с учетом того, что второе понятие охватывает первое) с одновременным оставлением названного признака за бортом диспозиции ч. 2.1 ст. 195 УК РФ выглядит непоследовательным. Однако решение обозначенной проблемы не представляется сложным: использование признаков субъекта преступления, соотносящихся между собой как часть и целое, в рамках одного состава преступления явно избыточно. В связи с этим, коль скоро законодатель всё же решил включить термин «контролирующее должника лицо» в диспозиции рассматриваемых норм, ему следовало ограничиться лишь указанием на соответствующий статус лица при описании признаков составов преступлений, предусмотренных частями 1.1, 2.1, 4 ст. 195, п. «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ, не включая в диспозиции соответствующих норм указания на «использование лицом своего служебного положения». В противовес сказанному можно, конечно, заметить, что нередко руководителями юридических лиц назначаются номиналы, которые, обладая контролем над организацией юридически, либо

¹⁹ См., например: постановление Сорновского районного суда города Нижнего Новгорода от 02.03.2012 по делу № 1-56/2012 ; приговор Промышленного районного суда города Смоленска от 12.09.2016 по делу № 1-20/2016 (1-311/15) (доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

²⁰ См., например: приговор Высокогорского районного суда станицы Высокая Гора от 13.08.2013 по делу № 1-81/2013 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

не осуществляют фактического руководства как такового, передавая свои полномочия третьим лицам, либо делают это четко по указке бенефициаров бизнеса, то есть контролирующими должника лицами в буквальном значении данного термина их назвать нельзя, однако можно говорить об использовании ими своего служебного положения. Но даже в первой из названных «моделей» от субсидиарной ответственности номиналы освобождаются лишь при определенном позитивном и, самое главное, результативном поведении (п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве). Когда же речь заходит о номиналах применительно к криминальным банкротствам, то подразумеваются те из них, кто так или иначе совершает общественно опасное деяние (выступает подписантом при совершении сделок, допускает бездействие по взысканию дебиторской задолженности, подписывает приказы об установлении заработной платы в завышенных размерах и соответствующие дополнительные соглашения к трудовым договорам и т.д.). И в таком случае их отстраненность от реального управления текущей деятельностью юридического лица не носит абсолютного характера, не исключает возможности выполнения ими объективной стороны состава преступления. Совсем иначе обстоит дело с номиналами, передающими свои полномочия на основании доверенностей, локальных нормативных правовых актов либо иным образом. Такой «руководитель» действительно не подлежит уголовной ответственности, если преступное деяние совершено лицом, которому он передал свои полномочия (за исключением совершения криминального банкротства путем бездействия). А вот последние обладают всеми признаками контролирующего должника лица, в связи с чем могут быть привлечены к уголовной ответственности с учетом соответствующего квалифицирующего признака.

Вывод, сделанный относительно содержания понятия «контролирующее должника лицо», касается и председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора), при этом их выделение в

качестве самостоятельных субъектов преступления, предусмотренного частью 2.1 ст. 195 УК РФ, также излишне. Дело в том, что само понятие «контролирующее должника лицо» введено в законодательство о несостоятельности в первую очередь для целей привлечения к субсидиарной ответственности лиц, виновных в доведении организации до состояния банкротства, к числу которых могут быть отнесены и названные субъекты, что следует из их полномочий по руководству деятельностью должника до признания последнего несостоятельным и на что справедливо обращено внимание в литературе²¹.

И хотя озвученные выше нарушения правил криминализации общественно опасных деяний носят характер существенных, при формулировании ч. 4 ст. 195 УК РФ законодатель решил пойти еще дальше. Чего-то нового по сравнению с ч. 1.1, 2.1 ст. 195 УК РФ в содержание диспозиции соответствующей нормы включено не было. Речь по-прежнему идет о совершении преступления, предусмотренного частью 3 ст. 195 УК РФ, лицом с использованием своего служебного положения, а равно контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица. Однако рассматриваемая новелла не согласуется по содержанию с признаками состава преступления, предусмотренного частью 3 ст. 195 УК РФ. Дело в том, что объективная сторона основного состава преступления предусматривает незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной или иной финансовой организации в случаях, если названные субъекты антикризисных отношений наделены функциями руководителя должника, а равно и в случае, если в отношении гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, введена процедура, применяемая в деле о банкротстве. Изложенное недвусмысленно свидетельствует о возможности совершения соответствующего преступления либо после прекращения полномочий органов управления организации, либо должником — физическим лицом после введения в отношении него про-

²¹ Свириденко О. М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // Lex russica (Русский закон). 2018. № 12 (145). С. 20.

цедуры несостоятельности (если быть точным, процедуры реализации имущества гражданина). По этой причине незаконно воспрепятствовать деятельности арбитражного управляющего или временной администрации с использованием своего служебного положения (с учетом приведенного выше толкования соответствующего признака применительно к криминальным банкротствам) попросту невозможно. Руководитель, чьи полномочия прекращены, уже не может их использовать для совершения преступления, это нонсенс. Но есть одно «но». Коль скоро изменения в уголовный закон внесены, то без внимания практики они вряд ли останутся. Среди множества разъяснений высшей судебной инстанции по вопросам использования лицом своего служебного положения как способа совершения преступления наибольшую помощь сотрудникам правоприменительных органов окажет рекомендация, содержащаяся в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»²², в соответствии с которой использование своего служебного положения возможно также лицами, которым оружие, комплектующие детали к нему, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства выданы персонально и на определенное время для выполнения специальных обязанностей²³. Поскольку руководитель юридического лица выступает лицом, ответственным за хранение первичных учетных документов, регистров бухгалтерского учета, бухгалтерской (финансовой) отчетности, аудиторских заключений о ней (ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете»²⁴), иных документов организации (п. 3 ст. 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»²⁵, п. 2 ст. 89 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об акционер-

ных обществах», п. 2 ст. 28 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»²⁶ и др.), а также ее имущества (п. 3 ст. 53, п. 1 ст. 53.1 ГК РФ), мы можем спрогнозировать, что при квалификации деяния по ч. 4 ст. 195 УК РФ по признаку служебного положения практика будет исходить из того, что названному субъекту документы и имущество вверены персонально и на время осуществления им полномочий по управлению деятельностью организации. Тем самым вопрос о возможности привлечения единоличного исполнительного органа юридического лица с учетом соответствующего квалифицирующего признака будет решен положительно.

Можно возразить, что прекращение полномочий исполнительных органов должника не прекращает трудовых отношений с другими работниками, которые могут быть наделены организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями, позволяющими им использовать свое служебное положение для совершения преступления. Между тем основными способами незаконного воспрепятствования деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации выступают уклонение или отказ в представлении документов, передаче имущества. В свою очередь, соответствующие обязанности прямо возложены на бывшего руководителя должника, полномочия которого прекращены (абз. 4 п. 1 ст. 94, абз. 2 п. 2 ст. 126 Закона о банкротстве), а также на временного, административного и внешнего управляющего (в зависимости от того, какая процедура, применяемая в деле о несостоятельности, была введена в отношении должника). При этом, несмотря на то что временный и административный управляющие обязаны обеспечить передачу бухгалтерской и иной документации должника, печатей и штампов, материальных и иных ценностей внешне-

²² СПС «КонсультантПлюс».

²³ Российская газета. 2002. № 48.

²⁴ СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7344.

²⁵ СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

²⁶ СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.

му управляющему (абз. 4 п. 1 ст. 94, абз. 2 п. 2 ст. 126 Закона о банкротстве), названные лица, во всяком случае, не наделены служебными полномочиями. Однако ими наделен внешний управляющий вплоть до его отстранения или освобождения от исполнения возложенных на него обязанностей и утверждения другого внешнего управляющего или открытия конкурсного производства и утверждения в качестве конкурсного другого арбитражного управляющего. Равно и конкурсный управляющий осуществляет управленческие функции в организации, признанной несостоятельной, до момента его отстранения или освобождения от исполнения возложенных на него обязанностей. При этом и на внешнем, и на конкурсном управляющих также лежит обязанность по передаче вновь утвержденному арбитражному управляющему (внешнему или конкурсному, в зависимости от процедуры, применяемой в деле о несостоятельности должника) документации и имущества (п. 3 ст. 97, п. 4 ст. 98, абз. 2 п. 2 ст. 126 Закона о банкротстве). Между тем названные антикризисные менеджеры равным образом не могут использовать свое положение в целях выполнения объективной стороны состава преступления, предусмотренного частью 3 ст. 195 УК РФ, поскольку их полномочия прекращаются с даты их отстранения либо освобождения от исполнения возложенных на них обязанностей (п. 2 ст. 97, п. 2 ст. 98, п. 3 ст. 144, п. 2 ст. 145 Закона о банкротстве).

В связи со сказанным еще более парадоксальным выглядит возможность воспрепятствования деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации контролирующим должника лицом (руководителем контролирующего должника лица). Ввиду того что основными способами совершения преступления выступают неисполнение обязанностей, возложенных либо на признанного

несостоятельным гражданина, либо на лицо, осуществляющее руководство деятельностью должника (в том числе внешнего и конкурсного управляющих), а равно временного и административного управляющего, контролирующие должника лица (и их руководители) попросту не могут выступать субъектами преступления, предусмотренного частью 4 ст. 195 УК РФ. С момента передачи полномочий по управлению должником арбитражному управляющему или временной администрации о каком-либо контроле над юридическим лицом со стороны названных лиц говорить не приходится, во всяком случае, он утрачивается с даты прекращения полномочий исполнительных органов должника. Кроме того, как было указано выше, понятие контролирующего должника лица призвано обеспечить возможность выявления лиц, ответственных за банкротство организации, а к моменту наделения полномочиями по управлению должником арбитражного управляющего или временной администрации должник уже обладает не только внешними, но и внутренними признаками несостоятельности, и необходимость применения упомянутого определения теряет всякий смысл.

Несмотря на то, что каких-либо иных, помимо уклонения или отказа руководителя в представлении документов и имущества, способов совершения рассматриваемого преступления на практике нам обнаружить не удалось²⁷, мы тем не менее можем констатировать, что доступны они лишь исполнительным органам юридического лица, а не любому контролирующему должника лицу. Однако решение, которое будет найдено практикой для вменения упомянутого квалифицирующего признака, спрогнозировать возможно. В тех случаях, когда необходимая для проведения мероприятий, предусмотренных законодательством о несостоятельности, документация, а также имущество должника

²⁷ См., например: приговор Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 23.05.2017 по делу № 1-177/2017 ; приговор Москаленского районного суда Омской области от 11.01.2018 № 1-3/2018 ; приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 03.02.2012 по делу № 1-6/2012 ; приговор Центрального районного суда города Сочи от 23.07.2018 по делу № 1-397/2018 ; приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края от 14.09.2012 по делу № 1-31/2012 (доступ из СПС «Консультант-Плюс»).

будут находиться во владении иных, помимо руководителя, контролировавших должника лиц, до сведения которых доведено требование арбитражного управляющего либо временной администрации о представлении документов и материальных ценностей и которые его активно игнорируют, первые будут подлежать уголовной ответственности на основании ч. 4 ст. 195 УК РФ.

По итогам проведенного исследования можно констатировать, что попытка отечественного законодателя повысить эффективность уголовно-правового противодействия неправомерным действиям при банкротстве и преднамеренному банкротству по большей части не увенчалась успехом. Бесспорно, дополнение ст. 195 УК РФ квалифицированными составами неправомерных действий при банкротстве, совершенных в отношении имущества кредиторов юридического лица, а также в процедурах несостоятельности юридического лица, положительно скажется на реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности благодаря адекватным для отправления правосудия срокам давности.

Между тем основные изменения, внесенные в ст. 195, 196 УК РФ, в одной части произведены без учета положений законодательства о несостоятельности, а в другой представляют собой рецепирование терминов и формулировок банкрутного права, не адаптированное под уголовный закон. По этой причине законодатель, сам того не ведая, произвел не имеющее под собой уголовно-политических оснований дробление составов неправомерных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства на две группы: совершаемые физическими лицами в отношении своего имущества и своих кредиторов и совершаемые в отношении имущества юридического лица и его кредиторов (за исключением преступлений, предусмотренных частью 2 ст. 195 УК РФ и совершаемых арбитражными управляющими). При этом размер ущерба, определенный в качестве крупного, идентичен для всех составов криминального банкротства, в то время как санкции за совершение преступлений, образующих пары из названных групп, существенно отличаются друг от друга. Помимо этого, местами наблюдается избыточность уголовного-правового регулиро-

вания, носящая характер формальной, однако способной вызвать затруднения на практике.

Результатами проведенного исследования выступили следующие прогнозы правоприменения рассмотренных нововведений:

1. Разрыв между количеством постановляемых приговоров по делам о неправомерных действиях при банкротстве и количеством соответствующих регистрируемых преступлений сократится, приблизится к балансу.

2. При ретроактивном установлении периода контроля над должником в целях определения признаков контролирующего должника лица отправной точкой отчета для правоприменителя будет выступать не трехлетний период контроля, имевший место до возникновения у должника признаков недостаточности имущества (объективного банкротства), как это определяется по делам о несостоятельности, а момент появления у должника внешних признаков банкротства: предусмотренных Законом о банкротстве сроков неисполнения обязательств и их размерами, — которые в совокупности выступают основаниями для обращения в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом. То есть определяться признаки банкротства будут соответственно механизму их определения на практике применительно к обстановке неправомерных действий при банкротстве, предусмотренной частями 1, 2 ст. 195 УК РФ.

3. Действия руководителя должника, не обладающего другими, помимо руководства, признаками контролирующего должника лица, по неправомерному удовлетворению требований одних кредиторов за счет имущества организации заведомо в ущерб другим, вероятно, будут получать уголовно-правовую оценку либо на основании ч. 2 ст. 195 УК РФ (то есть поправки не коснутся указанных деяний), либо на основании ст. 201 УК РФ (применение общей нормы «в отсутствие» специальной).

4. Несмотря на всю нелогичность и несоответствие законодательству о несостоятельности, квалифицированный состав неправомерных действий при банкротстве, предусмотренный частью 4 ст. 195 УК РФ, скорее всего, будет работать на практике (хотя и практика по таким преступлениям встречается крайне редко).

При конструировании новелл с той смысловой нагрузкой, которую в них вкладывал законодатель, диспозиции норм о неправомерных действиях при банкротстве и преднамеренном банкротстве следовало сформулировать следующим образом:

— в ст. 195 УК РФ:

«1. Соккрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества должника — ~~юридического лица, гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, а равно~~ соккрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность ~~юридического лица или индивидуального предпринимателя, если эти действия совершены при наличии признаков банкротства и причинили крупный ущерб, за исключением случаев, предусмотренных частями четвертой и пятой статьи 170.1 и статьей 172.1 настоящего Кодекса~~»;

«1.1. Соккрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества должника — ~~юридического лица, гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, а равно~~ соккрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учет-

ных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица ~~или индивидуального предпринимателя, если эти действия совершены при наличии признаков банкротства и причинили крупный ущерб, за исключением случаев, предусмотренных частями четвертой и пятой статьи 170.1 и статьей 172.1 настоящего Кодекса, совершенные~~ ~~лицом с использованием своего служебного положения, арбитражным управляющим, а равно контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица~~»;

«2.1. Деяние, предусмотренное частью второй настоящей статьи, совершенное ~~арбитражным управляющим или председателем ликвидационной комиссии (ликвидатором), а равно контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица~~»;

— в ст. 196 УК РФ:

«1. Преднамеренное банкротство, то есть совершение действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность ~~юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, должника~~ в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб»;

«2. То же деяние, совершенное:

а) ~~лицом с использованием своего служебного положения или~~ контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица»;

— часть 4 ст. 195 УК РФ в принципе не следовало включать в уголовный закон.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вакутин А. А. Уголовно-правовая оценка неправомерных действий при банкротстве : дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2013. — 220 с.
2. Васильев А. М. Криминальное банкротство: критический анализ нововведений // International & Domestic Law : материалы XV Ежегодной всероссийской конференции по национальному и международному праву (площадка Google Meet, 18 декабря 2020 г.). — Екатеринбург : Учебно-научная лаборатория Sapientia, 2020. — С. 573–578.
3. Голубцов В. Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2020. — № 48. — С. 248–273. — DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-248-273.

4. Зацепин А. М. Неправомерные действия при банкротстве в уголовном праве: социальная обусловленность криминализации, проблемы законодательной регламентации и квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 199 с.
5. Классен А. Н. Проблемы ответственности за неправомерные действия при банкротстве (социальный и уголовно-правовой аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2001. — 174 с.
6. Кузнецов А. В. Преступления в сфере несостоятельности (ст. 195–197 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2004. — 25 с.
7. Любимова Е. Е. Субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов // Арбитражные споры. — 2018. — № 2 (82). — С. 61–71.
8. Михайлова И. А. Бланкетные нормы в уголовном законе и их применение органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 19 с.
9. Морозова Ю. В. Неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротства по уголовному законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 245 с.
10. Субачев А. К. Проблемы установления обстановки совершения неправомерных действий при банкротстве // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 1. — С. 120–127. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.122.1.120-127.
11. Свириденко О. М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // Lex russica (Русский закон). — 2018. — № 12 (145). — С. 18–24. — DOI: 10.17803/1729-5920.2018.145.12.018-024.
12. Тимофеев Д. В. Дифференциация уголовной ответственности за незаконное банкротство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — 32 с.
13. Хакулов М. Х. Неправомерное (преднамеренное и фиктивное) банкротство : дис. ... канд. юрид. наук. — Кисловодск, 2000. — 161 с.
14. Шишко И. В. Взаимосвязь уголовно-правовых и регулятивных норм в сфере экономической деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2004. — 41 с.

Материал поступил в редакцию 13 июня 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vakutin A. A. Ugolovno-pravovaya otsenka nepravomernykh deystviy pri bankrotstve: dis. ... kand. yurid. nauk. — Omsk, 2013. — 220 s.
2. Vasilev A. M. Kriminalnoe bankrotstvo: kriticheskiy analiz novovvedeniy // International & Domestic Law: materialy XV Ezhegodnoy vserossiyskoy konferentsii po natsionalnomu i mezhdunarodnomu pravu (ploshchadka Google Meet, 18 dekabrya 2020 g.). — Ekaterinburg: Uchebno-nauchnaya laboratoriya Sapientia, 2020. — S. 573–578.
3. Golubtsov V. G. Subsidiarnaya otvetstvennost kontroliruyushchikh dolzhnika lits: evolyutsiya zakonodatelnykh podkhodov // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2020. — № 48. — S. 248–273. — DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-248-273.
4. Zatsepin A. M. Nepravomernye deystviya pri bankrotstve v ugovnom prave: sotsialnaya obuslovlennost kriminalizatsii, problemy zakonodatelnoy reglamentatsii i kvalifikatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2010. — 199 s.
5. Klassen A. N. Problemy otvetstvennosti za nepravomernye deystviya pri bankrotstve (sotsialnyy i ugovno-pravovoy aspekt): dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2001. — 174 s.
6. Kuznetsov A. V. Prestupleniya v sfere nesostoyatelnosti (st. 195–197 UK RF): voprosy zakonodatelnoy tekhniki i differentsiatsii ugovnoy otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Kazan, 2004. — 25 s.

7. Lyubimova E. E. Subsidiarnaya otvetstvennost za nevozmozhnost polnogo pogasheniya trebovaniy kreditorov // Arbitrazhnye spory. — 2018. — № 2 (82). — S. 61–71.
8. Mikhaylova I. A. Blanketnye normy v ugovnom zakone i ikh primenenie organami vnutrennikh del: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2009. — 19 s.
9. Morozova Yu. V. Nepravomernye deystviya pri bankrotstve, prednamerennoe i fiktivnoe bankrotstva po ugovnomu zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2010. — 245 s.
10. Subachev A. K. Problemy ustanovleniya obstanovki soversheniya nepravomernykh deystviy pri bankrotstve // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2021. — T. 16. — № 1. — S. 120–127. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.122.1.120-127.
11. Sviridenko O. M. Aktualnye voprosy subsidiarnoy otvetstvennosti kontroliruyushchikh lits pri bankrotstve dolzhnika // Lex russica (Russkiy zakon). — 2018. — № 12 (145). — S. 18–24. — DOI: 10.17803/1729-5920.2018.145.12.018-024.
12. Timofeev D. V. Differentsiatsiya ugovnoy otvetstvennosti za nezakonnoe bankrotstvo: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2013. — 32 s.
13. Khakulov M. Kh. Nepravomerno (prednamerennoe i fiktivnoe) bankrotstvo: dis. ... kand. yurid. nauk. — Kislovodsk, 2000. — 161 s.
14. Shishko I. V. Vzaimosvyaz ugovno-pravovykh i regulativnykh norm v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2004. — 41 s.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.115-123

Д. В. Коробейников*

Уклонение от исполнения наказания и отбывания назначенного наказания в форме уголовно-противоправного непроступного бездействия как разновидность уголовного проступка: понятие, признаки, правовые последствия

Аннотация. Исследование посвящено нормам уголовного и уголовно-исполнительного права, регламентирующим отношения, связанные с уклонением от исполнения или отбывания наказания. Такой вид непроступного бездействия не является преступлением, относясь при этом к категории уголовного. На примерах судебных решений обосновывается актуальность изучения «непроступного бездействия» в форме «уклонений». Исследуются различные виды уклонений, дается авторское определение непроступного уголовно-противоправного бездействия как разновидности «уголовного проступка». На основе проведенного анализа уголовного, уголовно-исполнительного законодательства и судебной практики систематизированы общие признаки, присущие непроступным уклонениям от исполнения наказания или отбывания назначенного наказания в форме непроступного бездействия как разновидности уголовных проступков. Автором сделан вывод о необходимости законодательного закрепления категории «уголовный проступок» в Уголовном кодексе РФ и Уголовно-исполнительном кодексе РФ.

Ключевые слова: злостное уклонение; бездействие; уголовный проступок; административное правонарушение; непроступные уголовно-противоправные деяния; уголовное законодательство; уголовно-исполнительное законодательство.

Для цитирования: Коробейников Д. В. Уклонение от исполнения наказания и отбывания назначенного наказания в форме уголовно-противоправного непроступного бездействия как разновидность уголовного проступка: понятие, признаки, правовые последствия // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 115–123. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.115-123.

© Коробейников Д. В., 2023

* Коробейников Дмитрий Владимирович, аспирант кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия
Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418
luckerwinner@yandex.ru

Escaping Punishment and Getting Away with Serving the Imposed Punishment in the form of Illicit Non-Criminal Omission to Act as a Criminal Offense: A Concept, Signs, Legal Effect

Dmitriy V. Korobeynikov, Postgraduate Student, Department of Criminal Law, Russian State University of Justice
ul. Novocheremushkinskaya, d. 69, Moscow, Russia, 117418
luckerwinner@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to the norms of criminal and penal law regulating relationships associated with evasion from serving the imposed punishment. This kind of non-criminal omission to act is not a crime, while it belongs to the category of criminal. Using the examples of court decisions, the author substantiates the relevance of researching a «non-criminal inaction» in the form of «evasions». The author investigates various types of evasion and gives his definition of an illicit criminal omission to act as a kind of «criminal offense». On the basis of the analysis of the criminal and penal legislation and judicial practice, the author determines general characteristics inherent in non-criminal evasion from punishment or serving the imposed punishment in the form of non-criminal inaction as a type of criminal offenses. The author concludes that it is necessary to consolidate the category of a «criminal offense» in the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Code of the Russian Federation.

Keywords: malicious evasion; omission to act; criminal offense; administrative offense; illicit non-criminal acts; criminal legislation; penal legislation.

Cite as: Korobeynikov DV. Uklonenie ot ispolneniya nakazaniya i otbyvaniya naznachennogo nakazaniya v forme ugovorno-protivopravnogo neprestupnogo bezdeystviya kak raznovidnost ugovornogo prostupka: ponyatie, priznaki, pravovye posledstviya [Escaping Punishment and Getting Away with Serving the Imposed Punishment in the form of Illicit Non-Criminal Omission to Act as a Criminal Offense: A Concept, Signs, Legal Effect]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(1):115-123. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.115-123. (In Russ., abstract in Eng.).

Уголовный кодекс Российской Федерации закрепляет основания и условия привлечения к уголовной ответственности за преступное деяние, а также за противоправное, но не преступное поведение лица. Последнее, в совокупности с иными обстоятельствами, влияет на динамику уголовно-правовых отношений, негативно сказываясь на правовом статусе субъекта деяния. Законодатель кумулирует ситуации с противоправным поведением лиц, значительная часть которых совершается в форме бездействия.

В УК РФ отсутствуют понятия «уголовный проступок» и «непреступное бездействие», их юридическая природа в силу малой изученности не ясна. Однако дискуссии по поводу содержания и места «уголовного проступка» в системе уголовно-правовых отношений всё чаще выступают на первый план с признанием его особым видом между уголовным преступлением и административным правонарушением. Ряд ученых признают «уголовный проступок» особым видом уголовных правонарушений. К данной категории можно отнести:

- 1) злостное уклонение от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания (ч. 5 ст. 46 УК РФ);
- 2) злостное уклонение осужденного от отбывания обязательных работ (ч. 3 ст. 49 УК РФ);
- 3) злостное уклонение осужденного от отбывания исправительных работ (ч. 4 ст. 50 УК РФ);
- 4) злостное уклонение осужденного от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания (ч. 5 ст. 53 УК РФ);
- 5) уклонение осужденного от отбывания принудительных работ (ч. 6 ст. 53.1 УК РФ);
- 6) представление лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, ложных сведений или сокрытие от следователя либо прокурора каких-либо иных существенных обстоятельств совершения преступления (ст. 63.1 УК РФ);
- 7) уклонение условно осужденного от исполнения возложенных на него судом обязанностей или нарушение общественного порядка,

за которое он был привлечен к административной ответственности (ч. 2 ст. 74 УК РФ);

8) систематическое нарушение условно осужденным общественного порядка, за что он привлекался к административной ответственности, систематическое неисполнение возложенных на него судом обязанностей либо уклонение от контроля (ч. 3 ст. 74 УК РФ);

9) уклонение от следствия или суда лица, совершившего преступление (ч. 3 ст. 78 УК РФ);

10) уклонение от обязанностей по воспитанию ребенка после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено (ч. 2 ст. 82 УК РФ);

11) уклонение осужденного от отбывания наказания (ч. 2 ст. 83 УК РФ);

12) систематическое неисполнение несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 4 ст. 90 УК РФ);

13) отказ осужденного, признанного больным наркоманией, отбывание наказания которому было отсрочено, от прохождения курса лечения от наркомании, а также медицинской реабилитации либо социальной реабилитации или уклонение от лечения (ч. 2 ст. 82.1 УК РФ);

14) отказ лица при освобождении от уголовной ответственности от уплаты судебного штрафа (ч. 2 ст. 104.4 УК РФ)¹.

К этому перечню можно было бы добавить составы с административной преюдицией, так как имеется факт предшествовавшего наложения административного взыскания за аналогичное деяние. Однако повторяемость административного правонарушения не делает его преступлением, наделенным сущностными и материальными свойствами. Таким образом, на данном этапе можно отметить некорректность определения юридического значения составов с административной преюдицией. В пользу данного суждения выступают выводы Д. А. Габриловича, который также предлагает

признать составы преступления с административной преюдицией уголовным проступком².

Большая часть рассматриваемых деяний совершается в форме бездействия. Такие «уголовные проступки» не характеризуются общественной опасностью, но обладают всеми остальными признаками преступного деяния в форме бездействия, что также ставит их в пограничное состояние между административным правонарушением и уголовным преступлением.

Таким образом, непреступное уголовно-противоправное бездействие можно признать разновидностью «уголовного проступка», обладающего повышенной степенью общественной опасности, свойственной преступлениям, но заключающегося в неисполнении (или ненадлежащем исполнении) лицом обязанностей. В практике наиболее часто встречаются такие «уголовные проступки», как уклонение или злостное уклонение от исполнения наказания или отбывания назначенного наказания.

УК РФ регламентирует замену штрафа другим наказанием, кроме лишения свободы, в случае злостного уклонения от уплаты штрафа (ч. 5 ст. 46). В свою очередь, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации³ устанавливает признаки злостно уклоняющегося в тех же случаях: им признается осужденный, который не уплатил штраф в полном объеме или его часть в установленный законом срок — в течение 60 дней со дня вступления приговора в законную силу.

Верховный Суд РФ в постановлении № 21 разъяснил: при выявлении одного признака (а именно неуплаты штрафа в срок) не требуется наличие иных признаков для признания осужденного уклоняющимся. В число других признаков могут входить: неоднократное предупреждение со стороны судебных приставов-исполнителей о замене штрафа другим наказанием в случае его неуплаты; взятие объяснений с осужденного о причинах неуплаты штрафа; выяснение сведений об имущественном поло-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Власов Ю. А., Михаль О. А. Административная преюдиция как вид уголовного проступка // Современное право. 2019. № 6. С. 119–125.

³ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

жении осужденного, а также источниках его доходов. Важным аспектом является выяснение причин неуплаты штрафа осужденным, которые могут быть уважительными, например: утрата дееспособности, прохождение курса лечения в стационарных условиях, прекращение получения дохода (заработка) или утрата имущества по причинам, не зависящим от лица⁴.

Так, М. осужден по ч. 1 ст. 290 УК РФ к штрафу в размере 25-кратной суммы взятки (25 × 20 000 руб.), то есть в размере 500 тыс. руб., с лишением права занимать должности, связанные с осуществлением организационно-распорядительных функций в государственных образовательных учреждениях высшего образования, сроком на 2 года. Приговором суда первой инстанции в счет уплаты назначенного судом штрафа обращено взыскание на автомобиль, принадлежащий М. При этом судом не были учтены положения ч. 5 ст. 46 УК РФ и ст. 31 и 32 УИК РФ. Данные нормы регламентируют действия судебного пристава-исполнителя в отношении осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания. Судебный пристав-исполнитель должен направить в суд представление о замене штрафа. В случае уклонения от штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, судебный пристав взыскивает штраф в принудительном порядке, предусмотренном законодательством РФ. Таким образом, взыскание штрафа, назначенного в качестве основного наказания, не может проводиться принудительно, соответственно указание суда об обращении взыскания на автомобиль в счет уплаты назначенного штрафа подлежит исключению из приговора.

К вопросу о замене обязательных работ принудительными или лишением свободы в соответствии с ч. 3 ст. 49 УК РФ. Злостно уклоняющимся в соответствии со ст. 30 УИК РФ признается осужденный:

а) более двух раз в течение месяца не вышедший на обязательные работы без уважительных причин;

б) более двух раз в течение месяца нарушивший трудовую дисциплину;

в) скрывшийся в целях уклонения от отбывания наказания.

Так, согласно материалам дела, осужденный Т. своевременно встал на учет в уголовно-исполнительную инспекцию (далее — УИИ), в тот же день он был направлен для отбывания наказания и принят на работу для отбывания наказания в виде обязательных работ с указанием приступить к работе на следующий день. В ходе проверки через две недели по месту работы обнаружено, что осужденный в назначенный день на работу не явился и в течение всего срока для отбывания наказания к работе не приступал. В своем объяснении Т. признал факт отсутствия на работе все предшествующие дни без уважительных причин. За выявленные нарушения ему было вынесено предупреждение о возможности замены обязательных работ более строгим видом наказания. Однако позже, при повторной проверке, был выявлен еще один факт невыхода на работу осужденного в течение 2 недель, который также был безосновательным и был подтвержден Т.

Осужденный Т. более двух раз в течение месяца не вышел на работу без уважительных причин. Выявленные обстоятельства давали суду достаточные основания для удовлетворения представления начальника филиала УИИ о замене Т. обязательных работ более строгим видом наказания, так как осужденный злостно уклонялся от исполнения назначенного ему наказания. В этой связи судом первой инстанции было вынесено решение о замене обязательных работ (396 часов) наказанием в виде лишения свободы: из расчета один день лишения свободы за 8 часов обязательных работ определено к отбытию 49 дней лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении. После вступления постановления в силу Т. обязан явиться в территориальный орган УФСИН России, получить предписание о направлении и самостоятельно следовать к месту отбывания

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 (ред. от 18.12.2018) «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 2.

наказания. Срок отбывания исчислен со дня прибытия в колонию, в него засчитано время следования из расчета один день за один день. Поданная Т. апелляционная жалоба была оставлена судом апелляционной инстанции без удовлетворения. Апелляционный суд полно и всесторонне изучил представленные материалы, которые давали суду достаточно оснований считать Т. злостно уклоняющимся от исполнения наказания в виде обязательных работ без уважительных причин. Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что решение суда первой инстанции законно, мотивировано и обоснованно. Приведенные Т. доводы о наличии на иждивении малолетнего ребенка, тяжелом материальном положении и неофициальном трудоустройстве не являются основанием для отмены постановления суда первой инстанции. Постановление районного суда оставлено без изменения.

В соответствии с пп. «б» — «г» п. 2 ст. 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁵ при решении вопроса, является ли уклонение злостным, судам необходимо проверять, применялись ли к осужденным УИИ предупреждения, указанные в ч. 1 ст. 29, ч. 2 ст. 46 и ч. 2 ст. 58 УИК РФ⁶.

В случае злостного уклонения предусмотрена замена исправительных работ принудительными или лишением свободы в соответствии с ч. 4 ст. 50 УК РФ. Злостно уклоняющимся от отбывания исправительных работ, согласно ч. 3 ст. 46 УИК РФ, признается осужденный, допустивший повторную неявку на работу без уважительных причин в течение 5 дней со дня получения предписания УИИ; неявку в УИИ без уважительных причин; прогул или появление на работе в состоянии опьянения. Злостно уклоняющимся является также лицо, которое скрылось с места жительства и местонахождение которого неизвестно.

Например, приговором городского суда П. осужден по ч. 1 ст. 157 УК РФ к 3 месяцам

исправительных работ с удержанием 5 % из заработной платы в доход государства. Осужденный П. был поставлен на учет в УИИ УФСИН России, где ему в ходе профилактической беседы были разъяснены порядок, условия и положения закона, регулирующего правила отбывания наказания, а также ответственность за уклонение от отбывания данного вида наказания, отобрана подписка. П. выдано предписание для трудоустройства. Вместе с тем осужденный П., будучи предупрежденным об ответственности, не явился по предписанию для трудоустройства в течение 5 дней и далее — по вызову в инспекцию; аналогичные нарушения были совершены повторно спустя 10 дней, при этом каких-либо сведений об уважительности причин неявки П. не представил. После того как П. нарушил порядок отбывания наказания, инспектор отобрал у него объяснение и вынес предупреждение. При разбирательстве судом было учтено всё вышеизложенное и вынесено решение о замене неотбытой части исправительных работ на более строгое наказание — лишение свободы.

При отбывании ограничения свободы также возможно изменение вида наказания на более строгое при выявлении злостного уклонения в соответствии с ч. 5 ст. 54 УК РФ. Злостным уклонением считается:

- нарушение порядка и условий отбывания наказания в течение года после применения официального предупреждения;
- отказ осужденного от использования технических средств;
- покидание места жительства, неопределение местонахождения в течение 30 дней;
- неприбытие в УИИ, выписавшую предписание.

Следует отметить, что замена на более строгое наказание возможна только в случаях, когда ограничение свободы назначено в качестве основного наказания по ч. 5 ст. 53 УК РФ. Если ограничение свободы назначается как дополни-

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

⁶ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 03.06.2021 № 77-1949/2021 // URL: <https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=information> (дата обращения: 01.06.2022).

тельное наказание, признаки злостного уклонения регламентируются частью 1 ст. 314 УК РФ.

Из материалов судебной практики: Г. осуждена по ч. 1 ст. 58 с применением ч. 5 ст. 69 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы на 7 лет и 2 месяца с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Постановлением районного суда неотбытая часть наказания в виде лишения свободы сроком 1 год 3 месяца 11 дней заменена ограничением свободы на тот же срок. Осужденной Г. установлены соответствующие ограничения. Г. была поставлена на учет в УИИ, ознакомлена с порядком и условиями отбывания наказания, а также ответственностью за уклонение. При освобождении из колонии общего режима Г. было выдано предписание о необходимости явки в УИИ в установленный срок, однако в течение 5 дней с момента освобождения, включая дату обязательной явки, Г. не явилась и находилась за пределами области, нарушив возложенные судом ограничения, за что ей были вынесены предупреждение и официальное предостережение. Начальник УИИ УФСИН РФ обратился в суд с представлением о замене Г. оставшейся части наказания в виде ограничения свободы лишением свободы.

Изучив все обстоятельства, суд первой инстанции пришел к выводу, что Г. в период срока отбывания наказания в виде ограничения свободы соответствующих выводов для себя не сделала, на путь исправления не встала. Представление в отношении Г. было удовлетворено: неотбытая часть наказания в виде ограничения свободы сроком 4 месяца 24 дня заменена на лишение свободы сроком 2 месяца 12 дней с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Суд апелляционной инстанции признал обжалуемое постановление отвечающим требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ, а именно: основанным на объективных данных, принятых в полном соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, а доводы апелляционной жалобы

несостоятельными и не подлежащими удовлетворению⁷.

В случае уклонения либо злостного нарушения порядка и условий отбывания осужденным наказания в виде принудительных работ предусмотрена возможность их замены на лишение свободы в соответствии с ч. 6 ст. 53.1 УК РФ. Признание осужденного уклоняющимся регламентировано частью 1 ст. 60.17 УИК РФ и включает:

- уклонение от получения предписания;
- неприбытие к месту отбывания принудительных работ в установленный срок;
- невозвращение по истечении разрешенного срока выезда в исправительный центр;
- самовольное оставление исправительного центра (места работы, места проживания) более чем на 24 часа.

В перечень нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ в соответствии со ст. 6–15 УИК РФ включены:

- нарушение общественного порядка, за которое осужденный был привлечен к административной ответственности;
- нарушение трудовой дисциплины;
- нарушение установленных центром правил проживания;
- неявка без уважительных причин в исправительный центр на регистрацию.

К злостным нарушениям относят:

- употребление спиртных напитков, наркотических средств или психотропных веществ;
- мелкое хулиганство;
- неповиновение представителям администрации исправительного центра;
- организация забастовок или иных групповых неповиновений и участие в них;
- отказ от работы;
- самовольное оставление исправительного центра без уважительных причин;
- несвоевременное возвращение (более 24 часов) к месту отбывания наказания.

Злостным признается осужденный, совершивший в течение года три нарушения или одно злостное нарушение.

⁷ Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 22.11.2021 № 22-2913/2021 // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.06.2022).

Так, С. приговорен к отбыванию восьми месяцев лишения свободы, будучи осужденным по ч. 1 ст. 228 и по ч. 5 ст. 69 УК РФ к одному году и двум месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Впоследствии постановлением суда неотбытая часть наказания была заменена принудительными работами на срок шесть месяцев с удержанием 15 % заработка в доход государства. В суд начальник исправительного центра обратился с представлением о замене С. неотбытой части принудительных работ на лишение свободы, так как осужденным был нарушен порядок отбывания наказания в виде принудительных работ. В качестве учреждения исполнения наказания избрана колония строгого режима, срок рассчитан как один день лишения свободы за один день принудительных работ.

С. обратился в суд с апелляционной жалобой об отмене судебного решения, в которой он не оспаривал допущенные нарушения, но указывал на их незначительность. С. также обратил внимание на факт своего трудоустройства, в связи с чем имел возможность производить отчисления из заработной платы, а также указал, что суд не представил ему для ознакомления копию судебного протокола. Из материалов дела известно, что С., отбывая наказание в виде принудительных работ, вышел за пределы исправительного центра и к установленному сроку не вернулся, в связи с чем ему был вынесен выговор. На следующий день осужденный не вышел на утреннюю проверку, нарушив правила исправительного центра. С. был признан злостным нарушителем, и представлением дисциплинарной комиссии центра к нему применено взыскание в виде водворения в помещение для нарушителей на 15 суток. Суд апелляционной инстанции, изучив материалы дела, признал обжалуемое постановление законным и обоснованным⁸, оставив жалобу С. без удовлетворения.

Рассмотренные случаи демонстрируют факты замены вынесенного наказания на более

строгое в случаях неоднократных нарушений или допущения злостного нарушения осужденными, закрепленные законодательно утвержденным перечнем. Кроме указанных ранее нарушений, предусмотрено еще одно основание замены наказания на более строгое — уклонение от отбывания любого назначенного наказания⁹.

Имеется несколько особенностей, на которые следует обратить внимание при рассмотрении случаев злостного уклонения и применения наказания к осужденным.

Например, в случае уклонения осужденного от отбывания наказания при исчислении давности обвинительного приговора срок, в течение которого осужденный уклонялся, не принимается в расчет по ч. 2 ст. 83 УК РФ. Срок давности возобновляется в случае явки с повинной осужденного либо с момента его задержания.

В общий срок давности обвинительного приговора засчитывается срок, истекший к моменту уклонения.

При принятии решения о приостановлении срока давности исполнения обвинительного приговора учитывается отличие сущности уклонения от злостного уклонения от отбывания наказания, что также влияет на решение о замене наказания на более строгое.

1. В УК РФ содержатся составы преступлений — побег из мест лишения свободы (ст. 313), уклонение от отбывания лишения свободы (ч. 2 ст. 314). Лица привлекаются к ответственности за совершение противоправных деяний по этим статьям, что радикально отличает совершенные преступления от злостного уклонения, которое не образует состава преступления.

2. Замена наказания на более строгое как следствие злостного уклонения является правом суда, в то время как приостановление сроков давности в случае уклонения от отбывания наказания — обязательно.

3. До настоящего времени нет четкого разграничения между злостным уклонением от

⁸ Апелляционное постановление Мурманского областного суда от 24.03.2020 по делу № 22-373/2020 // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.06.2022).

⁹ Кауфман М. А. Уклонение от исполнения и отбывания наказания как вид негативного посткриминального поведения и его уголовно-правовое значение // Уголовное право. 2018. № 1. С. 53–60.

отбывания наказания с установленным сроком и неисполнением наказания, не являющегося срочным, например уплаты штрафа¹⁰.

Определены также общие признаки непременных уклонений от исполнения/отбывания наказания в форме бездействия и уголовных проступков:

а) по своей сути являются формами негативного посткриминального поведения;

б) в основе лежат юридические факты, которые при соблюдении определенных уголовным законом обстоятельств влекут наступление негативных правовых последствий, ухудшающих правовое положение лица, их совершившего;

в) указанные юридические факты как разновидности уголовных проступков не обладают общественной опасностью в степени, присущей преступлениям;

г) общественная опасность может определяться как повторяемостью (злостностью) юридического факта, так и его возможностью навредить охраняемым уголовным законом общественным отношениям;

д) затрагивают группу общественных отношений, которые регулируются нормами уголовного и уголовно-исполнительного права.

Иными словами, уклонения от исполнения наказания или отбывания назначенного наказания в форме уголовно-противоправного непременного бездействия как составляющие части существующего, но не признанного законодателем уголовно-правового феномена под названием «уголовный проступок» представляют собой

самостоятельные юридические факты, которые при соблюдении определенных уголовным и уголовно-исполнительным законодательством оснований влекут наступление негативных последствий, ухудшающих правовое положение лица, их совершившего.

Подводя итог, хотелось бы еще раз отметить актуальность и важность исследования непременных уголовно-правовых деяний в различных их проявлениях. Государство с демократическим режимом управления, провозглашающее высшей ценностью человека с его правами и свободами, не может при защите этих ценностей использовать исключительно репрессивные и наиболее жесткие формы защиты. Это влечет нарастание социальной напряженности, рост уголовно направленных конфликтов, нивелирование таких принципов уголовного права, как справедливость, гуманизм, а главное — сводит на нет эффективность поставленных целей применения наказания¹¹. Данные выводы подтверждают целесообразность нетрадиционных для практики российского уголовного права исследований, относящихся к уголовно-противоправному, но не преступному поведению. Результаты исследования также подтверждают выводы ряда ученых о необходимости законодательного закрепления категории «уголовный проступок».

С учетом того, что указанные уголовно-правовые явления представляют собой межотраслевой институт, следует рассматривать внесение соответствующих изменений как в Уголовный, так и в Уголовно-исполнительный кодекс РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Власов Ю. А., Михаль О. А. Административная преюдиция как вид уголовного проступка // Современное право. — 2019. — № 6. — С. 119–125.
2. Гарбатович Д. А. Классификация непременных уголовно-правовых деяний сквозь призму методов регулирования уголовных правоотношений // Администратор суда. — 2022. — № 1. — С. 39–41.
3. Кауфман М. А. Уклонение от исполнения и отбывания наказания как вид негативного посткриминального поведения и его уголовно-правовое значение // Уголовное право. — 2018. — № 1. — С. 53–60.

Материал поступил в редакцию 1 июня 2022 г.

¹⁰ Кауфман М. А. Указ. соч. С. 55.

¹¹ Гарбатович Д. А. Классификация непременных уголовно-правовых деяний сквозь призму методов регулирования уголовных правоотношений // Администратор суда. 2022. № 1. С. 39–41.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vlasov Yu. A., Mikhal O. A. Administrativnaya preysuditsiya kak vid ugovnogo prostupka // Sovremennoe pravo. — 2019. — № 6. — S. 119–125.
2. Garbatovich D. A. Klassifikatsiya neprestupnykh ugovno-pravovykh deyaniy skvoz prizmu metodov regulirovaniya ugovnykh pravootnosheniy // Administrator suda. — 2022. — № 1. — S. 39–41.
3. Kaufman M. A. Uklonenie ot ispolneniya i otbyvaniya nakazaniya kak vid negativnogo postkriminalnogo povedeniya i ego ugovno-pravovoe znachenie // Ugolovnoe pravo. — 2018. — № 1. — S. 53–60.

Защита права граждан на неприкосновенность их частных коммуникаций в уголовном судопроизводстве: национальный и зарубежный аспекты

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы понимания терминов, составляющих право на тайну частной жизни и защиту частных коммуникаций между индивидами в уголовном судопроизводстве. Исследуются современное состояние правового регулирования и проблемы реализации данного права при получении доказательств по уголовным делам. Анализируются алгоритмы судебного контроля за законностью ограничения конституционного права на неприкосновенность частных коммуникаций с использованием зарубежных доктрин «необходимость (ограничений) в демократическом обществе», а также expectation of privacy test. Рассматривается зарубежный опыт решения данных вопросов в рамках различных правовых систем, включая практику ЕСПЧ. Подробно рассматривается проблема судебного санкционирования доступа к данным из электронной памяти абонентских устройств при производстве различных следственных действий. На основе полученных выводов делаются предложения по совершенствованию национально-правового регулирования процедур контроля за законностью ограничения права граждан на неприкосновенность их частных коммуникаций в уголовном процессе, а также по совершенствованию гарантий применения этих процедур в судебной практике.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; частные коммуникации; переписка; переговоры; неприкосновенность частной жизни; вмешательство государства; доступ к информации; абонентское устройство; судебный контроль; суд.

Для цитирования: Осипов А. Л. Защита права граждан на неприкосновенность их частных коммуникаций в уголовном судопроизводстве: национальный и зарубежный аспекты // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 124–135. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.124-135.

© Осипов А. Л., 2023

* Осипов Артем Леонидович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), младший советник юстиции
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
osipov1280@mail.ru

Protection of Citizens' Right to Privacy of their Communications in Criminal Proceedings: National and Foreign Aspects

Artem L. Osipov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Junior Councilor of Justitia
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
osipov1280@mail.ru

Abstract. The paper discusses the issues of understanding the terms that make up the right to privacy and protection of private communications between individuals in criminal proceedings. The author studies the current state of legal regulation and the problems related to the implementation of this right in obtaining evidence in criminal cases. The paper analyzes the algorithms of judicial control over the legality of the restriction of the constitutional right to the inviolability of private communications using foreign doctrines of «necessity (restrictions) in a democratic society», as well as «expectation of privacy test». The foreign experience of resolving these issues within the framework of various legal systems, including the practice of the ECtHR, is considered. The problem of judicial authorization of access to data in the electronic memory of subscriber devices in the course of various investigative actions is scrutinized. Based on the findings, the author proposes to improve the national legal regulation of procedures for monitoring the legality of restricting the right of citizens to the inviolability of their private communications in criminal proceedings, as well as to improve the guarantees for the application of these procedures in judicial practice.

Keywords: criminal proceedings; private communications; correspondence; negotiation; privacy; government intervention; access to information; subscriber device; judicial control; court.

Cite as: Osipov AL. Zashchita prava grazhdan na neprikosnovennost ikh chastnykh kommunikatsiy v уголовном судопроизводстве: natsionalnyi i zarubezhnyi aspekty [Protection of Citizens' Right to Privacy of their Communications in Criminal Proceedings: National and Foreign Aspects]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(1):124-135. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.124-135. (In Russ., abstract in Eng.).

На современном этапе научно-технического прогресса в сфере развития средств и способов межперсональной коммуникации для правовой науки и практики повышается актуальность вопросов, связанных с защитой права граждан на неприкосновенность их частной жизни. Данная сфера бытия личности подразумевает большое разнообразие форм ее личной и деловой коммуникации, для которых законодательством установлены различные правовые режимы обеспечения их неприкосновенности. Уголовное судопроизводство в этом отношении имеет ряд особенностей, обусловленных его публично-правовой природой, предполагающей и оправдывающей существование наиболее радикальных форм вмешательства государства в неприкосновенность частной жизни и личных коммуникаций индивидов в целях обеспечения всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств уголовного дела и справедливого разрешения уголовно-правового конфликта.

Вопросы обеспечения формальной законности, обоснованности и пределов вмешательства государства в сферу личной тайны субъектов уголовно-процессуальных отношений в цифровую эпоху выходят на качественно новый уровень. С учетом технических достижений этой эпохи наиболее актуальными формами частных коммуникаций в рассматриваемом нами аспекте являются различные виды переписки и телефонных переговоров индивидов. В результате своего технического и функционального развития средства связи и иные технические устройства в настоящее время могут выступать в качестве носителя всего спектра конфиденциальной информации о частной жизни гражданина (фото, видео, пароли, переписки). К таким устройствам можно отнести мобильные телефоны, стационарные компьютеры и ноутбуки, а также другие технические средства, функционал которых обеспечивает доступ в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет.

Федеральный законодатель не дает легального определения терминам «переписка», «переговоры», «тайна связи». Вместе с тем в ст. 2 Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ дано понятие «информация» и определены связанные с ним свойства и процессы, такие как «конфиденциальность», «предоставление информации», «распространение информации», «электронное сообщение», «электронный документ» и многие другие. Более глубокое исследование указанных явлений, процессов и их свойств предполагает обращение к материалам официального судебного толкования соответствующих правовых норм. Конституционный Суд РФ выработал устойчивые правовые позиции по вопросу толкования терминов «информация», «переписка», «переговоры», двигаясь как бы «от общего к частному». Толкуя содержание ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, Конституционный Суд РФ уточнил, что конституционные и международные стандарты защиты права не неприкосновенность частной жизни в полной мере относятся к любой информации, независимо от места и способа ее производства, передачи и распространения, включая сведения, размещаемые (передаваемые, распространяемые) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Российская Федерация обязана обеспечить баланс интересов государства и граждан в вопросах защиты информации (в первую очередь содержащей в себе сведения об их частной жизни и коммуникациях), а также определить правовое положение участников правоотношений, возникающих в связи с вопросами охраны информации².

Конституционный Суд РФ рассматривает термины «переписка» и «переговоры» как информацию, передаваемую от одного субъекта другому (в широком смысле). Суд определяет право на тайну переговоров как комплекс действий по защите личных прав граждан в сфере информации, получаемой посредством телефонной связи, причем независимо от времени поступления такой информации, степени полноты сведений, зафиксированных в процессе осуществления телефонных переговоров. В конституционно-правовом смысле информацией, полученной в ходе телефонных переговоров, являются любые сведения, передаваемые с помощью телефонной аппаратуры, а также сведения, касающиеся данных о входящих и (или) исходящих сигналах соединения телефонных гарнитур определенных пользователей сотовой связи³.

В вопросе определения понятий «переписка» и «переговоры» необходимо отметить и практику межгосударственных судебных органов. Так, Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) в постановлении по делу «Роман Захаров против России» рассматривает понятие телефонных переговоров, в отличие от Конституционного Суда РФ, более узко, определяя их как любые разговоры по мобильному телефону⁴. В процессе рассмотрения жалоб ЕСПЧ также указал, что как на телефонные переговоры, так и на переписку определенно распространяется понятие «корреспонденция», закрепленное в ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950⁵.

Указанные правовые позиции Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ имеют большое значение для эффективного конструирования и приме-

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” в связи с жалобой гражданина А. И. Сушкова» // СЗ РФ. 2017. № 45. Ст. 6735.

³ Постановление КС РФ от 26.10.2017 № 25-П.

⁴ Постановление ЕСПЧ от 04.12.2015 по делу «Роман Захаров против России» // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 15.07.2022).

⁵ Постановление ЕСПЧ от 05.09.2017 по делу «Бэрбулеск против Румынии» // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 15.07.2022).

нения правовых норм об ограничении права на неприкосновенность частных коммуникаций в российском уголовном судопроизводстве. Соответствующее конституционное право личности нашло отражение в числе принципов уголовного судопроизводства (ст. 13 УПК РФ), то есть среди наиболее общих положений, определяющих содержание уголовно-процессуальной деятельности на всех этапах производства по уголовному делу. В дальнейшем эти положения детализируются в нормах отдельных институтов, включая положения о порядке производства отдельных следственных действий, основными целями для которых являются собирание, фиксация и (или) изъятие информации о частных коммуникациях граждан (ст. 185, 186, 186.1 УПК РФ). Неотъемлемой правовой гарантией доступа к данным сведениям является предварительный судебный контроль за законностью подобных вмешательств. Гарантия судебного контроля за законностью вмешательства в право на уважение тайны связи (тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений) предусмотрена не только УПК РФ, но и корреспондирующими ему нормами Закона «О связи»⁶ (ст. 63).

Важно упомянуть и подзаконные акты, регулирующие вопрос о защите частных коммуникаций граждан. К таковым можно отнести Указ Президента РФ «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера», который определяет конфиденциальную информацию как данные, передаваемые посредством переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, а также сведения, связанные с профессиональной деятельностью, такой как нотариальная, адвокатская и др.⁷

Говоря о вмешательстве государства в право граждан на уважение различных аспектов их

частной жизни, ЕСПЧ выработал устойчивые критерии оценки правомерности такого вмешательства. Отталкиваясь от содержания ч. 2 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 в постановлении по делу «Зубков против России», ЕСПЧ применительно к российскому законодательству об оперативно-розыскных мероприятиях повторил свои устойчивые правовые позиции о необходимости оценки допустимости вмешательства государства в сферу частных коммуникаций с точки зрения правомерности такого вмешательства и его «необходимости в демократическом обществе». При этом вмешательство считается необходимым в демократическом обществе, если осуществляется в законных целях, отвечает значительной общественной потребности и является соразмерным преследуемой цели. При этом мотивы вмешательства в тайну корреспонденции государственными властями должны представляться относимыми и достаточными⁸. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 31.10.1995 № 8 также указывал на то, что ограничение конституционного права на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений допускается только при достаточном основании полагать, что конкретным лицом подготавливается, совершается или уже совершено противоправное деяние. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что удовлетворение ходатайства о производстве оперативно-розыскного мероприятия, направленного на ограничение тайны переписки, телефонных переговоров должно быть соразмерным и достаточным, осуществляться только при наличии информации о совершении (равно как и о потенциальной возможности совершения) противоправных деяний⁹.

По вопросу толкования термина «вмешательство» представляется интересной и пози-

⁶ Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О связи» // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

⁷ Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 (ред. от 13.07.2015) «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» // СЗ РФ. 1997. № 10. Ст. 1127.

⁸ Постановление ЕСПЧ от 07.11.2017 по делу «Зубков против России» // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 26.07.2022).

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Российская газета. 1995. № 247.

ция ЕСПЧ в постановлении по делу «Иващенко против России», согласно которой вмешательство рассматривается в узком смысле — как некое негативное воздействие, оказанное должностными лицами государственных органов власти на уважение корреспонденции гражданина¹⁰. В рассматриваемом постановлении ЕСПЧ снова ссылается на принцип соразмерности ограничения права на тайну корреспонденции правомерным целям и необходимости такого ограничения. ЕСПЧ обращает внимание на необходимость ясного законодательного закрепления пределов полномочий и конкретных способов их реализации сотрудниками органов государственной власти. В том же постановлении Суд указал на отсутствие со стороны Российской Федерации должного уровня правовой защиты гражданина от злоупотреблений должностных лиц в ходе выборочного изъятия электронных данных с электронного устройства, содержащих в себе информацию о личной корреспонденции заявителя.

В российских законодательстве и судебной практике термин «вмешательство в право» не нашел распространения. Ему соответствуют более привычные для российской правовой семантики концепты «ограничения права», «нарушения тайны» и «незаконного доступа». Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 сказано, что нарушением тайны телефонных переговоров является, в частности, незаконный доступ к информации о входящих и об исходящих сигналах соединения между абонентами или абонентскими устройствами пользователей связи (дате, времени, продолжительности соединений, номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов).

Незаконный доступ к содержанию переписки, переговоров, сообщений может состоять в ознакомлении с текстом и (или) материалами переписки, сообщений, прослушивании телефонных переговоров, звуковых сообщений, их копировании, записывании с помощью различных технических устройств и т.п.¹¹

Правовой режим ограничения права на уважение неприкосновенности личной жизни и связанных с ней межперсональных коммуникаций в уголовном судопроизводстве регламентирован рядом норм УПК РФ (ст. 29, 182, 183, 186, 186.1). Важнейшей правовой гарантией является закрепленная в данных статьях процедура получения судебного решения о производстве следственных действий, направленных на получение и процессуальное закрепление информации о частных коммуникациях. Доступ к процедуре судебного контроля опосредован прохождением уровней ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора, в рамках которых законность и обоснованность ходатайств следователя и дознавателя о получении доступа к информации о частных коммуникациях проверяется руководителем следственного органа и прокурором соответственно. Подробнее нормы этих статей разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, указывая на разрешение некоторых проблем, связанных с вопросами, возникающими у судов при рассмотрении ходатайств органов предварительного расследования по ограничению конституционных прав граждан. Суд определяет конкретные требования к ходатайствам о проведении рассматриваемых следственных действий, к лицам, правомочным заявлять перед судом соответствующие ходатайства, к месту подачи ходатайств и др.¹²

¹⁰ Постановление ЕСПЧ от 13.02.2018 по делу «Иващенко против России» // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 15.07.2022).

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Российская газета. 2019. № 1.

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Российская газета. 2017. № 125.

К числу нормативных правовых актов, регламентирующих основания и возможность ограничения тайны переписки и телефонных переговоров, можно отнести, например, Федеральный закон о «Федеральной службе безопасности», ст. 15 которого закрепляет право доступа соответствующей федеральной службы к аппаратным средствам граждан¹³. Федеральный закон «О противодействии терроризму» в ст. 11 позволяет в период проведения контртеррористической операции «ведение контроля телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем, а также осуществление поиска на каналах электрической связи и в почтовых отправлениях в целях выявления информации об обстоятельствах совершения террористического акта, о лицах, его подготовивших и совершивших, и в целях предупреждения совершения других террористических актов»¹⁴.

Значительная часть нормативного регулирования посвящена вопросам юридической ответственности за умышленное нарушение неприкосновенности частных коммуникаций. Подробный анализ этих аспектов выходит за пределы задач настоящего исследования. Укажем лишь на то, что ч. 2 ст. 138 УК РФ предусматривает возможность привлечения сотрудника государственных органов к уголовной ответственности за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан, совершенное с использованием своего служебного положения. Аналогичные нормы существуют и в иных государствах. Так, статья 226-15 УК Республики

Франции гласит, что «наказываются недобросовестные действия по перехвату, присвоению, использованию или разглашению корреспонденции, выданной, переданной или полученной в электронном виде, или установке устройств, которые позволяют осуществлять такие перехваты»¹⁵. Статья 432-9 УК Республики Франции содержит дополнение о совершении названного преступления государственным служащим, «когда лицо, обладающее государственными полномочиями или находящееся на государственной службе, действуя при исполнении или по случаю исполнения своих обязанностей, приказывает, совершает или способствует, за исключением случаев, предусмотренных законом, присвоению, удалению или вскрытию корреспонденции или раскрытию содержания такой корреспонденции, наказывается тремя годами лишения свободы и штрафом в размере 45 тыс. евро».

Аналогично российскому законодательству право Франции предусматривает возможность «перехвата» корреспонденции с электронных устройств и средств связи, который направлен на поиск информации, затрагивающей публичные интересы Республики: вопросы общественной безопасности, защиты экономического и научного потенциала Франции, предотвращения террористических актов и возможности деятельности организованной преступности. Названные положения закреплены в Законе «О тайне корреспонденции, передаваемой по каналам связи»¹⁶, измененном и дополненном Законом 2004 г.¹⁷. Закон определяет и процессуальный порядок вынесения решения о перехвате кор-

¹³ Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О федеральной службе безопасности» // СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

¹⁴ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

¹⁵ Légifrance. Le service public de la diffusion du droit. Code penal // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000042193573 (дата обращения: 06.07.2022).

¹⁶ Légifrance. Le service public de la diffusion du droit. Loi № 91-646 du 10 juillet 1991 relative au secret des correspondances émises par la voie des communications électroniques // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000173519/> (дата обращения: 26.11.2021).

¹⁷ Légifrance. Le service public de la diffusion du droit. Loi № 2004-669 du 9 juillet 2004 relative aux communications électroniques et aux services de communication audiovisuelle // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000439399/2021-11-28/> (дата обращения: 26.11.2021).

респонденции, выделяя такие критерии, как письменная форма и мотивированность принятого решения.

Возвращаясь к принципу соразмерности вмешательства государства в частную жизнь граждан, важно отметить, что названного постулата в той или иной форме придерживаются все европейские государства, которыми была ратифицирована Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950. В качестве примера использования данного критерия правомерности ограничения тайны частных коммуникаций можно привести решение Уголовной палаты Кассационного Суда Франции от 19.02.2013, согласно которому вмешательство в тайну переписки может быть оправданным в той ситуации, когда оно преследует цель составления доказательств, при условии соразмерности, пропорциональности и необходимости таких действий¹⁸.

Указанные законодательные и правоприменительные примеры свидетельствуют о том, что под вмешательством в тайну частных коммуникаций следует понимать любые способы и формы осуществляемой государством деятельности по собиранию, обработке, хранению и передаче сведений о межперсональных коммуникациях, относящихся к частной жизни граждан. Учитывая требования международных стандартов, правовой режим такого вмешательства в ясной и недвусмысленной форме должен предусматривать наличие у него одной или нескольких правомерных целей, настоятельной социальной необходимости (цели раскрытия или предупреждения преступления), а также закреплять требование соразмерности характера и пределов вмешательства указанным в законе правомерным целям.

При исследовании правоприменительной практики российского уголовного судопроизводства нами были выявлены некоторые проблемы в реализации конституционных и международно-правовых стандартов защиты права на неприкосновенность частных коммуникаций. Одной из таких проблем является вопрос о

гарантиях судебной защиты от произвольного вмешательства в тайну частной жизни и коммуникаций индивидов при осмотре данных из электронной памяти их абонентских устройств (например, мобильного телефона). Доступ следователя или оперативного сотрудника к абонентскому устройству или иному портативному накопителю цифровых данных может быть обеспечен в результате различных оперативных и процессуальных действий, таких как обследование помещений и транспортных средств, исследование предметов, процессуальные обыск, выемка, изъятие предмета в ходе осмотра места происшествия или осмотра помещения. Проблема возникает там, где классический по своему пониманию институт процессуального осмотра (то есть действия, направленного на визуальное исследование и фиксацию внешних свойств предмета, документа или помещения) применяется для производства поисковых по своему характеру действий, направленных на изучение скрытого от посторонних глаз содержимого электронной памяти портативного девайса. В ходе такого осмотра субъектом уголовного преследования могут быть предприняты действия, заключающиеся в произвольном посягательстве на тайну переписки, осуществляемые в виде ознакомления, копирования и последующего использования данных о частных коммуникациях между гражданами. Полученные сведения могут быть приобщены к делу в качестве доказательств обвинения при отсутствии решения суда, санкционирующего доступ к указанной информации.

Проблема внесудебного порядка осмотра мобильного телефона является не новой для юридического дискурса. В частности, А. М. Багмет и С. Ю. Скобелин полагают, что не во всех случаях осмотра мобильного телефона необходимо получение соответствующего решения суда. Так, по их мнению, при получении информации о телефонных звонках, данных записной книжки, заметок в календаре телефона санкция суда не требуется. С другой стороны, те же ученые полагают, что для просмотра содер-

¹⁸ Lègifrance. Le service public de la diffusion du droit. Cour de cassation, Chambre criminelle, 19 février 2013, 12-81.044 // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000027207878> (дата обращения: 15.07.2022).

жания СМС-сообщений, переписок в различных мессенджерах или по электронной почте, хранящихся в телефоне, санкция суда все-таки требуется¹⁹. Другие исследователи отмечают непоследовательность подхода, при котором судебная санкция требуется на обыск в жилище, но не нужна для осмотра содержимого смартфона, который может содержать не меньший объем конфиденциальной информации²⁰. Российская судебная практика в большинстве случаев указывает на то, что получать специальное судебное решение для осмотра мобильного телефона (в том числе для целей фиксации данных, хранящихся в его электронной памяти) не требуется²¹. Данная правовая позиция отражена в решениях Конституционного Суда РФ²² и решениях иных судов по конкретным уголовным делам²³. В основу данной позиции положена некая комбинация двух видов толкования уголовно-процессуального закона: буквального (грамматического) и телеологического. Отправной точкой для применения этой комбинации является идентификация цели и соответствующего ей вида проводимого следственного действия. Поскольку в данном случае речь идет об осмотре мобильного телефона (или иного типа портативного девайса), то следователем применяются ст. 176, 177 УПК РФ, регламентирующие производство осмотра предметов. Указанный в этих статьях порядок производства осмотра не требует вынесения специального судебного решения, верифицирующего правовые основания

и ограничивающего пределы вмешательства в сферу неприкосновенности частной жизни граждан. При таком подходе изучение следователем содержимого электронной памяти осматриваемого абонентского устройства рассматривается как «побочный эффект» по отношению к основной цели следственного действия — изучению физических свойств осматриваемого объекта. Уязвимость данного подхода вполне очевидна в контексте современного развития цифровых технологий, при котором осмотр *содержания* электронной памяти осматриваемого устройства выходит на первое место по отношению к визуальному наблюдению физических свойств соответствующего устройства (цвет, форма, размеры, биологические следы на поверхности). В этом отношении интересен зарубежный опыт. В известном решении Верховного суда США по делу *Riley v. California* обстоятельно разъясняется значимость мобильных телефонов как носителей информации в современных реалиях. Верховный суд США не рассматривает мобильный телефон, обозначая как какое-то условное средство связи, а придает ему куда большее значение, называя его «микрокомпьютером», «видеокамерой», «видеопроектором», «записной книжкой», «телевизором», «газетой», заключенными вместе в одно техническое устройство, характеризующееся колоссальной емкостью памяти²⁴. Суд отмечает, что до появления настолько технически развитых мобильных телефонов обыск человека ограничивался лишь

¹⁹ Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Извлечение данных из электронных устройств как самостоятельное следственное действие // *Право и кибербезопасность*. 2013. № 2. С. 22–27.

²⁰ Коналов С. Г. Использование в уголовном процессе цифровых данных, хранящихся в телефоне: назревшие вопросы и пути их решения // *Закон*. 2021. № 11. С. 128–138.

²¹ Редко встречаются случаи, говорящие об обратном. См., например: приговор Советского районного суда города Владикавказа от 17.04.2018 № 1-11/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²² Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 189-О ; определение Конституционного Суда РФ от 31.05.2022 № 1380-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²³ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 09.12.2020 № 77-2557/2020 ; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 09.06.2021 № 88-14021/2021 ; кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.09.2021 № 77-2903/2021 ; кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.09.2021 № 77-4096/2021 (доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

²⁴ Supreme Court of the United States of America, *Riley v. California*, Decision of 25 June 2014, № 13-132 // URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/13pdf/13-132_8l9c.pdf (дата обращения: 20.07.2022).

некоторыми физическими аспектами и, соответственно, не представлял из себя значительного посягательства на частную жизнь, осуществляемого путем просмотра данных о коммуникационной деятельности гражданина, содержащихся в соответствующем девайсе. Верховный суд США указывает, что в современном мире каждый человек, по сути, носит с собой целый спектр личных конфиденциальных данных, хранящихся в мобильном устройстве. Это означает, что при осмотре телефона право на тайну частной жизни, переписки и телефонных переговоров ограничивается в значительном объеме. Таким образом, судьи продемонстрировали, в какой мере развивающиеся технологии влияют на аспект неприкосновенности частной жизни человека в процессе расследования преступления. К сходным выводам приводит и анализ российской судебной практики. В большинстве изученных нами приговоров суды оценивали доказательственное значение протоколов осмотров мобильных телефонов не в части их внешних *физических* свойств, а в части свойств *информационных* (время, частота, адресаты телефонных соединений, адреса базовых станций сотовой связи, содержание текстовых сообщений и медиаконтента)²⁵. Иными словами, для целей расследования и разрешения дела по существу следственные и судебные органы интересуют прежде всего содержание информации с изъятых абонентских устройств. Этот вывод ставит под сомнение справедливость и системность существующего правового регулирования, при котором получение информации о соединениях абонентских устройств требует обязательного предварительного судебного контроля (ст. 186.1 УПК РФ), а осмотр мобильного телефона, преследующий по преимуществу ту же цель, такого судебного контроля не предусматривает.

Отсутствие правовой определенности в вопросе обеспечения равных и соизмеримых по значимости правовых гарантий защиты от произвольного доступа к информации в памяти мобильных устройств можно усмотреть и в редких примерах получения оперативными сотрудниками специальных судебных решений, санкционирующих обследование мобильных телефонов²⁶. Несмотря на то что при производстве оперативно-розыскных мероприятий собираются не доказательства, а иные сведения, подлежащие процессуальной проверке, в указанных (хотя и редких) случаях реализуется более высокий уровень правовых гарантий в виде предварительного судебного контроля.

Отдельно следует проанализировать предложенную Конституционным Судом РФ схему ретроспективного судебного контроля за законностью осмотров электронной памяти абонентских устройств, при которой любое заинтересованное лицо вправе оспорить законность проведения осмотра его абонентского устройства в суде *постфактум* в порядке ст. 125 УПК РФ²⁷. Разумеется, для этого варианта судебной защиты характерен целый ряд изначально присущих ему ограничений: невозможность рассмотрения вопросов, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу дела; невозможность рассмотрения жалобы после направления уголовного дела в суд и др. В научной среде не сформировалось единого подхода к вопросу об эффективности ретроспективного судебного контроля в подобной ситуации. Некоторые исследователи, говоря о низкой эффективности контроля предварительного, предлагают (развивая линию, заданную Конституционным Судом РФ) повсеместно внедрить ретроспективный судебный контроль за ограничением конституционных прав гражд-

²⁵ Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 29.10.2021 по делу № 22-5612/2021 ; приговор Центрального районного суда города Челябинска от 14.03.2022 по делу № 1-60/2022 ; кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.04.2022 № 77-1643/2022 (доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

²⁶ Приговор Пятигорского городского суда Ставропольского края от 11.11.2019 № 1-349/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 189-О ; определение Конституционного Суда РФ от 31.05.2022 № 1380-О.

дан в уголовном процессе²⁸. Другие исследователи справедливо указывают на неизбежность конституционных обязательств государства и отмечают риски абсолютизации ретроспективного судебного контроля главным образом из-за отсутствия у него качества оперативности²⁹.

Изученные нами примеры судебных решений говорят о том, что именно на заявителя в ситуации ретроспективного контроля возлагается бремя доказывания таких обстоятельств, как: 1) содержание сведений, находившихся в памяти мобильного устройства на момент его осмотра; 2) причинно-следственная связь между самим фактом, а также пределами доступа следователя к данным сведениям и причинением ущерба конституционным правам заявителя (либо возможностью причинения такого ущерба в будущем); 3) каким именно образом следователь использовал или мог использовать данные из памяти устройства³⁰. В ряде случаев суды общей юрисдикции вообще отказывают в удовлетворении жалобы на незаконность изъятия и осмотра мобильного телефона на основании того, что вопросы допустимости доказательств не могут быть рассмотрены судом до разрешения дела по существу³¹.

На наш взгляд, описанная ситуация разбалансированности уровней правовых гарантий защиты права на неприкосновенность частных коммуникаций граждан может быть разрешена несколькими способами. Если говорить о законотворческом уровне, то можно предложить внести изменения в ст. 176 УПК РФ, сконструировав ее по примеру ч. 3 ст. 183 УПК РФ. Суть предлагаемой новеллы заключается в том, чтобы производство осмотра предметов и документов, содержащих сведения, составляющие государственную и иную охраняемую федераль-

ным законом тайну, производилось только на основании судебного решения. В этом случае следователь сам решал бы вопрос о необходимости обращаться в суд в зависимости от того, что его интересует: только внешний вид или информационные свойства абонентского устройства, подлежащего осмотру. Данную новеллу необходимо сопроводить корреспондирующим дополнением ч. 5 ст. 165 УПК РФ относительно возможности проведения осмотра предметов, содержащих охраняемую федеральным законом тайну, без судебного решения в случаях, не терпящих отлагательства, при условии последующего рассмотрения судом вопроса законности и обоснованности данного процессуального действия в соответствии с действующим сейчас порядком.

Мы прекрасно понимаем, что данное решение не может являться панацеей во всех случаях необходимости защиты неприкосновенности частной жизни по целому ряду причин. Простое повышение нагрузки на суд без изменения институциональных условий его деятельности и стандартов мотивированности судебных актов способно только усилить тенденцию к «шаблонизации» правосудия, снижению качества проверки оснований для вмешательства государства в сферу личных прав индивидов. Именно поэтому требуется дальнейшее совершенствование разъяснений Пленума Верховного Суда РФ относительно предмета и пределов судебного контроля в порядке ст. 125 УПК РФ за законностью ограничения конституционных прав граждан. Существующее ограничение предмета и пределов такого контроля в связи с недопустимостью предрешиения судами вопросов оценки доказательств при рассмотрении жалоб по ст. 125 УПК РФ следует уточнить раз-

²⁸ См. подробнее: Овчинников Ю. Г. Эффективность судебного контроля за следственными действиями, ограничивающими конституционные права граждан: теоретический и практический взгляд на проблему // Российский судья. 2019. № 5. С. 13–17.

²⁹ См. подробнее: Апостолова Н. Н. Права личности в уголовном судопроизводстве в эпоху цифровых технологий // Администратор суда. 2022. № 2. С. 35–38.

³⁰ См., например: решение Октябрьского районного суда города Мурманска от 28.09.2020 по делу № 2-2827/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³¹ См., например: апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 19.02.2014 № 22-733/14 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

яснением о недопустимости произвольного отклонения поданной жалобы только лишь на том основании, что заявитель оспаривает допустимость полученных следователем доказательств. Во всяком случае, суд при рассмотрении такой жалобы должен проверить законность производства соответствующего следственного или иного процессуального действия, способного причинить ущерб конституционным правам заявителя, воздержавшись в своих выводах от оценки допустимости доказательств в строгом смысле слова. При оценке содержания сведений, имеющих в электронной памяти абонентского устройства, разумно использовать зарубежный опыт. В его основу положена презумпция приватности соответствующей информации исходя из места, условий и иных обстоятельств ее хранения индивидом. Reasonable expectation of privacy test — это юридический критерий, который имеет решающее значение для определения границ защиты частной жизни, предусмотренной Четвертой поправкой к Конституции США. Он связан, но не тождественен праву на неприкосновенность частной жизни, гораздо более широкому понятию, которое встречается во многих правовых системах. Причем доктрина expectation of privacy (в русском переводе доктрина «ожидания приватности») подразумевает определение зоны автономии личности, гарантированной от произвольных вмешательств государства, с точки зрения объективных признаков (место хранения и (или) передачи информации, форма такой передачи или хранения и т.п.). Эти признаки позволяют оценить наличие и степень оправданности субъективных ожиданий частного лица относительно конфиденциальности его коммуникаций. Названный принцип охватывает и рассмотренные ранее вопросы, касающиеся коммуникаций в электронно-цифровой сфере. Например, Апелляционный суд США по Шестому округу в 2010 г. постановил, что пользователи имеют обоснованные ожидания приватности в отношении

содержимого своей электронной почты (решение по делу *United States v. Warshak*³²).

На основе данного опыта можно предложить при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ исходить из презумпции конфиденциальности сведений, содержащихся в электронной памяти абонентского устройства. Бремя опровержения данной презумпции, равно как и обоснование законности вмешательства в неприкосновенность частных коммуникаций, должно быть возложено на соответствующие органы уголовного преследования.

Кроме того, представляется разумным разработать специализированные инструкции и методические рекомендации для органов, уполномоченных на проведение оперативных мероприятий и предварительного расследования, в которых бы подробным образом регламентировались полномочия сотрудников государственных органов при производстве оперативных и процессуальных действий в отношении информации о частной жизни граждан. Некоторые ученые обращают особое внимание на необходимость фиксировать в протоколе следственного действия не только внешние физические характеристики телефона, но и его технические характеристики, содержание карты памяти телефона, информацию о звонках и СМС-сообщениях³³.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что современная система правового регулирования доступа к сведениям о частной коммуникации граждан не учитывает стремительных тенденций развития цифровых технологий и всё еще находится в первом десятилетии двухтысячных годов, когда электронные устройства не содержали в себе огромный спектр личной информации о человеке. Всё это приводит к мысли о необходимости совершенствования имеющихся и введения дополнительных гарантий защиты такой информации, в том числе в сфере уголовно-процессуальных отношений.

³² *United States v. Warshak* — 631 F.3d 266. 6th Cir. 2010 // URL: <https://www.lexisnexis.com/community/casebrief/p/casebrief-united-states-v-warshak> (дата обращения: 10.07.2022).

³³ *Островский С. А.* Типичные нарушения, выявляемые в ходе надзора за расследованием уголовных дел о хищениях, совершенных с использованием средств мобильной связи // *Законность*. 2017. № 2. С. 23.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Апостолова Н. Н. Права личности в уголовном судопроизводстве в эпоху цифровых технологий // Администратор суда. — 2022. — № 2. — С. 35–38.
2. Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Извлечение данных из электронных устройств как самостоятельное следственное действие // Право и кибербезопасность. — 2013. — № 2. — С. 22–27.
3. Бутенко О. С. Криминалистические и процессуальные аспекты проведения осмотра мобильных телефонов в рамках предварительного следствия // Lex russica. — 2016. — № 4. — С. 49–60.
4. Коновалов С. Г. Использование в уголовном процессе цифровых данных, хранящихся в телефоне: назревшие вопросы и пути их решения // Закон. — 2021. — № 11. — С. 128–138.
5. Овчинников Ю. Г. Эффективность судебного контроля за следственными действиями, ограничивающими конституционные права граждан: теоретический и практический взгляд на проблему // Российский судья. — 2019. — № 5. — С. 13–17.
6. Островский С. А. Типичные нарушения, выявляемые в ходе надзора за расследованием уголовных дел о хищениях, совершенных с использованием средств мобильной связи // Законность. — 2017. — № 2. — С. 23–26.
7. Следственный осмотр. Понятие, виды и доказательственное значение / С. Н. Банникова, А. К. Иванова [и др.] ; отв. ред. О. А. Луценко. — Элиста, 2007. — 121 с.

Материал поступил в редакцию 7 августа 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Apostolova N. N. Prava lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve v epokhu tsifrovyykh tekhnologiy // Administrator suda. — 2022. — № 2. — S. 35–38.
2. Bagmet A. M., Skobelin S. Yu. Izvlechenie dannykh iz elektronnykh ustroystv kak samostoyatelnoe sledstvennoe deystvie // Pravo i kiberbezopasnost. — 2013. — № 2. — S. 22–27.
3. Butenko O. S. Kriminalisticheskie i protsessualnye aspekty provedeniya osmotra mobilnykh telefonov v ramkakh predvaritelnogo sledstviya // Lex russica. — 2016. — № 4. — S. 49–60.
4. Konovalov S. G. Ispolzovanie v ugovnom protsesse tsifrovyykh dannykh, khranyashchikhsya v telefone: nazrevshie voprosy i puti ikh resheniya // Zakon. — 2021. — № 11. — S. 128–138.
5. Ovchinnikov Yu. G. Effektivnost sudebnogo kontrolya za sledstvennymi deystviyami, ogranichivayushchimi konstitutsionnye prava grazhdan: teoreticheskii i prakticheskii vzglyad na problemu // Rossiyskiy sudya. — 2019. — № 5. — S. 13–17.
6. Ostrovskiy S. Tipichnye narusheniya, vyyavlyaemye v khode nadzora za rassledovaniem ugovnykh del o khishcheniyakh, sovershennykh s ispolzovaniem sredstv mobilnoy svyazi // Zakonnost. — 2017. — № 2. — S. 23–26.
7. Sledstvennyy osmotr. Ponyatie, vidy i dokazatelstvennoe znachenie / S. N. Bannikova, A. K. Ivanova [i dr.]; отв. ред. О. А. Лутсенко. — Elista, 2007. — 121 s.

Нравственные начала уголовного процесса в условиях цифровизации: принципиальная незыблемость или неизбежная трансформация

Аннотация. Масштабная цифровизация общественных процессов охватывает всё больше сфер человеческой деятельности, включая уголовное судопроизводство. Вместе с тем в условиях цифровизации и вероятной цифровой трансформации важно сохранить нравственный базис уголовного судопроизводства. В статье рассматривается вопрос о степени устойчивости нравственных основ уголовного процесса перед новейшими цифровыми веяниями, анализируется вероятность изменений системы нравственных начал в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации. Автор приходит к выводу о том, что отечественное уголовное судопроизводство находится на начальных этапах цифровизации и этот процесс в данный момент не несет серьезных угроз его нравственным началам. По мере внедрения различных информационно-технологических новшеств (искусственный интеллект, робототехника, нейросети и др.) в сферу уголовного процесса риск подрыва его нравственных основ существенно возрастает. Таким образом, сохранность нравственных начал в уголовном судопроизводстве находится в прямой зависимости от пределов его цифровизации. В целом обеспечить защищенность принципиальных положений уголовно-процессуального законодательства, в основе которых лежат нормы нравственности, возможно при соблюдении в процессе внедрения цифровых технологий важных условий гуманистического характера. Применение же технократического подхода в ходе цифровизации уголовного судопроизводства способно нанести непоправимый вред нравственно-правовым основам уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: нравственные начала уголовного процесса; принципы уголовного судопроизводства; нормы нравственности; цифровизация уголовного процесса; цифровые технологии; цифровая трансформация; искусственный интеллект; нейросети; роботы в уголовном процессе; робототехника; технократический подход.

Для цитирования: Миронова Е. Ю. Нравственные начала уголовного процесса в условиях цифровизации: принципиальная незыблемость или неизбежная трансформация // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 136–149. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.136-149.

© Миронова Е. Ю., 2023

* *Миронова Екатерина Юрьевна*, аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института юстиции Байкальского государственного университета, директор АНО «Центр правовой защиты «Солидарность и содействие»»
ул. Ленина, д. 11, г. Иркутск, Россия, 664003
zpu2013@yandex.ru

Moral Principles of the Criminal Procedure in the context of Digitalization: Fundamental Inviolability or Inevitable Transformation

Ekaterina Yu. Mironova, Postgraduate Student, Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision, Institute of Justice, Baikal State University; Director, ANO Legal Defense Center «Solidarity and Assistance»
ul. Lenina, d. 11, Irkutsk, Russia, 664003
zpu2013@yandex.ru

Abstract. Large-scale digitalization of social processes covers more and more areas of human activity, including criminal justice. At the same time, in the context of digitalization and likely digital transformation, it is important to preserve the moral basis of criminal proceedings. The paper discusses the degree of stability of the moral foundations of the criminal procedure in the face of the latest digital trends, analyzes the likelihood of changes in the system of moral principles in criminal proceedings in the context of digitalization. The author concludes that domestic criminal justice is at the initial stage of digitalization. At the moment this process does not pose serious threats to its moral principles. As various information and technological innovations (artificial intelligence, robotics, neural networks, etc.) are introduced into the criminal procedure, the risk of undermining its moral foundations increases significantly. Thus, the safety of moral principles in criminal proceedings is directly dependent on the limits of its digitalization. In general, it is possible to ensure the security of the fundamental provisions of the criminal procedural legislation, which are based on moral norms, if important conditions of a humanistic nature are observed in the process of introducing digital technologies. The use of a technocratic approach in the course of digitalization of criminal proceedings can cause irreparable harm to the moral and legal foundations of criminal procedure.

Keywords: moral principles of criminal procedure; principles of criminal justice; moral standards; criminal procedure digitalization; digital technologies; digital transformation; artificial intelligence; neural networks; robots in criminal proceedings; robotics; technocratic approach.

Cite as: Mironova EYu. Nравstvennye nachala ugovnogo protsessa v usloviakh tsifrovizatsii: printsipialnaya nezyblemost ili neizbezhnaya transformatsiya [Moral Principles of the Criminal Procedure in the context of Digitalization: Fundamental Inviolability or Inevitable Transformation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(1):136-149. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.136-149. (In Russ., abstract in Eng.).

Прогресс зашел так далеко,
что потерял из виду людей.

Г. Е. Малкин¹

Мир стремительно меняется. Всё население земного шара является тому свидетелем, а кто-то более сведущий и могущественный — активным участником всеобъемлющей имплементации результатов новаторских изысканий в повседневную жизнь. Ощущение того, что глобальные коренные перемены неизбежны, укрепляется и находит всё больше подтверждений в современной дей-

ствительности. Вопрос о принятии или непринятии перемен решается на индивидуальном уровне. Однако идет ли в данном случае речь об истинном выборе индивида или такое решение принимается последним под воздействием методично и насильственно насаждаемых убеждений, сказать однозначно утвердительно — рискованный акт. Вместе с тем один важный вывод можно сделать уже сейчас: каждый

¹ Малкин Г. Е. Мудрые мысли // URL: <http://www.epwr.ru/quotauthor/232/txt16.php> (дата обращения: 21.02.2022).

человек, вне зависимости от социального статуса, расы, национальности, языка, религиозных убеждений и иных обстоятельств, способен внести свою лепту в разрешение актуального и величайшего по значимости вопроса: быть или не быть цифровому мироустройству?

Частью нового цифрового мира способен стать и уголовный процесс. По крайней мере, такую идею настойчиво укореняют в умах, так что явление это уже, вероятно, преодолело переход в разряд коллективного бессознательного. Сложность состоит в том, что одного лишь внушения и повелительного формального начертания недостаточно для того, чтобы уголовно-процессуальная форма обрела виртуальные характеристики и начала эффективно и бесперебойно функционировать.

Уголовное судопроизводство в России имеет специфические характеристики не только с точки зрения формы и не только в рамках правового поля. Для отечественного уголовного процесса характерна крепкая и тесная связь с определенным образом мыслей и духовными установками народа России. Иначе говоря, ментальность вживлена в уголовно-процессуальную форму и является своеобразным щитом как для локальных изменений, так и для глобальных преобразований. И применительно к базовым правовым и нравственным началам уголовно-процессуальной деятельности этот щит видится явлением положительного порядка.

Над будничными же мероприятиями, проводимыми в рамках «рутинного» уголовного судопроизводства (там, где ежедневно возбуждаются уголовные дела, проводятся следственные действия, последовательно отображаемые в протоколах, где следователь или дознаватель вопрошают судебных санкций на производство отдельного следственного действия или применение меры пресечения, где непрерывно возникают процессуальные okazии аналогичного толка), цифровое будущее нависает несколько более угрожающим и неминуемым ярмом.

Во всяком случае, в свете грядущих в недалекой перспективе перемен действующим правоприменителям, оказавшимся под горячей рукой цифрового маховика, придется преодолеть некоторые впечатляющие испытания, терпеливо

дожидаясь времен «переваривания и усвоения» уголовным судопроизводством прогрессивных научно-технических компонентов в существующих условиях, отнюдь не располагающих к близким процессуально-цифровым метаморфозам.

На этом этапе научного нарратива хотелось бы оговорить, что перевод цифровых технологий в разряд повсеместных и обыденных не видится исключительно игром, способным к угнетению всех областей жизнедеятельности, где человеческие отношения играют важную или даже первостепенную роль. Однако употребительно к цифровизации уголовно-процессуальной деятельности, думается, что следует опасаться вольных или невольных попыток вторжения в пространство, где главным образом сосредоточены нормы, в основе которых лежат нравственные начала. Так, при отсутствии нравственно-гуманистического подхода в процессе оцифровывания уголовно-процессуального пространства под потенциальной или реальной угрозой могут оказаться:

- назначение и принципы уголовного судопроизводства;
- процессуальный статус участников уголовного судопроизводства, обладающих властными полномочиями (дознателя, следователя, руководителя следственного органа и др.);
- недопустимость разглашения данных предварительного расследования, а также иные общие условия предварительного расследования и судебного разбирательства.

Кроме того, серьезным преобразованиям может быть подвергнута большая и значимая сфера доказательств и доказывания в уголовном процессе.

Таким образом, очевидно, что трудности не просто не исключены в этой гонке скоростной цифровизации — они неизбежны. Примечательно, что проявляться они начали прежде, чем появились реальные предпосылки для тотального оцифровывания уголовного процесса. Научное сообщество, будучи самой проницательной и податливой к размышлениям частью социума, ведет оживленные и интеллектуально изощренные споры на этот счет относительно давно, порой доводя до абсурда и фантастической фатальности свои умозаключения.

Так, например, видится совершенно не радужной ситуация, описываемая А. С. Александровым, при которой «субъектом расследования вместо следователя может стать любой пользователь цифровых технологий» или даже «робот», «бот», а «обработка обращений и жалоб граждан будет осуществляться искусственным интеллектом»². А ведь у каждого из этих граждан сугубо личное дело (иначе и быть не может), своя «болезненная» история, проблема, степень сложности которой не позволила ей разрешиться без участия компетентных органов и должностных лиц. К прогнозам же относительно роли и участия следователя в уголовном процессе мы еще вернемся в рамках настоящей работы.

Пассионарно и революционно звучит суждение того же автора о неминуемой реформации теории доказательств и уголовно-процессуального доказывания. Так, доказательства в новом цифровом мире видятся А. С. Александрову исключительно как «цифровая информация», а предметом доказывания вместе с тем станут «обстоятельства цифровой реальности»³.

Вызывает желание дискутировать озадачивающее мнение С. В. Власовой, которая указывает, что «информация, пригодная для принятия судом решения по уголовному делу, может храниться и передаваться любыми носителями (электронными носителями), равно как и через любые технические каналы связи»⁴. В данной связи невозможно не упомянуть о незыблемости тайны следствия, как бы архаично это

ни звучало, и острейшей необходимости обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, что представляется весьма сложным при передаче процессуально значимой информации «любыми» каналами связи, включая общие незащищенные сети.

Необыкновенно точно авторов умопомрачительных высказываний относительно эпохально новой цифровой судьбы уголовного процесса Л. В. Головки именует «адептами тотальной цифровизации», указывая на классический характер проблемы использования научно-технических достижений в уголовном процессе: ведь на «взрывную» научно-техническую революцию середины XX в. со всеми закономерными фундаментальными изменениями уголовно-процессуальная наука отреагировала «достаточно спокойно и без утопий»⁵.

Представляются верными выводы А. В. Победкина, указывающего на настораживающее массовое сосредоточение в научной уголовно-процессуальной среде на теме внедрения цифровых технологий, что вызвано скорее не действительной стойкой потребностью в последних, а модой и желанием воспроизвести эффект реформ⁶.

Однако природа подобных умонастроений имеет корни более глубокие, далеко выходящие за пределы внутригосударственных. Ведь бесспорно существование на международном уровне «элитных реплик», авторитетных мнений, которые способны существенным образом повлиять как на взгляд общественности, так и

² Александров А. С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 136.

³ Александров А. С. Русский уголовно-процессуальный догматизм или цифровой мир: что победит? // Юридическая истина в уголовном праве и процессе : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. СПб. : Петрополис, 2018. С. 29–30.

⁴ Власова С. В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9.

⁵ Головки Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15, 20.

⁶ Победкин А. В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу) // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 51.

на решения, принимаемые правительствами тех или иных государств⁷. Так, серьезный вес на мировой арене имеет мнение президента Всемирного экономического форума в Давосе Клауса Шваба, который посвятил надвигающимся с небывалой скоростью изменениям ряд трудов. Один из его бестселлеров именован не много ни мало «Четвертой промышленной революцией». В ней авторитетный немецкий экономист указывает на ошибочность взглядов некоторых представителей научных кругов и профессиональных сообществ, которые рассматривают происходящие ныне процессы лишь как «составляющую часть третьей промышленной революции». Опровергая подобные суждения, автор приводит ряд аргументов в пользу полной готовности мирового сообщества к фундаментальной трансформации существующей реальности, апеллируя тем, что тесное сосуществование технологии и общества неотвратимо⁸.

Анализ современной научно-популярной литературы подтверждает беспрецедентность технологических разработок и решений, их революционность с научной, технической, социальной и правовой точек зрения. Например, И. А. Филипова приводит данные о процессе создания нейросетей, природоподобных киборгов и не исключает успехи ученых в разработке искусственного сверхинтеллекта, который должен, по замыслу создателей, существенно превосходить интеллект всего человечества⁹, а Е. С. Ларина, В. С. Овчинский приводят научное обоснование необходимости использования возможностей искусственного интеллекта в борьбе с организованной преступностью¹⁰.

Убедительное звучание придает этим рассуждениям анализ перечня нормативных новелл в области стратегического планирования, которые иллюстрируют формальную готовность государства к проведению широкомасштабной акции по налаживанию цифрового пространства в России. Среди нормативных актов, обличающих правительственные планы в сфере цифровизации, можно выделить Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте РФ — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»¹¹, Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹², а также указы Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030-е годы»¹³, от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹⁴, от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹⁵, распоряжения Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года»¹⁶, от 22.10.2021 № 2998-р «Об утверждении стратегического направления

⁷ Strezhnev A., Simmons B. A., Matthew D. K. Rulers or Rules? International Law, Elite Cues and Public Opinion // European University Institute in Florence. 2019. Vol. 30. № 4. P. 1281.

⁸ Шваб К. Четвертая промышленная революция : пер. с англ. М. : Эксмо, 2016. С. 10–12.

⁹ Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учебное пособие. Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2022. С. 19.

¹⁰ Ларина Е. С., Овчинский В. С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М. : Книжный мир, 2018. С. 8.

¹¹ СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

¹² СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5017.

¹³ СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

¹⁴ СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

¹⁵ СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

¹⁶ СЗ РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.

в области цифровой трансформации государственного управления»¹⁷ и др.

Вместе с тем даже наличие нормативно оформленных стратегических целей и планов государства в области цифровизации не умаляет потребности в определении понятия цифровизации и смежных явлений.

Под цифровизацией в широком смысле понимается процесс внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни. Наряду с этим понятием употребляются такие термины, как «цифра», «оцифровывание», «цифровое развитие», «цифровая трансформация», которые также требуют определения и истолкования.

Согласно Стратегии цифровой трансформации, разработанной на базе РАНХиГС, цифровизация представляет собой улучшение существующих процессов путем внедрения информационных технологий, оптимизации и реинжиниринга, а также анализа данных для принятия решений. При этом авторы указанной Стратегии употребляют термин «цифра» как многозначительный, то есть понимают под этим термином любые этапы и процессы цифровизации. Вместе с тем цифровую трансформацию здесь рассматривают как конечный этап цифровизации, как глубокую реорганизацию бизнес-процессов с широким применением цифровых инструментов их исполнения, способную привести к существенному улучшению их характеристик или появлению принципиально новых качеств и свойств¹⁸.

Необходимо подчеркнуть, что российский законодатель уже находится на пути разработки легального понятийного аппарата в области цифровизации.

Так, существует приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проек-

тов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹⁹. Из пункта 3 разд. 1 указанного документа следует, что под цифровизацией понимается процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов. Цифровизация предполагает внедрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий. Примечательно, что цифровизация здесь отождествляется с понятием «цифровое развитие».

Следует отметить, что в гражданском законодательстве РФ в числе объектов гражданских прав фигурируют теперь цифровые права (ст. 128, 141.1 ГК РФ, Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁰).

Однако в рамках настоящего исследования необходимо определиться с тем, что следует понимать под цифровизацией уголовного процесса и какие именно цифровые технологии используются сейчас и могут быть использованы в будущем в уголовном процессе.

Цифровизацию уголовного судопроизводства можно рассматривать как самостоятельный этап развития либо как совокупность последовательных стадий, включающих в себя автоматизацию стадий уголовного процесса (ведь без автоматизации невозможно было бы продвижение в сторону внедрения цифровых технологий), непосредственно цифровизацию как процесс внедрения имеющихся информационно-цифровых новшеств в сферу уголовного судопроизводства, и при совпадении условий успешного их укоренения в практической деятельности и готовности к внедрению новейших технологических разработок с доказанной жизнеспособ-

¹⁷ СЗ РФ. 2021. № 44. Ст. 7467.

¹⁸ Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / под ред. Е. Г. Потаповой, П. М. Потеева, М. С. Шклярук. М. : РАНХиГС, 2021. С. 22.

¹⁹ URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minkomsvjazi-Rossii-ot-01082018-n-428-ob-utverzhenii/> (дата обращения: 25.02.2022).

²⁰ СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

ностью, таких как большие данные (big data), искусственный интеллект и сверхинтеллект, нейросети, можно будет говорить о наступлении стадии цифровой трансформации и состоявшейся цифровизации.

Итак, представляется, что цифровизация уголовного процесса — это совокупность мероприятий по внедрению цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность с целью ее совершенствования и повышения эффективности.

Прежде чем перейти к обозначению цифровых технологий, используемых в уголовном процессе, необходимо внести ясность в вопрос о месте цифровых технологий среди других ИТ-технологий и определить, что цифровые технологии относятся к числу информационных, поскольку предназначены для сбора, обработки, отображения, хранения и передачи данных. Вместе с тем существуют и иные виды информационных технологий, например механические, электронные, аналоговые и др.

Если рассматривать автоматизацию некоторых стадий уголовного судопроизводства как часть цифровизации, то к числу цифровых технологий, которые уже нашли применение в уголовном судопроизводстве, следует отнести систему автоматизированного учета статистических карточек и электронные алфавитные указатели в программных средствах государственной автоматизированной системы «Правосудие» (приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 «Об утверждении инструкции по судебному делопроизводству в районном суде»²¹), подключение к сети Интернет, а также аппаратному обеспечению (серверу), на котором функционирует модуль АМИРС²², предназначенный для автоматизации процессов судебного делопроизводства и информационного сопровождения всех ста-

дий судебного рассмотрения уголовного дела, системы видео-конференц-связи (ч. 6 ст. 35, ч. 4 ст. 240, ч. 6.1 ст. 241, ст. 278.1, ч. 2 ст. 389.12, ч. 8 ст. 389.13, ч. 2 ст. 399 УПК РФ), средства аудио- и видеофиксации, средства оповещения участников уголовного процесса, в качестве которых используются чаще всего смартфоны, а также технологию по пересылке и получению электронных писем (электронная почта), интегратор судебных решений судов судебной системы Российской Федерации (sudact.ru).

Кроме того, существует законодательная возможность трансляции открытого судебного заседания по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (ч. 5 ст. 241 УПК РФ). По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в стадии реализации находится автоматизация и информатизация деятельности судов, где, в частности, одним из направлений выступает оснащение всех судов оборудованием скрытого допроса свидетелей и потерпевших без возможности их визуального наблюдения²³.

В приведенной ниже таблице представлены данные официальной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ о востребованности видео-конференц-связи, аудио-, видеопотоколирования в судебных заседаниях при рассмотрении уголовных дел и материалов по первой инстанции за период с 2017 по 2021 г. (первое полугодие)²⁴ (см. таблицу на с. 143).

Приведенные данные свидетельствуют о нарастающей небывалыми темпами популярности видео-конференц-связи и аудио-, видеопотоколирования в уголовном процессе, что объясняется возросшей в период действия ограничительных мер, принятых в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, потребностью в дистанционных и иных цифровых технологиях в сфере судопроизводства.

²¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42700/ (дата обращения: 05.03.2022).

²² Справочная АМИРС (Модуль интеграции с участками мировых судей) // URL: https://amirs.tverreg.ru/search_form.php?delo_id=1540006 (дата обращения: 05.03.2022).

²³ Информатизация деятельности судов / Судебный департамент при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=224> (дата обращения: 06.03.2022).

²⁴ Данные судебной статистики / Судебный департамент при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 06.03.2022).

Год	Число дел (материалов), по которым использовалась видео-конференц-связь	Число судебных заседаний с использованием видео-конференц-связи (количество дней)	Число дел (материалов), по которым использовалось		Число судебных заседаний (количество дней), в которых проводилась аудио-, видеозапись
			аудиопроото-лирование	видеопроотолирование	
2017	82 494	96 368	83 151	18 855	нет данных
2018	93 184	108 570	110 691	22 281	263 677
2019	98 942	118 352	459 679	38 883	904 970
2020	115 932	147 256	1 082 702	60 132	2 169 178
2021 (первое полугодие)	50 650	60 741	600 159	41 491	1 244 327

Что касается проникновения цифровых технологий в досудебные стадии уголовного процесса, то существует возможность обращения с заявлением о преступлении посредством заполнения электронной формы на официальном сайте МВД России. Для этого необходимо во вкладке «Для граждан» выбрать пункт «Прием обращений граждан и организаций». Пользователи смартфонов могут также подать заявление о преступлении посредством приложения «МВД России», действующего для операционных систем iOS и Android.

Хотя в ст. 141 УПК РФ отсутствует указание на электронную форму заявления о преступлении, тем не менее, как следует из приказа МВД России № 736 от 29.08.2014 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях»²⁵, сотрудникам органов внутренних дел надлежит принимать их в любой форме, а электронные обращения после их распечатки приравниваются к письменным.

Средствами фиксации хода следственных действий, протоколирования зачастую являются

плоды века цифровых технологий — гаджеты (смартфоны, планшеты, ноутбуки, цифровые фото- и видеокамеры и др.), именуемые цифровыми средствами фиксации на стадиях досудебного производства по уголовному делу²⁶. Это не противоречит общим правилам производства следственных действий, ведь согласно ч. 6 ст. 164 УПК РФ, при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. Однако перед началом следственного действия следователю необходимо предупредить лиц, участвующих в следственном действии, о применении технических средств.

Кроме того, как следует из ст. 84 УПК РФ, к числу доказательств относятся и документы, представленные в электронном виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ.

Приведенный перечень цивилизационных благ, применяемых в уголовном судопроизводстве России, свидетельствует о том, что цифровизация в данной сфере находится на началь-

²⁵ Российская газета. № 260. 14.11.2014.

²⁶ Муленков Д. В. Использование цифровых средств фиксации на стадиях досудебного производства : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 16.

ной стадии, несмотря на то что это направление является одним из приоритетных в области стратегического планирования государства, а «Цифровые технологии» — один из главных федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Следует отметить, что, согласно данным Мониторинга развития информационного общества в Российской Федерации²⁷, представленным Росстатом, уровень использования информационно-коммуникационных технологий в России неуклонно растет как в частном, так и в публичном секторе. Примечательно, что использование информационно-коммуникационных технологий в деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления существенным образом расширилось. Так, средства электронной цифровой подписи стали применяться гораздо чаще (доля государственных и местных органов, использующих средства электронной цифровой подписи в своей деятельности, увеличилась с 74,5 % в 2010 г. до 90,8 % в 2020 г.). Процент использования в деятельности публичных органов власти системы электронного документооборота вырос на 6,9 единицы: с 72,7 % в 2011 г. до 79,6 % в 2020 г. Почти в три раза повысился уровень готовности органов власти к использованию информационно-коммуникационных технологий для осуществления управленческих функций и предоставления государственных услуг с 2010 по 2020 г.: с 22,4 % до 67,5 % соответственно. Такие темпы внедрения информационных технологий в публичной сфере свидетельствуют о полномасштабном и планомерном оцифровании деятельности властных структур.

Несмотря на незначительное продвижение цифровизации в сфере уголовного судопроизводства, основная масса цифровых нововведений еще впереди. К числу цифровых технологий, которые предположительно должны проникнуть в уголовное судопроизводство в будущем, следует отнести:

- технологии беспроводной связи;
- большие данные (big data);

- нейротехнологии;
- искусственный интеллект (технологии обработки текстов на естественном языке, технологии распознавания и синтеза речи, технологии компьютерного зрения, разработка интеллектуальных систем поддержки принятия решений) и др.

Одно из направлений развития технологий искусственного интеллекта уже постепенно входит в судопроизводственную сферу. Это набирающее популярность в странах прецедентного права и даже в России направление предиктивной аналитики LegalTech. Эта система, иначе именуемая «предиктивное правосудие», предназначена для упрощения и ускорения поиска судебных прецедентов и оценки шансов на успешный исход конкретного судебного разбирательства²⁸.

И пусть реализация стратегических планов на уровне государства сулит цифровое завтра, право, являясь регулятором общественных отношений, остается сферой сугубо социальной, а следовательно, надежной с точки зрения гуманистической. Уголовный процесс, будучи особой публично-правовой сферой, затрагивающей основные права и свободы человека, не перестает от этого быть социально значимым. В нем есть феномены, по праву занимающие свои приоритетные места, и прочность их позиций едва ли может быть подорвана даже воображаемой межгалактической научно-технической революцией. Речь идет о базовых нравственных началах уголовного процесса, которые представляют действительную ценность для личности, общества, государства.

Личностный и духовный переворот способен произвести бессмертное научное произведение А. Ф. Кони «Нравственные начала в уголовном процессе». С учетом наметившихся перспектив этот труд гениального автора приобретает особый смысл, исключительную актуальность и допускает иное прочтение. Предрекая первенствующую роль нравственных начал в уголовном процессе, А. Ф. Кони не мог и предполагать, что в начале XXI столетия роль человека

²⁷ URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/154882> (дата обращения: 05.04.2022).

²⁸ Филипова И. А. Указ. соч. С. 146.

в судопроизводстве пошатнется так сильно, что личность здесь будет более напоминать фигуру второстепенную, скорее подсобную, а нравственные основы уголовного процесса будут находиться на границе декаданса, рискуя утратить свой первоначальный смысл и основное предназначение²⁹.

Так, отдельные авторы указывают на фактически рудиментарный характер института следователя и бесполезность в новом цифровом мире следственных подразделений. Фигурируют такие рассуждения у С. В. Власовой, которая отмечает, что расследовать преступления в будущем может просто специалист по информационным технологиям, не имеющий отношения к юриспруденции; существует также перспектива замены следователя роботом³⁰.

Вызывают интерес высказывания А. С. Александрова, который постулирует, что следственный аппарат, будучи «паразитарной посреднической государственной структурой», утратит смысл при функционировании новой цифровой следственной платформы³¹.

При оценке таких подходов напрашивается ряд вопросов: куда же денется человек с его биологическим, социальным, творческим началом, если место его будет занято роботами (ботами)? Способны ли роботы разрешить задачи, требующие высокоинтеллектуального индивидуального человеческого подхода? Есть ли смысл в существовании целых отраслей, сфер, формирующихся столетиями, если в них не будет места для человека? И главное, есть ли разумное начало в реформах под эгидой «на благо человечества», если они способны вытеснить самого человека и оставить его на

обочине исторических событий? Не есть ли это путь к самоуничтожению?

Однако не может не быть позиций, сдерживающих антигуманистический научно-прогрессивный пыл отдельных ученых. В частности, С. В. Зуев указывает, что, согласно наиболее распространенному убеждению в научной уголовно-процессуальной среде, основанному на проведенных малоуспешных экспериментах по внедрению робота в следственную деятельность, последний пока способен лишь стать инструментом в руках опытного следователя при решении конкретных задач³².

Глубокие теоретические исследования И. Г. Смирновой, посвященные вопросам социальной ценности уголовного судопроизводства³³, еще более утверждают в сознании мысль о незыблемости прав и свобод человека, необходимости обеспечения им охраны и защиты, недопустимости умаления их ценности и сведения на нет аксиологической ориентированности уголовного судопроизводства, так что технократический подход в процессе внедрения цифровых технологий видится по меньшей мере нецелесообразным и даже опасным с точки зрения сохранения ценности прав и свобод человека.

И всё же нельзя не признать, что тревожная тенденция проявляется в высказываниях, призывающих исключить человека из уголовного процесса, пронизанного страданиями, переживаниями, сочувствием, иногда раскаянием. Подобные мнения воспринимаются как посягательство на нравственные основы уголовного процесса. Неслучайно Л. А. Воскобитова акцентирует внимание на безусловной и неразрывной связи уголовного процесса с человеком: «На

²⁹ Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-nachala-v-ugolovnom-protssesse-obschie-cherty-sudebnoy-etiki/viewer> (дата обращения: 07.03.2022).

³⁰ Власова С. В. Указ. соч. С. 15.

³¹ Александров А. С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий. С. 135.

³² Зуев С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4 (83). С. 119.

³³ Смирнова И. Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2012. С. 20.

протяжении тысячелетий уголовное судопроизводство было традиционно сферой “человеческой” деятельности»³⁴.

В основе уголовно-процессуального права лежат общественные отношения, возникающие между участниками судопроизводства, которые обладают взаимными правами и обязанностями, но, во всяком случае, эти отношения возникают между людьми. И исключить из них человека означало бы исключить и сами правоотношения. В этом случае не нужны будут ни дознаватели, ни следователи. Возможно, отпадет и необходимость в существовании судебного корпуса в том виде, в каком он существует сейчас. И всё же сомнительно, что IT-специалисты и роботы способны будут разрешить даже простейшую следственную задачу. Вместе с тем люди, получающие классическое юридическое образование на протяжении нескольких лет, накапливающие бесценный профессиональный и жизненный опыт в ходе нелегкой практической судебной, следственной деятельности, могут остаться не у дел в случае использования пресловутого технократического подхода в процессе внедрения новейших технологий.

Однако, вновь возвращаясь к изречениям Клауса Шваба о четвертой промышленной революции, находим следующее видение грядущего. По его мнению, «у человечества есть шанс сформировать технологически новый мир, не дегуманизирующий и обезличивающий, а ориентированный на человека». Правда, следует заметить, что ни сам автор приведенного высказывания, ни кто-либо другой не имеет четкого представления о том, как именно технологии изменят нашу жизнь, оставляя место неопределенности и перекладывая груз ответственности за будущее на всех членов глобального сообщества³⁵.

При таких обстоятельствах отношение к сохранению нравственных и гуманистических ос-

нов уголовного судопроизводства законодателя и правоприменителя, в руках которых находятся поводья оцифровывания процессуально-правового пространства, не должно и не может быть индифферентным. В сущности, никто иной не сможет более повлиять на сохранность традиционных ценностей, чем лица, которые имеют непосредственное отношение к воплощению в жизнь реформ.

Думается, что незыблемость нравственных основ уголовного судопроизводства находится в прямой связи с пределами цифровизации уголовного процесса. Ведь с появлением в процессуальной сфере роботов, технологий искусственного интеллекта, развитием нейросетей, увеличением их влияния повышается риск подрыва нравственных основ уголовного процесса. Неслучайно Кристоф Менант указывает, что «эволюционистский сценарий содержит петлю для самосознания человека» и вызывает тревогу: ведь человек, упуская в процессе роботизации аспекты самосознания, способен утратить свое природное назначение³⁶.

Итак, планетарного масштаба цифровизация уже не выглядит как сюжет фантастического произведения. Одни области человеческого бытия более или менее легко впускают в себя информационные новшества XXI в., другие же сферы отличаются идеологической и физической приверженностью к традиционным ценностям и с трудом воспринимают результаты прогресса. Уголовное судопроизводство более тяготеет к реакционности. Тем не менее удобства ради проверенные практикой новаторские технологии становятся частью повседневной судебной-следственной работы. Ключевым здесь является слово «удобство»; иначе говоря, если внедрение общепринятых продуктов авангардных информационно-коммуникационных технологий существенно облегчит деятельность органов по раскрытию и расследованию пре-

³⁴ Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // *Lex russica*. 2019. № 5 (150). С. 91–104.

³⁵ Шваб К. Указ. соч. С. 10.

³⁶ Menant Ch. Information and Meaning in Life, Humans and Robots // *Cogprints*, 2005. URL: <http://cogprints.org/4531/> (дата обращения: 05.03.2022).

ступлений, органов правосудия, тогда принятие это оправданно и необходимо для того, чтобы работа их была оперативной, эффективной и не была лишена черт модернизма в стремительно развивающейся информационной среде.

При этом есть в уголовном процессе области практически сакральные, неприкосновенные ввиду их принципиальности, охранительной сущности и непосредственной связи с человеком. Речь идет прежде всего о назначении и принципах уголовного судопроизводства, а также о нормах, благодаря которым достигается назначение и реализовываются принципы в уголовном процессе. Нравственная природа таких областей оберегает уголовный процесс от произвола, беззакония, нарушения прав его участников.

Вероятно, преждевременно вести речи о нависшем над нравственными началами уголовного судопроизводства дамокловым мечом в виде неустанно навязываемой цифровизации. Вместе с тем стоит сосредоточить на этом внимание, дабы не упустить важный момент необ-

ходимости сохранения нравственно-правовых ценностей в строгом уголовно-процессуальном мире, находящемся в новых условиях. К слову, защита этих ценностей не может быть дряблой и притворной, а только целенаправленной и надежной.

Думается, что цифровизация при условии следования гуманистическим идеалам способна привести не к разрушению и трансформации принципиальных начал, а к укреплению законности и нравственных основ в уголовном процессе. Это абсолютно точно возможно, и именно это должно стать самоцелью. Иначе разумного начала в этой грандиозной пертурбации попросту нет. Более того, позитивным проявлением перемен представляется то, что цифровизация должна коснуться преимущественно сторон делопроизводственных и организационно-технических, нежели истинно уголовно-процессуальных. В этом случае трансформационные изменения в области судопроизводства не станут началом конца для нравственных основ уголовного процесса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Александров А. С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. — 2018. — № 2. — С. 130–139.
2. Александров А. С. Русский уголовно-процессуальный догматизм или цифровой мир: что победит? // Юридическая истина в уголовном праве и процессе : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. — СПб. : Петрополис, 2018. — С. 24–34.
3. Власова С. В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2018. — № 1. — С. 9–18.
4. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica. — 2019. — № 5 (150). — С. 91–104.
5. Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. — 2019. — № 1. — С. 15–25.
6. Зуев С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. — 2018. — № 4 (83). — С. 118–123.
7. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-nachala-v-ugolovnom-protsesse-obschie-cherty-sudebnoy-etiki/viewer> (дата обращения: 07.03.2022).
8. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. — М. : Книжный мир, 2018. — 416 с.
9. Муленков Д. В. Использование цифровых средств фиксации на стадиях досудебного производства : дис. ... канд. юрид. наук. — Тюмень, 2008. — 226 с.

10. Победкин А. В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу) // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 3. — С. 50–55.
11. Смирнова И. Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 2012. — 51 с.
12. Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / под ред. Е. Г. Потаповой, П. М. Потеева, М. С. Шклярчук. — М. : РАНХиГС, 2021. — 184 с.
13. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учебное пособие. — Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2022. — 275 с.
14. Шваб К. Четвертая промышленная революция : пер. с англ. — М. : Эксмо, 2016. — 208 с.
15. Menant Ch. Information and Meaning in Life, Humans and Robots // Cogprints, 2005. URL: <http://cogprints.org/4531/> (дата обращения: 05.03.2022).
16. Strezhnev A., Simmons B. A., Matthew D. K. Rulers or Rules? International Law, Elite Cues and Public Opinion // European University Institute in Florence. — 2019. — Vol. 30. — № 4. — P. 1281–1302.

Материал поступил в редакцию 6 апреля 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aleksandrov A. S. Problemy teorii ugovovno-protsessualnogo dokazyvaniya, kotorye nado reshat v svyazi s perekhodom v epokhu tsifrovyykh tekhnologiy // Sudebnaya vlast i ugovovnyy protsess. — 2018. — № 2. — S. 130–139.
2. Aleksandrov A. S. Russkiy ugovovno-protsessualnyy dogmatizm ili tsifrovoy mir: chto pobedit? // Yuridicheskaya istina v ugovovnom prave i protsesse: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / pod obshch. red. K. B. Kalinovskogo, L. A. Zashlyapina. — SPb.: Petropolis, 2018. — S. 24–34.
3. Vlasova S. V. K voprosu o prispособlivanii ugovovno-protsessualnogo mekhanizma k tsifrovoy realnosti // Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal. — 2018. — № 1. — S. 9–18.
4. Voskobitova L. A. Ugovovnoe sudoproizvodstvo i tsifrovye tekhnologii: problemy sovmestimosti // Lex russica. — 2019. — № 5 (150). — S. 91–104.
5. Golovko L. V. Tsifrovizatsiya v ugovovnom protsesse: lokalnaya optimizatsiya ili globalnaya revolyutsiya? // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. — 2019. — № 1. — S. 15–25.
6. Zuev S. V. Tsifrovaya sreda ugovovnogogo sudoproizvodstva: problemy i perspektivy // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. — 2018. — № 4 (83). — S. 118–123.
7. Koni A. F. Nravstvennye nachala v ugovovnom protsesse (obshchie cherty sudebnoy etiki) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-nachala-v-ugovovnom-protsesse-obschie-cherty-sudebnoy-etiki/viewer> (data obrashcheniya: 07.03.2022).
8. Larina E. S., Ovchinskiy V. S. Iskusstvennyy intellekt. Bolshie dannye. Prestupnost. — M.: Knizhnyy mir, 2018. — 416 s.
9. Murenkov D. V. Ispolzovanie tsifrovyykh sredstv fiksatsii na stadiyakh dosudebnogo proizvodstva: dis. ... kand. yurid. nauk. — Tyumen, 2008. — 226 s.
10. Pobedkin A. V. Etiko-aksiologicheskie riski mody na tsifrovizatsiyu dlya ugovovnogogo sudoproizvodstva (ob oshibochnosti tekhnologichnogo podkhoda k ugovovnomu protsesu) // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2020. — № 3. — S. 50–55.
11. Smirnova I. G. Sotsialnaya tsennost rossiyskogo ugovovnogogo sudoproizvodstva: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Tomsk, 2012. — 51 s.

12. Strategiya tsifrovoy transformatsii: napisat, chtoby vypolnit / pod red. E. G. Potapovoy, P. M. Poteeva, M. S. Shklyaruk. — M.: RANKhiGS, 2021. — 184 s.
13. Filipova I. A. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta: uchebnoe posobie. — N. Novgorod: Nizhegorodskiy gosuniversitet, 2022. — 275 s.
14. Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya: per. s angl. — M.: Eksmo, 2016. — 208 s.
15. Menant Ch. Information and Meaning in Life, Humans and Robots // Sogprints, 2005. URL: <http://cogprints.org/4531/> (data obrashcheniya: 05.03.2022).
16. Strezhnev A., Simmons B. A., Matthew D. K. Rulers or Rules? International Law, Elite Cues and Public Opinion // European University Institute in Florence. — 2019. — Vol. 30. — № 4. — P. 1281–1302.

Дискуссионные вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению дискуссионных вопросов, возникающих при производстве в порядке гл. 40.1 УПК РФ. Указывается, что специальным предназначением данного института является повышение эффективности расследования сложных в доказывании преступлений. Основное внимание уделено проблеме определения момента, с которого возможно заключение соглашения о сотрудничестве. По мнению автора, если предоставление информации о возможности заключения такого соглашения не зависит от того, в каком статусе находится лицо на текущий момент производства по делу (подозреваемый или обвиняемый), то само заключение соглашения о сотрудничестве должно быть возможным только после проведенного по общим правилам и без каких-либо изъятий в доказательственной деятельности предварительного расследования и предъявления обоснованного обвинения. При этом предъявленное лицу обвинение в случае заключения с ним соглашения должно оставаться неизменным. Отвечая на вопрос, является ли признание вины обвиняемым обязательным условием заключения соглашения о сотрудничестве либо необходимо только получение его согласия с обвинением, как предусмотрено главой 40 УПК РФ, автор приходит к выводу, что, поскольку признание вины обвиняемым является неотъемлемой частью согласия с предъявленным обвинением, и признание вины, и согласие с обвинением должны быть обязательными условиями досудебного соглашения о сотрудничестве. Делается вывод, что досудебное соглашение о сотрудничестве является сделкой между сторонами обвинения и защиты, которая должна заключаться строго после предъявления обвинения, а также о необходимости внесения изменения в действующую конструкцию уголовно-процессуальных норм посредством исключения такого потенциального участника заключения соглашения о сотрудничестве, как подозреваемый, из гл. 40.1 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; сокращенные процедуры; сделка; досудебное соглашение о сотрудничестве; обвинение; сотрудничество; согласие с предъявленным обвинением; обвиняемый; подозреваемый; доказывание.

Для цитирования: Погорельский А. А. Дискуссионные вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 150–160. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.150-160.

Disputable Issues of a Plea Agreement Conclusion

Andrey A. Pogorelskiy, Senior Lecturer, Department of Administrative and Financial Law, Orenburg State University
pr. Pobedy, d. 13, Orenburg, Russia, 460018
apogorelskiy@internet.ru

Abstract. The paper considers debatable issues that arise in the course of procedure under Ch. 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It is indicated that the special purpose of this institution is to increase the

© Погорельский А. А., 2023

* Погорельский Андрей Александрович, старший преподаватель кафедры административного и финансового права Оренбургского государственного университета
пр. Победы, д. 13, г. Оренбург, Россия, 460018
apogorelskiy@internet.ru

effectiveness of the investigation of crimes that are difficult to prove. The main attention is given to the problem of determining the moment from which it is possible to conclude a plea agreement. According to the author, if the provision of information about the possibility of concluding such an agreement does not depend on the status of the person at the current moment of the proceedings (suspected or accused), then the very conclusion of a plea agreement should be possible only after the preliminary investigation conducted under the general rules and without any exceptions in the evidentiary activity and after justified charges are brought. At the same time, the charges brought against the person in the event of a plea agreement must remain unchanged. The author answers the question whether the confession of guilt by the accused is a prerequisite for concluding a plea agreement, or whether it is only necessary to obtain his consent with the prosecution, as provided for in Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It is concluded that since the confession of guilt by the accused is an integral part of the consent with the charges, both an confession of guilt and an agreement with the accusation should be mandatory conditions of a plea agreement. A plea agreement is a deal between the prosecution and the defense, which must be concluded strictly after the charges are brought. It is necessary to amend the current structure of the criminal procedure rules by excluding such a potential participant in the conclusion of a plea agreement as a suspect from Ch. 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal proceedings; abbreviated procedures; bargain; plea agreement; accusation; cooperation; accept the charges; accused; suspect; proof.

Cite as: Pogorelskiy AA. Diskussionnye voprosy zakliucheniya dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve [Disputable Issues of a Plea Agreement Conclusion]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(1):150-160. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.150-160. (In Russ., abstract in Eng.).

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве был введен в отечественное уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹.

В отличие от закрепленных в гл. 32.1 и 40 УПК РФ дифференцированных производств, особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (далее — соглашение о сотрудничестве) характеризуется идеей компромисса, лежащей в его основе, и проявляется в наличии законодательных гарантий, содержащих определенные уступки в отношении обвиняемого в обмен на совершение им конкретных, вполне определенных действий. Для данного института характерно наличие элементов договорных отношений, поэтому не может подвергаться сомнению его договорная природа.

Согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ, досудебное соглашение о сотрудничестве — это соглашение

между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения.

Понятие «соглашение» определяется как взаимная договоренность, согласие; договор, устанавливающий условия взаимоотношений сторон, их права и обязанности², т.е. договоренность, предполагающая упорядоченность совместной деятельности, ожидаемость образа действий сторон.

Не вдаваясь в полемику относительно понятия, содержания, правовой природы и значения досудебного соглашения о сотрудничестве, отметим, что российский законодатель данному институту придает особый смысл, обозначив взаимные обязанности и ответственность сторон такого соглашения. При этом, говоря о цели введения и существования института досудебного соглашения о сотрудничестве, всё же считаем возможным не согласиться с утверждением

¹ СЗ РФ. 2009. № 26. Ст. 3139.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Русский язык, 1990. С. 741.

ученых, рассматривающих в качестве таковой цель борьбы с преступностью³, поскольку, как представляется, это стратегическая цель всей уголовной политики государства. Безусловно, уголовно-процессуальная политика, будучи элементом уголовной политики государства, должна иметь направленность на достижение общей цели, а значит, на ее реализацию должна быть направлена вся уголовно-процессуальная деятельность, а не только в рамках отдельного уголовно-процессуального института. Поэтому, думается, что в случае, когда речь идет о конкретном институте уголовного судопроизводства, должна указываться не стратегическая, а более приближенная, непосредственно реализуемая в результате его применения цель.

Как известно, одним из основных способов превенции правонарушений является повышение их раскрываемости и вероятности привлечения правонарушителей к ответственности. Думается, что именно в таком аспекте должно раскрываться целеполагание данного института. С этой позиции рассматриваемый институт действительно может использоваться в качестве дополнительного эффективного средства борьбы с преступностью, а его специальным предназначением является повышение эффективности расследования сложных в доказывании преступлений. Последнее представляется тем более возможным в связи с особенностями предмета этого производства, под которым понимается не столько совершенное преступление, сколько выполнение лицом, его совершившим, взятых на себя обязательств по оказанию помощи в раскрытии и расследовании других, не известных ранее органам расследования преступлений и изобличению их соучастников.

Вместе с тем, не ставя перед собой цель оспаривания безусловного значения данного института, его пользы и способности быть реальной

мерой по противодействию прежде всего организованным формам преступной деятельности, считаем, что не стоит определять институт досудебного соглашения о сотрудничестве лишь как «ловкий инструмент» следователя для достижения более великой цели — борьбы с преступностью, нивелируя его существо. На наш взгляд, как минимум неодобрение должна вызывать позиция О. П. Грибунова, который утверждает, что с введением в УПК РФ гл. 40.1 было легализовано право следователя *склонять* лицо к даче показаний о соучастниках преступления и их преступной деятельности. Положительно оценивая подобное положение, указанный автор считает его обоснованным расширением круга тактических приемов следователя⁴.

Между тем, исходя из того что в основе всякого договора лежит свободное волеизъявление, любая форма «склонения» лица не должна иметь места при заключении соглашения о сотрудничестве, а правомерность использования тактических приемов должна определяться в первую очередь тем, была ли обеспечена лицу свобода выбора поступка⁵.

Прежде чем перейти к особенностям доказательственной уголовно-процессуальной деятельности, которые присущи данной дифференцированной форме производства, важно определиться с моментом, с которого возможно заключение соглашения о сотрудничестве. Считаем, что здесь существенное значение должен иметь процессуальный статус лица — потенциального участника соглашения. В этой связи убеждены, что если предоставление информации о возможности заключения такого соглашения не зависит от того, в каком статусе находится лицо на текущий момент производства по делу (подозреваемый или обвиняемый), то само заключение соглашения о сотрудничестве возможно исключительно после предъявления

³ Тисен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2017. С. 190.

⁴ Грибунов О. П. Тактика деятельности следователя при рассмотрении ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (48). С. 34.

⁵ Корнакова С. В. Уголовно-процессуальное доказывание как процесс познания // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. № 6. С. 111.

этому лицу обвинения. В юридической литературе представлены убедительные аргументы необходимости именно такого подхода⁶, в обоснованности которого легко убедиться, сопоставив законодательные требования к содержанию обвинительного постановления (заключения, акта) и к содержанию самого соглашения о сотрудничестве (ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ).

Укажем, что такой подход не только находит теоретическое обоснование, но и поддерживается на практике. В частности, в обобщающих практику применения рассматриваемого института данных судами указывается буквально следующее: «Из требований УПК РФ следует, что досудебное соглашение о сотрудничестве фактически полностью дублирует постановление о предъявлении обвинения, что само по себе правильно, так как досудебное соглашение заключается по конкретному делу и конкретному преступлению»⁷.

В связи с этим обозначим свою позицию убеждением в необходимости заключения соглашения о сотрудничестве только после проведенного по общим правилам и без каких-либо изъятий в доказательственной деятельности предварительного расследования и предъявления обоснованного обвинения. Поэтому в дальнейшем изложении, несмотря на имеющееся в законе дозволение (ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ), нами будет использоваться только термин «обвиняемый».

Вторым вопросом, требующим освещения, является дискуссионный вопрос о том, является

ли признание вины обвиняемым обязательным условием заключения соглашения о сотрудничестве либо необходимо только получение его согласия с обвинением, как предусмотрено главой 40 УПК РФ.

Положения гл. 40.1 УПК РФ не имеют прямого указания на необходимость наличия ни одного из членов дизъюнкции приведенного выше суждения. Между тем некоторые исследователи полагают, что намерение заключить соглашение о сотрудничестве предполагает не только оказание лицом содействия в расследовании преступлений, но и признание вины и даже раскаяние в совершенном им деянии. Последнее, по утверждению А. С. Александрова, является обязательным условием соглашения, хотя прямо может не отражаться в его содержании. Без деятельного раскаяния, по мнению указанного автора, выполнение соглашения неприемлемо, поскольку «расследование дела по факту преступления происходит обычным порядком, и отказ от сотрудничества неминуемо приводит к невозможности реализации процедур, предусмотренных главой 40.1 УПК РФ»⁸.

Соглашаясь с приведенным суждением, уточним, что значение должно иметь не собственно раскаяние лица в его общеупотребительном смысле, а деятельность этого лица, т.е. акцентированным должно быть первое слово понятия «деятельное раскаяние». Если в общеупотребительном смысле раскаяние — это лишь внутреннее субъективное чувство сожаления, то признак «деятельное» призван обозначать

⁶ Мищенко Е. В., Корнакова С. В., Мишин В. В. Обоснованность и мотивированность применения особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 2 (56). С. 48–49 ; Корнакова С. В., Щербаков В. А. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: гарантии справедливости постановления приговора // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 4 (18). С. 63.

⁷ Справка по результатам изучения практики применения судами Иркутской области норм глав 40 и 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации об особом порядке судебного разбирательства по уголовным делам, рассмотренным в 2014 году и первом полугодии 2015 года (утв. президиумом Иркутского областного суда 28 марта 2016 г.) // URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?id=517&name=docum_sud (дата обращения: 11.05.2022).

⁸ Александров А. С., Александрова И. А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 6.

внешне объективизированное выражение чувства раскаяния в поведении и поступках человека, направленных на заглаживание прошлых вредных действий с его стороны.

Закон не отвечает на вопрос, является ли признание вины и раскаяние условием соглашения, на практике лицо, решившее его заключить, может исходить только из утилитаристских соображений, а выгода, как известно, — понятие личное. Рассчитывая на смягчение уголовного наказания, лицо при этом может не признавать вину и тем более не раскаиваться в содеянном. А. В. Смирнов также обращает внимание на отсутствие требований о подобном в уголовно-процессуальном законе, который «удовлетворяется лишь готовностью лица сотрудничать»⁹.

По мнению других авторов, обязательным условием данного вида производства является наличие согласия с предъявленным обвинением, которое, как считает И. С. Дикарев, является тем минимумом, который необходим для заключения соглашения о сотрудничестве, и об этом должна быть отметка в составленном соглашении¹⁰.

По нашему мнению, независимо от того, что ни признание вины, ни согласие с обвинением прямо не установлены в качестве обязательных условий заключения соглашения о сотрудничестве, из смысла данного вида производства они требуют своего наличия, что подтверждается указанием ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ.

Нами разделяется по этому поводу вывод ученых, по мнению которых, если лицом не признана вина или не выражено согласие с обвинением, вести речь о заключении соглашения о сотрудничестве вообще немыслимо.

В противном случае не исключается наличие сомнений относительно того, что, даже будучи невиновным, лицо в результате использования «процессуальных рычагов» (например, перспективы заключения под стражу за отказ от сотрудничества) согласилось на заключение соглашения, по сути, заранее согласившись со всем тем, что предъявит сторона обвинения в качестве окончательного обвинения¹¹.

Между тем Верховный Суд РФ, выражая свое мнение по этому поводу, указывает, что «одним из условий постановления обвинительного приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, является его согласие с предъявленным обвинением. В ином случае суду следует принять решение о прекращении особого порядка и назначении судебного разбирательства в общем порядке»¹². В связи с этим полагаем однозначно решенным вопрос о том, что именно факт согласия с предъявленным обвинением необходим для вынесения судебного решения в особом порядке, проверка наличия которого законом возложена на прокурора (ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ).

Кроме того, часть 1 ст. 317.7 УПК РФ предусматривает, что судебное заседание и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение, проводится в соответствии с предписаниями ст. 316 УПК РФ, которыми также установлено наличие такого согласия (ч. 4 ст. 316 УПК РФ).

Однако, думается, что признание вины обвиняемым является неотъемлемой частью согласия с предъявленным обвинением. Исходя из этого, на наш взгляд, и признание вины, и согласие с обвинением как обязательные условия

⁹ Смирнов А. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 6.

¹⁰ Дикарев И. С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 27.

¹¹ Смолькова И. В. Признание обвиняемым своей вины: доказательственное и правовое значение. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 369 ; Корнакова С. В., Щербаков В. А. Проблемы реализации принципа справедливости в российском уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 117.

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

представляют собой характерные особенности досудебного соглашения о сотрудничестве.

В то же время отметим, что включение в ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ указания об обязательном наличии согласия обвиняемого с предъявленным обвинением на практике привело к формированию неоднозначной ситуации, обусловленной несвязанностью обязанностью со стороны обвинения оставлять в неизменном виде то обвинение, при котором изначально было заключено соглашение о сотрудничестве. Как известно, согласие с обвинением включает в себя и согласие с предъявленной квалификацией деяния, но, в отличие от порядка, установленного главой 40 УПК РФ, досудебное соглашение можно заключить и до предъявления обвинения, что и порождает неоднозначное восприятие этого обстоятельства как в науке, так и на практике уголовного судопроизводства.

На страницах научных изданий предлагается несколько вариантов решения этой проблемы. Обозначим каждую из них:

1) соглашение о сотрудничестве не должно быть связано с согласием с предъявленным обвинением¹³;

2) квалификация деяния, которая была предъявлена на момент заключения соглашения, должна быть неизменной¹⁴;

3) допустимость изменения квалификации деяния после заключения соглашения, но при условии обязательного изменения и перезаклучения соглашения о сотрудничестве¹⁵;

4) допустимость изменения квалификации деяния после заключения соглашения о сотрудничестве, в том числе в сторону ухудшения положения обвиняемого¹⁶;

5) заключение соглашения о сотрудничестве допустимо только после предъявления обвинения, что устраняет подозреваемых от участия в таком соглашении¹⁷.

Анализируя сложившуюся проблему и разделяя мнение представителей второй и последней позиции, в целом поддерживаем и суждение о том, что изменение обвинения в сторону ухудшения положения подозреваемого, обвиняемого противоречит правовой природе рассматриваемого соглашения как договора¹⁸. При допущении возможности изменения обвинения на более тяжкое становится невыгодным заключение соглашения о сотрудничестве, поскольку лицо, рассказывая о соучастниках, тем самым может ухудшить свое положение. Исходя из правовой природы соглашения о сотрудничестве как договора, любое изменение его условий в одностороннем порядке влечет его пересмотр и признание недействительным, поэтому изменение обвинения, его дополнение, изменение квалификации деяния в сторону, ухудшающую положение подозреваемого, должно приводить к заключению нового соглашения о сотрудничестве. Однако такая практика тоже небезукоризненна, поскольку переквалификация деяния и последующее пересоставление соглашения определяют усложнение производства по делу.

В этой связи считаем снимающей указанную проблему такую регламентацию данных отношений, при которой досудебное соглашение о сотрудничестве допустимо заключать только с обвиняемым и только после предъявления обвинения, поскольку трудно представить, что на первоначальном этапе расследования стороне обвинения удастся полностью отразить в

¹³ Федосеева Е. Л. Условие, влияющее на форму судебного разбирательства и назначение наказания в досудебном соглашении // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 5.

¹⁴ Погодин С. Б. Некоторые актуальные проблемы применения особого порядка судебного разбирательства в состязательном уголовном процессе // Российская юстиция. 2009. № 9. С. 63.

¹⁵ Абшилава Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 13–15.

¹⁶ Гранкин К. Б., Мильтова Е. В. Проблемы применения норм УПК РФ, регулирующих досудебное соглашение о сотрудничестве // Уголовное право. 2010. № 3. С. 79.

¹⁷ Абшилава Г. В. Указ. соч. С. 14–18 ; Мищенко Е. В., Корнакова С. В., Мишин В. В. Указ. соч. С. 48–49.

¹⁸ Тузов А. Г., Куликов А. С. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Что учесть защите // Уголовный процесс. 2020. № 11. С. 75.

обвинении все доказательства, подтверждающие, что данное деяние совершено подозреваемым. При этом предъявленное лицу обвинение в случае заключения с ним соглашения должно оставаться неизменным.

Заслуживает внимания вопрос о возможности заключения соглашения о сотрудничестве с лицом, единолично совершившим преступление, что, по мнению П. В. Вдовцева, недопустимо¹⁹. Подобный вывод представляется небесспорным и опровергается правоприменительной практикой. Так, согласно данным Оренбургского областного суда за 2015 г., «по ряду дел о незаконном обороте наркотических средств досудебные соглашения заключались с единственным обвиняемым по уголовному делу. При этом обвиняемые участвовали в проведении ОРМ по выявлению и раскрытию преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и изобличали лиц, занимающихся их сбытом, указывая адреса их проживания, биографические данные, приметы»²⁰. Несмотря на то что в таких случаях и покупатель, и продавец наркотических средств, не будучи соучастниками, являлись субъектами самостоятельных преступлений, нельзя вести речь о несоблюдении условий заключения соглашения о сотрудничестве.

Сомнительны также утверждения некоторых авторов об отсутствии полной ясности критериев активности заключившего соглашение

лица и характере его действий по способствованию расследованию преступления²¹. Думается, определение таких критериев не представляет сложности, что находит отражение во внутриведомственных актах²². В этой связи П. В. Эдилова, употребляя термин «активное содействие», верно указывает, что под содействием расследованию следует понимать «осознанное инициативное стремление оказать действенную помощь, а не пассивное исполнение указаний оперативного работника»²³. Безусловно, оценка действий лица, заключившего соглашение, как активных предпочтительнее. Под такими действиями А. С. Александров, именуя их «действительным предметом соглашения», понимает «дачу обвиняемым показаний, представление им документов (предметов), участие в следственных действиях и ОРМ, в ходе которых он указывает источники доказательств, места нахождения лиц, вещей, документов»²⁴.

Отметим, что в целом в изученных уголовных делах и материалах опубликованной судебной практики находят отражение сведения о том, в чем именно выразились «активные действия» подсудимого. Так, 12 августа 2020 г. Ковдорским районным судом вынесен приговор в отношении ранее судимого 37-летнего С., совершившего два особо тяжких преступления против здоровья населения и общественной нравственности.

¹⁹ Вдовцев П. В. Возможно ли заключить досудебное соглашение о сотрудничестве с подозреваемым, обвиняемым, совершившим преступление единолично (в отсутствие соучастников)? // Российский следователь. 2017. № 10. С. 15–17.

²⁰ Обобщение судебной практики по рассмотрению районными (городскими) судами Оренбургской области уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) за 12 месяцев 2015 г. // URL: http://oblsud.orb.sudrf.ru/modules.php?id=524&name=docum_sud (дата обращения: 11.05.2022).

²¹ Вдовцев П. В., Каркошко Ю. С. К вопросу о предмете досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. 2015. № 11. С. 16–18.

²² Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемым (обвиняемым) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» // Законность. 2010. № 6.

²³ Эдилова П. В. Некоторые проблемные аспекты заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 181.

²⁴ Александров А. С. Подход к преодолению противоречия в законе, регламентирующего заключение и реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу // Уголовное право. 2011. № 1. С. 55.

Ввиду заключения с С. соглашения о сотрудничестве уголовное дело поступило в суд с представлением прокурора о применении особого порядка проведения судебного заседания.

В судебном заседании государственный обвинитель подтвердил активное содействие обвиняемого в раскрытии и расследовании совершенных им преступлений, пояснил, что в ходе расследования С. в полном объеме выполнил взятые на себя заключенным соглашением о сотрудничестве обязательства, при проведении следственных действий давал правдивые, логичные и последовательные показания, принимал активное участие в следственных действиях и в ОРМ, по результатам которых было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, дал изобличающие показания в отношении лица, причастного к незаконному обороту наркотических средств на территории г. Ковдор Мурманской области.

Суд признал смягчающими наказание обстоятельствами признание С. своей вины и раскаяние в содеянном, активное содействие расследованию преступления, явку с повинной, полное выполнение условий соглашения о сотрудничестве, содействие в изобличении причастного к незаконному обороту наркотических средств лица²⁵.

Здесь важно отметить одно существенное отличие данного вида дифференцированных производств. Так, если признание вины отнюдь не предполагает получение признательных показаний, которые могут и не требоваться, например при производстве в порядке гл. 40 УПК РФ, то совершенно иная ситуация возникает при применении гл. 40.1 УПК РФ. В данном случае важным является не только само наличие признательных показаний, но и их содержательное наполнение на предмет интересующей следствие информации. В частности, в приказе Генеральной прокуратуры РФ указано, что в случае если заключивший досудебное соглашение сообщает лишь сведения о собственном участии в совершенном деянии, отказывается от дачи показаний, изобличающих других соучастников преступления, сообщает

заведомо ложные сведения, прокурор вправе вынести постановление о прекращении действия такого соглашения (ч. 5 ст. 317.4 УПК РФ).

Не вызывает сомнений, что заключение соглашения о сотрудничестве требует от обвиняемого активных действий, таких как содействие при раскрытии и расследовании преступлений, участие в необходимых следственных действиях, своевременная явка по вызовам следователя и т.д. Сообщение сведений только о собственном участии в совершенном преступлении или сведений, уже известных органам следствия, не отвечает требованиям, предъявляемым к обязательным условиям заключения соглашения о сотрудничестве.

При рассматриваемом виде производства предварительное расследование проводится по общим правилам, закрепленным в УПК РФ, что является оправданным, поскольку это производство нацелено на расследование тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в соучастии, их расследование является сложным и объемным. И с этой точки зрения можно говорить о том, что данный вид дифференцированного производства, относясь к упрощенным формам, одновременно обладает определенными признаками усложненной процедуры, обусловленными тем, что в рамках расследования одного уголовного дела для органов предварительного расследования существенно возрастает объем доказательственной деятельности, связанной с необходимостью собирания, проверки и оценки сведений о совершении иных преступлений. Именно в этом заключается особенность деятельности по доказыванию в данной дифференцированной форме на досудебной стадии.

Особенности доказывания при заключении соглашения о сотрудничестве заключаются и в том, что пределы доказывания определяются не судом, а сторонами, которые в результате взаимной договоренности могут сузить эти пределы, отказавшись от исследования тех или иных доказательств, при этом ориентация лишь на признание вины или признательные показания представляется неправомерной.

²⁵ Приговор Ковдорского районного суда (Мурманская область) от 12.08.2020 // URL: http://oblsud.mrm.sudrf.ru/modules.php?did=564&name=press_dep&op=1 (дата обращения: 17.05.2022).

Подчеркнем, что событие преступления и виновность лица должны быть доказаны на момент заключения соглашения о сотрудничестве, поскольку органы расследования уже не должны отвлекаться на изобличение данного лица, а все усилия должны быть направлены на собирание доказательств для раскрытия иных преступлений посредством добровольно оказываемой помощи заключившим соглашение лицом. Именно собранные в результате данной специфической доказательственной деятельности сведения, отраженные в представлении прокурора, и будут подлежать оценке судом (п. 2 ч. 2 ст. 317.6 и ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ).

Как в связи с этим указано в материалах общения практики применения гл. 40.1 УПК РФ Оренбургского областного суда, по большинству дел государственный обвинитель полностью соглашался с представлением прокурора и содействие подсудимого следствию подтверждал посредством устного изложения содержания представления, вынесенного в порядке ст. 317.5 УПК РФ. Однако для проверки факта исполнения условий соглашения о сотрудничестве суд не может ограничиваться заслушиванием выступления государственного обвинителя. По делам данной категории суд должен исследовать как документы, связанные с заключением соглашения о сотрудничестве (ходатайство обвиняемого о заключении соглашения о сотрудничестве, постановление следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с обвиняемым соглашения, само соглашение), так и документы, подтверждающие его реализацию²⁶.

Вместе с тем проведенное изучение материалов уголовных дел показало наличие слу-

чаев, когда суды, рассматривая уголовные дела в отношении подсудимых, с которыми заключено соглашение о сотрудничестве, не исследовали документы, подтверждающие содействие подсудимого органам расследования, а в приговоре использовали стандартную формулировку: «подсудимый активно содействовал следствию в расследовании и раскрытии преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления». При этом в приговорах отсутствовало отражение конкретного выражения подтверждения проявления такого содействия. Представляется, что для неукоснительного соблюдения требований уголовно-процессуального закона такое положение недопустимо.

Изложенное позволяет сделать вывод, что досудебное соглашение о сотрудничестве является сделкой между сторонами обвинения и защиты, которая должна заключаться строго после предъявления обвинения, обязательным условием которой должно быть согласие обвиняемого с предъявленным обвинением. Полагаем необходимым внести изменения в действующую конструкцию уголовно-процессуальных норм, а именно пункт 61 ст. 5 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«61) досудебное соглашение о сотрудничестве — соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности обвиняемого в зависимости от его действий после предъявления обвинения».

Такого потенциального участника заключения соглашения о сотрудничестве, как подозреваемый, следует исключить из гл. 40.1 УПК РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абшилава Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2012. — 55 с.
2. Александров А. С. Подход к преодолению противоречия в законе, регламентирующего заключение и реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу // Уголовное право. — 2011. — № 1. — С. 54–58.

²⁶ Обобщение судебной практики по рассмотрению районными (городскими) судами Оренбургской области уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) за 12 месяцев 2015 г.

3. Александров А. С., Александрова И. А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. — 2009. — № 8. — С. 3–12.
4. Вдовцев П. В. Возможно ли заключить досудебное соглашение о сотрудничестве с подозреваемым, обвиняемым, совершившим преступление единолично (в отсутствие соучастников)? // Российский следователь. — 2017. — № 10. — С. 15–17.
5. Вдовцев П. В., Каркошко Ю. С. К вопросу о предмете досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. — 2015. — № 11. — С. 16–18.
6. Гранкин К. Б., Мильтова Е. В. Проблемы применения норм УПК РФ, регулирующих досудебное соглашение о сотрудничестве // Уголовное право. — 2010. — № 3. — С. 76–79.
7. Грибунов О. П. Тактика деятельности следователя при рассмотрении ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2017. — № 2 (48). — С. 34–36.
8. Дикарев И. С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам // Российская юстиция. — 2016. — № 5. — С. 27–30.
9. Корнакова С. В. Уголовно-процессуальное доказывание как процесс познания // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2006. — № 6. — С. 110–112.
10. Корнакова С. В., Щербаков В. А. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: гарантии справедливости постановления приговора // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 4 (18). — С. 58–65.
11. Корнакова С. В., Щербаков В. А. Проблемы реализации принципа справедливости в российском уголовном судопроизводстве. — М. : Юрлитинформ, 2019. — 144 с.
12. Мищенко Е. В., Корнакова С. В., Мишин В. В. Обоснованность и мотивированность применения особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2021. — № 2 (56). — С. 48–49.
13. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. — 22-е изд., стер. — М. : Русский язык, 1990. — 921 с.
14. Погодин С. Б. Некоторые актуальные проблемы применения особого порядка судебного разбирательства в состязательном уголовном процессе // Российская юстиция. — 2009. — № 9. — С. 61–64.
15. Смирнов А. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. — 2009. — № 10. — С. 5–14.
16. Смолькова И. В. Признание обвиняемым своей вины: доказательственное и правовое значение. — М. : Юрлитинформ, 2017. — 432 с.
17. Тисен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. — Оренбург, 2017. — 487 с.
18. Тузов А. Г., Куликов А. С. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Что учесть защите // Уголовный процесс. — 2020. — № 11. — С. 70–75.
19. Федосеева Е. Л. Условие, влияющее на форму судебного разбирательства и назначение наказания в досудебном соглашении // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2018. — № 1. — С. 3–6.
20. Эдилова П. В. Некоторые проблемные аспекты заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Пробелы в российском законодательстве. — 2016. — № 5. — С. 180–185.

Материал поступил в редакцию 11 июня 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abshilava G. V. Soglasitelnye protsedury v уголовном судопроизводстве Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2012. — 55 s.
2. Aleksandrov A. S. Podkhod k preodoleniyu protivorechiya v zakone, reglamentiruyushchego zaklyucheniye i realizatsiyu dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve po уголовному delu // Uголовное право. — 2011. — № 1. — S. 54–58.
3. Aleksandrov A. S., Aleksandrova I. A. Soglaseniye o dosudebnom sotrudnichestve so sledstviem: pravovaya sushchnost i voprosy tolkovaniya norm, vkhodyashchikh v glavu 40.1 UPK RF // Uголовный protsess. — 2009. — № 8. — S. 3–12.
4. Vdovtsev P. V. Vozmozhno li zaklyuchit dosudebnoye soglaseniye o sotrudnichestve s podozrevaemym, obvinyaemym, sovershivshim prestupleniye edinolichno (v otsutstvie souchastnikov)? // Rossiyskiy sledovatel. — 2017. — № 10. — S. 15–17.
5. Vdovtsev P. V., Karkoshko Yu. S. K voprosu o predmete dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Rossiyskiy sledovatel. — 2015. — № 11. — S. 16–18.
6. Grankin K. B., Miltova E. V. Problemy primeneniya norm UPK RF, reguliruyushchikh dosudebnoye soglaseniye o sotrudnichestve // Uголовное право. — 2010. — № 3. — S. 76–79.
7. Gribunov O. P. Taktika deyatel'nosti sledovatelya pri rassmotrenii khodataystva podozrevaemogo ili obvinyaemogo o zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. — 2017. — № 2 (48). — S. 34–36.
8. Dikarev I. S. Spornye voprosy organizatsii dosudebnogo proizvodstva po уголовным delam // Rossiyskaya yustitsiya. — 2016. — № 5. — S. 27–30.
9. Kornakova S. V. Uголовно-protsessualnoye dokazyvaniye kak protsess poznaniya // Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii. — 2006. — № 6. — S. 110–112.
10. Kornakova S. V., Shcherbakov V. A. Osoby poryadok sudebnogo razbiratelstva pri soglasii obvinyaemogo s predyavlenным обвинением: garantii spravedlivosti postanovleniya prigovora // Sibirskie uголовно-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya. — 2017. — № 4 (18). — S. 58–65.
11. Kornakova S. V., Shcherbakov V. A. Problemy realizatsii printsipa spravedlivosti v rossiyskom уголовном судопроизводстве. — M.: Yurlitinform, 2019. — 144 s.
12. Mishchenko E. V., Kornakova S. V., Mishin V. V. Obosnovannost i motivirovannost primeneniya osobogo poryadka prinyatiya sudebnogo resheniya pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. — 2021. — № 2 (56). — S. 48–49.
13. Ozhegov S. I. Slovar russkogo yazyka: 70 000 slov / pod red. N. Yu. Shvedovoy. — 22-e izd., ster. — M.: Russkiy yazyk, 1990. — 921 s.
14. Pogodin S. B. Nekotorye aktualnye problemy primeneniya osobogo poryadka sudebnogo razbiratelstva v sostyazatel'nom уголовном protsesse // Rossiyskaya yustitsiya. — 2009. — № 9. — S. 61–64.
15. Smirnov A. B. Osoby poryadok prinyatiya sudebnogo resheniya pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Uголовный protsess. — 2009. — № 10. — S. 5–14.
16. Smolkova I. V. Priznanie obvinyaemym svoey viny: dokazatel'svennoye i pravovoe znachenie. — M.: Yurlitinform, 2017. — 432 s.
17. Tisen O. N. Teoreticheskie i prakticheskie problemy instituta dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve v rossiyskom уголовном судопроизводстве: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Orenburg, 2017. — 487 s.
18. Tuzov A. G., Kulikov A. S. Dosudebnoye soglaseniye o sotrudnichestve. Chto uchest zashchite // Uголовный protsess. — 2020. — № 11. — S. 70–75.
19. Fedoseeva E. L. Usloviye, vliyayushchee na formu sudebnogo razbiratelstva i naznachenie nakazaniya v dosudebnom soglasenii // Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2018. — № 1. — S. 3–6.
20. Edilova P. V. Nekotorye problemnye aspekty zaklyucheniya dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. — 2016. — № 5. — S. 180–185.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.161-171

А. Д. Ивлиев*

Методологический подход к определению места судебной оценочной экспертизы в классификации судебных экономических экспертиз

Аннотация. В настоящее время судебная оценочная экспертиза не обладает достаточной теоретической базой, вследствие чего в экспертном сообществе с каждым днем возникает всё больше вопросов о том, к какому виду, роду и даже классу относить данную судебную экспертизу. Без теоретических основ судебная экспертиза не может быть внесена в существующие классификации, потому как отсутствует единство мнений о том, что же понимать под ее предметом и задачами, а также что относить к объектам судебной оценочной экспертизы. В статье проанализированы работы ученых, касающиеся теоретических основ судебной оценочной экспертизы, предложена авторская позиция. Автор отмечает, что на сегодняшний день в научном и экспертном сообществе отсутствует единое мнение по теоретическим аспектам судебной оценочной экспертизы. По итогам исследования предложено авторское определение предмета, сформированы задачи и описаны отличительные особенности объектов судебной оценочной экспертизы. Уделено внимание цифровым объектам экспертного исследования в рамках как гражданского, арбитражного, так и уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебная оценочная экспертиза; эксперт; судебно-экспертная деятельность; теория экспертизы; экспертиза; оценочная деятельность; предмет судебной экспертизы; задачи судебной экспертизы; объект судебной экспертизы.

Для цитирования: Ивлиев А. Д. Методологический подход к определению места судебной оценочной экспертизы в классификации судебных экономических экспертиз // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 161–171. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.161-171.

© Ивлиев А. Д., 2023

* Ивлиев Алексей Дмитриевич, аспирант кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ivlieff.lesha@yandex.ru

Methodological Approach to Determining the Place of Forensic Appraisals in Classification of Forensic Economic Expertise

Aleksey D. Ivliev, Postgraduate Student, Department of Forensic Examination, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
ivlieff.lesha@yandex.ru

Abstract. At present, forensic appraisal does not have a sufficient theoretical basis. This brings about more and more questions among the expert community about what type, genus and even class this forensic examination belongs to. Without theoretical foundations, forensic examination cannot be included in the existing classifications, because there is no consensus on what is meant by its subject and tasks, and also what should be attributed to the objects of forensic evaluation. The paper analyzes the works of scientists who cover theoretical foundations of forensic appraisals and outlines the author's position on the topic. The author notes that today in the scientific and expert community there is no consensus on the theoretical aspects of forensic appraisal. Based on the results of the study, the author's definition of the subject is proposed, tasks are formulated and the distinctive features of the objects of forensic appraisals are described. Attention is given to digital objects of expert research within the framework of both civil, arbitration and criminal proceedings.

Keywords: forensic examination; forensic appraisals; expert; forensic activities; theory of expertise; expertise; appraisal activity; subject of forensic examination; tasks of forensic examination; object of forensic examination.

Cite as: Ivliev AD. Metodologicheskiy podkhod k opredeleniyu mesta sudebnoy otsenочноy ekspertizy v klassifikatsii sudebnykh ekonomicheskikh ekspertiz [Methodological Approach to Determining the Place of Forensic Appraisals in Classification of Forensic Economic Expertise]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2023;18(1):161-171. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.161-171. (In Russ., abstract in Eng.).

Судебная оценочная экспертиза является одной из наиболее востребованных судебных экономических экспертиз, однако современное состояние ее теоретических положений характеризуется неоднозначным, а зачастую противоречивым пониманием ключевых понятий, в частности предмета, объектов, круга ее типичных экспертных задач и др.

Е. Р. Россинская справедливо отмечает, что «род или вид судебной экспертизы, согласно методологической функции теории судебной экспертологии, можно считать сформировавшимся, когда четко сформулирован предмет экспертизы, определен круг исследуемых объектов, основные решаемые задачи, разработаны методические подходы (а в идеале — методики) экспертного исследования»¹.

Кроме этого, согласно законодательству Российской Федерации, предмет судебной экспертизы упоминается в п. 1 ч. 3 ст. 57 и ч. 2

ст. 205 Уголовного процессуального кодекса РФ, ч. 3 ст. 85 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ст. 24 и 31 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», что обязывает участников процесса иметь его четкое и правильное представление в каждом конкретном случае.

В данной статье для определения предмета судебной оценочной экспертизы следует обратиться к пониманию предмета судебных экспертиз.

Необходимо отметить, что среди ученых, занимающихся проблемой определения предмета судебной экспертизы, отсутствует единое мнение. Наиболее пристальное внимание следует уделить двум основным подходам к определению предмета судебной экспертизы. Большинство ученых (Е. Р. Россинская, Н. П. Майлис, Т. Ф. Моисеева, А. Р. Шляхов, Ю. К. Орлов,

¹ Россинская Е. Р. Генезис и проблемы развития новых родов и видов судебных экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 117.

С. А. Смирнова²) относят к предмету судебной экспертизы непосредственно фактические данные. Однако некоторые ученые (например, Т. В. Аверьянова³) не согласны с этой позицией и полагают, что предметом судебной экспертизы следует считать именно установление фактических данных, а не сами фактические данные.

Неоднозначные подходы к определению предмета судебной экспертизы обуславливают его сложную структуру и то, что он является одним из ключевых определений судебной экспертологии. Ю. К. Орлов справедливо отметил важность предмета экспертизы: «Это то, что может быть установлено экспертизой, определяет ее возможности, не допускает выхода за его пределы»⁴. В своих трудах ученый определил в качестве предмета «факты, обстоятельства (фактические данные), устанавливаемые посредством экспертизы»⁵.

В настоящее время наиболее устоявшимся, справедливым и не теряющим актуальности является определение, согласно которому под предметом судебной экспертизы понимают «фактические данные (обстоятельства дела), исследуемые и устанавливаемые в гражданском, административном, уголовном и конституционном судопроизводстве на основе специальных знаний в различных областях науки и техники, искусства и ремесла»⁶. Представляется, что именно это определение, предложенное Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной и А. М. Зининым, отражает суть предмета судебной экспертизы, в том числе и ввиду того, что согласно ч. 2 ст. 118 Конституции РФ осуществление судебной власти возможно путем конституционного,

гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что некоторые авторы, определяя предмет судебных экономических экспертиз, используют при его формулировании не общее определение предмета судебной экспертизы, а свой подход. Тем не менее сведения по смысловому содержанию очень близки с понятием фактических данных, используемых в формулировании предмета судебной экспертизы в общей теории судебной экспертологии.

Значение предмета рода экспертизы подчеркивал Ю. Г. Корухов: предмет призван дать об экспертизе полное, исчерпывающее представление и способствовать ее отличению от любого другого рода судебной экспертизы⁷.

Немногочисленные исследования по определению теоретических основ судебной оценочной экспертизы в части установления предмета исследуемого рода судебных экономических экспертиз проводились в работах В. А. Прорвича, который в качестве предмета судебной оценочной экспертизы определил отдельные факты и обстоятельства, характеризующие процесс и результаты оценки во взаимосвязи с противоправными действиями субъектов возникших в этой связи правоотношений. Такие факты могут касаться содержания и полноты использованных данных, характеризующих состояние объекта оценки, его правовое положение, особенностей использованных подходов, моделей и методов оценки, алгоритмов расчетов и т.д.⁸

А. В. Мануилов в своей научной работе предложил определить предмет судебной оценоч-

² Смирнова С. А. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения // Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». М., 2012. Ч. I. С. 19.

³ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза : курс общей теории. М. : Норма, 2014. С. 208.

⁴ Орлов Ю. К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве : науч.-учеб. пособие. М. : Проспект, 2016. С. 125.

⁵ Орлов Ю. К. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве : Судебная экспертиза : общие понятия : учеб. пособие. Вып. 2. М. : Изд-во МГЮА, 2004. С. 3.

⁶ Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи : Судебная экспертиза. М. : Проспект, 2015. С. 7.

⁷ Корухов Ю. Г. Понятие «предмет экспертизы» и его практическое значение // Эксперт-криминалист. 2013. № 1. С. 15–17.

⁸ Прорвич В. А. Основы судебно-оценочной экспертизы : учебное пособие. М. : Инфра-М, 2018. С. 199.

ной экспертизы как установление рыночной или иной стоимости вещи (объекта) собственности⁹.

Вместе с тем при всей научной ценности предлагаемых определений предмета судебной оценочной экспертизы следует отметить наличие некоторых неточностей.

Представляется, что факты и обстоятельства, которые характеризуют процесс и результаты оценки, описываемые в работах В. А. Прорвича, не являются предметом судебной экономической экспертизы, в том числе и судебной оценочной экспертизы. Согласно постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, объектами исследования могут являться содержащиеся в документах сведения, если копии представленных документов заверены в надлежащем порядке¹⁰. Таким образом, вышеперечисленные сведения изначально следует относить к информации, содержащейся в объектах экспертного исследования. Более того, экспертное исследование указанных сведений направлено на установление соответствия законодательству данных об исследовании, проведенном определенным субъектом оценочной деятельности; такие сведения не могут быть рассмотрены в качестве предмета любого класса, рода, вида судебных экспертиз.

Точка зрения Е. Р. Россинской, Н. П. Майлис, Ю. К. Орлова и других ученых о том, что предметом судебной экспертизы являются именно фактические данные, наиболее устоявшаяся в судебной экспертологии, поскольку предмет — это то, на что направлено исследование, а установление фактических данных — это процесс.

Таким образом, позиция А. В. Мануилова о том, что под предметом судебной оценочной экспертизы понимается именно установление рыночной или иной стоимости объекта оценки,

не соотносится с позицией автора настоящей статьи. Скорее это является задачей судебной оценочной экспертизы.

Нельзя не отметить монографическую работу доктора юридических наук А. А. Савицкого, в которой под предметом судебной оценочной экспертизы понимаются фактические данные о рыночной стоимости активов, акций, бизнеса субъекта, а также о влиянии на рыночную стоимость активов сделок, оценка которых требует специальных знаний в сфере оценочной деятельности¹¹. Данная позиция автора об определении предмета судебной оценочной экспертизы является более соотносимой с общей теорией судебной экспертизы. Однако, возможно, следует расширить перечень объектов для выделения судебной оценочной экспертизы в отдельный род судебных экономических экспертиз.

Для того чтобы точно сформулировать предмет судебной оценочной экспертизы, необходимо провести научно-практический анализ существующих объектов оценки для выделения общего родового объекта.

Необходимо отметить, что в работах ведущего эксперта Минюста РФ К. Л. Петрова содержится позиция, согласно которой определение рыночной стоимости акций относится к предмету финансово-экономической экспертизы. В доказательство данной позиции автор поясняет, что определение стоимости всех акций компании складывается в показатель «рыночная капитализация», который, в свою очередь, является одним из показателей финансово-экономического состояния организации. К. Л. Петров поясняет, что «именно в результате биржевых торгов и только благодаря им возможно определить истинную стоимость компании»¹².

⁹ Мануилов А. В. Предмет, объект и задачи судебной оценочной экспертизы: практические аспекты // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании. IV Московский юридический форум. XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 4 ч. М. : РГ-Пресс, 2017. Ч. 3. С. 342–347.

¹⁰ Абз. 2 п. 9 постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Савицкий А. А. Экономические экспертизы в судопроизводстве России : монография. М. : Проспект, 2021. С. 352.

¹² Петров К. Л. О стоимостной экспертизе, ее месте в системе родов (видов) судебных экспертиз, проводимых в СЭУ Минюста России, и о пределах экспертной компетенции при проведении стоимостных исследований // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4 (40). С. 70–76.

При всей научной ценности предлагаемых решений по отнесению судебной оценочной экспертизы к предмету судебной финансово-экономической экспертизы следует отметить следующие важные аспекты. Во-первых, рыночная капитализация не всегда показывает реальную стоимость компании. Во-вторых, рыночная цена может быть выше или ниже реальной стоимости бизнеса компании. Например, с июня по июль 2020 г. капитализация производителя электрокаров Tesla Motors выросла на 60 %. Но за это время у компании не появились новые активы, она не стала больше зарабатывать и не рассчиталась с долгами. Капитализация выросла только на доверии инвесторов к компании и их вере в будущий рост бизнеса. Поэтому капитализация не всегда годится для оценки бизнеса и справедливой стоимости акций.

В связи с этим позиция К. Л. Петрова о том, что судебная оценочная экспертиза и экономические расчеты стоимости акций всецело относятся к предмету судебной финансово-экономической экспертизы, является дискуссионной. Следует отметить, что экономические расчеты стоимости акций, безусловно, требуют наличия специальных и общеэкономических знаний в области финансов, рынка ценных бумаг, оценки и т.д., однако данное исследование может быть проведено квалифицированными судебными экспертами и в рамках судебной оценочной экспертизы. Представляется, что подобные дискуссии будут возникать и происходить в дальнейшем. Причиной служит то, что на сегодняшний день не существует конкретного, утвержденного или признаваемого экспертным сообществом перечня объектов судебной оценочной экспертизы.

Следует обратить внимание на исследование стоимости не только в рамках привычного граж-

данского и арбитражного законодательства, но и в рамках расследования преступлений.

В условиях цифровизации объектом экономических исследований выступает информация, зафиксированная в электронной форме, не всегда имеющая привязанность к определенному материальному носителю. Несмотря на то что согласно Федеральному закону № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» одними из объектов являются документы, фактически при производстве экономических исследований анализируется специфическая информация, в том числе в виде цифровых следов, которая может быть запечатлена на материальном носителе либо может храниться в облачных сервисах, онлайн-бухгалтерии и т.д.

Следует привести пример наиболее актуального в эпоху цифровизации в рамках расследования преступлений обнаружения и исследования компьютерной информации. Наиболее важным в данном случае является определение возможности проведения стоимостного исследования такого рода объектов. Согласно классификации судебно-экспертных задач, предложенной В. Я. Колдиным¹³, решение оценочных задач является неотъемлемой их частью.

Таким образом, когда необходимо установить стоимость компьютерной информации и техники, привлекается эксперт, обладающий знаниями в области оценочной деятельности¹⁴.

Помимо вышеописанных объектов, согласно приказу Минюста РФ от 27.12.2012 № 237¹⁵ представлен следующий перечень родов, в которых определяется стоимость соответствующих объектов:

— строительно-техническая экспертиза (недвижимость);

¹³ Вещественные доказательства. Информационные технологии процессуального доказывания / отв. ред. В. Я. Колдин. М., 2002. С. 32–90.

¹⁴ Криминалистика : учебник / под ред. Н. П. Яблокова, И. В. Александрова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2019. С. 752.

¹⁵ Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 (ред. от 17.05.2021) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» (зарегистрировано в Минюсте России 29.01.2013 № 26742) // СПС «КонсультантПлюс».

- товароведческая экспертиза (товары);
- автотехническая экспертиза (транспорт).

Следует отметить, что согласно приказу Министерства внутренних дел РФ от 29.06.2005 № 511¹⁶ производство судебной экспертизы, в которой определяется стоимость, относится исключительно к товароведческой экспертизе.

Согласно приказу Следственного комитета России от 24.07.2020 № 77¹⁷ в Следственном комитете России проводятся две взаимоисключающие судебные экспертизы, а именно:

- оценочная (стоимостная) экспертиза (по специальности «Исследование фактических данных с целью определения стоимости имущества»);
- строительно-техническая экспертиза (по специальности «Исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, в том числе с целью определения их стоимости»).

Данное предложение Следственного комитета РФ по выделению именно таких судебных экспертиз является дискуссионным вопросом и требует дальнейшего отдельного и тщательного рассмотрения.

Исходя из вышеописанных судебных экспертиз, представляется, что судебная оценочная экспертиза направлена на определение стоимости различных видов активов.

Приняв во внимание общее определение предмета судебных экспертиз, специфику оценочной деятельности, вышеописанный научно-практический анализ, представляется возможным сформулировать предмет судебной оценочной экспертизы. Предметом судебной оценочной экспертизы будут фактические данные о соответствующей стоимости объекта оценки и

о влиянии на рыночную стоимость активов сделок предприятия, устанавливаемые для целей судопроизводства на основе специальных знаний в области оценки, экономики и финансов предприятия при исследовании материальных носителей (документов).

Исходя из сути предлагаемого определения предмета судебной оценочной экспертизы, общая задача судебной оценочной экспертизы состоит в исследовании на основе использования специальных знаний в области оценки, экономики и финансов предприятия материальных носителей (документов) в целях установления соответствующей стоимости объекта оценки и исследования влияния сделок на рыночную стоимость активов предприятия.

В научной литературе экспертные задачи по определению стоимости практически не изучались. Необходимо остановиться на подходах к формулированию перечня задач.

Общепринятый подход к систематизации экспертных задач определяется по степени общности и иерархической субординации; выделяются «общие (задачи рода), типичные (задачи вида) и конкретные (задачи конкретного экспертного исследования)». Если общие и типичные задачи характеризуют научное обобщение всевозможных вопросов по данному роду (виду) экспертиз, то конкретные задачи находят свое отражение в конкретном вопросе эксперту в зависимости от конкретной следственной ситуации¹⁸.

Проблема систематизации экспертных задач затрагивалась многими учеными. Как справедливо отмечала Л. М. Климович, идентификационная задача как задача установления тождества отображенных в следах материальных объектов не относится к задачам класса

¹⁶ Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 27.06.2019) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (зарегистрировано в Минюсте России 23.08.2005 № 6931) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Приказ СК России от 24.07.2020 № 77 «Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» на право самостоятельного производства судебных экспертиз» (зарегистрировано в Минюсте России 11.08.2020 № 59230) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Сарыгина Э. С. Судебная финансово-экономическая экспертиза: теоретические и организационно-методические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 146.

судебных экономических экспертиз, поскольку объекты — содержание учетных операций и содержание экономических операций — не могут быть объектами идентификации¹⁹. Выделение такой качественной характеристики экономических экспертных задач является существенным, поскольку обусловлено особенностью объектов познания — экономическое состояние, событие, причинные связи между ними и их содержание. В. М. Волга также выделял именно диагностический характер такого рода исследований²⁰. Таким образом, класс судебных экономических экспертиз, в том числе судебная финансово-экономическая экспертиза, характеризуется решением диагностических задач.

С теоретической точки зрения «предмет — это то, что может быть установлено экспертизой, он представляет ее возможности, не допускает выхода за его пределы. Задачи — это то, что должно быть установлено. Задачи не могут выходить за рамки предмета»²¹.

Выделение круга типичных экспертных задач призвано очертить потенциал рода судебной оценочной экспертизы.

Подходы к формулированию перечня задач исследуемого рода судебных экспертиз отражены в работах В. А. Прорвича²², А. П. Кузнецова и А. В. Генералова²³, однако представляется, что вопросы, касающиеся предмета, объектов и задач, в данных работах имеют ошибочное толкование, согласно которому под судебной оценочной экспертизой понимается судебная экспертиза, направленная на исследование отчета об оценке. Таким образом, не представ-

ляется возможным опираться на них. В данных работах происходит подмена понятий судебной оценочной экспертизы, заключений специалистов или рецензий, а также ошибочное понимание процессуального статуса эксперта и специалиста в различных судебных процессах.

Одной из немногих работ, посвященных судебной оценочной экспертизе, в которой определяются задачи согласно общей теории судебной экспертологии, является работа А. А. Савицкого, в которой определяются задачи вида судебной оценочной экспертизы в составе рода судебной финансово-экономической экспертизы²⁴. Данный подход по выделению такого перечня задач более чем обоснован, однако необходимо обратить внимание на то, что перечень задач может быть расширен как в рамках определения судебной оценочной экспертизы в качестве вида судебной финансово-экономической экспертизы, так и в качестве самостоятельного рода судебных экономических экспертиз в части решения экспертных задач, направленных на объекты оценки физических лиц.

Таким образом, при формулировании перечня задач следует ориентироваться на положения приказов Минюста и МВД России об установлении перечня проводимых судебных экспертиз и объектно ориентированных классификаций соответствующих родов судебных экономических экспертиз (финансово-экономической, бухгалтерской и налоговой экспертиз), а также на научно-теоретические подходы к определению задач судебной оценочной экспертизы.

¹⁹ Климович Л. П. Судебно-экономические экспертизы: теоретические и методические основы, значение при расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 293–294.

²⁰ Волга В. М. Судебно-экономическая экспертиза: общие положения и специфика производства на стадии предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 257.

²¹ Орлов Ю. К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. С. 125.

²² Прорвич В. А. Судебно-оценочная экспертиза. Правовые, организационные и научно-методические основы : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям 030502 «Судебная экспертиза», 030500 «Юриспруденция» / 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2017. С. 399.

²³ Кузнецов А. П., Генералов А. В. Оценочная экспертиза в судебном процессе : учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. С. 176.

²⁴ Савицкий А. А. Указ. соч. С. 352.

Представляется, что типичными экспертными задачами судебной оценочной экспертизы могут являться:

- определение рыночной стоимости нематериальных активов;
- определение рыночной стоимости транспортных средств;
- определение рыночной стоимости товаров / готовой продукции;
- определение стоимости недвижимого имущества;
- оценка финансовых вложений;
- оценка ценных бумаг;
- оценка интеллектуальной собственности;
- оценка бизнеса;
- оценка предприятия;
- определение действительной стоимости доли участника при выходе из общества с ограниченной ответственностью;
- исследование влияния на рыночную стоимость активов операций/сделок организации.

В целях обоснования авторского подхода к формулированию перечня типичных задач судебной оценочной экспертизы необходимо определиться с объектами экспертного исследования.

В судебной экспертологии «объект экспертного исследования рассматривается как сложная динамическая система, представляющая собой материальный объект, содержащий информацию, необходимую для решения экспертной задачи»²⁵.

Многообразие форм, видов и наименований документов с трудом поддается перечислению в силу их огромного количества. Тем не менее перечень объектов судебных экономических экспертиз, в частности судебной бухгалтерской, финансово-экономической, налоговой экспертизы, имеет сходный характер.

Однако в случае судебной оценочной экспертизы имеются отличительные особенности. В связи с этим следует более подробно остановиться именно на них, а не перечислять полный их перечень.

Документация, которая характеризует вид экономической деятельности, состоит из устава, учредительного договора, свидетельства о регистрации изменений в учредительных документах, документов, подтверждающих государственную регистрацию организации и изменений, вносимых в учредительные документы. На основе всех этих документов экспертом может исследоваться структура капитала организации. Можно привести пример, когда экспертом исследуется рыночная стоимость пакета акций организации, которая отличается от 100 % пакета акций организации. Таким образом, на основании данных документов проведенное исследование структуры капитала может использоваться экспертом в качестве обоснования размера и направления корректировок.

Документация в виде договоров, в частности, при проведении оценки недвижимости — договоры аренды на недвижимое имущество с соответствующими актами, которые можно поделить:

- на акты по имуществу, сданному в аренду;
- акты по арендованным активам.

Помимо договоров, эксперту необходимо изучить налогообложение организации, в связи с чем следует исследовать налоговые декларации по налогам, выплаченным предприятием. Важными аспектами такого вида документации будут наименование налога, налогооблагаемая база, налоговая ставка, понижающие коэффициенты или льготы.

При необходимости экспертом может быть изучена информация из учетной политики юридического лица для установления используемых форм первичных учетных документов, бухгалтерских регистров, перечня форм промежуточной бухгалтерской отчетности, если имеются дополнительные формы отчетов и существует обязанность их формирования в соответствии с законом или учредительными документами.

Экспертом также может быть изучена информация об описании основной продукции орга-

²⁵ *Россинская Е. Р.* Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин ; под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2020. С. 89.

низации. Так, должны быть изучены номенклатура, информация о предназначении продукции и краткая характеристика особенностей выпускаемой продукции организации. Кроме того, эксперту необходима информация об основных потребителях каждого вида выпускаемой продукции, например наименование потребителя, объем поставок основным потребителям основных видов продукции в стоимостном выражении за последний отчетный год и планируемый на следующий год.

Отдельно следует отметить такой вид информации, как бизнес-план организации. Его представление не является обязательным, хотя и будет полезно при проведении стоимостного исследования при оценке бизнеса предприятия. Бизнес-план может содержать необходимую для оценки бизнеса информацию о планах развития предприятия на ближайшие 3–5 лет, однако представление такого документа необходимо с указанием планируемой валовой выручки по товарам/услугам, инвестиций, затрат, чистой прибыли — по годам.

Таким образом, особенности формирования и образования документации предприятия (организации) характеризуют общее представление о его финансах и об их обращении.

Иные материалы дела являются вспомогательным информационным материалом для эксперта. К данному виду информации мы предлагаем относить документы со сведениями, относящимися к предмету экспертизы, в отношении которых прямо указано в постановлении либо определении о назначении экспертизы на условиях, установленных следователем либо судом. К вспомогательным информационным материалам относятся: отчеты об оценке, заключения экспертов, аудиторские заключения, отчеты ревизионной комиссии, отчеты инвентаризационной комиссии и т.д. Информацию, на основании которой были составлены вспомогательные информационные материалы, эксперт воспринимает опосредованно, поскольку фиксацию данных и их анализ осуществляли другие субъекты (аудиторы, налоговые инспекторы, оценщики, ревизоры, следователи, должностное лицо либо орган, осуществляющий производство по делу, и т.д.).

Указанный перечень объектов является открытым. Окончательный перечень объектов, необходимых при производстве судебной оценочной экспертизы, непосредственно связан с поставленными перед экспертом вопросами, организационно-правовой формой, спецификой отраслевой деятельности юридического лица (строительная, сельскохозяйственная, финансовая и др.) и спецификой рынка при оценке бизнеса организации или специфическими особенностями конкретного объекта оценки, а также непосредственно наличием необходимых для исследования документов.

Анализ научных подходов к теоретическим основам судебной оценочной экспертизы показал, что ранее данный вопрос практически не рассматривался. На сегодняшний день нет единства в понимании теоретических основ частной теории судебной оценочной экспертизы. Среди ученых отсутствует единое мнение относительно того, что следует относить к задачам судебной оценочной экспертизы и что является предметом судебной оценочной экспертизы. Отсутствуют какие-либо устоявшиеся теоретические подходы к определению объектов судебной оценочной экспертизы.

Исходя из теоретических основ судебной экономической экспертизы и основ оценочной деятельности, был предложен авторский подход к судебной оценочной экспертизе как роду класса судебных экономических экспертиз, в связи с чем был сформулирован сводный перечень типовых экспертных задач, объектов. Предлагаемая классификация объектов рода судебной оценочной экспертизы является условной и укрупненной, однако дает основные направления для дальнейших теоретических разработок в области проведения экспертного исследования оценки объектов, находящихся в собственности юридических и физических лиц, в целях судопроизводства. Ввиду цифровизации экономических отношений целесообразной представляется также классификация объектов в зависимости от формы представления на документы в бумажном виде и электронном виде (в виде электронных документов и электронных образов документов).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аверьянова Т. В.* Судебная экспертиза: курс общей теории. — М. : Норма, 2014.
2. Вещественные доказательства. Информационные технологии процессуального доказывания / отв. ред. В. Я. Колдин. — М., 2002.
3. *Волга В. М.* Судебно-экономическая экспертиза: общие положения и специфика производства на стадии предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2006.
4. *Климович Л. П.* Судебно-экономические экспертизы: теоретические и методические основы, значение при расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. — Красноярск, 2004.
5. *Корухов Ю. Г.* Понятие «предмет экспертизы» и его практическое значение // Эксперт-криминалист. — 2013. — № 1. — С. 15–17.
6. Криминалистика : учебник / под ред. Н. П. Яблокова, И. В. Александрова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2019.
7. *Кузнецов А. П., Генералов А. В.* Оценочная экспертиза в судебном процессе : учебное пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2020.
8. *Мануилов А. В.* Предмет, объект и задачи судебной оценочной экспертизы: практические аспекты // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании. IV Московский юридический форум. XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 4 ч. — Ч. 3. — М. : РГ-Пресс, 2017. — С. 342–347.
9. *Орлов Ю. К.* Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: Судебная экспертиза: общие понятия : учебное пособие. — Вып. 2. — М. : Изд-во МГЮА, 2004.
10. *Орлов Ю. К.* Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве : научно-учебное пособие. — М. : Проспект, 2016.
11. *Петров К. Л.* О стоимостной экспертизе, ее месте в системе родов (видов) судебных экспертиз, проводимых в СЭУ Минюста России, и о пределах экспертной компетенции при проведении стоимостных исследований // Теория и практика судебной экспертизы. — 2015. — № 4 (40). — С. 70–76.
12. *Прорвич В. А.* Основы судебно-оценочной экспертизы : учебное пособие. — М. : Инфра-М, 2018.
13. *Прорвич В. А.* Судебно-оценочная экспертиза. Правовые, организационные и научно-методические основы : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям 030502 «Судебная экспертиза», 030500 «Юриспруденция». — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2017.
14. *Россинская Е. Р.* Генезис и проблемы развития новых родов и видов судебных экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2014. — № 3. — С. 114–121.
15. *Россинская Е. Р.* Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин ; под ред. Е. Р. Россинской. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2020.
16. *Россинская Е. Р., Галяшина Е. И.* Настольная книга судьи : Судебная экспертиза. — М. : Проспект, 2015.
17. *Савицкий А. А.* Экономические экспертизы в судопроизводстве России : монография. — М. : Проспект, 2021.
18. *Сарыгина Э. С.* Судебная финансово-экономическая экспертиза: теоретические и организационно-методические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2017.
19. *Смирнова С. А.* Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения // Мультиmodalное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Ч. I. — М., 2012.

Материал поступил в редакцию 30 мая 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Averyanova T. V. Sudebnaya ekspertiza: kurs obshchey teorii. — M.: Norma, 2014.
2. Veshchestvennye dokazatelstva. Informatsionnye tekhnologii protsessualnogo dokazyvaniya / otv. red. V. Ya. Koldin. — M., 2002.
3. Volga V. M. Sudebno-ekonomicheskaya ekspertiza: obshchie polozheniya i spetsifika proizvodstva na stadii predvaritelnogo sledstviya: dis. ... kand. yurid. nauk. — Volgograd, 2006.
4. Klimovich L. P. Sudebno-ekonomicheskie ekspertizy: teoreticheskie i metodicheskie osnovy, znachenie pri rassledovanii prestupleniy: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Krasnoyarsk, 2004.
5. Korukhov Yu. G. Ponyatie «predmet ekspertizy» i ego prakticheskoe znachenie // Ekspert-kriminalist. — 2013. — № 1. — S. 15–17.
6. Kriminalistika: uchebnik / pod red. N. P. Yablokova, I. V. Aleksandrova. — 5-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2019.
7. Kuznetsov A. P., Generalov A. V. Otsenchnaya ekspertiza v sudebnom protsesse: uchebnoe posobie. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2020.
8. Manuilov A. V. Predmet, obekt i zadachi sudebnoy otsenchnoy ekspertizy: prakticheskie aspekty // Pravo i ekonomika: mezhdistsiplinarnye podkhody v nauke i obrazovanii. IV Moskovskiy yuridicheskiy forum. XII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (Kutafinskie chteniya): materialy konferentsii: v 4 ch. — Ch. 3. — M.: RG-Press, 2017. — S. 342–347.
9. Orlov Yu. K. Ispolzovanie spetsialnykh znaniy v ugovnom sudoproizvodstve: Sudebnaya ekspertiza: obshchie ponyatiya: uchebnoe posobie. — Vyp. 2. — M.: Izd-vo MGYuA, 2004.
10. Orlov Yu. K. Sovremennye problemy dokazyvaniya i ispolzovaniya spetsialnykh znaniy v ugovnom sudoproizvodstve: nauchno-uchebnoe posobie. — M.: Prospekt, 2016.
11. Petrov K. L. O stoimostnoy ekspertize, ee meste v sisteme rodov (vidov) sudebnykh ekspertiz, provodimykh v SEU Minyusta Rossii, i o predelakh ekspertnoy kompetentsii pri provedenii stoimostnykh issledovaniy // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. — 2015. — № 4 (40). — S. 70–76.
12. Prorvich V. A. Osnovy sudebno-otsenchnoy ekspertizy: uchebnoe posobie. — M.: Infra-M, 2018.
13. Prorvich V. A. Sudebno-otsenchnaya ekspertiza. Pravovye, organizatsionnye i nauchno-metodicheskie osnovy: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsialnostyam 030502 «Sudebnaya ekspertiza», 030500 «Yurisprudentsiya». — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Yuniti-Dana, Zakon i pravo, 2017.
14. Rossinskaya E. R. Genezis i problemy razvitiya novykh rodov i vidov sudebnykh ekspertiz // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2014. — № 3. — S. 114–121.
15. Rossinskaya E. R. Teoriya sudebnoy ekspertizy (Sudebnaya ekspertologiya): uchebnik / E. R. Rossinskaya, E. I. Galyashina, A. M. Zinin; pod red. E. R. Rossinskoy. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2020.
16. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I. Nastolnaya kniga sudi: Sudebnaya ekspertiza. — M.: Prospekt, 2015.
17. Savitskiy A. A. Ekonomicheskie ekspertizy v sudoproizvodstve Rossii: monografiya. — M.: Prospekt, 2021.
18. Sarygina E. S. Sudebnaya finansovo-ekonomicheskaya ekspertiza: teoreticheskie i organizatsionno-metodicheskie aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2017.
19. Smirnova S. A. Vyzovy vremeni i ekspertnye tekhnologii pravoprimeneniya // Multimodalnoe izdanie «Sudebnaya ekspertiza: perezagruzka». Ch. I. — M., 2012.

Налогообложение доходов самозанятых в Республике Беларусь

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов налогообложения доходов самозанятых лиц в Республике Беларусь. Данное государство образует вместе с Российской Федерацией единое Союзное государство и входит в важнейшее наднациональное образование на постсоветском пространстве — Евразийский экономический союз. В связи с этим опыт правового регулирования налогообложения доходов самозанятых лиц в Республике Беларусь имеет важное значение для российской теории налогового права, поскольку позволяет определить векторы дальнейшей гармонизации налогового законодательства государств — членов ЕАЭС, без чего невозможна полноценная экономическая интеграция. Анализ действующей в Республике Беларусь системы налогообложения доходов, полученных самозанятыми, позволяет констатировать, что она более вариативна, чем аналогичная система в России. Более того, в Беларуси как в гражданском, так и в налоговом законодательстве более четко прописан статус самозанятых граждан, а государство стремится стимулировать такой формат деятельности. Вместе с тем введение с 1 января 2023 г. налога, идентичного российскому налогу на профессиональный доход, позволяет прийти к выводу о правильности выбранного Россией пути налогообложения самозанятых граждан посредством внедрения в данный механизм переносимых цифровых технологий, обеспечивающих информационный обмен с налоговым органом.

Ключевые слова: самозанятые; доходы; налогообложение; Республика Беларусь; налоговое законодательство; сравнительное правоведение; специальные налоговые режимы; ремесленная деятельность; налог на профессиональный доход; Евразийский экономический союз.

Для цитирования: Бозиев Р. М. Налогообложение доходов самозанятых в Республике Беларусь // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 172–182. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.172-182.

Tax on Self-Employed Income in the Republic of Belarus

Roman M. Bozиеv, Postgraduate Student, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
lab.kfp@msal.ru

Abstract. The paper discusses tax on self-employed income in the Republic of Belarus. This state, together with the Russian Federation, forms a single Union State and is part of the most important supranational formation in the

© Бозиев Р. М., 2023

* Бозиев Роман Михайлович, аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
lab.kfp@msal.ru

post-Soviet space: the Eurasian Economic Union. In this regard, the experience of legal regulation of self-employed taxation in the Republic of Belarus is important for the Russian theory of tax law, since it allows us to determine the vectors for further harmonization of the tax legislation of the EAEU member states, without which full-fledged economic integration is impossible. The conducted analysis of the current system of taxation of income received by self-employed in the Republic of Belarus allows us to state that it is more variable than the similar system in Russia. Moreover, in Belarus, both civil and tax legislation more clearly defines the status of self-employed citizens, and the state seeks to stimulate this type of activity. At the same time, the introduction from January 1, 2023 of a tax identical to the Russian tax on professional income allows us to conclude that Russia has chosen the right way to tax self-employed citizens through introduction of advanced digital technologies into this mechanism that provide information exchange with the tax authorities.

Keywords: self-employed; income; taxation; Republic of Belarus; tax law; comparative law; special tax regimes; handicraft activities; tax on professional income; Eurasian Economic Union.

Cite as: Bozиеv RМ. Nalogooblozhenie dokhodov samozanyatykh v Respublike Belarus [Tax on Self-Employed Income in the Republic of Belarus]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(1):172-182. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.172-182. (In Russ., abstract in Eng.).

Евразийский экономический союз представляет собой объединение суверенных государств — Российской Федерации, Республики Беларусь (далее также — РБ), Республики Казахстан, Республики Армения и Киргизской Республики. Его целями являются формирование общего экономического пространства, обеспечивающего свободу перемещения товаров, работ, услуг, рабочей силы и капитала между государствами-участниками, проведение ими согласованной и (или) единой политики, а также гармонизация законодательства, регулирующего общественные отношения, складывающиеся в различных отраслях экономики. Исходя из ст. 4 Договора о Евразийском экономическом союзе¹, выступающего основным учредительным документом рассматриваемого наднационального образования, целями ЕАЭС являются создание условий для стабильного развития экономик государств-членов, стремление к формированию единого рынка, всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик. Право ЕАЭС затрагивает различные аспекты формирования единого рынка трудовых ресурсов, в том числе вопросы трудовой миграции², регулирует отношения в сфере предпринима-

тельства, а также налогообложения доходов физических лиц³. Между тем следует отметить, что термин «самозанятые» в тексте Договора о ЕАЭС не упоминается.

В соответствии с российским законодательством о налогах и сборах граждане государств — членов ЕАЭС вправе вставать на учет в налоговых органах России в качестве самозанятых, т.е. применять специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход». Вместе с тем для целей настоящего исследования особый интерес представляет рассмотрение вопросов правового регулирования статуса самозанятых лиц и налогообложения их доходов в государствах — членах ЕАЭС. Это позволит, с одной стороны, выявить точки соприкосновения национальных подходов к налогообложению самозанятых лиц, с тем чтобы определить пути унификации налогового законодательства государств — членов ЕАЭС, а с другой стороны, оценить эффективность российской модели налогово-правового регулирования деятельности самозанятых граждан и, возможно, сформулировать рекомендации по заимствованию положительного зарубежного опыта в данной сфере. Особую актуальность изучение законодательства государств — членов ЕАЭС имеет в

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/>. 05.06.2014.

² См.: разд. XXVI «Трудовая миграция» Договора о Евразийском экономическом союзе.

³ Ст. 73 Договора о Евразийском экономическом союзе.

текущей сложной геополитической обстановке, когда перед Россией и ее партнерами стоит задача выработать собственную модель правового регулирования широкого спектра финансовых отношений, которая должна отвечать в первую очередь национальным интересам суверенной экономики. Полагаем, что это возможно только при условии учета исторической близости государств — членов ЕАЭС.

Наибольший интерес в разрезе рассматриваемой темы имеет опыт Республики Беларусь, образующей вместе с Российской Федерацией единое Союзное государство. Как будет показано ниже, в Беларуси применяется несколько специальных налоговых режимов, в рамках которых осуществляется налогообложение доходов самозанятых лиц. Вместе с тем анализ налогового законодательства, помимо всего прочего, позволяет сделать вывод об эффектив-

ности российской модели налога на профессиональный доход, которая была заимствована и начала применяться в Республике Беларусь.

Законодательство Беларуси, так же как и российское, не содержит понятия «самозанятый». Однако высказывается точка зрения, что «к самозанятым относятся физические лица, которые не регистрируют ИП или юридическое лицо, но при этом осуществляют определенные разрешенные виды деятельности»⁴.

В отличие от российского гражданского законодательства, Гражданский кодекс РБ⁵ содержит развернутый и конкретный список видов деятельности, которые не относятся к предпринимательской⁶. В данном перечне отдельно закреплены виды деятельности, осуществляемые физическими лицами самостоятельно без привлечения иных физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам⁷,

⁴ Как стать самозанятым в Беларуси? // URL: <https://beseller.by/blog/kak-stat-samozanyatym-v-belarusy/#:~:text=К%20самозанятым%20относятся%20физические%20лица,оказывать%20услуги%20в%20качестве%20самозанятого> (дата обращения: 08.08.2022).

⁵ Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-З // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. № 7–9. Ст. 101.

⁶ В частности, ремесленная деятельность; деятельность по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма; деятельность граждан Республики Беларусь, осуществляющих ведение личных подсобных хозяйств, по производству, переработке и реализации произведенной ими сельскохозяйственной продукции; адвокатская деятельность; нотариальная деятельность нотариусов; деятельность третейских судей; деятельность медиаторов; деятельность, осуществляемая в рамках временных научных коллективов; деятельность физических лиц по использованию собственных ценных бумаг и банковских счетов в качестве средства платежа или в целях сохранения денежных средств и получения дохода.

⁷ В частности, к предпринимательской деятельности согласно ст. 1 ГК РБ не относятся:

- реализация иностранными гражданами и лицами без гражданства, временно пребывающими и временно проживающими в Республике Беларусь, на торговых местах на рынках и (или) в иных установленных местными исполнительными и распорядительными органами местах не более пяти дней в календарном месяце произведений живописи, графики, скульптуры, изделий народных художественных ремесел, продукции растениеводства и пчеловодства (далее — розовая реализация);
- реализация физическими лицами, за исключением лиц, указанных в предыдущем абзаце, на торговых местах на рынках и (или) в иных установленных местными исполнительными и распорядительными органами местах изготовленных этими физическими лицами хлебобулочных и кондитерских изделий, готовой кулинарной продукции, а также созданных ими произведений живописи, графики, скульптуры, изделий народных художественных ремесел; продукции цветоводства, декоративных растений, их семян и рассады, животных (за исключением котят и щенков); лекарственных растений, ягод, грибов, орехов, другой дикорастущей продукции; продукции, указанной в ч. 1 п. 11 ст. 294 Налогового кодекса Республики Беларусь, при наличии документов, предусмотренных частями 2 и 3 п. 11 ст. 294 Налогового кодекса Республики Беларусь;
- оказание услуг по выращиванию сельскохозяйственной продукции;

а также виды деятельности, осуществляемые физическими лицами⁸ по заказам граждан, приобретающих или использующих товары (работы, услуги) исключительно для личных, бытовых, семейных и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности⁹. Полагаем, что именно физических лиц, которые осуществляют виды деятельности, не относящиеся к предпринимательской, и следует рассматривать в качестве самозанятых. Данный вывод подтверждается анализом информации,

приводящейся на сайте Министерства по налогам и сборам РБ¹⁰. Аналогичной позиции придерживаются и представители белорусского научного сообщества. Так, профессор Белорусского государственного университета М. М. Ковалев, отмечая, что во многих странах индивидуальные предприниматели не рассматриваются в качестве особой группы субъектов налоговых правоотношений, подчеркивает, что «основной формой бизнеса в Беларуси должны стать малые, микропредприятия и самозанятые»¹¹.

-
- предоставление услуг по дроблению зерна;
 - выпас скота;
 - репетиторство (консультативные услуги по отдельным учебным предметам (предметам), учебным дисциплинам (дисциплинам), образовательным областям, темам, в том числе помощь в подготовке к централизованному тестированию);
 - чистка и уборка жилых помещений;
 - уход за взрослыми и детьми, стирка и глажение постельного белья и других вещей в домашних хозяйствах граждан, закупка продуктов, мытье посуды и приготовление пищи в домашних хозяйствах граждан, внесение платы из средств обслуживаемого лица за пользование жилым помещением и жилищно-коммунальные услуги, кошение травы на газонах, уборка озелененной территории от листьев, скошенной травы и мусора;
 - майнинг, приобретение, отчуждение цифровых знаков (токенов);
 - музыкально-развлекательное обслуживание свадеб, юбилеев и прочих торжественных мероприятий и др.

⁸ За исключением иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих и временно проживающих в Республике Беларусь.

⁹ К предпринимательской деятельности не относятся: выполнение работ, оказание услуг по дизайну интерьеров, графическому дизайну, оформлению (украшению) автомобилей, внутреннего пространства капитальных строений (зданий, сооружений), помещений, иных мест, а также моделирование предметов оформления интерьера, текстильных изделий, мебели, одежды и обуви, предметов личного пользования и бытовых изделий; ремонт часов, обуви; ремонт и восстановление, включая перетяжку, домашней мебели из материалов заказчика; сборка мебели; настройка музыкальных инструментов; распиловка и колка дров, погрузка и разгрузка грузов; производство одежды (в том числе головных уборов) и обуви из материалов заказчика; штукатурные, малярные, стекольные работы, работы по устройству покрытий пола и облицовке стен, оклеивание стен обоями, кладка (ремонт) печей и каминов; оказание услуг по разработке веб-сайтов, установке (настройке) компьютеров и программного обеспечения, восстановлению компьютеров после сбоя, ремонт, техническое обслуживание компьютеров и периферийного оборудования, обучение работе на персональном компьютере; парикмахерские и косметические услуги, а также услуги по маникюру и педикюру; услуги учителя-дефектолога; ландшафтное проектирование; курьерская деятельность (деятельность по доставке товаров, посылок, пакетов); чистка салонов транспортных средств; содержание могил и уход за ними; аренда, прокат развлекательного и спортивного оборудования (велосипеды, коньки, туристическое снаряжение и пр.).

¹⁰ Налогообложение деятельности, не требующей регистрации в качестве индивидуального предпринимателя // URL: https://www.nalog.gov.by/individuals/taxation_not_require_registration_as_entrepreneur/ (дата обращения: 09.08.2022).

¹¹ Всё о новой системе налогообложения ИП и самозанятых // URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2022/february/68711/> (дата обращения: 09.08.2022).

Анализ последних изменений налогового законодательства Беларуси показывает общую направленность отказа от индивидуального предпринимательства в пользу самозанятости. В частности, Законом РБ от 31.12.2021 № 141-З¹² были внесены существенные корректировки в НК РБ¹³, в соответствии с которыми был сокращен перечень видов деятельности, которые давали право индивидуальным предпринимателям применять единый налог с индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц (далее также — единый налог), и одновременно с этим были повышены ставки данного налога. При этом с 1 января 2023 г. вступили в силу положения гл. 40 «Налог на профессиональный доход» НК РБ, который по своей сути является калькой с одноименного российского специального налогового режима. Таким образом, белорусский законодатель создал правовые основы для стимулирования перехода индивидуальных предпринимателей в статус самозанятых.

Здесь же необходимо отметить еще один фактор, повлиявший на развитие системы правового регулирования деятельности самозанятых (в том числе по вопросам налогообложения

их деятельности) в Республике Беларусь. Президент РБ 2 апреля 2015 г. подписал ставший в последующем широко известным за пределами Республики Декрет № 3 «О предупреждении социального иждивенчества»¹⁴. В соответствии с данным документом граждане РБ, а также иностранные граждане и лица без гражданства, имевшие разрешение на постоянное проживание на территории РБ, которые не участвовали в финансировании госрасходов в течение 183 календарных дней в налоговом периоде, признавались плательщиками сбора на финансирование государственных расходов. Указанный сбор стал общепризнанно именоваться «налогом на tuneядство» или «налогом на безработных». Плательщиками сбора признавались трудоспособные физические лица¹⁵, которым вменялось в обязанность выплачивать по итогам календарного года (налоговый период) сумму налога, равную 20 базовым величинам, — показатель, который используется в РБ для расчета величины различного рода выплат и пособий.

Введение «налога на tuneядство» в РБ породило в Российской Федерации научную дискуссию об эффективности соответствующего сбора

¹² Закон Республики Беларусь от 31.12.2021 № 141-З «Об изменении законов по вопросам налогообложения» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 04.01.2022. № 2/2861. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H12100141>.

¹³ Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) от 19.12.2002 № 166-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 02.01.2003. № 4, 2/920 ; Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) от 29.12.2009 № 71-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 30.12.2009. № 4, 2/1623.

¹⁴ URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-3-ot-2-aprelja-2015-g-11135> (дата обращения: 09.08.2022).

¹⁵ Согласно п. 3 Декрета № 3 от уплаты сбора освобождались граждане, которые: в налоговом периоде являлись лицами моложе 18 лет либо достигли возраста 18 лет; являлись лицами пенсионного возраста (женщины — 55 лет, мужчины — 60 лет), в том числе достигли в данном периоде этого возраста; были признаны или являлись инвалидами (независимо от группы, причины, даты наступления и срока инвалидности); были признаны или являлись недееспособными; прибыли в РБ для постоянного проживания после 31 марта либо убыли из РБ для постоянного проживания за пределами РБ, фактически находились на территории РБ менее 183 календарных дней; отработали в течение полного сезона на сезонных работах по списку, утвержденному Советом Министров РБ; за соответствующий налоговый период уплатили подоходный налог с физических лиц, единый налог с индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц, налог при упрощенной системе налогообложения в размере не менее 20 базовых величин исходя из размера базовой величины, установленной на 1 января соответствующего налогового периода; в году, следующем за налоговым периодом, были признаны: инвалидами (независимо от группы, причины, даты наступления и срока инвалидности), недееспособными.

и о целесообразности его имплементации в отечественное законодательство о налогах и сборах¹⁶. Между тем в Беларуси установление сбора на финансирование государственных расходов было встречено массовыми протестами, в результате чего в марте 2017 г. Президент РБ приостановил действие Декрета № 3 до 2018 г., фактически отменив рассматриваемый сбор¹⁷. Интересно отметить, что названный нормативный правовой акт продолжает действовать и сейчас, однако Декретом Президента РБ от 25.01.2018 № 1 были внесены изменения, которые полностью поменяли его текст, — теперь Декрет № 3 регулирует вопросы, связанные с содействием занятости¹⁸. Как бы то ни было, упомянутый выше М. М. Ковалев справедливо отметил, что большинство иждивенцев, признававшихся таковыми на основе положений названного нормативного правового акта, на самом деле были самозанятыми¹⁹.

Следует признать, что действующая в Беларуси система налогообложения самозанятых граждан намного более гибкая и вариативная, нежели аналогичная система в России. Так, помимо общего режима налогообложения, до 1 января 2023 г. физические лица, не являющиеся предпринимателями и осуществляющие приносящие доход виды деятельности, могли применять и особые режимы налогообложения, в частности:

- единый налог с индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц;
- сбор за осуществление ремесленной деятельности;
- сбор за осуществление деятельности по оказанию услуг в сфере агротуризма.

Следует особо подчеркнуть, что названные выше «сборы»²⁰ по своей природе являются скорее налогами: их уплата заменяет отдельные виды налогов, а налоговым законодательством РБ в отношении них устанавливается «налоговый период сбора». Полагаем, что данная терминологическая путаница является существенным недостатком НК РБ, поскольку она приводит к смешению различных по своей правовой природе понятий — «налог» и «сбор».

Упомянутые в названии единого налога «иные физические лица» и есть самозанятые. При этом статья 334 НК РБ выделяет два вида «иных физических лиц» — плательщиков единого налога:

- физические лица, не осуществляющие предпринимательскую деятельность;
- физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей²¹.

В соответствии с п. 1 ст. 336 НК РБ уплата единого налога заменяет самозанятым уплату:

¹⁶ См., например: *Канакова А. Е.* «Налог на тунеядство»: нежизнеспособная инициатива или недоработанная перспектива? // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 35–39 ; *Черенков Р. А.* Налог на тунеядство: перспектива вопроса // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2016. № 4 (12). С. 109–115.

¹⁷ Декрет № 3 отменять не станут, но в течение года поручено не взыскивать соответствующий сбор // URL: <https://www.belta.by/president/view/dekret-3-otmenjat-ne-stanut-no-v-techenie-goda-porucheno-ne-vzyskivat-sootvetstvujuschiy-sbor-236699-2017/> (дата обращения: 09.08.2022).

¹⁸ Декрет Президента РБ от 02.04.2015 № 3 «О содействии занятости населения» // URL: <https://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Dekret-3.pdf> (дата обращения: 09.08.2022).

¹⁹ Всё о новой системе налогообложения ИП и самозанятых // URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2022/february/68711/> (дата обращения: 09.08.2022).

²⁰ Согласно п. 2 ст. 6 НК РБ сбором (пошлиной) признается обязательный платеж в республиканский и (или) местные бюджеты, взимаемый с организаций и физических лиц, как правило, в виде одного из условий совершения в отношении них государственными органами, в том числе местными, юридически значимых действий.

²¹ К таким плательщикам относятся физические лица, осуществляющие виды деятельности, признаваемые объектом налогообложения единым налогом для плательщиков — индивидуальных предпринимателей.

- подоходного налога с физических лиц (ПНФЛ)²²;
- НДС²³;
- экологического налога;
- налога за добычу (изъятие) природных ресурсов;
- местных налогов и сборов, уплачиваемых при осуществлении видов деятельности, признаваемых объектом налогообложения единым налогом.

Единый налог не может применяться лицами, реализующими товары (работы и услуги) организациям и индивидуальным предпринимателям²⁴, при осуществлении деятельности в сфере общественного питания, а также в ряде иных случаев²⁵.

Объекты налогообложения единым налогом дифференцированы в зависимости от категорий налогоплательщиков. Так, для физических лиц, не осуществляющих предпринимательскую деятельность²⁶, согласно п. 3 ст. 337 НК РБ, объектом налогообложения признаются реализация потребителям товаров, а также выполнение работ (оказание услуг) при осуществлении по заказам потребителей в перечисленных налоговом законодательством РБ случаях (включает в себя перечень из 36 видов деятельности²⁷) и предоставление принадлежащих на праве собственности физическому лицу иным физическим лицам жилых помещений, садовых домиков, дач для краткосрочного проживания. В свою очередь, физические лица, не заре-

²² По доходам, получаемым плательщиками при осуществлении видов деятельности, признаваемых объектом налогообложения единым налогом.

²³ По оборотам по реализации товаров (работ, услуг), имущественных прав на территории Республики Беларусь.

²⁴ За исключением продажи товаров, отнесенных к группам товаров, указанным в пп. 1.2 п. 1 ст. 337 НК РБ, при осуществлении розничной торговли в порядке, установленном законодательством, а также при реализации товаров (работ, услуг) потребителям на основании договоров комиссии, поручения и иных аналогичных гражданско-правовых договоров.

²⁵ В частности, положения гл. 33 НК РБ не применяются: при осуществлении деятельности в рамках договора простого товарищества (договора о совместной деятельности); реализации дополнительных жилищно-коммунальных услуг; осуществлении дистанционной торговли товарами, отнесенными к группам товаров, указанным в пп. 1.2 п. 1 ст. 337 НК РБ; осуществлении деятельности прочего пассажирского сухопутного транспорта, деятельности пассажирского речного транспорта.

²⁶ За исключением иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих и временно проживающих в Республике Беларусь. Для данной категории плательщиков объемом налогообложения единым налогом признается осуществляемая по специальным разрешениям, выдаваемым в соответствии с законодательными актами, разовая реализация (не более пяти дней в календарном месяце) на торговых местах и (или) в иных установленных местными исполнительными и распорядительными органами местах произведений живописи, графики, скульптуры, изделий народных художественных ремесел, продукции растениеводства и пчеловодства.

²⁷ На основании п. 3 ст. 337 НК РБ объектом налогообложения единым налогом для плательщиков — физических лиц, не осуществляющих предпринимательскую деятельность, за исключением иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих и временно проживающих в Республике Беларусь, признается реализация потребителям товаров, а также выполнение работ (оказание услуг) при осуществлении по заказам потребителей следующих видов деятельности: реализация на торговых местах и (или) в иных установленных местными исполнительными и распорядительными органами местах продукции цветоводства, декоративных растений, их семян и рассады, животных (за исключением котят и щенков), изготовленных этими физическими лицами хлебобулочных и кондитерских изделий, готовой кулинарной продукции; реализация котят и щенков при условии содержания домашнего животного (кошки, собаки); видеосъемка событий; деятельность актеров, танцоров, музыкантов, исполнителей разговорного жанра, выступающих индивидуально, предоставление услуг тамадой; деятельность по копированию, подготовке

гистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, платят налог с объектов налогообложения индивидуальных предпринимателей, перечисленных в ч. 1.1 и 1.2 п. 1 ст. 337 НК РБ.

Налоговым периодом по единому налогу является календарный год, а отчетным — квартал²⁸. Налоговая база определяется в зависимости от видов деятельности или количества сдаваемых в наем помещений.

Ставки единого налога устанавливаются следующим образом:

- общие ставки установлены в приложении 24 к НК РБ. Ставки определены в твердом размере применительно к каждому виду деятельности и дифференцированы в зависимости от категории населенного пункта: ставка в столице может превышать в четыре раза и более размер налога, определенный для иных населенных пунктов²⁹;

- областным советам и Минскому городскому Совету предоставлено право уменьшить или же, наоборот, увеличить ставки единого налога в зависимости от населенного пункта, места осуществления деятельности налогоплательщиков в данном населенном пункте, а также в зависимости от категории плательщиков. Уменьшить (увеличить) ставку можно не более чем в два раза.

Отдельным видом самозанятости в Беларуси является ремесленная деятельность, определение которой приводится в п. 1 ст. 1 ГК РБ. Исходя из данного определения, ремесленная деятельность:

- осуществляется физическими лицами самостоятельно, без привлечения наемных работников;
- предполагает применение ручного труда и инструмента (в том числе электрического);
- заключается в изготовлении и реализации товаров, выполнении работ (оказании услуг);
- имеет своей целью удовлетворение бытовых потребностей граждан.

Перечень конкретных видов ремесленной деятельности закрепляется в п. 1.2 Указа Президента РБ от 09.10.2017 № 364³⁰.

Для лиц, осуществляющих подобного рода деятельность, предусмотрена возможность уплаты сбора за осуществление ремесленной деятельности (далее — ремесленный сбор), регулируемого гл. 38 НК РБ. Соответствующий сбор заменяет собой уплату ПНФЛ и единого налога в части доходов, получаемых от ремесленной деятельности³¹. Для того чтобы перейти на уплату ремесленного сбора (а равным образом при прекращении ремесленной деятельности), физическое лицо должно представить в налоговый орган уведомление³² в письменной форме или через личный кабинет.

документов и прочая специализированная офисная деятельность; деятельность по письменному и устному переводу; деятельность, связанная с поздравлением с днем рождения, Новым годом и иными праздниками независимо от места их проведения; кошение трав, уборка озелененной территории от листьев, скошенной травы и мусора; музыкально-развлекательное обслуживание свадеб, юбилеев и прочих торжественных мероприятий; нанесение аквагрима; настройка, ремонт музыкальных инструментов и т.д.

²⁸ Ст. 341 НК РБ.

²⁹ Выделены четыре категории населенных пунктов:

- 1) город Минск;
- 2) города Брест, Витебск, Гомель, Гродно, Могилев, Минский район;
- 3) города Барановичи, Бобруйск, Борисов, Жлобин, Жодино, Лида, Мозырь, Молодечно, Новополоцк, Орша, Пинск, Полоцк, Речица, Светлогорск, Слуцк, Солигорск;
- 4) другие населенные пункты.

³⁰ Указ Президента РБ от 09.10.2017 № 364 «Об осуществлении физическими лицами ремесленной деятельности» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 11.10.2017. № 1/17301.

³¹ П. 1 ст. 370 НК РБ.

³² По форме, установленной приложением 14 к постановлению Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь 31.12.2010 № 100 «Об исчислении и уплате налогов с физических лиц» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 21.02.2011. № 21, 8/23294.

Объектом сбора выступает вид ремесленной деятельности, а ставка установлена в твердом размере — 62 бел. руб. за один календарный год.

Сходным образом регулируется еще один сбор, взимаемый с самозанятых, — сбор за осуществление деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма. Регулируется он главой 39 НК РБ, его уплата заменяет собой те же налоги, что и в случае с ремесленным сбором, но в отношении видов деятельности в сфере агроэкотуризма. Налоговым периодом сбора, согласно ст. 376 НК РБ, является календарный месяц, а ставка составляет 31 бел. руб. за каждую агроэкоусаду³³. Относительно данного сбора следует отметить, что агроэкотуризм является достаточно специфическим видом деятельности и введение отдельного сбора, взимаемого с лиц, занимающихся данной деятельностью, выглядит несколько необоснованным. Полагая, что налогообложение лиц, осуществляющих деятельность по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма, можно было бы предусмотреть и в рамках других режимов налогообложения. Кроме того, бросаются в глаза существенные недостатки юридической техники: помимо уже упомянутого термина «налоговый период сбора» можно отметить тот факт, что объектом сбора признается осуществление соответствующей деятельности, в то время как ставка сбора привязана к количеству агроэкоусадоб.

Наконец, как уже было сказано выше, с 1 января 2023 г. у самозанятых появилась возможность стать плательщиками налога на профессиональный доход (НПД). Следует отметить, что на основании ст. 378 НК РБ плательщиками НПД признаются «физические лица, осуществляющие виды деятельности по перечню, определяемому Советом Министров Республики Беларусь, и начавшие применение налога на профессиональный доход в порядке», установленном статьей 381 НК РБ. Данная формулировка выглядит странной в контексте общего подхода, который белорусский законодатель применил в отношении других режимов налогообложения самозанятых:

— во-первых, статья 378 НК РБ не дифференцирует плательщиков НПД в зависимости от их правового статуса, в связи с чем непонятно, являются ли таковыми индивидуальные предприниматели и физические лица, не осуществляющие предпринимательскую деятельность, или же только последняя группа лиц. Таким образом, нарушается принцип определенности налогового законодательства — данный вопрос разрешается на подзаконном уровне;

— во-вторых, в проанализированных выше гл. 33, 38 и 39 НК РБ (а также в ст. 1 ГК РБ) законодатель приводит четкий развернутый список соответствующих видов деятельности. Данный подход обладает рядом недостатков: перечни носят достаточно казуальный характер и внесение в них изменений требует прохождения сложной процедуры, связанной с принятием отдельного закона. Вместе с тем делегирование права на определение перечня видов деятельности, осуществление которых дает основание для применения физическим лицом НПД, Совету Министров РБ нарушает устоявшиеся правила юридической техники.

Очевидным является тот факт, что НПД скопирован белорусскими коллегами с аналогичного российского специального налогового режима — это следует не только из названия, но и из целого ряда иных положений. Так, технологическую основу механизма реализации НПД составляет одноименное приложение. Белорусское приложение «Налог на профессиональный доход», так же как и «Мой налог», обеспечивает:

— передачу налоговым органам информации о применении, а также об отказе от применения НПД (п. 1 ст. 381 НК РБ);

— формирование и корректировку в приложении записей о совершенных плательщиками расчетов (п. 1 постановления Совета Министров РБ от 01.07.2022 № 433³⁴);

— передачу налоговому органу сведений о сумме расчетов (п. 1 ст. 381 НК РБ);

— корректировку ранее поданной в налоговый орган информации (п. 4 ст. 381.1 НК РБ);

³³ П. 2 ст. 375 НК РБ.

³⁴ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 01.07.2022 № 433 «О порядке использования приложения “Налог на профессиональный доход”» // URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22200433&p1=1&p5=0> (дата обращения: 09.08.2022).

— формирование чека и его передачу покупателю (заказчику) (п. 8 постановления Совета Министров РБ от 01.07.2022 № 433);

— уплату НПД (п. 3 ст. 381.7 НК РБ).

Кроме того, приложение используется налоговым органом для обратной связи с налогоплательщиком, в частности для уведомления плательщика НПД о сумме налога, подлежащего уплате по итогам налогового периода³⁵.

Вместе с тем следует отметить, что налоговое законодательство Беларуси не предусматривает применения в рамках НПД института уполномоченных лиц (кредитных организаций и операторов электронных площадок). Соответственно, налогоплательщик не может уполномочить третье лицо на осуществление информационного обмена с налоговым органом. Равным образом не предусмотрена и возможность предоставить налоговому органу право на направление в банк поручений на списание денежных средств с банковского счета плательщика НПД в счет уплаты налога. Таким образом, можно говорить о том, что российский подход к реализации НПД является более технологичным.

Переход на уплату НПД освобождает физических лиц от уплаты:

- ПНФЛ;
- ремесленного сбора;
- обязательных страховых взносов в государственный внебюджетный фонд социальной защиты населения Республики Беларусь³⁶.

Объект обложения НПД дифференцируется в зависимости от категории налогоплательщика:

— для граждан РБ объектом будет признаваться доход, полученный как от источников на территории РБ, так и за ее пределами, а также от имущества на территории РБ;

— для иных плательщиков — доходы от источников и от имущества на территории РБ.

Таким образом, допустимо применение НПД физическими лицами, не являющимися

гражданами РБ. При этом нормы гл. 40 НК РБ не ограничивают соответствующее право лишь гражданами определенных стран.

Если в России ставка НПД зависит от категории контрагента, то в РБ налоговая ставка единого налога различается в зависимости как от категории лица, выступающего источником дохода, так и от объема дохода. В частности, налоговая ставка НПД:

— по общему правилу — 10 % от суммы полученных доходов;

— в отношении доходов, превысивших в пределах календарного года 60 тыс. бел. руб. и полученных от белорусских организаций и (или) индивидуальных предпринимателей³⁷, — 20 % от суммы полученных доходов.

Таким образом, в России ставки НПД ниже, чем в Беларуси. При этом в белорусском налоговом законодательстве не предусмотрен лимит доходов, превышение которого влечет потерю права на применение НПД, — предусмотрена повышенная ставка, но только в отношении доходов, полученных от организаций и индивидуальных предпринимателей.

Анализ белорусской системы налогообложения доходов, полученных самозанятыми, позволяет констатировать, что она более вариативна, чем аналогичная система в России. Более того, в Беларуси как в гражданском, так и в налоговом законодательстве более четко прописан статус самозанятых граждан, а государство стремится стимулировать данный вид деятельности. Вместе с тем введение с 1 января 2023 г. налога, идентичного российскому налогу на профессиональный доход, позволяет прийти к выводу о правильности выбранного Россией пути налогообложения самозанятых граждан посредством внедрения в данный механизм передовых цифровых технологий, обеспечивающих информационный обмен с налоговым органом.

³⁵ П. 1 ст. 381.7 НК РБ.

³⁶ Для физических лиц, признаваемых в установленном законодательством порядке плательщиками обязательных страховых взносов в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь.

³⁷ Независимо от размера примененного налогового вычета, предусмотренного пунктом 1 ст. 381.3 НК РБ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Всё о новой системе налогообложения ИП и самозанятых // URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2022/february/68711/> (дата обращения: 09.08.2022).
2. Как стать самозанятым в Беларуси? // URL: <https://beseller.by/blog/kak-stat-samozanyatym-v-belarusy/#:~:text=K%20самозанятым%20относятся%20физические%20лица,оказывать%20услуги%20в%20качестве%20самозанятого> (дата обращения: 08.08.2022).
3. Канакова А. Е. «Налог на тунеядство»: нежизнеспособная инициатива или недоработанная перспектива? // Пробелы в российском законодательстве. — 2018. — № 2. — С. 35–39.
4. Налогообложение деятельности, не требующей регистрации в качестве индивидуального предпринимателя // URL: https://www.nalog.gov.by/individuals/taxation_not_require_registration_as_entrepreneur/ (дата обращения: 09.08.2022).
5. Черенков Р. А. Налог на тунеядство: перспектива вопроса // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. — 2016. — № 4 (12). — С. 109–115.

Материал поступил в редакцию 9 августа 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vse o novoy sisteme nalogooblozheniya IP i samozanyatykh // URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2022/february/68711/> (data obrashcheniya: 09.08.2022).
2. Kak stat samozanyatym v Belarusi? // URL: <https://beseller.by/blog/kak-stat-samozanyatym-v-belarusy/#:~:text=K%20самозанятым%20относятся%20физические%20лица,оказывать%20услуги%20в%20качестве%20самозанятого> (data obrashcheniya: 08.08.2022).
3. Kanakova A. E. «Nalog na tuneystvo»: nezhiznesposobnaya initsiativa ili nedorabotannaya perspektiva? // Probely v rossiyskom zakonodatelstve. — 2018. — № 2. — S. 35–39.
4. Nalogooblozhenie deyatel'nosti, ne trebuyushchey registratsii v kachestve individualnogo predprinimatelya // URL: https://www.nalog.gov.by/individuals/taxation_not_require_registration_as_entrepreneur/ (data obrashcheniya: 09.08.2022).
5. Cherenkov R. A. Nalog na tuneystvo: perspektiva voprosa // Sovremennyye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. — 2016. — № 4 (12). — S. 109–115.

Институт соавторства в России и Германии: общее и особенное

Аннотация. В статье проанализированы положения российского и немецкого законодательства, посвященные регулированию отношений соавторства. В результате исследования выявлены следующие особенности. В силу ГК РФ совместное творчество нескольких лиц может осуществляться в режиме как раздельного, так и нераздельного соавторства, включая промежуточные режимы, выделяемые доктринально; немецкий законодатель называет только нераздельное соавторство в качестве основания для появления соавторов, все иные случаи покрываются режимом связанных произведений. Соавторство может возникнуть только при наличии совместного творческого труда, который предполагает наличие понимания соавторов, что они работают совместно (субъективный критерий), а также единый промежуток времени, нахождение на одной «стадии производства», наличие соглашения между соавторами и др. (объективный критерий). Немецкая судебная практика уточняет: соавторство не исключается в случае поэтапного вклада, но оно предполагает, что каждый участник внес свой творческий вклад, подчиненный общей идее. Не требуется, чтобы соавторы одновременно участвовали во всех стадиях разработки произведения. Соответственно, возможно так называемое вертикальное разделение труда, при котором соавторы опираются на уже созданные предварительные версии произведения, а также горизонтальное разделение труда, когда соавторы параллельно создают отдельные части произведения, сливающиеся затем в единое произведение. Действующая в России презумпция равного вклада соавторов в создание общего произведения применяется в Германии субсидиарно, если объективно невозможно определить этот вклад. Основными регуляторами прав соавторов (авторов) в России и Германии являются закон и договор, иногда — судебное решение. Использование произведения, созданного соавторами, осуществляется совместно с учетом принципа добросовестности, который эксплицитно присутствует в немецком законе и следует из системного толкования ГК РФ.

Ключевые слова: российское авторское право; немецкое авторское право; институт соавторства; совместный творческий труд; режим нераздельного соавторства; режим раздельного соавторства; режим связанных произведений; презумпция равного вклада соавторов; принцип соразмерности; соглашение между соавторами.

© Блинова Ю. В., Дворянкин Г. В., 2023

* Блинова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гражданского права Алтайского государственного университета
пр. Ленина, д. 61, г. Барнаул, Россия, 656049
jblinova@yandex.ru

** Дворянкин Григорий Витальевич, аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности
ул. Миклухо-Маклая, д. 55а, г. Москва, Россия, 117279
dvoryankin2797@gmail.com

Для цитирования: Блинова Ю. В., Дворянкин Г. В. Институт соавторства в России и Германии: общее и особенное // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 183–197. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.183-197.

Co-Authorship in Russia and Germany: General and Special

Yuliya V. Blinova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law, Altai State University
pr. Lenina, d. 61, Barnaul, Russia, 656049
jblinova@yandex.ru

Grigoriy V. Dvoryankin, Postgraduate Student, Russian State Academy of Intellectual Property
ul. Miklukho-Maklaya, d. 55a, Moscow, Russia, 117279
dvoryankin2797@gmail.com

Abstract. The paper analyzes the provisions of Russian and German legislation on the regulation of co-authorship relations. The study revealed the following features. By virtue of the Civil Code of the Russian Federation, the joint work of several persons can be carried out in the mode of both separate and inseparable co-authorship, including intermediate modes allocated doctrinally. The German legislator names only inseparable co-authorship as a basis for the appearance of co-authors, all other cases are covered by the regime of linked works. Co-authorship can only arise if there is a joint creative work, which implies the understanding of the co-authors that they work together (subjective criterion), as well as a single period of time, being at the same «stage of production», the existence of an agreement between the co-authors, etc. (objective criterion). German jurisprudence clarifies: co-authorship is not excluded in the case of incremental contributions, but it assumes that each participant has made his own creative contribution, subject to a common idea. It is not required that the co-authors simultaneously participate in all stages of the development of the work. Accordingly, the so-called vertical division of labor is possible, in which the co-authors rely on already created preliminary versions of the work, as well as the horizontal division of labor, when the co-authors simultaneously create separate parts of the work, which then merge into a single work. The presumption in Russia of equal contribution of co-authors to the creation of a common work is applied in Germany on a subsidiary basis, if it is objectively impossible to determine this contribution. The main regulators of the rights of co-authors (authors) in Russia and Germany are the law and the contract, sometimes a court decision. The use of a work created by co-authors is carried out jointly, taking into account the principle of good faith, which is explicitly present in German law and follows from a systemic interpretation of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: Russian copyright; German copyright; co-authorship; joint creative work; inseparable co-authorship mode; separate co-authorship mode; linked works mode; presumption of equal contribution of co-authors; principle of proportionality; agreement between co-authors.

Cite as: Blinova YuV, Dvoryankin GV. Institut soavtorstva v Rossii i Germanii: obshchee i osobennoe [Co-Authorship in Russia and Germany: General and Special]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(1):183-197. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.183-197. (In Russ., abstract in Eng.).

Нередко произведения создаются посредством творческого взаимодействия нескольких лиц. Достойный, но далеко не полный ряд множественности на стороне автора образуют картины Кукрыниксов, «Спящая Венера» Джорджоне и Тициана, скульптуры Мике-

лоццо и Донателло, «Ксении» Гёте и Шиллера, детективы братьев Вайнеров, сказки братьев Гримм. Регулирование подобных отношений достигается благодаря институту соавторства. В Российской Федерации институту соавторства посвящена статья 1258 ч. IV Гражданского кодек-

са РФ, согласно которой граждане, создавшие произведение совместным творческим трудом, признаются соавторами независимо от того, образует такое произведение неразрывное целое или состоит из частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение¹. В Германии соавторство регулирует § 8 Закона об авторском праве и смежных правах от 09.09.1965² (далее — UrhG), согласно которому, если несколько лиц совместно создали произведение, не имея возможности отдельно использовать свои индивидуальные части в нем, они являются соавторами произведения. Помимо института соавторства в § 9 UrhG предусматривается режим связанных произведений.

На основе проведенного исследования можно выделить нижеследующие общие и особенные черты института соавторства в России и Германии.

Во-первых, в Российской Федерации, как и во многих других странах, легально выделяется два режима соавторства: нераздельное и раздельное. Кроме того, в отношении соавторства в Российской Федерации, как показано ниже, можно говорить о наличии промежуточных, смешанных режимов, обусловленных доктриной и (или) спецификой объекта авторского права. При нераздельном соавторстве невозможно использование части произведения самостоятельно. Например, научная статья может считаться объектом авторского права,

созданного при нераздельном соавторстве. При раздельном же соавторстве возможность использования части произведения самостоятельно присутствует, в том числе у каждой части произведения есть свой автор³. Так, музыкальное произведение, сочетающее в себе стихи и композицию от разных авторов, может считаться созданным при раздельном соавторстве. При этом для некоторых объектов авторского права сложно определить какой-то конкретный режим соавторства, например для аудиовизуального произведения. В. А. Дозорцев пишет о возникновении режима «сборного» авторства, отличающегося от соавторства⁴. И. А. Чумаков прямо говорит, что авторы аудиовизуального произведения, упомянутые в п. 2 ст. 1263 ГК РФ, не являются соавторами⁵. Н. И. Добрякова утверждает, что аудиовизуальное произведение создается в результате сотрудничества, а не соавторства⁶. А. Я. Гончарова, напротив, подкрепляя свою позицию судебной практикой Суда по интеллектуальным правам, доказывает, что соавторство в аудиовизуальном произведении является неделимым в части творческого вклада режиссера и раздельным в отношении результатов интеллектуальной деятельности сценариста и композитора — сценария и музыки к фильму⁷. В то же время П. В. Степанов выделяет для аудиовизуальных произведений отдельный режим соавторства — «частично раздельное соавторство», когда присутствуют одновремен-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

² Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte (Urheberrechtsgesetz) vom 9. September 1965 (zuletzt geändert am 23. Juni 2021). 1858.

³ Гаврилов Э. П. Объекты интеллектуальных прав и их делимость // Патенты и лицензии. 2010. № 3. С. 19–29.

⁴ Дозорцев В. А. Право на фильм как сложное многослойное произведение // Вестник ВАС РФ. 2000. № 3. С. 62–73.

⁵ Чумаков И. А. Понятие аудиовизуального произведения и отдельные особенности его правового режима // Вестник гражданского права. 2019. № 3. Т. 19. С. 96–136.

⁶ Добрякова Н. И. О некоторых вопросах договорного регулирования создания учебных произведений, предусмотренных частью четвертой Гражданского кодекса РФ // Правовые вопросы связи. 2008. № 1. С. 16–19.

⁷ Гончарова Я. А. Проблемы реализации и защиты интеллектуальных прав на аудиовизуальные произведения в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 81 ; постановление Суда по интеллектуальным правам от 27.05.2015 № C01-70/2015 по делу № A07-22795/2013 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9234f231-e74e-4936-8ab8-dfb2ef9e0a3c> (дата обращения: 20.06.2022).

но оба режима: нераздельное (для режиссера-постановщика) и раздельное соавторство (для сценариста и композитора)⁸.

Соавторство может возникнуть только при наличии совместного творческого труда. Под совместным творческим трудом понимается совместно достигнутый результат⁹, когда каждый из соавторов по взаимному соглашению (в том числе в устной форме) внес в это произведение, как указано в п. 83 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁰, свой творческий вклад. В законодательстве отсутствует определение творческого труда, равно как и установленных условий, признаков, по которым можно было бы определить вклад каждого из соавторов в произведение. Однако же правоприменитель особо оговорил, что ни техническая помощь автору (подбор материалов, математические расчеты, документальное сопровождение деятельности автора, выполнение указаний автора в части определенных работ), ни подчиненное должностное положение автора (в случае если он является подчиненным сотрудником) не предоставляют права признаваться соавтором помощнику или непосредственному руководителю автора¹¹. В доктрине подчеркивается необходимость того, чтобы совместно достигнутый результат реализовывался путем творческого взаимодействия лиц,

что может выражаться в обмене идеями, обсуждении созданных фрагментов работы и т.д.¹²

В цивилистической науке выделяют субъективные и объективные критерии совместного творческого труда. Субъективный критерий означает понимание каждым из соавторов, что он создает произведение не единолично, а с иным лицом. Объективный критерий подразумевает единый временной промежуток создания произведения, заключение соглашения о соавторстве, иные действия, из которых любое третье лицо способно усмотреть процесс совместного творческого труда¹³. Относительно единого временного периода создания произведения следует исходить скорее из его факультативного характера: Р. Ш. Рахматулина приводит пример создания «Кармен-сюиты», когда французский композитор Ж. Бизе и российский композитор Р. Щедрин дополнили ранее написанные части произведения друг друга¹⁴. Напротив, соглашение между соавторами является необходимым условием для признания творческого труда совместным. На необходимость соглашения, в частности, указывает Э. П. Гаврилов: «...Соглашение — устное или письменное — обязательно должно существовать. Отсутствие такого соглашения никогда и ни при каких условиях не приводит к соавторству»¹⁵. В. Н. Белоусов поддерживает данную позицию, называя соглашение между соавторами одним из основных и обязательных условий соавторства¹⁶.

⁸ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвертой) (постатейный) / отв. ред. Л. А. Трахтенгерц. М., 2009. С. 80.

⁹ Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М., 2003. С. 174.

¹⁰ Российская газета. 06.05.2019.

¹¹ Галуева Ю. В. Супруги-соавторы. Особенности правового статуса // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 10. С. 62–70.

¹² Калятин В. О. Проблемы определения системы правообладателей результатов интеллектуальной деятельности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2020. № 8. С. 35–48.

¹³ Мартянова Е. Ю. Гражданско-правовой режим исключительного авторского права, принадлежащего нескольким лицам : дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2020. С. 99.

¹⁴ Рахматулина Р. Ш. Проблемы соавторства в авторском праве // Советник юриста. 2011. № 9. URL: <https://dis.ru/library/653/27488/> (дата обращения: 20.06.2022).

¹⁵ Гаврилов Э. П., Еременко В. И. Комментарий к части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М., 2009. С. 96–97.

¹⁶ Белоусов В. Н. Договор авторского заказа в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2018. С. 80.

Ю. С. Харитоновна определяет соглашение между соавторами как взаимное волеизъявление авторов, направленное на совместную творческую работу над произведением¹⁷. В таком соглашении соавторы могут установить последовательность обозначения имен авторов, закрепить разделы для написания, определить распределение вознаграждения¹⁸.

При этом может возникнуть вопрос: а следует ли понимать форму соглашения между соавторами широко и полагать возможным достижение соглашения о соавторстве путем совершения конклюдентных действий? Думается, нельзя, коль скоро речь идет о производстве науки, литературы или искусства, т.е. объекте авторского права, а следовательно, обладающем оригинальностью, во-первых, и подчиненном общей идее, во-вторых. Для пояснения тезиса уместно процитировать воспоминания В. Ардова о совместной работе И. Ильфа и Е. Петрова: «Каждый из соавторов имел неограниченное право вето: ни одно слово, ни одна фраза (не говоря уже о сюжетном ходе или об именах и характерах персонажей) не могли быть написаны, пока оба не согласятся с этим куском текста, с этой фразой, с этим словом. Часто такие разногласия вызывали яростные ссоры и крики (особенно со стороны пылкого Евгения Петровича), но зато уж то, что было написано, получалось словно литая деталь металлического узора — до такой степени всё было отделано и закончено»¹⁹. На юридическом языке это относит нас к положениям о совместной деятельно-

сти, вследствие чего целесообразно обратиться к цитате В. А. Дозорцева: «...При совместной работе над произведением соавторы принимают на себя риск, связанный с трудностями организации совместной деятельности... где все соавторы принимают на себя ответственность за каждого из них... Риск совместной деятельности возникает на стороне, где есть множественность лиц»²⁰.

В немецком праве соавторство может быть только нераздельным. Другими словами, обязательным условием является невозможность раздельного использования творческих вкладов авторов²¹. Аналогичного мнения придерживается Федеральный верховный суд Германии: если несколько человек создали совместно произведение, они являются соавторами этого произведения в соответствии с абз. 1 § 8 UrhG при условии, что их части не могут использоваться отдельно. Речь идет именно об объективной невозможности раздельного использования частей²². Примером произведения, созданного в соавторстве, равно как и в Российской Федерации, может выступать роман. Судебная практика распространяет нормы о соавторстве и на творческие отношения авторов кинофильма. Как следует из судебных решений, авторами кинофильма являются те, кто внес в него творческий вклад²³. С учетом вышесказанного, творческий вклад должен быть неотделим: автор сценария и композитор могут признаваться соавторами кинофильма только при условии неразрывности их вкладов. Помимо главного режиссера в

¹⁷ Харитоновна Ю. С. Соглашение о соавторстве как основание самостоятельного вида коллективного управления исключительными правами // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2008. № 1. С. 17.

¹⁸ Рахматулина Р. Ш. Указ. соч.

¹⁹ Ардов В. Чудодей // URL: <http://ilf-petrov.ru/books/item/f00/s00/z0000003/st017.shtml> (дата обращения: 20.06.2022).

²⁰ Цит. по: Рахматулина Р. Ш. Указ. соч.

²¹ Haupt S., Marschke C. Urheberrecht für Autoren. Probleme des Urheberrechts bei wissenschaftlichen Publikationen // Zeitschrift für Germanistik. Neue Folge. 2005. Vol. 15. № 2. S. 259 ; Möhring Ph., Nicolini K. Urheberrechtsgesetz. München, 2000. S. 208.

²² BGH, Urteil des I. Zivilsenats vom 26. Februar 2009 — I ZR 142/06 // URL: <https://openjur.de/u/71202.html> ; OLG Köln, Urteil vom 9. Januar 2009 — 6 U 86/08 // URL: <https://openjur.de/u/30525.html> (дата обращения: 20.06.2022).

²³ BGH, Urteil vom 28. Oktober 2010 — I ZR 18/09 // URL: <https://openjur.de/u/165379.html> (дата обращения: 20.06.2022).

судебных решениях можно встретить и иных соавторов кинофильма, например операторов и звукорежиссеров²⁴.

В случае, когда части произведения могут быть использованы в отрыве от основного произведения, отдельные авторы не создают единое произведение, а собираются вместе для совместного использования отдельных произведений. Федеральный верховный суд Германии конкретизирует, что если возможно раздельное использование частей произведения, то авторы не становятся соавторами, даже если они объединяют эти части для совместного использования в силу § 9 UrhG. Часть произведения автора может использоваться отдельно, если она является независимой, что предполагает возможное отделение от совместного произведения, последнее не становится неполным или нуждающимся в дополнении²⁵. Классическим примером связанного произведения в Германии может служить музыкальное произведение. Режим связанных произведений представляет собой более гибкий вариант совместности по сравнению с раздельным соавторством и охватывает более сложные случаи совместного использования, когда не может возникнуть соавторство, например: иллюстрация и литературное произведение в книге, сборник статей и др. Тем самым авторы связанных произведений имеют особый правовой режим, позволяющий удобнее урегулировать отношения при сотрудничестве разных авторов.

Соавторство в Германии возникает только при условии, что произведение было создано

совместно, т.е. когда несколько авторов работают вместе с целью его создания, в результате чего каждый отдельный автор вносит свой собственный вклад²⁶. Соавторство не исключается в случае поэтапного вклада, но оно предполагает, что каждый участник внес свой творческий вклад, подчиненный общей идее²⁷. Не требуется, чтобы соавторы одновременно участвовали во всех стадиях разработки произведения. Поэтому возможно т.н. вертикальное разделение труда, при котором соавторы опираются на уже созданные предварительные версии произведения, а также горизонтальное разделение труда, при котором соавторы параллельно создают отдельные части произведения, которые затем сливаются в единое произведение²⁸. Как и в России, вклад в произведение должен быть творческим, личным, духовным (нем. *persönlich, geistig*). Духовное содержание подразумевает приобщение человека к творчеству; в силу личного характера в немецкой литературе подчеркивается невозможность (со)авторства со стороны юридических лиц, животных, искусственного интеллекта²⁹. Кроме того, при создании произведения необходимы осмысленность, индивидуальная обработка, которые все-сторонне в нем проявляются³⁰. Например, суд не признал творческий характер за одной из сцен фильма, где была просто изображена (сфотографирована) природа³¹. Другими словами, в случае если лицо осуществляет только механическое, нетворческое исполнение какого-либо проекта, включая перевод чужого произведения в цифровой формат, и нет его собственного

²⁴ BGH, Urteil vom 20. Februar 2020 — I ZR 176/18 // URL: <https://openjur.de/u/2198095.html> ; BGH, Urteil vom 13. Juni 2002 — I ZR 1/00 // URL: <https://openjur.de/u/63329.html> (дата обращения: 20.06.2022).

²⁵ Brennecke H. Einführung ins Urheberrecht — 08 — Der Urheber // URL: https://www.brennecke-rechtsanwaelte.de/Einfuehrung-ins-Urheberrecht-08-Der-Urheber_199075 ; BGH, Urteil des I. Zivilsenats vom 26. Februar 2009 — I ZR 142/06.

²⁶ OLG Hamburg, Urteil vom 28. Februar 2019 — 5 U 146/16 // URL: <https://openjur.de/u/2195283.html> (дата обращения: 20.06.2022).

²⁷ BGH, Urteil vom 3. März 2005 — I ZR 111/02 // URL: <https://openjur.de/u/184053.html> (дата обращения: 20.06.2022).

²⁸ Lent W. Urheberrecht für Buchwissenschaftler : Studienbuch. München, 2018. S. 39.

²⁹ Möhring Ph., Nicolini K. Op. cit. S. 202 ; Solmecke Ch. Fotorecht. Berlin, 2012. S. 29.

³⁰ Wandtke A. Urheberrecht. Berlin, 2010. S. 61.

³¹ Brehm W. Filmrecht. Konstanz, 2008. S. 63.

индивидуального творческого замысла, оно не будет соавтором произведения³².

Немецкие ученые не признают соавторством случаи, когда несколько авторов соединяют свои готовые произведения. Подчеркнем еще раз, что доктрина не связывает совместность с одновременной работой соавторов над произведением, но соавторы должны быть на одной «стадии производства». Совместная работа соавторов также не означает, что они пишут поочередно по слову или предложению, более того, может проходить распределение задач по образам, сценам, главам, однако общий замысел должен освещать путь. С другой стороны, если по каким-либо причинам лицо завершает чужое произведение, то оно также не может быть признано соавтором, оно осуществляет лишь доработку (переработку). Как правило, не возникает отношений соавторства между литературным негром (англ. ghostwriter) и лицами, указанными на обложке в качестве авторов, если первый один работал над произведением³³.

Во-вторых, в России действующее законодательство об авторском праве исходит из презумпции равного вклада соавторов в создание общего произведения, что логически следует из п. 3 ст. 1258 ГК РФ и п. 3 ст. 1229 ГК РФ: доходы от совместного использования результата творческой деятельности и распоряжения исключительным правом на него распределяются между всеми правообладателями в равных долях, если

соглашением между ними не предусмотрено иное. И хотя в п. 3 ст. 1227 ГК РФ зафиксировано правило о нераспространении положений вещного права на интеллектуальные права (с оговоркой), однако в современное регулирование распределения дохода от использования общего произведения проникла идея аналогии со ст. 245 ГК РФ — способ определения долей соавторов в общем объеме имущественных прав, предложенный в целях устранения правовой неопределенности Закона об авторском праве и смежных правах от 1993 г.³⁴ В результате отечественный законодатель занял просудейскую позицию: равные доли или саморегулирование.

В Германии по общему правилу действует иной подход: доходы, полученные от использования произведения, должны быть выплачены соавторам в зависимости от степени их участия в создании произведения, если соглашением между соавторами не установлено иное (абз. 3 § 8 UrhG). Забегая вперед, отметим, что это касается и случаев выплат авторам за нарушение авторских прав: каждый соавтор имеет право предъявлять требования о нарушении общего авторского права и требовать выплаты всем соавторам (абз. 2 § 8 UrhG) соразмерно их участию в создании произведения³⁵. При оценке объема участия в создании произведения следует обращать внимание на общий объем сотрудничества, т.е. объем отдельных вкладов, включая необходимые предварительные работы и окончательный общий результат³⁶.

³² Vedder M. *Multimediarrecht für die Hochschulpraxis : Ratgeber zum Urheberrecht, Patentrecht und Onlinerecht mit Verträgen, Verwertungsmodellen und Rechtemanagement*. Hagen, 2004. S. 24 ; BGH, Beschluss vom 26. Februar 2014 — I ZR 121/13 // URL: <https://openjur.de/u/690775.html> (дата обращения: 20.06.2022).

³³ Fromm F. K., Nordemann W., Vinck K., Hertin P.-W. *Urheberrecht : Kommentar zum Urheberrechtsgesetz und zum Wahrnehmungsgesetz, mit den internationalen Abkommen und den Urheberrechtsgesetzen der DDR, Österreichs und der Schweiz*. Stuttgart ; Berlin ; Köln ; Mainz, 1973. S. 95–96.

³⁴ Гаврилов Э. П. *Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век*. М., 2016.

³⁵ LG München I, Teilurteil vom 24. März 2010 — 21 O 11590/09 // URL: <https://openjur.de/u/483069.html> (дата обращения: 20.06.2022).

³⁶ То есть в Германии проекты совместных произведений также могут пользоваться авторско-правовой защитой, что особенно актуально для разработчиков компьютерных программ. См.: Otto D. *Recht für Software- und Webentwickler*. Bonn, 2007. S. 25 ; Hoeren Th., Pinelli S. *Miturheberschaft in der agilen Softwareentwicklung?* // *MultiMedia-Recht*. 2019. № 12. S. 780 ; LG Mannheim, Urteil vom 12. August 2005 — 7 O 514/04 // URL: <https://www.aufrecht.de/urteile/urheberrecht/schoepferin-der-gesamngsmelodie->

Примечательно, что немецкий законодатель, в свою очередь, также по причине неопределенности отверг критерий значимости вклада в произведение, предложенный правительственным законопроектом, поскольку всё сводилось бы к эстетической оценке труда, в пользу объективного критерия определения объема участия авторов в создании произведения. Соответственно, при наличии спора немецкий суд будет вынужден по крайней мере теоретически исследовать количество слов, звуков и мазков кисти в совместном произведении. Ученые-юристы высказывали обоснованные сомнения по поводу того, устоит ли объективный критерий в таком виде, потому как правило равных долей по § 742 Германского гражданского уложения в случае спора было бы проще применить³⁷. На сегодняшний день можно говорить о смягчении немецкого подхода в части определения вклада автора в общее произведение и о движении к презумпции равных долей, но только в тех областях, где объективно невозможно определить объем авторского участия³⁸. При режиме связанных произведений распределение доходов осуществляется также соразмерно авторскому вкладу.

Немецкий подход в части дифференциации в распределении доходов соавторов видится более справедливым и отвечающим принципу соразмерности. Несмотря на то что п. 3 ст. 1258 ГК РФ закрепляет презумпцию равного вклада соавторов в создание общего произведения, на практике не исключена ситуация с незначительным вкладом того или иного соавтора, что особенно часто встречается в отношениях соавторства на сложные объекты интеллектуаль-

ной собственности, например аудиовизуальные произведения и пр. Именно поэтому в России условие о распределении доходов, если ситуация отклоняется от законной презумпции, целесообразно каждый раз фиксировать в договоре.

В-третьих, в России созданное в соавторстве произведение используется соавторами совместно, если соглашением между ними не предусмотрено иное (абз. 1 п. 2 ст. 1258 ГК РФ). Например, судом не было установлено наличие между соавторами соглашения, которое бы давало право автору (Craig Ashley David) использовать и распоряжаться публично исполненными музыкальными произведениями самостоятельно и единолично³⁹. Соглашением соавторы могут предусмотреть любой порядок использования. Так, между соавторами персонажей мультфильма «Ну, погоди!» и фильма «Он попался» было заключено соглашение, в силу которого каждый из соавторов сохраняет за собой право самостоятельно находить заказы и другие творческие работы на территории Российской Федерации и стран СНГ; полученные в этом случае гонорары полностью сохраняются за авторами выполненной работы, а другой автор не предъявляет финансовых претензий к автору — исполнителю данной работы; в случае получения заказа по данным персонажам из других стран мира, кроме Российской Федерации и СНГ, авторы обязаны выполнять работу совместно и полученный гонорар делить поровну⁴⁰. В научной литературе приводятся также примеры, когда правом заключать лицензионные договоры наделяется только один из соавторов либо происходит распределение территории использования произведения соавторами⁴¹.

steht-50ige-miturheberschaft-zu-ig-mannheim-urteil-vom-12-august-2005-az-7-o-51404 (дата обращения: 20.06.2022).

³⁷ *Fromm F. K., Nordemann W., Vinck K., Hertin P.-W.* Op. cit. S. 101.

³⁸ *Möhring Ph., Nicolini K.* Op. cit. S. 222.

³⁹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.12.2020 № С01-45/2020 по делу № А40-29771/2019 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/8f96c1a7-c599-47cf-bb4f-eb7704046107> (дата обращения: 20.06.2022).

⁴⁰ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 09.07.2014 № С01-530/2014 по делу № А40-49018/2011 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b3e6bd23-23e7-44ed-8cad-9f3161f33dbd> (дата обращения: 20.06.2022).

⁴¹ *Гаврилов Э. П., Еременко В. И.* Указ. соч. С. 97.

В случае, когда произведение образует неразрывное целое, ни один из соавторов не вправе без достаточных оснований запретить использование такого произведения (абз. 1 п. 2 ст. 1258 ГК РФ). Отмечается, что это позволяет обойти недобросовестное поведение других соавторов и не дает «парализовать» авторское право на совместное произведение⁴². Но если соавторам не удастся прийти к соглашению, то отношения по использованию произведения могут быть урегулированы решением суда⁴³.

При раздельном же соавторстве соавтор вправе запретить использование произведения, что подтверждается материалами судебной практики. Например, Московский городской суд в кассационном определении отметил, что исходя из смысла п. 2 ст. 1258 ГК РФ каждый из соавторов произведения, включающего части с самостоятельным значением и не образующего неразрывного целого, вправе запретить использование такого произведения, т.е. произведения в том его виде, в каком оно создано совместным трудом соавторов, и ввел запрет на использование музыкальных произведений «Где я», «Море грез», «Музыка нас связала» и других соавтором в отсутствие согласия другого соавтора⁴⁴. Мотивировано данное решение суда тем, что результатом подобного спора становится «распад» соавторства, так как положение абз. 1 п. 2 ст. 1258 ГК РФ на него не распространяется, аналогичное мнение представлено и в науке⁴⁵. Часть же произведения, имеющая самостоятельное значение, может быть использована ее автором по своему усмотрению, если соглашением между соавторами не предусмотрено иное (абз. 2 п. 2 ст. 1258 ГК РФ). В другом деле суд отметил, что

музыкальная часть произведения может быть использована независимо от литературной части (путем исполнения музыки, доведения до всеобщего сведения лишь музыкальной части без текста и т.д.); ответчиком сведений о том, что соглашением между соавторами предусмотрен запрет на использование части произведения ее автором по своему усмотрению, не представлено⁴⁶. Следует отметить, что в доктрине встречаются также взгляды на отсутствие соавторства в музыкальном произведении⁴⁷.

В Германии право на использование произведения, созданного в соавторстве, принадлежит соавторам совместно (абз. 2 § 8 UrhG). Но кажущаяся сложность достижения единогласного решения по совместному использованию произведения ограничивается фундаментальным принципом гражданского права⁴⁸. Немецкий закон устанавливает, что соавтор не может отказать другому в использовании произведения, если это не будет отвечать принципу добросовестности (абз. 2 § 8 UrhG). В судебной практике, в частности, недобросовестным отказом признается несогласие на заключение договора на использование произведения, если у несогласной стороны нет лучшего варианта использования; недобросовестным признается и отказ использовать произведение, если стороны прямо договорились в соглашении об отсутствии такого права у соавторов⁴⁹.

Как видно, соавторы могут заключить соглашение, где будут прописаны отклоняющиеся от общего правила условия использования совместного произведения. Однако же свобода усмотрения здесь ограничена: предусмотрены выдача полномочия одному из соавторов дей-

⁴² Гаврилов Э. П., Еременко В. И. Указ. соч. С. 97.

⁴³ Гаврилов Э. П. Исключительное право, принадлежащее нескольким лицам // Хозяйство и право. 2009. № 3 (386). С. 68.

⁴⁴ Кассационное определение Московского городского суда от 16.02.2012 № 33-2667/12 // СПС «Гарант».

⁴⁵ Гаврилов Э. П., Еременко В. И. Указ. соч. С. 98.

⁴⁶ Решение Московского городского суда от 15.01.2021 по делу № 3-35/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁷ Близнац И. А., Витко В. С. О правовой природе понятия «песня» // Юрист. 2022. № 2. С. 9–14.

⁴⁸ Möhring Ph., Nicolini K. Op. cit. S. 218.

⁴⁹ LG München I, Endurteil vom 14. Mai 2019 — 33 O 1834/18 // URL: <https://openjur.de/u/2294656.html> ; OLG Köln, Urteil vom 10. Juni 2005 — 6 U 12/05 // URL: <https://openjur.de/u/107416.html> (дата обращения: 20.06.2022).

ствовать от имени всех остальных или действие от своего имени, но в пользу всех остальных; напротив, соавторы могут исключить единоличное осуществление прав и обусловить осуществление прав по поводу совместного произведения только при наличии одобрения всех соавторов. И поскольку все приведенные примеры выступают сделками, то соавторы должны обладать дееспособностью⁵⁰.

В случае если несколько авторов объединили свои произведения с целью совместного использования, каждому из них требуется согласие других авторов на использование связанного произведения, если в соответствии с принципом добросовестности такое согласие может быть предоставлено (§ 9 UrhG). В § 9 UrhG идет речь об использовании именно связанного произведения, последнее означает, что своими самостоятельными произведениями авторы могут распоряжаться по собственному усмотрению. Земельный суд Гамбурга отметил, что произведения, вошедшие в связанное произведение, остаются независимыми в части использования, и потому они могут использоваться отдельно. Например, автор текста и композитор не являются соавторами музыкального произведения, а создают отдельные произведения, которые затем просто используются совместно⁵¹.

Попутно обратим внимание на факт, относящийся как к авторству, так и соавторству, согласно которому в Германии разрешение на использование произведения имеет ограниченный характер, т.е. если появляются новые формы использования произведения, которые ранее, на момент заключения соглашения об использовании, не были известны, то с их появлением для использования произведения в новых формах требуется дополнительное соглашение. Например, использование музыки в качестве рингтона на телефоне требует изменения договора⁵².

Режимы связанных произведений Германии и раздельного соавторства России немногим отличаются друг от друга. Для раздельного соавторства по российскому праву все-таки необходимо понимание того, что идет совместная работа по созданию произведения, работа ведется одновременно, тем не менее можно четко дифференцировать, например в тексте, автора той или иной части совместного произведения. Как уже было отмечено, при раздельном соавторстве в России соавтор может отказать в использовании произведения в том его виде, в каком оно создано совместным трудом соавторов. В Германии режим связанных произведений допускает такой отказ только с учетом принципа добросовестности, благодаря чему может на первый взгляд показаться, что авторы связанных произведений по немецкому законодательству связаны сильнее, нежели соавторы при режиме раздельного соавторства в России. Однако здесь следует исходить из специфики юридической техники законов: UrhG не инкорпорирован в Германское гражданское уложение, потому содержит во многих параграфах указание на принцип добросовестности. На часть IV ГК РФ по общему правилу, если не установлено иное самой частью, распространяются общие положения ч. I ГК РФ, включая нормы ст. 10. Соответственно, можно сделать промежуточный вывод, что режим раздельного соавторства по ГК РФ с точки зрения осуществления прав соавторов сходен с режимом связанных произведений авторов по UrhG.

В-четвертых, наличествуют особенности в части личных неимущественных прав: российский закон не упоминает о согласии на обнародование и изменение произведения другим соавтором, отмечая только имущественное правомочие — использование. В качестве общей нормы право на обнародование и запрет на изменение произведения без согласия ав-

⁵⁰ *Fromm F. K., Nordemann W., Vinck K., Hertin P.-W.* Op. cit. S. 101.

⁵¹ LG Hamburg, Urteil vom 23. März 2010 — 308 O 175/08 // URL: <https://openjur.de/u/32327.html> ; OLG Stuttgart, Urteil vom 28. Oktober 2020 — 4 U 656/19 // URL: <https://openjur.de/u/2352762.html> (дата обращения: 20.06.2022).

⁵² *Koch U., Otto D., Rüdlin M.* Recht für Grafiker und Webdesigner : Verträge, Schutz der kreativen Leistung, Selbstständigkeit, Versicherungen, Steuern. Bonn, 2010. S. 21.

тора предусмотрены ст. 1268 и 1266 ГК РФ. Под правом на обнародование понимается право осуществить действие или дать согласие на осуществление действия, которое впервые делает произведение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного показа, публичного исполнения, сообщения в эфир или по кабелю либо любым другим способом (п. 1 ст. 1268 ГК РФ). Запрет на изменение произведения без согласия автора относится к праву не неприкосновенность: не допускается без согласия автора внесение в его произведение изменений, сокращений и дополнений, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями (право на неприкосновенность произведения) (п. 1 ст. 1266 ГК РФ).

Аналогичным образом в российской цивилистической доктрине указывается на осуществление личных неимущественных прав авторами совместно. Например, К. В. Лиджеева утверждает, что порядок пользования правами, принадлежащими авторам одного объекта (соавторам), в части, не урегулированной законодательством, должен определяться соавторами сообща⁵³. По мнению В. А. Хохлова, право на обнародование должно осуществляться соавторами совместно, при этом часть личных неимущественных прав могут осуществляться соавторами индивидуально (право на имя, право авторства). В. А. Хохлов относит к индивидуальному осуществлению право на неприкосновенность, но рассматривает его как основание к защите от действий третьих лиц, за исключением несанкционированных изменений произведения другим соавтором⁵⁴.

Путем системного толкования ст. 1, 1255, 1257, 1258 ГК РФ и в силу природы соавторства приходим к заключению, что осуществление

личных неимущественных прав должно проводиться соавторами сообща, в том числе с возможностью запретить изменение произведения и публикацию с учетом принципа добросовестности как принципа, имплицитно присутствующего, как показано выше, в том числе в ч. IV ГК РФ. Сказанное касается, однако, только режима нераздельного соавторства. При режиме раздельного соавторства подобные вопросы, очевидно, могут решаться аналогично.

По своему содержанию право на публикацию по § 12 UrhG напоминает российское право на обнародование. Немецкий закон прямо закрепляет, что право на публикацию принадлежит всем соавторам, а изменения произведения допускаются только с согласия соавторов (абз. 2 § 8 UrhG). Соавтор не может отказать другому соавтору в его праве на публикацию и изменение произведения, если это не будет отвечать принципу добросовестности (абз. 2 § 8 UrhG). В материалах судебной практики Германии отмечается, что это особенно справедливо в отношении фильма, который был создан благодаря вкладу множества людей, имеющих отношение к авторству. Если бы после завершения каждый из участников мог решать по своему собственному свободному творческому усмотрению, готов ли он выпустить фильм, инвестиции в производство любого фильма стали бы с экономической точки зрения совершенно неисчислимым риском⁵⁵. Идентичное по смыслу положение закрепляется и применительно к режиму связанных произведений (§ 9 UrhG).

Немецкому праву также известно индивидуальное осуществление некоторых личных неимущественных прав соавторов⁵⁶.

В-пятых, немецкий закон закрепляет возможность отказа от права использования произведения соавтором. Отказ от права осуществляется путем заявления, после чего право использовать

⁵³ Лиджеева К. В. Особое правовое положение авторов и соавторов в российском законодательстве // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 2 (14). С. 142.

⁵⁴ Хохлов В. А. Вопросы соавторства // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 2. С. 168–169.

⁵⁵ OLG Köln, Urteil vom 10. Juni 2005 — 6 U 12/05.

⁵⁶ Fromm F. K., Nordemann W., Vinck K., Hertin P.-W. Op. cit. S. 100.

часть произведения достается остальным соавторам (абз. 4 § 8 UrhG)⁵⁷. В судебной практике допускается также отказ от конкретного способа использования на определенной территории: ограничившись немецкоязычной территорией, один из соавторов предоставил право на вещание другому, что является отказом от доли в соответствующем праве на использование⁵⁸.

Российский закон подобное право специальным образом не закрепляет, но учитывая тот факт, что порядок использования произведения и полученный доход от такого использования могут регулироваться соглашением между соавторами, думается, что аналогичное немецкому право способно обеспечиваться самими соавторами; последнее требует от них, правда, больших познаний в области авторского права.

Резюмируя сказанное, необходимо отметить, что в силу ГК РФ совместное творчество нескольких лиц может осуществляться в режиме как раздельного соавторства, так и нераздельного, включая промежуточные режимы, выделяемые доктринально; в то же время немецкий законодатель называет только нераздельное соавторство в качестве основания возникновения соавторства, все иные случаи покрываются режимом

связанных произведений. Совместный творческий труд предполагает наличие понимания соавторов, что они работают совместно (субъективный критерий), а также единый промежуток времени, нахождение на одной «стадии производства», наличие соглашения между соавторами и др. (объективный критерий). Существенным отличием немецкого закона от ГК РФ выступает презумпция разного вклада соавторов, что видится более справедливым и соразмерным особенно в отношениях соавторства на сложные объекты интеллектуальной собственности. Российский законодатель в этом вопросе занял просудейскую позицию: равные доли или саморегулирование. Использование совместного произведения, осуществление личных неимущественных прав соавторов происходят по немецкому праву совместно, с акцентом на принцип добросовестности, что в целом соответствует правовому регулированию в Российской Федерации. Дополнительно немецкая норма устанавливает возможность отказа от права использования совместного произведения; аналогичные отношения в России не исключаются, но строятся, как правило, на основе соглашения между соавторами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белоусов В. Н. Договор авторского заказа в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. — Иркутск, 2018. — 156 с.
2. Блинец И. А., Витко В. С. О правовой природе понятия «песня» // Юрист. — 2022. — № 2. — С. 9–14.
3. Гаврилов Э. П. Исключительное право, принадлежащее нескольким лицам // Хозяйство и право. — 2009. — № 3 (386). — С. 56–71.
4. Гаврилов Э. П. Объекты интеллектуальных прав и их делимость // Патенты и лицензии. — 2010. — № 3. — С. 19–29.
5. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век : сборник публикаций. — М. : Юрсервитум, 2016. — 876 с.
6. Гаврилов Э. П., Еременко В. И. Комментарий к части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). — М. : Экзамен, 2009. — 978 с.
7. Галуева Ю. В. Супруги-соавторы. Особенности правового статуса // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2021. — № 10. — С. 62–70.

⁵⁷ Fromm F. K., Nordemann W., Vinck K., Hertin P.-W. Op. cit. S. 99.

⁵⁸ OLG Stuttgart, Urteil vom 15. Januar 2003 — 4 U 140/02 // URL: <https://openjur.de/u/184022.html> (дата обращения: 20.06.2022).

8. Гончарова Я. А. Проблемы реализации и защиты интеллектуальных прав на аудиовизуальные произведения в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 241 с.
9. Добрякова Н. И. О некоторых вопросах договорного регулирования создания учебных произведений, предусмотренных частью четвертой Гражданского кодекса РФ // Правовые вопросы связи. — 2008. — № 1. — С. 16–19.
10. Дозорцев В. А. Право на фильм как сложное многослойное произведение // Вестник ВАС РФ. — 2000. — № 3. — С. 62–73.
11. Калятин В. О. Проблемы определения системы правообладателей результатов интеллектуальной деятельности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2020. — № 8. — С. 35–48.
12. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвертой) (постатейный) / отв. ред. Л. А. Трахтенгерц. — М. : Инфра-М, Контракт, 2009. — 812 с.
13. Лиджеева К. В. Особое правовое положение авторов и соавторов в российском законодательстве // Вестник Калмыцкого университета. — 2012. — № 2 (14). — С. 140–144.
14. Мартынова Е. Ю. Гражданско-правовой режим исключительного авторского права, принадлежащего нескольким лицам : дис. ... канд. юрид. наук. — Пермь, 2019. — 224 с.
15. Рахматулина Р. Ш. Проблемы соавторства в авторском праве // Советник юриста. — 2011. — № 9. — URL: <https://dis.ru/library/653/27488/> (дата обращения: 20.06.2022).
16. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. — М. : Проспект, 2003. — 752 с.
17. Харитонова Ю. С. Соглашение о соавторстве как основание самостоятельного вида коллективного управления исключительными правами // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. — 2008. — № 1. — С. 15–23.
18. Хохлов В. А. Вопросы соавторства // Вестник Тюменского государственного университета. — 2010. — № 2. — С. 166–170.
19. Чумаков И. А. Понятие аудиовизуального произведения и отдельные особенности его правового режима // Вестник гражданского права. — 2019. — № 3. — Т. 19. — С. 96–136.
20. Brehm W. Filmrecht. — Konstanz : UVK Verlagsgesellschaft, 2008. — 440 S.
21. Brennecke H. Einführung ins Urheberrecht — 08 — Der Urheber // URL: https://www.brennecke-rechtsanwaelte.de/Einfuehrung-ins-Urheberrecht-08-Der-Urheber_199075 (дата обращения: 20.06.2022).
22. Fromm F. K., Nordemann W., Vinck K., Hertin P.-W. Urheberrecht : Kommentar zum Urheberrechtsgesetz und zum Wahrnehmungsgesetz, mit den internationalen Abkommen und den Urheberrechtsgesetzen der DDR, Österreichs und der Schweiz. — Stuttgart ; Berlin ; Köln ; Mainz : Verlag W. Kohlhammer GmbH, 1973. — 680 S.
23. Haupt S., Marschke C. Urheberrecht für Autoren. Probleme des Urheberrechts bei wissenschaftlichen Publikationen // Zeitschrift für Germanistik. — Neue Folge. — 2005. — Vol. 15. — № 2. — S. 254–276.
24. Hoeren Th., Pinelli S. Miturheberschaft in der agilen Softwareentwicklung? // MultiMedia-Recht. — 2019. — № 12. — S. 779–783.
25. Koch U., Otto D., Rüdlin M. Recht für Grafiker und Webdesigner : Verträge, Schutz der kreativen Leistung, Selbstständigkeit, Versicherungen, Steuern. — Bonn : Galileo Press, 2010. — 417 S.
26. Lent W. Urheberrecht für Buchwissenschaftler : Studienbuch. — München : Universitätsbibliothek der Ludwig-Maximilians-Universität München, 2018. — 191 S.
27. Möhring Ph., Nicolini K. Urheberrechtsgesetz : Kommentar / Hrsg. von Käte Nicolini und Hartwig Ahlberg. — München : Vahlen, 2000. — 1307 S.
28. Otto D. Recht für Software- und Webentwickler. — Bonn : Galileo Press, 2007. — 478 S.
29. Solmecke Ch. Fotorecht. — Berlin : epubli GmbH Berlin, 2012. — 88 S.

30. *Vedder M.* Multimediarrecht für die Hochschulpraxis : Ratgeber zum Urheberrecht, Patentrecht und Onlinerecht mit Verträgen, Verwertungsmodellen und Rechtmanagement. — Hagen : Centrum für eCompetence in Hochschulen NRW, 2004. — 289 S.
31. *Wandtke A.* Urheberrecht. — Berlin : De Gruyter Studium, 2010. — 496 S.

Материал поступил в редакцию 23 июня 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belousov V. N. Dogovor avtorskogo zakaza v grazhdanskom prave Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Irkutsk, 2018. — 156 s.
2. Bliznets I. A., Vitko V. S. O pravovoy prirode ponyatiya «pesnya» // Yurist. — 2022. — № 2. — S. 9–14.
3. Gavrillov E. P. Isklyuchitelnoe pravo, prinadlezhashchee neskolkim litsam // Khozyaystvo i pravo. — 2009. — № 3 (386). — S. 56–71.
4. Gavrillov E. P. Obekty intellektualnykh prav i ikh delimost // Patenty i litsenzii. — 2010. — № 3. — S. 19–29.
5. Gavrillov E. P. Pravo intellektualnoy sobstvennosti. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. XXI vek: sbornik publikatsiy. — M.: Yurservitum, 2016. — 876 s.
6. Gavrillov E. P., Eremenko V. I. Kommentariy k chasti 4 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (postateyny). — M.: Ekzamen, 2009. — 978 s.
7. Galueva Yu. V. Suprugy-soavtory. Osobennosti pravovogo statusa // Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. — 2021. — № 10. — S. 62–70.
8. Goncharova Ya. A. Problemy realizatsii i zashchity intellektualnykh prav na audiovizualnye proizvedeniya v seti Internet: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2018. — 241 s.
9. Dobryakova N. I. O nekotorykh voprosakh dogovornogo regulirovaniya sozdaniya uchebnykh proizvedeniy, predusmotrennykh chastyu chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa RF // Pravovye voprosy svyazi. — 2008. — № 1. — S. 16–19.
10. Dozortsev V. A. Pravo na film kak slozhnoe mnogoslnoye proizvedenie // Vestnik VAS RF. — 2000. — № 3. — S. 62–73.
11. Kalyatin V. O. Problemy opredeleniya sistemy pravoobladateley rezultatov intellektualnoy deyatel'nosti // Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2020. — № 8. — S. 35–48.
12. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (chasti chetvertoy) (postateyny) / otv. red. L. A. Trakhtengerts. — M.: Infra-M, Kontrakt, 2009. — 812 s.
13. Lidzheeva K. V. Osoboe pravovoe polozhenie avtorov i soavtorov v rossiyskom zakonodatel'stve // Vestnik Kalmytskogo universiteta. — 2012. — № 2 (14). — S. 140–144.
14. Martyanova E. Yu. Grazhdansko-pravovoy rezhim isklyuchitel'nogo avtorskogo prava, prinadlezhashchego neskolkim litsam: dis. ... kand. yurid. nauk. — Perm, 2019. — 224 s.
15. Rakhmatulina R. Sh. Problemy soavtorstva v avtorskom prave // Sovetnik yurista. — 2011. — № 9. — URL: <https://dis.ru/library/653/27488/> (data obrashcheniya: 20.06.2022).
16. Sergeev A. P. Pravo intellektualnoy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii. — M.: Prospekt, 2003. — 752 s.
17. Kharitonova Yu. S. Soglasenie o soavtorstve kak osnovanie samostoyatel'nogo vida kollektivnogo upravleniya isklyuchitel'nymi pravami // Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika. — 2008. — № 1. — S. 15–23.
18. Khokhlov V. A. Voprosy soavtorstva // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2010. — № 2. — S. 166–170.
19. Chumakov I. A. Ponyatie audiovizual'nogo proizvedeniya i otdelnye osobennosti ego pravovogo rezhima // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2019. — № 3. — T. 19. — S. 96–136.
20. Brehm W. Filmrecht. — Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft, 2008. — 440 S.

21. Brennecke H. Einführung ins Urheberrecht — 08 — Der Urheber // URL: https://www.brennecke-rechtsanwaelte.de/Einfuehrung-ins-Urheberrecht-08-Der-Urheber_199075 (data obrashcheniya: 20.06.2022).
22. Fromm F. K., Nordemann W., Vinck K., Hertin P.-W. Urheberrecht: Kommentar zum Urheberrechtsgesetz und zum Wahrnehmungsgesetz, mit den internationalen Abkommen und den Urheberrechtsgesetzen der DDR, Österreichs und der Schweiz. — Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz: Verlag W. Kohlhammer GmbH, 1973. — 680 S.
23. Haupt S., Marschke C. Urheberrecht für Autoren. Probleme des Urheberrechts bei wissenschaftlichen Publikationen // Zeitschrift für Germanistik. — Neue Folge. — 2005. — Vol. 15. — № 2. — S. 254–276.
24. Hoeren Th., Pinelli S. Miturheberschaft in der agilen Softwareentwicklung? // MultiMedia-Recht. — 2019. — № 12. — S. 779–783.
25. Koch U., Otto D., Rüdlin M. Recht für Grafiker und Webdesigner: Verträge, Schutz der kreativen Leistung, Selbstständigkeit, Versicherungen, Steuern. — Bonn: Galileo Press, 2010. — 417 S.
26. Lent W. Urheberrecht für Buchwissenschaftler: Studienbuch. — München: Universitätsbibliothek der Ludwig-Maximilians-Universität München, 2018. — 191 S.
27. Möhring Ph., Nicolini K. Urheberrechtsgesetz: Kommentar / Hrsg. von Käte Nicolini und Hartwig Ahlberg. — München: Vahlen, 2000. — 1307 S.
28. Otto D. Recht für Software- und Webentwickler. — Bonn: Galileo Press, 2007. — 478 S.
29. Solmecke Ch. Fotorecht. — Berlin: epubli GmbH Berlin, 2012. — 88 S.
30. Vedder M. Multimediarecht für die Hochschulpraxis: Ratgeber zum Urheberrecht, Patentrecht und Onlinerecht mit Verträgen, Verwertungsmodellen und Rechtemanagement. — Hagen: Centrum für eCompetence in Hochschulen NRW, 2004. — 289 S.
31. Wandtke A. Urheberrecht. — Berlin: De Gruyter Studium, 2010. — 496 S.

Просветительская деятельность: правовые и организационные аспекты

Аннотация. В статье представлены результаты исследования особенностей правового регулирования просветительской деятельности с учетом изменений, внесенных в 2021 г. в Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Данная статья представляет собой одно из первых в своем роде исследований темы, связанной с правовым регулированием просветительства как особого направления, имеющего значительные перспективы. Предшествующие исследования избранной темы касались многих вопросов, в частности организации правового просвещения, но данная статья содержит несколько принципиально новых подходов. В частности, обосновывается, что просветительская деятельность предполагает формирование просветительских правоотношений, связывающих организатора просветительской деятельности и просвещаемых. В рамках данных правоотношений просвещаемым со стороны организатора просветительской деятельности передается информация с соответствующими ограничениями. При этом само по себе содержание передаваемой информации зависит от специфики запроса той или иной группы потребителей, выделенной по социальным, возрастным, профессиональным, религиозным, территориальным и другим критериям. Значительное место в статье уделено исследованию соотношения просветительской и образовательной деятельности. В отличие от детально регламентированной образовательной деятельности, просветительская деятельность характеризуется значительно большей степенью свободы для участников и гибкостью с точки зрения организации. При этом сформировавшаяся на сегодняшний день система правового регулирования просветительской деятельности не лишена недостатков, что предполагает необходимость ее совершенствования.

Ключевые слова: просветительская деятельность; образовательные организации; просветительское правоотношение; организатор просветительской деятельности; информация; просвещение; участник просветительских отношений; просветительское мероприятие; просветительская программа; лектор; просвещаемые; предоставление информации.

Для цитирования: Чеха В. В. Просветительская деятельность: правовые и организационные аспекты // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 198–210. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.198-210.

© Чеха В. В., 2023

* Чеха Вадим Витальевич, доктор юридических наук, и. о. заведующего кафедрой образовательного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
tschecha77@list.ru

Educational Activities: Legal and Organizational Aspects

Vadim V. Chekha, Dr. Sci. (Law), Acting Head of the Department of Educational Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
tschecha77@list.ru

Abstract. The paper presents the results of a study of the features of the legal regulation of educational activities, taking into account the changes made in 2021 to the Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ «On Education in the Russian Federation». This paper is one of the first studies of its kind on a topic related to the legal regulation of educational activities as a special area with significant prospects. Previous studies of the chosen topic dealt with many issues, in particular the organization of legal education, but this paper contains several fundamentally new approaches. In particular, it is substantiated that educational activities involve the formation of educational legal relations that connect the provider of educational activities and those who are educated. Within the framework of these legal relations, a provider transmits information to those educated with specific restrictions. At the same time, the content of the transmitted information itself depends on the specifics of the request of a particular group of consumers, identified according to social, age, professional, religious, territorial and other criteria. A significant place in the paper is given to the study of the relationship between educational activities and learning activities. Unlike highly regulated learning activities, educational activities are characterized by a much greater degree of freedom for participants and flexibility in terms of organization. At the same time, the system of legal regulation of educational activities that has been formed today is not without flaws, which suggests the need to improve it.

Keywords: educational activity; educational organizations; educational relationship; educational activities provider; information; education; participant of educational relations; educational event; educational program; lecturer; educated; information provision.

Cite as: Chekha VV. Prosveditel'skaya deyatel'nost': pravovye i organizatsionnye aspekty [Educational Activities: Legal and Organizational Aspects]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(1):198-210. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.198-210. (In Russ., abstract in Eng.).

1. Общие положения

В 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 05.04.2021 № 85-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”»¹. В связи с этим в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»² появились нормы, касающиеся просветительской деятель-

ности. Среди принципиально важных новаций следует отметить включение положений, определяющих само понятие «просветительская деятельность» и устанавливающих общие требования к осуществлению данной деятельности³.

Исходя из содержания вышеуказанных изменений, возможно сформулировать признаки просветительства как особого рода деятельности:

¹ СЗ РФ. 2021. № 15 (ч. 1). Ст. 2452.

² СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

³ При этом Федеральный закон от 05.04.2021 № 85-ФЗ также предполагал введение новой процедуры — выдачи заключений уполномоченными органами организациям, входящим в систему образования, при заключении ими договоров по вопросам образования с иностранными организациями и гражданами. Эта процедура содержательно не связана напрямую с регулированием понятия и требований к просветительской деятельности в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации». Однако, по нашему мнению, очевидна смысловая связь между положениями, регламентирующими данную процедуру, и нормами, регулирующими просветительскую деятельность как таковую.

- указанная деятельность осуществляется вне рамок образовательных программ;
- деятельность направлена на распространение знаний, опыта, формирование умений, навыков, ценностных установок, компетенций;
- деятельность осуществляется в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов;
- деятельность должна затрагивать отношения, регулируемые Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В соответствии с указанными изменениями было принято постановление Правительства РФ от 01.07.2022 № 1195 «Об утверждении Правил осуществления просветительской деятельности»⁴, в котором были отражены порядок, условия и формы осуществления просветительской деятельности. Таким образом, возможно говорить о сформированном на сегодняшний день комплексе норм, направленных на регулирование просветительской деятельности в России.

При этом нельзя говорить о том, что просветительская деятельность представляет собой абсолютно новую для российского законодательства сферу регулирования. Так, к моменту принятия рассматриваемых изменений уже сформировался определенный опыт правового регулирования просветительской деятельности

в сфере экологии⁵. Более того, с момента принятия Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» образовательным организациям было предоставлено право вести просветительскую деятельность, наряду с консультационной деятельностью и другими видами, не противоречащими целям создания образовательной организации (ч. 5 ст. 28).

Таким образом, просветительская деятельность имеет десятилетнюю историю правового регулирования. Однако именно после принятия вышеуказанных изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и Правил осуществления просветительской деятельности возможно говорить о формировании относительно завершенной системы ее правового регулирования.

2. Просветительская деятельность: научное осмысление темы

Правовое регулирование просветительства как особого механизма решения проблем в общественной сфере на данный момент не получило должного научного освещения. Вместе с тем термин «просветительская деятельность» коррелирует с понятием «просвещение», которое, в свою очередь, имеет весьма широкое распространение в сфере научных исследований.

В настоящее время резко повысилось внимание исследователей к деятелям эпохи Просвещения⁶. Термин «просвещение» имеет

Возможно предположить, что все положения рассматриваемого закона объединены общим замыслом недопущения реализации в образовательных организациях какой-либо противоправной деятельности, в том числе деятельности, маскирующейся под просветительскую, и (или) деятельности, инспирированной из-за границы с неблагоприятными целями. Возможно также предположить, что к числу договоров, регламентирующих международное сотрудничество в сфере образования, для заключения которых необходимы указанные выше заключения, также могут относиться договоры, регулирующие просветительскую деятельность образовательных организаций.

⁴ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. 04.07.2022.

⁵ Подтверждением этого является пп. «г» ст. 7 Федерального закона от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (СЗ РФ. 1995. № 12. Ст. 1024), согласно которому к числу задач государственных природных заповедников относится «экологическое просвещение и развитие познавательного туризма».

⁶ См., например: *Ойттинен В.* Двухликое Просвещение? Концепция Просвещения Джонатана Израэля // *Vox. Электронный философский журнал*. 2017. Вып. 23. С. 1–10. URL: <https://vox-journal.org/content/Vox%2023/Vox23-OittinenV-Auf.pdf>.

многозначное толкование и рассматривается как «распространение знаний, образования, культуры». Кроме того, данный термин может определяться как «система воспитательно-образовательных мероприятий и учреждений», а также как «идейное течение эпохи перехода от феодализма к капитализму, связанное с борьбой нарождавшейся буржуазии против феодализма, характеризующееся гуманистическим мировоззрением, требований распространения знаний, обоснованием естественного равенства людей»⁷. В то же время при определении понятия «просветительство» акцент делается на то, что это «деятельность просветителей»⁸.

Таким образом, «просветительство» представляет собой более однозначное и предметное понятие, которое акцентируется на осуществлении деятельности. В этом смысле просветительская деятельность и ее правовое регулирование выступает отдельным, специфическим объектом научного исследования.

Тем не менее просветительская деятельность тесно связана с просвещением как особой эпохой в истории общественной мысли, которая, по сути, и сформировала базовые содержательные основы данной деятельности. Джоэль Мокир приводит пример, показывающий, как расширение доступа к знаниям в Европе в XVIII в. приводило к развитию, оттачиванию и усовершенствованию

технологий, что, в свою очередь, способствовало возникновению и укреплению индустриального уклада в экономике⁹. Таким образом, эпоха Просвещения создала предпосылки для развития просветительской деятельности как механизма реализации общественных интересов.

В России понятие «просвещение» традиционно связывается со сферой образования¹⁰. Это обстоятельство влияет и на изучение просветительской деятельности. Как правило, просветительство исследуется в корреляции с вопросами образования. В частности, в ряде работ отмечается роль университетов в просветительской деятельности с учетом истории их стихийного возникновения как сообщества студентов и профессоров¹¹. Особо следует отметить рассмотрение просветительства в СССР в контексте деятельности советского общества «Знание»¹².

Одно из направлений исследований — просветительская деятельность в сфере культуры, которая согласно одному из определений рассматривается как «активная деятельность, направленная на трансляцию социокультурного опыта, базирующегося на ценностно-смысловых основаниях, традиционных для российского социума»¹³. В рамках данной тенденции ученых интересуют отдельные содержательные аспекты просветительской деятельности, в частности музыкальное просветительство¹⁴.

⁷ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?bts=x&word=просвещение> (дата обращения: 11.09.2022).

⁸ Большой толковый словарь русского языка. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?bts=x&word=просветительство> (дата обращения: 11.09.2022).

⁹ Мокир Дж. Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний / пер. с англ. Н. Эдельмана ; под ред. М. Ивановой. М. : Изд. Института Гайдара, 2012. С. 53.

¹⁰ Асоян Ю. А. «Сумерки просвещения»: как в России просвещение было переименовано в культуру // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2009. № 15. С. 11–24.

¹¹ Ключарёв Г. А. Интернет-образование и будущее просветительского проекта // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 2 (6). С. 47.

¹² См., например: Пинаева Д. А. «Помни: нужно много знать, чтобы стране полезным стать!»: о некоторых проблемах популяризации науки в СССР (на примере деятельности Всесоюзного общества «Знание») // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 108–118.

¹³ Стеценко В. В. Разработка и внедрение технологий культурного просветительства в контексте государственной культурной политики: смысловые ориентиры и приоритетные направления // Коммуникология. 2021. Т. 9. № 2. С. 71.

¹⁴ Путишко Л. А. Музыкальное просветительство в современной отечественной культуре // Вопросы культурологии. 2009. № 6. С. 69–72.

В юридической науке всё более заметен акцент на вопросах правового просвещения, в частности антикоррупционного просвещения¹⁵. Характерно, что антикоррупционное просвещение понимается как важнейший механизм, обеспечивающий противодействие коррупции в образовательной сфере¹⁶. Значимым фактором постепенно становятся исследования в сфере новых направлений юридической науки, связанных с просветительством¹⁷.

Тем не менее в настоящее время ощущается недостаток научных исследований, касающихся правового регулирования просветительской деятельности в целом. Вышеуказанные нововведения в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» предполагают, что просветительская деятельность представляет собой механизм решения проблем в общественной сфере, который имеет значительные перспективы и огромный потенциал, востребованный в новых условиях, в том числе в связи с резко обострившейся геополитической обстановкой. Это предопределяет необходимость дальнейших научных исследований просветительской деятельности, в том числе в части ее правового регулирования.

3. Просветительское правоотношение: характерные черты

Просветительская деятельность предполагает взаимосвязь как минимум двух субъектов. Из

части 1 ст. 12.2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», п. 3 Правил осуществления просветительской деятельности следует, что один из этих субъектов именуется «организатором просветительской деятельности»¹⁸. Таким образом, данные нормы направлены на регулирование отношений, которые связывают как минимум организатора просветительской деятельности и просвещаемых. Будучи урегулированными нормами права, эти отношения, как и любые иные общественные отношения, не утрачивают своей природы, характера и не теряют изначальных свойств, но приобретают новую форму правоотношений¹⁹.

Полагаем, что в основу методологии исследований общественных отношений должен быть положен тезис Георга Гегеля о непосредственном отношении как отношении целого и частей, в котором части отличны друга от друга и самостоятельны и при этом представляют собой части только в их тождественном отношении друг с другом²⁰. Организатор просветительской деятельности и просвещаемые обретают свой статус при взаимодействии друг с другом. Такого рода взаимодействие определяет содержание просветительской деятельности.

По сути, к числу организаторов просветительской деятельности может относиться любое юридическое или физическое лицо, обладающее дееспособностью и реализующее соответствующие программы и проекты. Для некоторых организаций просветительская деятельность уже сегодня является одним из основных на-

¹⁵ См.: Трунцевский Ю. В. О профессионализации антикоррупционного просвещения // Юридическое образование и наука. 2020. № 4. С. 22–29.

¹⁶ Подробнее об этом: Поляков М. М., Садамова С. Я. Коррупция в сфере науки и образования: нормативно-правовые основы противодействия // Государство и право. 2021. № 4. С. 114–119.

¹⁷ В качестве примера возможно привести статью: Воронин М. В., Сахипгареева А. Р. Деятельность акторов генетико-правового просвещения: теория и практика // Вестник Московского университета. 2021. № 6. С. 102–111.

¹⁸ Согласно п. 3 Правил осуществления просветительской деятельности в качестве организаторов просветительской деятельности могут выступать: органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления, уполномоченные ими организации, а также физические лица, индивидуальные предприниматели и (или) юридические лица.

¹⁹ Подробнее о применимой в данном случае характеристике правоотношений см.: Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права : учебник : в 2 т. М. : Проспект, 2015. С. 599.

²⁰ Гегель Г. В. Ф. Логика [пер. с нем. Н. Дебольского]. М. : АСТ, 2022. С. 284.

правлений работы²¹. Важно отметить, что образовательные организации, организации культуры являются наиболее подготовленными для просветительской деятельности субъектами. В частности, они обладают кадровым потенциалом, организационными и материальными возможностями для осуществления такого рода деятельности, включая помещения, сайты в сети «Интернет», подготовленных работников.

Другой стороной просветительского правоотношения выступают просвещаемые, то есть потребители информации, передаваемой в рамках данного правоотношения²². В качестве таковых выступают физические лица, обладающие способностью воспринимать передаваемую информацию.

Из пункта 5 Правил осуществления просветительской деятельности, в котором установлены формы просветительской деятельности²³, следует, что основное содержание просветительской деятельности состоит в передаче информации от организатора просветительской деятельности к просвещаемым — потребителям данной информации²⁴.

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²⁵ в ст. 2 определяет информацию как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления». Данный закон содержит два определения, обозначающих действия по передаче информации: «предоставление информации» и «распространение информации». Очевидно, что в приме-

нении к просветительским правоотношениям речь может идти именно о процессе «предоставления информации», то есть о действиях, направленных на получение информации определенным кругом лиц или передачу информации определенному кругу лиц. Такого рода предоставление информации является функцией организатора просветительской деятельности.

Распространение информации как действие, направленное на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц, не подходит для характеристики содержания просветительских правоотношений прежде всего в силу того, что передаваемая в рамках просветительской деятельности информация предполагает необходимость ее формирования, систематизации и совершения других действий по ее обработке и подготовке к передаче. Причем эта информация должна иметь какую-либо первооснову, в качестве которой выступают данные. В литературе отмечается, что данные преобразуются в информацию посредством различных способов, к которым относятся контекстуализация, категоризация, вычисляемость, корректировка, сжатие²⁶.

Таким образом, для формирования просветительского правоотношения исходные данные должны быть преобразованы в информацию. Подобное преобразование позволяет обеспечить последующее использование информации в рамках просветительских правоотношений.

Однако преобразование зависит от содержания запроса со стороны потребителей информа-

²¹ Так, например, согласно ст. 27 Федерального закона от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2591) одной из целей создания музеев в Российской Федерации является осуществление просветительской деятельности.

²² На наш взгляд, может использоваться также понятие «слушатели».

²³ К числу форм относятся: лекции, презентации, семинары, мастер-классы, круглые столы, дискуссии и иные формы, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

²⁴ Полагаем, что в качестве термина, обозначающего «материальное выражение» указанной информации, более всего подходит понятие «просветительские материалы». В меньшей степени подходит понятие «просветительские продукты». В рамках просветительских отношений функция организатора просветительской деятельности включает формирование и представление просветительских материалов в рамках установленных форм просветительской деятельности.

²⁵ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

²⁶ Подробнее об этом: Тузовский А. Ф., Чириков С. В., Ямпольский В. З. Системы управления знаниями (методы и технологии) / под общ. ред. В. З. Ямпольского. Томск : Изд-во НТЛ, 2005. С. 10.

ции — просвещаемых, который и предопределяет содержание информации. Просвещаемые могут воспринимать только ту информацию, которая им интересна и (или) необходима. Следовательно, содержание запроса предопределяется спецификой той или иной группы просвещаемых, выделенной по социальным, возрастным, профессиональным, религиозным, территориальным и другим критериям, которые обуславливают интерес к передаваемой информации.

На информацию, передаваемую в рамках просветительского отношения, распространяются все ограничения, установленные Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²⁷. В части 2 ст. 12.2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» установлены, с одной стороны, более конкретизированные, с другой стороны — более расширенные требования к содержанию информации, передаваемой в рамках просветительских отношений²⁸. Обязанность соблюдения этих требований ложится на организатора просветительской деятельности.

Другое требование к содержанию информации, передаваемой в рамках просветительских

отношений, отражающее условный позитивный контекст, содержится в п. 4 Правил осуществления просветительской деятельности. Согласно ему, содержание просветительской деятельности должно:

- содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности;

- учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права на свободный выбор мнений и убеждений;

- обеспечивать развитие способностей человека, формирование и развитие его личности в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями²⁹ и требованиями законодательства Российской Федерации.

Специфика той или иной сферы может предполагать также иные, дополнительные к вышеизложенным требования к передаваемой информации. С учетом сказанного возможно сделать вывод о том, что в настоящее время система регулирования просветительской деятельности включает нормы, закрепляющие предельно общие требования к организатору

²⁷ В качестве примера возможно привести такое требование, как запрет на распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность (ч. 6 ст. 10 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

²⁸ Согласно данным требованиям «не допускается использование просветительской деятельности для разжигания социальной, расовой, национальной или религиозной розни, для агитации, пропагандирующей исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, их отношения к религии, в том числе посредством сообщения недостоверных сведений об исторических, о национальных, религиозных и культурных традициях народов, а также для побуждения к действиям, противоречащим Конституции Российской Федерации».

²⁹ Определение «традиционных российских духовно-нравственных ценностей» содержится в п. 91 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 (СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351). Согласно ему к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся прежде всего: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

просветительской деятельности и обязывающие его соблюдать установленные требования к передаваемой информации. При этом статус просвещаемых не регулируется.

Последнее обстоятельство методологически возможно обосновать несимметричностью самих просветительских правоотношений. По сути, просветительское отношение возможно охарактеризовать как разновидность информационного отношения, которое связано с поиском, получением, передачей, производством, распространением, преобразованием и потреблением информации³⁰. В такого рода отношениях «производящий и передающий информацию должен рассматриваться в качестве ведущей стороны инфовзаимодействия, потребляющий же ее может быть обозначен как активная, но не ведущая сторона процесса»³¹.

В отличие от детально регламентированной образовательной деятельности просветительская деятельность характеризуется большей гибкостью и не предполагает необходимость несения затрат, связанных, например, с получением лицензии. Соответственно, организаторами просветительской деятельности могут выступать самые разнообразные лица, вне зависимости от статуса, формы собственности. Просветительская деятельность также не предполагает обязательности наличия у организатора и других участников какой-либо учебной документации, в частности образовательных программ. Естественно, что просветительские отношения не предполагают обязательной выдачи просвещаемым какого-либо документа, аналогичного документу об образовании.

Вместе с тем организация просветительской деятельности может предполагать использование определенного рода методических поня-

тий³². К их числу возможно отнести просветительское мероприятие. Формы просветительской деятельности: лекции, презентации, семинары, мастер-классы, круглые столы, дискуссии и иные, по сути, являются наименованиями просветительских мероприятий.

В таком контексте просветительское мероприятие возможно определить как «специально организованное событие, направленное на содействие взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами, реализации права на свободный выбор мнений и убеждений, обеспечение развития способностей человека, формирование и развитие его личности в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями и требованиями законодательства Российской Федерации, предполагающее предоставление соответствующей информации просвещаемым, сформированной в соответствии с запросами последних».

Просветительское мероприятие предполагает необходимость предварительной подготовки и планирования. В связи с этим просветительские отношения могут также предполагать использование организатором просветительской деятельности просветительской программы, которая позволит запланировать и качественно провести просветительское мероприятие (мероприятия). Такая программа может использоваться в образовательной организации, учреждении культуры и в других организациях, осуществляющих просветительскую деятельность.

В связи с этим предлагаем определить просветительскую программу как «план просветительской деятельности, содержащий перечень просветительских мероприятий и работ, связанных с обеспечением проведения данных мероприятий, и сроки их проведения». Про-

³⁰ Городов О. А. Основы информационного права России : учебное пособие. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. С. 45.

³¹ Коган В. З. Человек в потоке информации. Новосибирск : Наука, 1981. С. 51.

³² Заслуживает также внимания Модельный закон «О просветительской деятельности», принятый Межпарламентской ассамблеей государств — участников СНГ в 2016 г. (Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2016. № 65 (ч. 1)), который содержит определения основных понятий, характеризующих просветительскую деятельность, и в связи с этим фактически может использоваться также в качестве методического пособия при организации просветительской деятельности.

светительская программа, сформированная в учреждении культуры, образования и других, выступающих в качестве организатора просветительской деятельности, может иметь вид регламентированного по оформлению и статусу документа (презентации, текста) и включать в себя не только просветительские мероприятия, но и различные виды обеспечивающих работ, включая, например, работу по формированию материалов, необходимых для просветительской деятельности.

4. Проблемы и предложения в сфере правового регулирования просветительской деятельности

К числу проблем регулирования просветительской деятельности в первую очередь следует отнести то, что просветительские отношения выходят за пределы предмета регулирования Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». При этом определение просветительской деятельности, равно как и требования к ней, сформулированы как универсальные, потенциально применимые не только к образованию, но и к другим отраслям и сферам³³.

Возникает очевидное несоответствие запроса на регулирование просветительских отношений и статуса Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», который является на сегодняшний день основным нормативным правовым актом, устанавливающим

основы правового регулирования просветительской деятельности в России в целом.

Используемое при определении просветительской деятельности в пп. 35 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» словосочетание «затрагивающая отношения, регулируемые... иными нормативными правовыми актами Российской Федерации» также следует признать не вполне приемлемым. Если под иными нормативными правовыми актами имелись в виду акты, регулирующие отношения в сфере образования, то возникает вопрос о том, почему речь идет только о нормативных правовых актах Российской Федерации, в то время как отношения в сфере образования, исходя из ч. 1 ст. 4 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», регулируются также законами, иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Термин «деятельность, затрагивающая отношения» тоже нельзя признать удачным. Понятие «затрагивать» определяется как «касаться кого-либо, чего-либо, задевать, иметь отношение к кому-либо, чему-либо, быть связанным с кем-либо, чем-либо»³⁴. В таком контексте к затрагивающим отношения в сфере образования возможно отнести слишком широкий круг отношений, которые могут вообще не включать образовательные организации в качестве непосредственных участников.

Требуется дальнейшей корректировки статус организатора просветительской деятельности.

³³ То, что просветительская деятельность очевидно выходит за рамки предмета, регулируемого Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», следует также из некоторых нормативных правовых актов, в частности из приказа Минздравсоцразвития РФ от 30.03.2011 № 251н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников культуры, искусства и кинематографии»» (Российская газета. 04.07.2008. № 143). Данный справочник предусматривает, например, квалификационные характеристики по должности «методист по научно-просветительской деятельности музея». К числу должностных обязанностей указанного работника относится и руководство подготовкой экскурсоводов по всем видам научно-просветительской деятельности музея: экскурсии, лекции, авторские программы, консультации по экспозициям, культурно-просветительские акции, студенческие стажировки. Как видим, просветительская деятельность регламентируется также нормативными правовыми актами в сфере культуры, а также нормативными актами в других областях, например в сфере экологии.

³⁴ Толковый словарь Ефремовой // Сайт «Словари и энциклопедии». URL: <https://endic.ru/efremova/Zatragivat-28449.html> (дата обращения: 01.07.2022).

Функция организатора деятельности по предоставлению информации, как правило, включает обеспечение, создание необходимых условий, предоставление ресурсов. Это подтверждается нормой ч. 1 ст. 10.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которой организатором распространения информации в сети «Интернет» является лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети «Интернет».

Какая-либо организация, орган власти могут выступать организаторами просветительской деятельности, но также могут непосредственно осуществлять просветительскую деятельность, например размещая соответствующую информацию на своем сайте в сети «Интернет».

Очевидно, что функция организатора просветительской деятельности может предполагать участие лица, выполняющего функции непосредственного распространителя (транслятора) информации, передаваемой в рамках просветительских правоотношений. В качестве такового может выступать, например, педагогический работник, работник музея или иное физическое лицо — ведущий семинара, автор просветительского материала и т.д. Это лицо не обязательно должно быть связано с организа-

тором просветительской деятельности именно трудовыми отношениями.

В отличие, например, от образовательной, просветительская деятельность не предполагает необходимости соответствия указанных лиц квалификационным требованиям и (или) профессиональным стандартам. Соответственно, данные лица обладают значительно большей свободой действий как в части переработки информации, так и в части использования разных механизмов ее предоставления³⁵.

Из этого следует необходимость разделения функций организатора просветительской деятельности и лиц, обеспечивающих непосредственную передачу информации просвещаемым, которых мы предлагаем именовать лекторами³⁶. Важно отметить, что вышесказанное не отменяет необходимости наличия у лекторов в ряде случаев соответствующей подготовки, особенно когда в качестве просвещаемых выступают профессионалы, занятые в различных сферах экономики, публичного управления³⁷.

Очевидно также, что просветительские отношения предполагают значительно более сложный состав участников, помимо организатора и просвещаемых. Так, в литературе при характеристике коммуникативной системы просветительства выделяются такие субъекты, как: заказчик просветительских услуг (государство, корпорация и т.п.), донор (фонд, грантооператор), исполнитель (ПНКО), конечный потребитель (граждане)³⁸.

³⁵ Это обстоятельство также предполагает необходимость какого-либо минимального контроля в отношении таких лиц.

³⁶ Данный термин широко использовался в советский период в отношении такого рода трансляторов информации в рамках деятельности общества «Знание». См., например: Указ Президиума ВС РСФСР от 19.10.1978 «О распространении на лекторов действия Указа Президиума Верховного Совета РСФСР “Об установлении почетного звания заслуженного работника культуры РСФСР”» // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 43. Ст. 1142 (документ утратил силу на территории Российской Федерации с 1 апреля 1996 г.). В современных условиях указанный термин может иметь более широкое толкование, чем «ведущий лекции».

³⁷ В качестве примера возможно привести специализированное антикоррупционное просвещение, предполагающее наличие юридических знаний по специализированному направлению (см.: Антикоррупционное просвещение в Российской Федерации : научно-практическое пособие / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Проспект, 2022. С. 28).

³⁸ Максименко А. А., Данилов В. Н. Просветительство в современной России: проблемы и вызовы. Кострома : Костромская областная общественно-просветительно-образовательная организация «Знание», 2017. С. 29.

Наиболее целесообразным в этом смысле является введение в систему правового регулирования просветительской деятельности категории «участник просветительской деятельности». К их числу могут относиться не только просвещаемые, но и лица, содействующие просветительской деятельности, в том числе посредством выделения финансирования, разработки просветительских материалов, а также работники организаций, непосредственно передающие информацию просвещаемым, и другие лица.

Очевидно, что общественные интересы не предполагают необходимости максимально полного, тотального или всеобщего регулирования просветительской деятельности. Определяющим является тезис о том, что просветитель-

ская деятельность по своей природе не должна быть зарегулированной, к ней совершенно точно не должно быть больше требований, чем к образовательной деятельности. Регулирование должно касаться исключительно вопросов обеспечения безопасности просветительской деятельности в части недопустимости экстремизма, терроризма и др.³⁹

Тем не менее перспективы предполагают также необходимость дальнейшего развития системы регулирования просветительских отношений, в частности включения норм, регламентирующих статус участников просветительской деятельности, а также норм, регламентирующих организацию финансирования просветительской деятельности различных организаций.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антикоррупционное просвещение в Российской Федерации : научно-практическое пособие / отв. ред. Т. Я. Хабриева. — М. : Проспект, 2022. — 144 с.
2. Асоян Ю. А. «Сумерки просвещения»: как в России просвещение было переименовано в культуру // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». — 2009. — № 15. — С. 11–24.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб., 1998.
4. Воронин М. В., Сахипгареева А. Р. Деятельность акторов генетико-правового просвещения: теория и практика // Вестник Московского университета. — 2021. — № 6. — С. 102–111.
5. Гегель Г. В. Ф. Логика [пер. с нем. Н. Дебольского]. — М. : АСТ, 2022. — 448 с.
6. Глебова Л., Шаблинский И., Поваляев М., Маковецкая С., Рассказова Н., Бевзенко Р. Просвещение: нужно ли регулировать? // Закон. — 2021. — № 6. — С. 27–34.
7. Городов О. А. Основы информационного права России : учебное пособие. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. — 305 с.
8. Коган В. З. Человек в потоке информации. — Новосибирск : Наука, 1981. — 176 с.
9. Максименко А. А., Данилов В. Н. Просветительство в современной России: проблемы и вызовы. — Кострома : Костромская областная общественно-просветительно-образовательная организация «Знание», 2017. — 144 с.
10. Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права : учебник : в 2 т. — М. : Проспект, 2015. — 648 с.
11. Мокир Дж. Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний / пер. с англ. Н. Эдельмана ; под ред. М. Ивановой. — М. : Изд. Института Гайдара, 2012. — 408 с.
12. Ойттинен В. Двухликое Просвещение? Концепция Просвещения Джонатана Израэля // Vox. Электронный философский журнал. — 2017. — Вып. 23. — С. 1–10. — URL: <https://vox-journal.org/content/Vox%2023/Vox23-OittinenV-Auf.pdf>.

³⁹ Подробнее об этом: Глебова Л., Шаблинский И., Поваляев М., Маковецкая С., Рассказова Н., Бевзенко Р. Просвещение: нужно ли регулировать? // Закон. 2021. № 6. С. 27–34.

13. Пинаева Д. А. «Помни: нужно много знать, чтобы стране полезным стать!»: о некоторых проблемах популяризации науки в СССР (на примере деятельности Всесоюзного общества «Знание») // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 420. — С. 108–118.
14. Поляков М. М., Садамова С. Я. Коррупция в сфере науки и образования: нормативно-правовые основы противодействия // Государство и право. — 2021. — № 4. — С. 114–119.
15. Птушко Л. А. Музыкальное просветительство в современной отечественной культуре // Вопросы культурологии. — 2009. — № 6. — С. 69–72.
16. Стеценко В. В. Разработка и внедрение технологий культурного просветительства в контексте государственной культурной политики: смысловые ориентиры и приоритетные направления // Коммунология. — 2021. — Т. 9. — № 2. — С. 71–79.
17. Толковый словарь Ефремовой // Сайт «Словари и энциклопедии». — URL: <https://endic.ru/efremova/Zatragivat-28449.html> (дата доступа 01.07.2022).
18. Трунцевский Ю. В. О профессионализации антикоррупционного просвещения // Юридическое образование и наука. — 2020. — № 4. — С. 22–29.
19. Экономика знаний : учебник / под ред. Н. В. Лукашова. — М. : Проспект, 2021. — 368 с.

Материал поступил в редакцию 22 сентября 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antikorrupsionnoe prosveshchenie v Rossiyskoy Federatsii: nauchno-prakticheskoe posobie / otv. red. T. Ya. Khabrieva. — М.: Проспект, 2022. — 144 с.
2. Asoyan Yu. A. «Sumerki prosveshcheniya»: kak v Rossii prosveshchenie bylo pereimenovano v kulturu // Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedenie». — 2009. — № 15. — С. 11–24.
3. Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb., 1998.
4. Voronin M. V., Sakhipgareeva A. R. Deyatel'nost' aktorov genetiko-pravovogo prosveshcheniya: teoriya i praktika // Vestnik Moskovskogo universiteta. — 2021. — № 6. — С. 102–111.
5. Gegel G. V. F. Logika [per. s nem. N. Debolskogo]. — М.: AST, 2022. — 448 с.
6. Glebova L., Shablinskiy I., Povalyaev M., Makovetskaya S., Rasskazova N., Bevzenko R. Prosveshchenie: nuzhno li regulirovat? // Zakon. — 2021. — № 6. — С. 27–34.
7. Gorodov O. A. Osnovy informatsionnogo prava Rossii: uchebnoe posobie. — SPb.: Yuridicheskij tsentr-Press, 2003. — 305 с.
8. Kogan V. Z. Chelovek v potoke informatsii. — Novosibirsk: Nauka, 1981. — 176 с.
9. Maksimenko A. A., Danilov V. N. Prosveshchenie v sovremennoy Rossii: problemy i vyzovy. — Kostroma: Kostromskaya oblastnaya obshchestvenno-prosvetitel'sko-obuchayushchaya organizatsiya «Znanie», 2017. — 144 с.
10. Marchenko M. N. Problemy obshchey teorii gosudarstva i prava: uchebnyk: v 2 t. — М.: Проспект, 2015. — 648 с.
11. Mokir Dzh. Dary Afiny. Istoricheskie istoki ekonomiki znaniy / per. s angl. N. Edelmana; pod red. M. Ivanovoy. — М.: Izd. Instituta Gaydara, 2012. — 408 с.
12. Oyttinen V. Dvulikoe Prosveshchenie? Kontseptsiya Prosveshcheniya Dzhonatana Izraelya // Vox. Elektronnyy filosofskiy zhurnal. — 2017. — Vyp. 23. — С. 1–10. — URL: <https://vox-journal.org/content/Vox%2023/Vox23-OittinenV-Auf.pdf>.
13. Pinaeva D. A. «Pomni: nuzhno mnogo znat, chtoby strane poleznym stat!»: o nekotorykh problemakh populyarizatsii nauki v SSSR (na primere deyatel'nosti Vsesoyuznogo obshchestva «Znanie») // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2017. — № 420. — С. 108–118.

14. Polyakov M. M., Sadamova S. Ya. Korruptsiya v sfere nauki i obrazovaniya: normativno-pravovye osnovy protivodeystviya // Gosudarstvo i pravo. — 2021. — № 4. — S. 114–119.
15. Ptushko L. A. Muzykalnoe prosvetitelstvo v sovremennoy otechestvennoy kulture // Voprosy kulturologii. — 2009. — № 6. — S. 69–72.
16. Stetsenko V. V. Razrabotka i vnedrenie tekhnologiy kulturnogo prosvetitelstva v kontekste gosudarstvennoy kulturnoy politiki: smyslovye orientiry i prioritetye napravleniya // Kommunikologiya. — 2021. — Т. 9. — № 2. — S. 71–79.
17. Tolkovyy slovar Efremovoy // Sayt «Slovari i entsiklopedii». — URL: <https://endic.ru/efremova/Zatravigat-28449.html> (data dostupa 01.07.2022).
18. Truntsevskiy Yu. V. O professionalizatsii antikorrupcionnogo prosveshcheniya // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. — 2020. — № 4. — S. 22–29.
19. Ekonomika znaniy: uchebnik / pod red. N. V. Lukashova. — M.: Prospekt, 2021. — 368 s.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

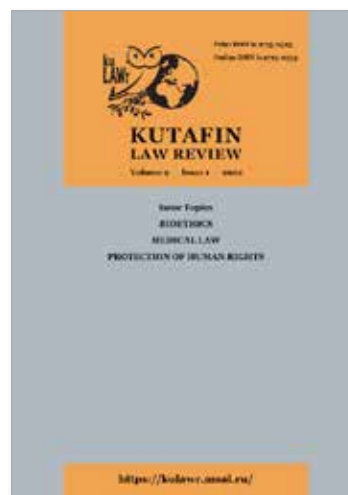
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 18 № 1 (146) январь 2023

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002